

11847
ВАЛЕРИЙ ЧАЛИДЗЕ

УГОЛОВНАЯ РОССИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"

Нью Йорк 1977

CRIMINAL RUSSIA
by **VALERY CHALIDZE**

Copyright © 1977 by Valery Chalidze
All rights reserved

KHRONIKA PRESS
505 Eighth Avenue, New York, N.Y. 10018
Manufactured in USA

Замечательному русскому адвокату,

другу моему

Софье Васильевне Каллистратовой

посвящаю

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7	
Вступление		
Русская уголовная традиция	13	
Советская уголовная традиция	37	
Часть 1. Воровской мир как социальный институт . .		51
Артели	55	
Воровская артель	63	
Воровской закон	71	
Блатная музыка	87	
Эстетика воровской жизни	100	
Упадок воровского мира	115	
Часть 2.		
Хулиганство	123	
Хулиганство по аналогии (радиохулиганство) . .	149	
Убийство	157	
Специальные случаи посягательства на жизнь:		
людоедство, жертвоприношения, убийство колдунов и ведьм, кровная месть, убийство по просьбе потер- певшего, убийство на дуэли, убийство за вознагра- ждение, проигрывание человека, детоубийство и убийство детей, посягательство на жизнь челове- ческого плода, самоубийство, превышение преде- лов необходимой обороны	175	
Половые преступления		
изнасилование, половое сношение с лицом, не дос- тигшим половой зрелости, развратные действия в отношении несовершеннолетних, понуждение жен- щины к половой связи, мужеложство	210	

Взятничество	230
Частное предпринимательство	
запрещенные промыслы, спекуляция, частнопредпри- нимательская деятельность, скармливание хлеба скоту	246
Хищения социалистического имущества	291
Заключение	
Статистический детектив	304
Надежды	314
Приложения	
О независимости советского суда	331
Словарь воровского жаргона	345
Библиография	375

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема этих очерков и столь обширна, и столь экзотична, что весьма мала надежда на сколько-нибудь полное освещение ее в сочинении одного автора. Оттого и спешу предупредить читателя, что книга эта не есть попытка цельного рассказа о проблеме преступности в России; это всего лишь отдельные очерки по темам, мне более других интересным.

Быть может, когда -нибудь будет опубликовано больше мемуаров бывших заключенных и даже мемуаров деятелей уголовного мира и деятелей советской карательной системы, так что исследователю будет легче обнаружить преувеличения или недомолвки в подобных сочинениях. Покамест мне пришлось использовать лишь некоторые заслуживающие доверия мемуары, собственные воспоминания об общении со сведущими лицами в России, опубликованные тексты законов и судебных актов, советские юридические и социологические публикации.*

Я не имею официальных сведений о том, каков уровень преступности в СССР, но сомневаюсь, чтобы он был утешительно мал. Слишком заманчиво было бы для властей в этом случае опубликовать статистику преступности, показав тем самым, что социализм и в этой области добился больших успехов. Между тем, такая статистика засекречена, в работах юристов и социологов публикуются лишь относительные цифры: нам сообщают, например, что в 1964 году преступность была ниже, чем в 1940 году²⁹ и что в 1955 году преступность понизилась по сравнению

* Сбор материалов для этой книги был практически закончен в начале 1975 г., так что литература более поздняя почти не использована мной.

с 1928 годом²⁶, и тому подобные утешительные загадки. В главе "Статистический детектив" я обсуждаю попытку прийти к заключению о том, как много в Советском Союзе совершается преступлений.

Известно, что мечтой советских пропагандистов и криминологов является полная ликвидация преступности. Это не просто мечта, это — доктрина в области карательной политики, и эта доктрина влияет на многие практические мероприятия. Увы, даже если бы эта мечта вдруг осуществилась, то лишь на миг: какой-нибудь новый закон объявил бы преступным какое-либо обычное действие людей, которое ранее было разрешенным. Советский законодатель не считает себя связанным какими-либо общечеловеческими представлениями о том, что является уголовно наказуемым деянием. Самые обычные действия людей, осуществление ими своих элементарных человеческих прав могут быть вдруг по каким-то глубоким государственным соображениям объявлены уголовным преступлением. За полвека советской истории примеров тому очень много. Есть и недавние примеры. В 1963 году, например, вдруг оказалось, что если человек законно владеет свиньей или курицей, на законно заработанные деньги покупает в магазине хлеб или печенье и кормит этим хлебом или печеньем свою свинью или курицу, то он совершает административный деликт или преступление. Такие извивы советской уголовно-правовой мысли, быть может, интересны теоретически, но не забудем: они много страдания приносят людям.

Особый интерес представляет проблема личности настоящих преступников (преступников не в советском, а в общечеловеческом смысле); я кратко рассказываю здесь об основных этических и внутриправовых принципах воровского мира, пытаюсь проследить истоки этих принципов в старом русском обычном праве. При этом я рассматриваю воровской мир как социальный институт, весьма интересный для исследования, совершенно независимо от того, какие эмоции у меня или у читателя вызывают те цели, которые являются объединяющими для деятелей этого института.

Эта тема — почти запретна для официальной советской публицистики: советские деятели утверждают, что в СССР уже нет профессиональной преступности, нет воровского мира. Скрывая от общества подлинную информацию о преступном мире, власти уподобляются средневековым правителям, которые, как сказывают, в случае скотоложества "сожигали человека и животное и даже подлинное производство по делу для того, чтобы возмутительный факт этот не дошел до потомства"* . Статистика засекречена, судебная хроника в прессе почти отсутствует, судебные дела даже правоведам не всегда доступны. Публикации и фильмы о жизни и деяниях преступников если и появляются, то тщательно стерилизованные осторожными авторами и цензорами: как бы не сказать чего-либо *развращающего*, как бы не узнала публика о действительном состоянии проблемы преступности вместо примитивной схемы, которую твердят обществу почти полвека: "Есть отдельные лица, нарушающие...", "Есть отдельные пережитки капитализма, обуславливающие..."

Попытки создать у общества ложное представление о состоянии этой проблемы объясняются, я думаю, не только удивительной склонностью нынешних правителей России к самому примитивному и постыдному хвастовству и поэтому к сокрытию всего, чем нельзя похвастаться, но и наивной уверенностью, что сокрытие информации о преступном мире — метод борьбы с преступностью.

Держать общество в неведении о состоянии преступности — значит держать его в заблуждении о себе самом. В результате многие начинают думать, что преступный мир и общество существуют как бы совсем отдельно, социологически и, если угодно, духовно не связано. Между тем это не так. Преступники — часть общества, порождены обществом, проблему преступности бессмысленно изучать в отрыве от других социологических проблем, да и жизнь общества в целом надо изучать, помня и о преступности.

* "Журнал министерства юстиции", 1864, кн. 2, стр. 571.

Не только подцензурная публицистика стремится создать у публики такое неадекватное представление о проблеме преступности. И среди инакомыслящих можно встретить подчас представления о преступном мире, как о чем-то духовно отдельном от нации, от общества. "Блатарей я не считаю за русских", — говорит герой Солженицына и выражает этими словами весьма распространенное среди интеллигентной публики мнение.* Это очень легко, любя свою нацию, отделять от нее все, что не нравится. Так можно не считать за русских и диссидентов, и чекистов, и большевиков, и проституток, и спекулянтов — у кого какой вкус. Такой взгляд, быть может, успокоителен или пропагандистски удобен, но ничем не оправдан социологически. Те, кто хочет изучать нынешнее состояние нации и размышлять о путях ее будущего, разумно поступят, если будут в своем изучении более беспристрастны, если признают, что горячо ими любимая нация (как и любая другая нация) состоит из многих слоев, среди которых есть и не всем симпатичные, и притом нация сама порождает эти слои.

Я надеюсь, что, несмотря на неполноту предлагаемого исследования, оно поможет заполнить досадный пробел в русской социологической публицистике и, быть может, инициирует новые неподцензурные исследования в области социологии преступности. Такие исследования тем более важны для России теперь, ибо там даже традиционная

* Это мнение далеко, однако, от народного. Русские люди в массе своей издавна *сострадали* узникам и среди них даже самым отвратительным разбойникам. Теперь если это и иначе, то лишь в отношении политических узников. Вот недавний эпизод. Одна дама приехала во Владимир узнать о своем друге, политзаключенном. Разыскивая тюрьму, она обратилась с расспросами к местной жительнице, простой женщине. "Вот там *православные*, а там *политические*", — ответила та, указывая на разные здания тюрьмы. Поймет ли когда-нибудь эта женщина, что действительно *православных* больше ныне именно среди *политических*, нежели среди уголовников, которых она, сострадавая, назвала православными?

уголовная преступность не слишком локализована в каком-либо определенном слое общества (о чем свидетельствует то, что доля рецидивистов невелика в общей массе осужденных — всего 1/4 до 1/3); а уж такие "чисто советские" виды преступлений, как спекуляция и иное частное предпринимательство, как хищения социалистического имущества распространены столь широко, что власти вынуждены прибегать во многих случаях к мягким административным и общественным методам преследования в борьбе против этих деяний — иначе пришлось бы начать массовые уголовные репрессии.

* * *

Эти очерки задуманы были мною очень давно, и я долго и понемногу собирал информацию, общаясь со сведущими людьми в России. Я благодарен им за помощь, но не решаюсь назвать их имена здесь.

В работе над книгой для меня было весьма полезным общение с Владимиром Козловским, Виктором Кабачником, Павлом Литвиновым. За интересное обсуждение и критические замечания я признателен Максиму Хейварду. Строб Талботт, взявший на себя труд высказать критические замечания по рукописи, оказал мне весьма важную помощь. За дискуссию по первой части книги я весьма благодарен проф. Липману Берсу и проф. Александру Вольпину. Редакционная помощь Елены Штейн была необычайно ценна для меня.

* * *

В приложении к книге помещен милицейский словарь воровского языка (характеризующий не столько этот язык, сколько уровень милицейских познаний о нем), а также мой отдельный очерк о независимости советского суда и об институте уголовного иммунитета.

Список литературы по теме угрожал быть слишком обширным, поэтому я включил в него в основном те источники, которые прямо цитируются в книге.

* * *

Моя работа по этой теме частично финансировалась фондом Форда.

ВСТУПЛЕНИЕ

РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Говоря о национальной уголовной традиции, я имею в виду существование таких национальных представлений в области морали, следование которым приводит или может приводить к совершению действий, оцениваемых как уголовный деликт. Я употребляю понятие «уголовный деликт» в «общечеловеческом смысле», имея в виду, что за много веков человечество выработало некоторые общие представления о том, что такое уголовный деликт, и в социологических оценках деяний людей можно использовать эти представления независимо от того, что в законодательстве отдельных наций в какие-то периоды некоторые из таких деяний не рассматриваются как уголовное преступление, независимо даже от того, что совершение таких деяний может быть предписано иногда самим законодателем.

Чтобы дать читателю представление о русской уголовной традиции, мне понадобится выяснить, какие представления бóльшей или большей части русского населения оказывались несогласными со средними общечеловеческими представлениями об уголовном деликте, т.е. какие нормы народной этики или обычного права предписывали или одобряли совершение уголовного деликта.

Обсуждая русскую уголовную традицию, я не забываю о том, что подобные же черты уголовной традиции можно найти в истории многих народов, за исключением разве что тех черт народной традиции, которые обусловлены факторами, не проявившимися в таком именно виде в моральной истории других народов (например, факторами, связанными с географическими, климатическими, религиозными особенностями).

Учитывая это, скажу, что рассказ о русской уголовной традиции *в настоящее время, то есть за последние лет сто,*

есть скорее рассказ о том, какую эпоху своего развития переживает моральная цивилизация в России, чем о том, какие черты этой моральной цивилизации являются чисто русскими.

В рассказе об уголовной традиции народа естественно обратиться прежде всего к обозрению тех представлений народной морали и обычного права, которые характеризуют отношение к собственности, ибо испокон веков именно преступления против собственности были наиболее распространенным способом пренебрегать уголовно-правовыми запретами.

Народное право выработало весьма строгие этические и обычно-правовые нормы, имеющие целью защитить от посягательств собственность членов сообщества, и выработало также способы избавляться от субъектов, систематически, в виде ремесла, нарушающих право собственности. Комплекс этих норм имеет, однако, весьма интересные особенности по сравнению с принятыми во многих странах нормами уголовного права.

Весьма характерно, что в среде русских крестьян простое воровство, не составляющее привычного промысла субъекта, рассматривалось обычно скорее как гражданский, нежели как уголовный деликт, в том смысле, что примирение сторон, к которому сопутствует возвращение украденной вещи, с точки зрения суда сельского схода исчерпывает возникший конфликт. Более или менее часто в таких случаях все же применяют *наказание*, каковым, в случаях маловажных, являются различные способы *опозоренья*.

Иное дело, даже в малозначительных случаях, если обвиненный в краже отказывается возратить украденное или даже не признается в краже: тогда применение более или менее жестокого наказания признается естественным.*

* Однако народное мнение весьма снисходительно относилось к краже по нужде и к воруящим солдатам; пожалуй, об

Интересно, что у русских в старину слово *вор* означало вообще лихих и злых людей, включая внешних врагов.⁷⁰ Того, кто посягал на чужую собственность, называли «*тать*», а саму покражу — *татьбою*. То, что слово *вор* когда-то означало субъекта более зловредного, нежели просто посягающего на чужую собственность, показывает пословица, приведенная С. Максимовым:⁷⁰ «Теперь люди таковы стали: унеси что с чужого двора — вором называют». Если принять во внимание такое переопределение термина *вор*, то вряд ли покажется слишком смелым предположение, что со временем народное правосознание стало более внимательно относиться к праву собственности.

Особенно жестокие наказания применялись крестьянами к тем, кто посягал на наиболее жизненно важные для общины и ее членов объекты: я буду говорить дальше о *самосудах* крестьян над конокрадами, поджигателями и тому подобными недоброхотами чужого имущества.

Сказанное не означает, что народная этика и право однозначно порицают нарушения права собственности. Не будет преувеличением сказать, что в представлении сельских обществ предосудительно было нарушать право собственности *своих*, то есть право собственности общины или ее сочленов. Напротив, в отношении собственности *чужой*, не связанной с интересами общины или ее членов, представления крестьян в значительной степени более либеральны. Мало того, судя по сообщениям многих исследователей народных обычаев конца XIX в, кража и мошенничество часто не только являются ненаказуемыми у крестьян, но и оказываются предметом похвалы, если это не затрагивает имущественных инте-

этом свидетельствуют следующие пословицы: «Голодный и архиерей украдет», «Солдата за все бьют, за воровство не бьют», «Солдат не украл — просто взял; ему не грех поживиться, не украсть, так и взять негде».⁷⁰

ресов *своих*. Так, по мнению многих исследователей, можно считать устоявшимся народным обычаем самовольные порубки в казенном и господском лесу, ^{73, 74} причем обычаем не только крестьянским, а характерным и для других сословий.*

Столь же снисходительное отношение являет народная этика к потравам *чужих* полей и лугов, к самовольной охоте и рыбной ловле, к собиранию плодов и ягод в *чужом* лесу, к похищению плодов из *чужих* огородов.⁷⁴

Очень интересен отмеченный в Земле Войска Донского⁷³ обычай тайного завладения хлебом зажиточного соседа с намерением с излишком отдать похищенное в урожайный год: нуждающийся просто берет с поля необмолоченные еще снопы, а иногда оставляет даже записку, что-де хлеб взят из крайней нужды и будет возвращен при первом урожае.

Существует много народных верований, посвященных тому, как избежать опасности при совершении покражи. Среди них много таких, которые интересны, наверно, лишь для воров профессиональных, как, например, вера в колдовские свойства свечи, изготовленной из жира некрещеного младенца: если ночью с зажженной такой свечой войти в дом, то все обитатели его будут спать так крепко, что покража станет безопасной; подобная чудодейственная сила заключена и в мертвой руке (есть об этом и пословица: «Люди спали, точно мертвой рукой обвел»). Это — поверье, ставшее мотивом многих убийств и разрытий могил.

Однако есть и такие народные верования, связанные с надеждой на обеспечение безопасности воровства, которые интересовали не только профессиональных воров. Таков, например, обычай *заворовывания*:

* Якушкин, например, отмечал, что лица духовного сословия «не считают предосудительным покупать бревна и дрова, похищенные крестьянами из казенных или помещичьих дач».⁷³ Есть подобные сведения и о помещиках.

«Крестьяне верят, что укравший благополучно в ночь перед *Благовещеньем* может целый год воровать, не опасаясь, что его поймают. Вследствие такого поверья воры по ремеслу стараются совершить кражу в благовещенскую ночь; при этом они гонятся не за ценностью вещи, а только за искусным и ловким совершением покражи, Крестьяне стараются в эту ночь обеспечить себя на целый год от штрафов за самовольные порубки; вещь, взятую тайком у соседа, они возвращают ему на следующее утро».⁷³

А. А. Левенстим⁷⁷ отмечает, что этот обычай очень распространен в России; есть также сообщения, что не только ночь под Благовещенье, но и ночь на Бориса и Глеба обладает таким счастливым свойством.

Есть много поверий, согласно которым краденая вещь обладает в той или иной мере большими достоинствами, нежели вещь купленная; так отмечено (Вологодская губерния), что, по мнению крестьян, краденый корень хмеля скорее приживается, чем купленный,⁷⁴ то же самое в Ярославской губернии исследователи отмечали о свойствах краденых цветов, а в Архангельской губернии среди рыбаков распространено было поверье, что навага лучше ловится на краденые крючки.⁷⁷

Судя по материалам кн. В. В. Тенишева,⁷⁴ крестьяне весьма снисходительно относятся к торговому обману, допуская мелкий обман даже в отношениях друг с другом; при этом «часто признается, что потерпевший сам виноват, что по недосмотру дал себя обмануть...» И уж тем более допустим обычаями обман в том случае, если предполагается, что обманутый — сам обманщик: «Ну, а на счет купцов и толковать нечего: не вспрысну я шерсть али лен водицей, так все равно он сам вспрыснет, так уж лучше я возьму за воду деньги, чем ему отдавать».⁷⁴

Многие обычаи, связанные со снисходительным отношением к краже, распространены лишь в отдельных мест-

33768 MB 85

ностях, и подробное их обсуждение неудобно в столь кратком описании уголовной традиции народа в целом. Отмечу, впрочем, не распространенный широко обычай снисходительного отношения к разрытию могил с целью снятия одежды с покойника (Орловская губерния):⁷⁴ в описанном случае видно сочетание мотива прагматического — «все гниет, хошь в чем положи» — с соображениями возвышенными, указующими предел дозволенного: «снятие с покойника последней рубашки, особенно с девицы, считается большим преступлением: «Как же она на суд явится?». Замечу, что разрытие могил не с целью кражи, а с целями, основанными на народных поверьях, — обезвредить вампира, вызвать дождь и т.п. — было весьма распространенным народным обычаем, вступавшим в коллизию с уголовным законом.

По моему мнению, именно неразвитость представлений о праве собственности в народном правосознании обуславливала такое различное отношение к охране собственности *своей* и к охране собственности казенной, господской и вообще собственности лиц, посторонних общине. Я понимаю, что это не объяснение, но здесь я и не стремлюсь давать объяснения, а лишь хочу охарактеризовать ту социальную среду, в которой функционирует преступный мир, описываемый далее.

Были, впрочем, попытки объяснить причины столь сложного отношения русского крестьянства к праву собственности. У исследователя второй половины прошлого века читаем:

«...В массе понятий видится система, выработался общий закон. Все то, к чему не приложен труд и что таким образом не представляет благоприобретенного капитала, — воровать не грех. Все барское с тех самых пор, когда оно узаконено в отдельную собственность, возбуждает самый крепкий соблазн, подвергается преимущественным нападениям, наводит на грех кражи, как придорожный горох и репа...

Все добытое трудом, береженное уходом, выработанное личным умением и искусством становится неприкосновенным до границы подозрительной собственности вроде господской и поповской.

За этой границей способность распознать чужое от своего значительно слабеет...»*

Многие авторы в объяснении (или оправдании) народного обычая пренебрегать чужой собственностью на лес или плоды земли ссылаются на бытовавшую в народе веру в то, что земля должна принадлежать крестьянам, веру, *обуславливавшую* мечту о передаче земли крестьянам. Изучая теперь такие объяснения, разумно проявлять осторожность и учитывать, что на интерпретацию народных обычаев могли оказывать влияние и поэтические склонности исследователя, и его народолюбие, однако несомненно, что мечта о земле у народа была (не знаю, есть ли поныне), и известно, что не раз массы крестьян, вдохновляемые этой мечтой, были использованы злоумышленниками.

Отношение русской народной традиции к собственности, являющее собой сложное переплетение реликтовых норм обычного права с поверьями и мечтами, обуславливало непоследовательность в отношении народа к профессиональным уголовным преступникам. Местный вор, скупщик краденного, пристанодержатель вызывали у населения страх, презрение, а часто активное противодействие в форме жестокого самосуда. В то же время крупный преступник — разбойник — становился сплошь и рядом героем народных легенд, приписывающих ему небывалые подвиги, редкие человеческие качества, а главное — народолюбие. В таких легендах народный слух

* Эти высказанные С. Максимовым соображения получили в дальнейшем развитие в теориях «трудового начала» в народном праве. Современный публицист А. Твердохлебов⁷⁹ отметил возможную связь таких теорий с принципом Советской Конституции «кто не работает, тот не ест» и с преследованиями «тунеядцев».

ласкается более всего тем, что разбойник грабил и убивал богатых и не обижал бедных. Хотя очевидно, что крупному разбойнику и нет смысла грабить бедных, но народная мудрость не вдавалась в такие подробности: главное было в том, что крупный разбойник был в представлении народных масс личностью, способной воистину или согласно легенде обеспечить себе независимость от сильных мира сего и осуществить, хотя бы частично, мечту тех, кто от рождения осужден в поте лица добывать хлеб свой.*

Эта народная мечта, которая в общем виде, особенно у пролетаризованной части крестьянской массы начала нашего века, сводилась к стремлению ограбить сытых, чтобы накормить голодных, вдохновляла многих недюжинных субъектов самым приукрашивать свою разбойничью деятельность посредством покровительства беднякам, хотя для легенды в этом и не было необходимости; вряд ли они приукрашивали так свой жестокий путь, заботясь о легенде. Есть, по крайней мере, три обстоятельства, которые побуждали их оказывать некоторое покровительство простому народу. Во-первых, несомненно, покровительство давало более полное ощущение силы и величия, особенно для тех героев будущих легенд, кои по отдаленности района своих действий от правительственной администрации или регулярных войск практически властвовали над населением обширной местности, как бывало не раз в процессе колонизации

* «Переноса деяния с одного на другое, народная память как одному, так и всем припишет однородное: все разбойники были милостивы к несчастным, угнетенным и, разбойничая, только мстили обидчикам: богатых грабили, казну грабили, купцов обижали, на чиновников и господ нападали, но бедным и нужным людям давали милостыню щедрой рукой. И здесь народная память не противоречит действительности: отпуская в дорогу невредимыми и целыми, действительно не скупилась на дачу бедным и обиженным эти люди по тому обстоятельству, которое имеет оправдание в характере из бродяг» (Максимов).⁷⁰

Россией прилежащих к ней земель, особенно на Юге и на Востоке. С. Максимов пишет о разбое в связи с колонизацией:

«...Во время строения русской земли грабежи и разбои были одним из последовательных и неизбежных явлений, породившихся вследствие самой системы завоеваний, неправильных способов водворения поселенцев и направления их сил и колонизаторских способностей. Разбой в низовых странах, разбой по Волге следовали один за другими по вызову времени и по закону обстоятельств, отдельно и независимо друг от друга, действовали сообща, заодно, под руководством сильных и талантливых натур вроде Булавиных, Хлопков, Разиных, Пугачевых и бесконечного числа многих других». ⁷⁰

Во-вторых, обстоятельство чисто прагматическое побуждало разбойников поддерживать хорошие отношения с местным населением: там, где можно спрятаться от властей, не спрячешься от крестьян; любой бродяга, сколько бы ни скрывался в лесах, рано или поздно набредет на деревню и захочет пополнить припасы или найти надежное укрытие. Впрочем, доброе отношение поселян к таким странникам часто было обеспечено и без особого с их стороны покровительства: во многих областях России и Сибири исследователи отмечали обычай у крестьян оказывать гостеприимство бродягам, все больше беглым каторжникам. Истоки этого обычая — в страхе мести поджогом: особенно в восточных областях России, где беглых ходило много, всегда была опасность, что найдутся мстители, если бродяга будет отвергнут деревней или выдан властям. В еще большей мере это относится к разбойникам, имевшим крупные шайки, готовые отомстить за своего атамана или товарища.

Третья причина покровительства разбойников бедным — уже из области возвышенного. Как бы смело

разбойник ни попирает закон людской, не мог он не думать о преступлении закона Божьего и страшился накопленных грехов своих. Во многих описаниях крупных преступников им, быть может преувеличенно, приписывается особая чувствительность в теме искупления греха: не странно, поэтому, что рука, многих лишавшая жизни, делается дарящей во имя искупления грехов, раздает милостыню, тем более что, как правило, профессиональный вор, привычный разбойник безразличен к накоплению собственности — свойство, весьма характерное для настоящих представителей, так называемого воровского мира.

Какими были разбойники, оставившие добрую память о себе у народа, читатель может судить на примере Пугачева, коего и зверство, и широта души, и зависимость от сотоварищей описаны Пушкиным;¹²¹ на примере Разина, о коем до сих пор поют песню, как он утопил в Волге свою возлюбленную, похищенную персидскую царевну, просто так, чтоб его люди не думали, что он их «на бабу променял» (да еще Волге в подарок от донского казака). Эти двое остались не только в памяти народной; официальная советская историография славит их как народных героев и народных освободителей.

Помяну, следуя С. Максимову, менее известного субъекта, Быкова, который в Сибири имел шайку и действовал довольно успешно. Интересен он тем, что наряду с жестокостью проявил и любознательность, казалось бы удивительную при таком ремесле: приказал он одному из своих зарезать первую попавшуюся на дороге беременную женщину и на суде оправдывал себя тем, что хотел посмотреть, как лежит в утробе матери неродившийся ребенок.* Этот же Быков разрывал людей, привязывая за ноги к двум наклоненным деревьям (традиционная русская казнь).

* Это ведь и вправду интересно, однако он, возможно, врал. В 1897 г. А. А. Левенстим⁷⁷ отмечал, что таких случаев бывало

С. Максимов, оставивший ценные этнографические записи о каторжниках и бродягах, писал в связи с народными легендами о разбойниках:

«Под призрачным идеалом народ уже не видит в разбойнике потерянного, жестокого человека, у которого все наизусть, который запачкался во всевозможных пороках и нравственно развращен до самого корня».

Сомнительно мне, однако, чтоб народные певцы разбойников забывали о жестокости своих героев. Дальше я расскажу об обычных русских крестьянских самосудах, и видно будет, что жестокость разбойников была привычна, не удивительна и непорицаема, и, наверное, не всякий разбойник доходил в своих издевательствах над жертвой до такой изобретательности, как сельские общества в самосудной расправе.

Изучение русской традиции отношения народа к личности и человеческой жизни столь же, как и изучение народного взгляда на право собственности, дает полезный материал для осмысления характера социальной среды, порождающей русский уголовный мир.

В известной мере, в отношении к человеческой личности и ее жизни народная традиция в той же мере прагматична, как и в отношении к праву собственности, хотя, конечно, усвоенные из религии представления о грехе

много и оправдание любознательностью, как можно понять, скрывало обычно суеверный мотив деяния: верили, что поедание сердца нерожденного ребенка дает сверхъестественные силы (а кто съел девять таких сердец может безнаказанно совершать преступления).

Любознательность как мотив преступления, конечно, не исключена. Помнится, в конце 50-х гг. этого века в Москве получил среди публики известность такой случай: ученики ремесленного училища изловили женщину на сносях и прыгали у нее на животе, чтобы родила, сказавши потом на суде, что интересно было посмотреть роды (я не имею документального подтверждения этого казуса).

убийства и, по-видимому, биологический страх перед убийством обеспечивали охрану человеческой жизни в большей мере, чем была обеспечена охрана собственности. Здесь так же, как в делении собственности на *свою*, крестьянскую, общинную и *чужую*, народный взгляд усматривает более или менее четкую грань между *своими* — убить или обидеть которых есть грех, и *чуждыми* — теми, которые от рождения получились уродами, или по злему умыслу сговорились с дьяволом, приобретя ведьминские или колдовские способности, или по злой своей воле вредят обществу посредством систематического воровства или поджогов. Это я сказал о тех, кто считался или мог считаться *своим*, но стал или был признан *чуждым*. Что касается просто чужаков, попавшим в крестьянскую среду, то к ним часто относились особо пренебрежительно и подозрительно, вплоть до *презумпции зловредности* в отношении них; таковы, в частности, инородцы, живущие по соседству, и презумпция зловредности в отношении них, особенно на колонизованных Россией территориях, иногда была оправдана многочисленными фактами столкновений их с колонизаторами и была обоснована во всяком случае не в меньшей степени, чем подобная же презумпция зловредности, которая могла устояться в сознании этих инородцев в отношении к русским. Разумеется, инородцам, оторванным от своей среды, извне попавшим в гущу русского населения, приходилось еще труднее от этой презумпции зловредности: достаточно вспомнить евреев, коих обвиняли во многих грехах и преследовали активно.

Очень часто преследуемыми чужаками оказывались вероотступники, сектанты. Есть сообщения о самосуде сельских обществ над сектантами. Вот пара примеров из материалов Якушкина: большой толпой, чуть не целым обществом, православные крестьяне учинили битые розгами тех, кто перешел в *штунду*,⁸¹ в другом случае *хлысты* были вызваны на сход и жестоко избиты, при-

чем девица, слышшая хлыстовской богородицей, также была избита страшно и для большего насмеяния раздета донага.⁸⁰

Что касается просто пришлых посторонних, то не следует, конечно, думать, что все они подвергались притеснениям. Россия всегда была полна странниками, и среди них выделялись своей многочисленностью нищие, богомольцы, странствующие торговцы и мастера и просто беспаспортные бродяги. Обычай оказывать гостеприимство таким странникам был очень распространен в России, но упаси Бог случиться поджогу, мору или иному несчастью: народное подозрение могло в первую очередь обратиться на пришельца и привести к жестокой над ним расправе. Несчастье, особенно касающееся многих, настолько ожесточало толпу в поисках виновников, что говорить об уважении к каким-либо процедурам уголовного расследования, конечно, не приходится.

Самосуд в русской деревне многие века был страшным явлением, лишавшим жизни многих людей, и виновных и невиновных; сохранившиеся об этом сведения позволяют ныне исследователю русских традиций представить себе ту степень коллективного ожесточения, которая плохо согласуется с почти пасторальным изображением русского крестьянства теми писателями, которые, сочувствуя действительной нужде народа, защищая его от притеснений, упускали часто из виду такие стороны народной жизни, которые несомненно важны для социального анализа и тогдашних и теперешних событий истории России.*

Исследование самосуда затруднено прежде всего тем,

* Я рассказываю о самосудах на примерах крестьян — в старину они составляли большинство населения. В среде рабочих самосудные наклонности были также весьма сильны, и тому есть свидетельства, однако незамкнутость рабочей общины и сравнительная близость представителей власти препятствовали тому, чтобы обычай самосуда среди рабочих принял столь же трагические формы и стал столь же распространен.

что очень многие случаи оставались неизвестными властям, и потому, что жертвами часто бывали никому не ведомые пришельцы и никто о них не хватился, и потому, что представители общественного самоуправления крестьян были часто вполне солидарны с толпой, учинившей жестокую расправу, и пренебрегали своей обязанностью сообщать об этом властям.

Согласно доступным сведениям, количество самосудов в России было огромно: в одном лишь Ишимском округе Тобольской губернии за 1884 г. окружным врачом было вскрыто около 200 трупов тех, кто был убит самосудом;⁷³ население этого округа в 1891 г. было около 250 тыс.³³⁵

Исследователи отмечали, что среди осужденных властями убийц по делам о самосуде преобладает тип весьма благополучный с точки зрения уголовной статистики. Обычно самосуд проводился толпой с участием почти всего общества, при этом каратели по большей части бывали трезвы. Иногда возлияния совершались в процессе казни: описан случай, как толпой избивали конокрада, потом отвлеклись на распитие водки, причем избитый подошел выпить также: «Пусть попьет, он хоть и вор, а все христианская душа», а попивши, уж и доби́ли его.

Наиболее жестоко наказывались конокрады и поджигатели. Изобретательность общественных палачей при этом вызывает удивление, но мы не знаем, сколько веков практиковались и усовершенствовались те методы казни, которые теперь поражают наше воображение оригинальностью.

Вот несколько примеров:

Конокрада раздели донага, повалили на землю и стали сдирать у него с рук и ног кожу, затем принялись вытягивать из него жилы, затем изрубили топорами голову.⁸²

Вору забили в задний проход кусок палки, в ко-

торой сделали нарезы вроде зубьев, острием вниз, чтоб нельзя было вынуть обратно.⁸³

Поджигателям выламывали пальцы рук, кололи булавами, вытягивали из них жилы; особенно досталось еврею, которому вдобавок выкололи глаза.⁸⁴

Конокрадов били раздетыми донага на снегу (более 500 палок), на другой день повторили эту операцию, после чего связали руки наперед, просунули между рук палку и повесили на дереве.⁸⁵

Очень было распространено, особенно в восточных губерниях, привязывать конокрада к хвосту лошади и пускать лошадь в степь.

Вот пример индивидуальной изобретательности ⁸⁶ :

Крестьянин «...приблизился к конокраду, обвязал веревкой ему голову, задвинул палку и принялся за дело. По мере того, как палка поворачивалась в руках крестьянина, веревка, обвязывавшая голову конокрада, стягивалась. Послышался глухой стон... из глаз конокрада брызнула кровь, затем что-то хряснуло. То лопнул череп! «Вот теперь не будет больше красть лошадей», проговорил вертевший палку крестьянин...».

Есть и методы, не требующие изобретательности: утопить в болоте, обливать голого конокрада зимой холодной водой, пока не умрет, поднять на дыбу.

Часто применялась так называемая «рыбацкая казнь»: прорубали во льду реки две проруби на расстоянии десяти шагов и протаскивали подо льдом вора из одной проруби в другую.

Не всегда самосуд кончался убийством. В случае простого воровства,* по данным Максимова,⁷⁰ с несознавшегося вора снимают на базаре шапку, с бабы — платок или надевают на вора украденные вещи и водят по

* Воровством, наказываемым особенно жестоко, было не только конокрадство, но и кража рогатого скота, сельскохозяйственных орудий, а также меда, особенно посредством напускания на улей пчел, которые переносят мед в улей вора.

базару. Последний способ был общепринят, а женщину, кроме того, водили по деревне обнаженной или с поднятой юбкой.⁷³

Не следует думать, что описанным образом поступали лишь с ворами, изловленными на месте преступления или иным образом несомненно уличенными в воровстве. Такие же методы самосуда употреблялись и для подозреваемых. Вот примеры.

Подозреваемого в краже вызвали на сельский сход, били, связали ему руки веревками, продев между веревками палку, крутили ее; потом растопили на огне сало и этим салом прижигали заднюю часть тела.⁸⁷

Подозреваемого в воровстве (в 1882 г.) подвесили к балке на тонкой бечевке, завязанной за большие пальцы рук и ног, жгли раскаленной кочергой подошвы и икры, наносили удары обухом топора по ягодицам, добиваясь сознания в воровстве.⁸⁸

Поймали двоих, заподозренных в попытке украсть лошадей; повесили их за большие пальцы рук и развели под ними большой огонь из соломы; со страшными ожогами их затем доставили к властям.⁸⁹

Не только деяния, затрагивающие существенные имущественные интересы общины или ее членов, становятся причиной самосуда. Община следила и за соблюдением обычаев, таких, как запрет работать в праздники, запрет женщине ткать холст ранее, чем все мужчины выйдут в поле пахать, запрет принимать пищу во время работ по исправлению изгороди выгона для скота (а то медведь скот съест) и многие, многие другие,⁷⁴ но наказания в этих случаях были сравнительно нежестоки.

Нарушение целомудрия наказывалось строго: раздеть женщину донага, вымазать дегтем и провести с криками по деревне или так же провести связанную обнаженную пару прелюбодеев — это не самое страшное. В неко-

горых местностях в обязанность мужа входило привязать к оглобле запряженной телеги голую жену-прелюбодейку и гонять так лошадей по деревне, кнутом избивая несчастную.

Зверские самосуды бывали также следствием подозрения в *колдовстве* и напускании *порчи*. Историки народных обычаев не всегда обращают внимание на то обстоятельство, что русская деревня жила в атмосфере постоянного страха перед колдунами, ведьмами, и очень часто такие колдуны и ведьмы изыскивались в любой деревне и обезвреживались. Для того, чтобы навести на себя подозрение в связи с дьяволом, не надо было быть знахарем или хвастаться какими-либо сверхъестественными способностями (таких хвастливых субъектов по деревням тоже было много). Подозрение могло пасть на обычных жителей, особенно если человек от рождения чем-то существенно по облику отличается от других (дьявол метит!), особенно, если в жизни общины произошло событие такого типа, относительно которого известно, что это — результат именно злых наветов. Боялись, как ведьм, и обычных, но весьма долголетних старух (само долголетие — мета дьявола!). Любое несчастье, происшедшее в деревне: падеж скота, засуха и т.п. — часто направляло народный гнев на такого колдуна или ведьму, и они становились жертвами жестокого самосуда. Иногда, впрочем, было ясно, что несчастье — дело рук ведьмы, но не ясно, кто она: применялся известный в средние века в Европе *суд водой*. Подозреваемых женщин кидали в воду; которая не тонет — та и ведьма^{76, 90}.

Вот что писал об этом А. А. Левенстим⁷⁶ в конце прошлого века: «Если женщина, которой связывали руки и привязывали к шее камень, тонула, то она гибла в воде, так как помощь нередко опаздывала; если же она держалась на поверхности — то ее сжигали как ведьму. Такой способ ведения следствия

может служить одним из доказательств беспомощности женщины, обвиняемой в колдовстве. К несчастью, это старое поверье живо до настоящего времени во всех концах России; оно только несколько изменилось: теперь крестьяне верят, что этим путем можно не только уличить женщину в ее связи с дьяволом, но и прекратить засуху».

И далее:

«В 1875 г. в Полесье крестьяне одного села хотели испытать своих баб, узнать ведьм. Сначала они пошли к помещику с просьбой разрешить искупать баб в пруде, но так как он не позволил произвести этот эксперимент, то они стали осматривать своих баб через повитуху, чтобы узнать, нет ли у которой-либо из них хвоста».

Тот же исследователь народных верований отмечал, что в крестьянском быту обвинение в ведьминских или колдовских наклонностях бывало способом сведения личных счетов, в том числе в семье.*

* Он приводит следующий рассказ священника: «Уговаривая своих прихожан не верить в колдунов, он от старой женщины узнал следующее: однажды она была приглашена вместе с другой бабой для сиденья над телом умершей старухи. Остальные соседки не соглашались оказать покойной эту честь, ибо умершую считали за колдунью. Придя в избу, они исполнили все то, что установлено местными обрядами для поминок: сеяли муку, ставили опары, потом подбивали тесто и пр. Покойница лежала под образами в полной одежде; на столе стояла посуда с тестом и тут же горела восковая свеча, а перед образами теплилась лампада. После полуночи, но еще до первых петухов, мертвая встала, погасила восковую свечу и схватила своего зятя за волосы так сильно и скоро, что тот не успел оборониться. Началась борьба; толкнув стол и опрокинув тесто, они выпачкали в нем свою одежду. Кончилось, однако, тем, что зять ее одолел и изо всей силы ударил о землю, так что мертвая даже заревела. «Проклятая колдунья, — закричал зять, — я тебя уложу!». Свидетели все время сидели, как окаменелые, и вздохнули свободно, когда хозяин уложил мертвую опять на лавку. Он переменял свою

Вот еще отрывок из статьи того же автора о случае в городе:

«Случаи грубого и зверского насилия под влиянием веры в колдовство **бывают** не только в глухих медвежьих углах, но даже в столицах, среди обитателей которых немало суеверных людей. Лучшим доказательством этой грустной истины может служить следующее происшествие, которое имело место в Москве, в самом центре города, на Никольской улице, около часовни Св. Пантелеймона. Перед этой часовней всегда толпится масса больного люда. 25 сентября 1895 г. рано утром в толпе стояли мальчик Василий Алексеев и какая-то женщина, одержимая припадками не то истерического, не то эпилептического свойства. Возле этой пары стояла крестьянка Наталия Новикова; она разговорила с мальчиком и подарила ему яблоко. Мальчик куснул яблоко, вслед за тем с ним сделался истерический припадок. На крик Алексеева прибежал с ближайшего поста городской и отвел больного в приемный покой городской части. Но толпа на этом не успокоилась. Предположив, что яблоко наговорное и что Новикова не простая крестьянка, а ведьма, околдовавшая ре-

рубаху, а старуху так и похоронили в платье, выпачканном в тесте. При похоронах испросили у батюшки разрешения повертеть гроб с телом умершей и пробить осиновым колом, чтобы колдунья по ночам не ходила, и батюшка благословил. Если у кого-либо при чтении этих строк, — продолжает Левенстим, — ясных, простых и правдивых, возникнет малейшее сомнение в том, что крестьяне бессознательно убили мнимую умершую женщину, то эти сомнения исчезнут при чтении заключительных фраз приведенной нами статьи. Выслушав этот рассказ старухи, священник Константинов стал ее подробно расспрашивать и узнал от своей собеседницы, что мнимую колдунью похоронили на второй день, что она перед смертью была больна горячкой и что при жизни она постоянно враждовала со своим зятем».

бенка, толпа бросилась к ней и избила ее до полусмерти».⁷⁶

Страх перед колдовскими чарами действовал и на сельский суд. Левенстим⁷⁶ описывает следующий случай:

«В 1886 г. в Тальянском волостном суде (Уманского уезда, Киевской губернии) рассматривалось дело крестьянина Б. с крестьянином Х.; последний заявил суду, что противная сторона, чтобы выиграть дело, решила воздействовать на суд силою чародейства. Поэтому Х. просил обыскать своего противника. Б. обыскали, и, найдя у него в шапке несколько тряпичек, узелок и какое-то зелье, признали эти вещи за чары и постановили: не рассматривая тяжёбного дела, наказать Б. 20-ю ударами розог».

А однажды, во время рассмотрения дела о драке женщин, сельский суд заметил, что одна из обвиняемых сыпала мак около судейского стола; признано было, что она занималась колдовством, и взыскано с нее за это 3 рубля.⁷⁶

Эта тема слишком богата фактами, чтобы здесь было возможно привести сколько-нибудь полный обзор основных черт русской уголовной традиции. Хотя приведенный краткий обзор посвящен событиям из жизни русского крестьянства конца прошлого века, но наивно было бы думать, что социальные преобразования в стране уничтожили те черты народной уголовной традиции, которая сложилась и существовала издавна. Правда, изменилось многое, многие прежние традиционные мотивы находят иное, неожиданное выражение, о многом просто умалчивают современные исследователи, но во многих преступных проявлениях нынешнего населения России усматриваются следы прежней уголовной традиции. Поэтому я и пишу в этой книге о временах, уже минувших.

Преобразование русской уголовной традиции в советскую уголовную традицию я обсуждаю в следующей

главе, а здесь, в заключение, укажу еще на одно явление, столь же распространенное в наши дни, как и прежде. Я имею в виду деревенские кровавые драки по праздникам. Это явление повсеместное и всевременное в России, но, увы, весьма мало изученное. Нынешние исследователи в открытых публикациях не пытаются углубиться в истоки местных социальных противоречий, приводящих к кровавым деревенским бойням: нынче иногда достаточно указания, что пьянство порождает хулиганство и что в религиозные праздники пьянства в деревне больше, следовательно, нужно усилить атеистическую пропаганду в деревне.

Пьяные драки в деревне имеют, однако, судя по всему, неведомые исследователям причины, корни которых уходят в вековые обычаи и социальные противоречия, родившиеся давно.

Исследователь 20-х гг. Т. Сегалов⁹¹ пытался привлечь внимание криминологов к этой теме, но успеха не имел, как можно судить по последующим публикациям советских социологов преступности. Говоря об одной из возможных причин драк в деревне, о причине, связанной с иерархическим соперничеством, Т. Сегалов отмечает:

«Драки на свадьбах, поминках, крестинах по своей подоплеке, по своим требованиям «чести» или «почета — уважения» и старшинства напоминают во многих отношениях драки бояр за «места», за местничество, как признак социальной значительности, удельного общественного веса. Конечно, это лишь догадка, попытка социально-бытовой исторической параллели коллективно-психологических проявлений быта».

Интересно наблюдение Сегалова и о коллективном соперничестве как поводе драки:

«Поскольку можно уловить из протоколов дознания, которые обычно, благодаря большой сбивчиво-

сти, захватывают больше побочных обстоятельств и таким образом дают больше материала бытового, житейского характера, очень большую, хотя и подплечную роль играет своеобразная коллективная ревность. Частым поводом для всеобщей драки с пробитыми головами и порезанными животами дает прибытие веселящейся компании парней с гармонистом на улицы «чужой» деревни, где они «гуляют», «ватажатся», с чужедеревенскими девушками. Это побуждение: «не ходи на нашу улицу гулять», своеобразно тем, что в «делах» не улавливается индивидуальной ревности определенного парня этой деревни к определенному парню другой, чужой, деревни за свою девушку. Убийства и поножовщина из-за личного романа разыгрываются совсем иначе и гораздо реже, чем пьяная драка из чувства коллективной ревности. Причем можно даже уловить известную стереотипность в ответах на допросах: «Они пришли гулять к нам, с нашими, а мы на них были сердиты за то, что они тогда-то побили». Интересно отметить, что на фабриках в сельских местностях, где рабочий, стоящий сегодня у станка, шел вчера за сохой, а завтра, быть может, станет за плуг, наблюдаются смешанные по своей психологической механике хулиганские коллективные драки. Здесь мотив запрета «ходить на нашу улицу» остается тем же, но видоизменяется: «улица» на «нашу казарму», «нашу лестницу» и даже «наш коридор».

И, конечно, среди причин драк — страх перед порчей, колдовством:

«При изучении дел о драках, где люди платятся жизнью за излишне съеденную в гостях колбасу или отстаивая озорным образом «назло» унесенный со стола, накрытого для званых гостей, пустой стакан,

- ясно видно, что здесь дерутся не за стакан, не за колбасу, а за своеобразно переродившиеся, какие-то ископаемые, заржавленные, стародавние обычаи, «посадские» и «слободские», «выселковые» и «коренные», государские, и господские, и дворовые, вотчинные и дарственные, — все это обломки каких-то переживаний, уродливо выродившихся в течение столетий; пережитки крепостничества и феодального периода строения земли безобразят быт деревни в области социальных отношений точно так же, как обломки и остатки язычества и христианства уродуют отношение к природе и окружающему миру. «Запугали нас силы нечистые, что ни прорубь — везде колдуны», — писал покойный Есенин. В судах эта сторона деревенской жизни отражается большею частью в делах по ст. 174 Уг. код. (ославили колдуном), но тот, кто мало-мальски знаком с переживаниями молодых и их родителей, родни и приглашенных во время пира на крестьянской свадьбе, ясно представит себе напряженное ожидание, боязливое и тревожное, с каким относятся к возможному появлению или вероятному скрытому присутствию колдуна или порчи».

К сожалению, попытка Сегалова привлечь внимание исследователей к этому комплексу вопросов оказалась неудачной; если судить по официальным публикациям, социально-психологическая атмосфера в советской деревне изменялась слишком быстро, и ныне такие реликтовые побудительные причины коллективной преступности не должны, с официальной точки зрения, играть роли. Впрочем, пьяные драки продолжают, и глубинные причины их по-прежнему не ясны (вряд ли такие драки можно объяснить новыми социальными противоречиями

* Ныне страх перед колдунами не столь велик, как раньше, однако разумно помнить, что он не исчез.

в деревне, например, спорами о победе в социалистическом соревновании, хотя в некоторых случаях такая возможность и не исключена).*

* Вот современный пример свадебной драки:⁹²

С. из-за отказа участников свадьбы угостить его водкой затеял с ними драку, в процессе которой причинил одному участнику свадьбы тяжкое телесное повреждение. Верховный суд Белорусской ССР согласился с квалификацией этого деяния по совокупности как тяжкое телесное повреждение и хулиганство.

СОВЕТСКАЯ УГОЛОВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Говоря о советской уголовной традиции отдельно, я, разумеется, не хочу показать этим, что русская уголовная традиция была заменена советской; напротив, многие черты русской уголовной традиции по-прежнему значимы в советской России, однако установление иного политического строя изменило нравы населения настолько, что можно говорить уже особо о советской уголовной традиции.

При этом, как и почти везде в этой книге, я говорю здесь именно о России в узком смысле (в это понятие я включаю также территории, колонизованные Россией, но такие, откуда коренное население вытеснено и в значительной степени заменено русским).*

Разумно начать обзор советской уголовной традиции с того времени, когда создание нового политического устройства лишь готовилось в России. В этой подготовке сыграла важную роль та черта русской уголовной традиции, о которой я говорил раньше: именно, склонность народа видеть в крупных разбойниках народных освободителей — правда, ситуация была несколько иная, чем в случаях прежних, вошедших в народные легенды крупных разбойников: те, пожалуй, сначала проявляли себя как разбойники, а потом становились в представлении народа или в собственном представлении освободителями. Напротив, революционные деятели конца прошлого и начала нашего века вознамерились осво-

* Обзор национальных уголовных традиций всех народов, населяющих Россию, конечно, — труд для меня непосильный. (Однако при обсуждении феноменологии преступлений я отчасти использую данные о преступлениях в национальных областях.)

бодить народ, а потом, интересов дела ради, занялись террором и грабежами для изыскания денежных средств на борьбу за освобождение народа, а равно подстрекательством подходящей части публики к грабежам и разрушениям с целью посеять смуту среди населения и тем облегчить запланированное «освобождение». Я имею в виду, в основном, представителей двух наиболее активных «освободительных» политических партий — социалистов-революционеров и большевиков, но справедливость требует оговорить, что социалисты-революционеры предпочитали не апеллировать к черни и пренебрегали подстрекательством ее, не оценив этого способа ускорения процесса народного освобождения. Большевики же ориентировались именно на то, чтобы посеять смуту среди населения *любыми методами* с целью ускорить «разрушение старого мира».*

О таком подстрекательстве к грабежам и насилиям (о так называемых *партизанских действиях*) среди деятелей большевистской партии не было единогласия, но такие действия проводились ими достаточно активно; хотя их теперешние претензии на заслугу в организации беспорядков 1905 г., по-видимому, преувеличены, но определенную роль в активизации этих беспорядков они явно сыграли уже тогда. **

Что касается организации индивидуальных актов гра-

* Еще раньше и более откровенно Бакунин проповедовал *разбой* как революционное средство, а П. Б. Аксельрод вместе с «бабушкой русской революции» Е. К. Брешковской отправились однажды в леса южной России на поиски разбойника, про которого сказывали, что грабил богатых помещиков и евреев и раздавал награбленное бедным. Не нашли.⁹³

** Эти беспорядки оставили след в уголовной статистике последующих лет. В статье «Колебания преступности» А. Мельников в 1917 году отмечал:

«Экспроприационные насильственные акты, начавшиеся под флагом политической борьбы, должны были немедленно выродиться в разбой, не носящие и тени политического характера».¹⁹⁶

бежа с целью пополнения партийной кассы, то обе упомянутые партии были достаточно деятельны в этом, и так называемые экспроприации проводились весьма активно, что свидетельствует о том, что обе эти партии не отличались особенной щепетильностью в выборе средств борьбы за свободу.* Поучительно отметить, что среди либеральной интеллигенции начала нашего века было достаточно людей, которые на бесчинства революционеров смотрели подчас не только без осуждения, но и с симпатией.

Вождь большевиков Ленин не только признал, что большевики грабят, как он выразился, награбленное, но и содействовал организации систематических грабежей в России с целью раздобыть средства для деятельности партии, для революции. Эта деятельность, по-видимому, была весьма широка, но наиболее известным ее активистом считается Камо (Петросян), осуществлявший свои смелые акции под руководством Сталина. До революции большевики не особенно стеснялись признавать использование грабежей для своей политической деятельности; наиболее известная акция Камо — ограбление почты в Тифлисе на Эреванской площади в 1907 г. — по-видимому, была полезна для престижа большевиков (во всяком случае, больше, чем для их кассы — есть мнение, что награбленные рубли не удалось использовать).

Камо в этой акции был исполнителем, организатором этого разбойного нападения был Сталин, а будущие советские министры Литвинов и Семашко были арестованы при попытке обменять награбленные на Эреванской площади рубли на иностранную валюту.⁹⁴

Захватив власть, большевики вскоре поняли, что интересы международного престижа требуют, чтобы память об их грабежах стерлась: в советских публикациях

* Такие грабежи — экспроприации называли *эксами*, и это слово, по сообщению советского автора,³³¹ вошло в русский воровской жаргон.

почти не освещается история большевистских экспроприаций и «партизанской войны». Сталин предпочитал умалчивать о своей роли в этой деятельности, а Камо погиб при загадочных обстоятельствах вскоре после революции. После гибели Камо газета «Заря Востока» писала:

«И какая злая насмешка судьбы, что именно в тот момент, когда товарищи уговорили т. Камо заняться между делом своими мемуарами и с этой целью приставили к нему стенографисток, коса смерти настигла его на улице Тифлиса.

Погиб т. Камо. Погибла вместе с ним и возможность очертить прошлое нашей партии в Закавказье».

Будет ошибкой считать, что экспроприации проводились только в Закавказье. 18 июля 1922 г. после гибели Камо грузинский большевик Махарадзе писал в газете «Заря Востока»:

«...Экспроприация не была случайна, тут была система, был намечен грандиозный план. На то, как я уже упомянул выше, был мастером Камо, этим планом охватывалась вся Россия».

Орджоникидзе в речи на похоронах Камо добавляет к этому:

«И не раз ты излагал свои планы о борьбе с капитализмом. Порой эти планы казались несбыточной фантазией... Я помню, как говорил ты об этих планах с вождем революции т. Лениным, который любил тебя безумно».

В послесталинское время, впрочем, о разбойных заслугах Камо вспомнили: был создан о нем даже кинофильм «Лично известен», содержащий кадры об эпизоде

с разбойным нападением на экипаж с деньгами на Эреванской площади.*

Я поминаю здесь грабежи и разбойные нападения тех, кто боролся за свободную Россию. Широко известно, что они не только грабили, но и убивали, сначала как террористы и партизаны, потом как властители. О том, сколько жизней загублено этими борцами за свободу, писали многие, я не останавливаюсь здесь на этом. По старой русской традиции эти террористы и «экспроприаторы» вошли как герои-освободители в народные легенды и притом не только в официальные легенды.

Не следует думать, что, захватив власть в России, эти освободители отвергли прежний принцип «все средства хороши». Этот принцип, напротив, применялся более широко, в том числе в области пренебрежения правом собственности. В отношении собственности *чуждых* классов они весьма активно использовали особенность народной традиции пренебрежения *чужой* собственностью. Они объявили, что впредь сколько-нибудь значительная собственность будет общей, и благодаря этому руками подстрекаемых к грабежам пролетаризованных субъектов смогли ограбить церкви и завладеть собственностью тех частных лиц, которые имели мало-мальски значительную собственность. Впоследствии даже эти пролетаризованные субъекты, по-видимому, поняли, что обещанная общность собственности означает лишь то, что собственность не будет принадлежать никому из

* В этом кинофильме обращает на себя внимание одна интересная особенность. Известно, что с советской точки зрения все стадии уголовного процесса имеют, конечно, классовый характер, т.е. также и экспертиза. Так вот, в этом кинофильме показано, как буржуазный немецкий эксперт — психиатр распознал симуляцию Камо, но изменил своему классу, с трудом преодолев муки совести (ибо он чтит честность экспертизы), и дал ложное экспертное заключение, чтобы спасти Камо и большевистскую партию от уголовного преследования.

частных лиц и ею завладеет суперсобственник — государство, но тогда верили, что грабят *чужую* собственность, чтобы она стала *своей*, хоть и общей.

Казалось, старинная мечта многих, мечта «огробрить сытых, чтобы накормить голодных» сбылась, и не вина исполнителей, что накормить голодных не так просто: возникли новые проблемы, и оказалось, что и при отсутствии сытых голодные должны кормить себя по-возможности сами.

Все эти грабежи совершались на основе декретов пришедших к власти освободителей, и поскольку эти освободители были победителями и основали новое государство, признанное вскоре как субъект международного права, то приходится заключить, что все эти грабежи проводились на законных основаниях — это один из многих в истории примеров, когда любые действия победителя оказываются как бы законными при том, что с точки зрения юридических традиций человечества, даже с точки зрения революционных традиций, их декреты должны были бы быть признаны имеющими не большую юридическую силу, чем, скажем, приказы разбойника Пугачева, тем более если учесть, что эти победители не только разогнали Учредительное собрание, но и заранее готовились к преследованиям этого полномочного народного собрания*

* Учредительное собрание открылось 5 января 1918 г., а за два дня до этого, 3 января, ВЦИК принял декрет «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти»; поскольку Учредительное собрание именно и имело целью присвоить себе функции государственной власти, то согласно декрету ВЦИК от 3 января 1918 г. деятельность этого собрания ВЦИК счел контрреволюционной и 6 января издал декрет «О роспуске Учредительного собрания». (Старый стиль.)

Не следует думать, что большевики в принципе были против того, чтобы именно Учредительное собрание определило форму государственного устройства послереволюционной России, — беда Учредительного собрания была попросту в том,

Ранее я писал,¹⁰⁰ что признаю существующую в СССР власть *de jure*, теперь я говорю о «разбойниках», основавших эту власть. Где граница между узурпаторами и законными властителями? Мне не по силам ответить на этот вопрос. И не только мне, как я полагаю: этот вопрос возникал в истории много раз в случаях узурпации власти и ставил в тупик тех, кто размышлял об этом в терминах права.

Не задумываясь о том, признавать ли большевиков конца 20-х гг. еще узурпаторами или уже законными властителями, упомяну о том, как они использовали русскую уголовную традицию в кампании по ликвидации кулачества. Известно, что присутствие в деревне сколько-нибудь имущих, хорошо хозяйствующих крестьян не гармонировало со стремлением советской власти, которая если и имела сторонников среди крестьян, то лишь среди пролетаризованной его части. Имущие крестьяне, в духе тех лет ругательно прозванные *кулаками*, были, конечно, помехой для новой власти не только потому, что согласно доктрине надо было ликвидировать частную собственность «на орудия труда и средства производства», но и потому, что *кулак* пользовался авторитетом среди крестьян и как опытный хозяйственник (во всяком случае, более опытный, чем средний руководитель колхоза), и как работодатель, который мог ощутимо конкурировать с колхозами, давая дискредитирующий кол-

что в этом собрании большевики оказались в меньшинстве. Весьма интересно, что хотя большинство избирателей были трудящимися и хотя эти трудящиеся отдали большинство голосов не большевикам, но тем не менее, по свидетельству нынешнего юриста,⁹⁵ «трудящиеся массы России единодушно одобрили ликвидацию «учредилки». — Весьма характерный прием подмены понятий: когда не хватает *голосов*, даже большевики вспоминают о *душах*, говорят о *единодушии*; впрочем, теперь даже *единогласие* иногда называют *единодушием*, так что бывает, судя по сообщениям советских авторов, что Верховный Совет *единодушно* принимает какой-либо закон.

хозные порядки пример рачительного ведения хозяйства и лучшей оплаты труда наемных рабочих.

Поэтому мир с кулаком был невозможен, ибо означал бы существенную отсрочку в политическом завоевании большевиками основной массы населения, отсрочку торжества консолидации их власти, а, следовательно, мешал бы достижению большевиками уверенности в прочности своей власти.

Было, однако, тактически рискованно проводить ликвидацию кулачества сверху, лишь волею власти и ее карательного аппарата — именно из-за авторитета кулака в деревне и потому, что новой власти, по-видимому, еще не удалось вполне побороть исконные общинные представления деревенских жителей. Поэтому власть, пропагандируя дискриминационную идею, *разрешила* крестьянам (формально их органам) *раскулачивание*, т.е. отобрание *Всего* имущества кулака, с передачей этого имущества колхозу, что сопровождалось направлением кулака с семьей в ссылку — это уже волей власти. И среди основной массы крестьян нашлось достаточно много исполнителей такой меры, что вполне согласовывалось со старой традицией пренебрежения *чужой* собственностью, а ведь «кулак» был объявлен *чужим*.

Есть сведения, что раскулачивание во многих областях сопровождалось крестьянскими восстаниями,* но

* Об этих восстаниях советские историки обычно стараются умалчивать. О том, что эти годы были испытанием боеспособности Красной Армии, видно из выступления Ворошилова на 16-м съезде ВКП(б): «Затруднения с хлебозаготовками и вылазки кулацких элементов, перегибы, допущенные в отдельных местах при коллективизации, напор мелкобуржуазной стихии, происки правого уклона — все это, товарищи, такие факторы, которые дали нам полную возможность основательно проверить политическую устойчивость и преданность красноармейских масс делу революции. После этих проверок мы можем с гордостью сказать, что, невзирая на затруднения, несмотря на обостренную классовую борьбу на протяжении

нет оснований считать, что эти восстания возникли в защиту кулаков: процесс ликвидации кулачества сопровождался так называемыми «перегибами» в деле коллективизации, и, судя по всему, восставшие защищали уже *свою* собственность от коллективизации. В какой мере в таких восстаниях были активны сами раскулачиваемые, судить трудно, правда, есть много публикаций об ожесточенном сопротивлении кулачества, и кулак с обреза, нападающий на крестьянских активистов, — это устойчивый образ официальной советской историографии. Конечно, доведенные до отчаяния люди могли взяться и за обреза, но трудно судить, в какой мере кулак мог оказать серьезное сопротивление. Во всяком случае, эти несчастные не вызывали сострадания у власти, которая отняла у них все. Мало того, жалость к ним вызывала идеологический отпор. Так, партиец Коршон на 16-м съезде ВКП(б)⁹⁶ разоблачал «классовое лицо» украинского профессора Ширенко, считавшего, что «кулаки на селе умирают с голоду и ликвидировать их — значит добивать голодных людей, которые уже давно не кулаки, а беднее незаможников».

Упомяну здесь еще общеизвестный случай, когда новая власть пошла навстречу традиционному отношению населения к *чужой* собственности. В конце второй мировой войны солдатам и офицерам Советской армии было разрешено *мародерство*: «экспроприация» имущества у гражданского населения завоеванных *буржуазных* стран. Советское население (воины и их семьи) не только без угрызений совести, но, судя по всему, с великой радостью восприняло возможность получения так называемого *трофейного имущества*. Я думаю, излишне объяснять, что бесчинства и грабежи немцев на советской территории не являлись достаточной причиной того, чтобы разрешить советским войскам такую экспроприа-

этих двух с половиной лет, Красная Армия ни разу не дрогнула».⁹⁶

цию, — применение принципа взаимности такого рода весьма сомнительно с точки зрения принципов международного права.

Замечу, впрочем, что такая экспроприация названа *мародерством* лишь в уголовном кодексе 1922 г.;⁹ в союзном законодательстве о воинских преступлениях⁹⁷ мародерством названо лишь похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых, а разбой и грабеж в отношении населения района военных действий предусмотрен отдельной статьей — не знаю, как часто ее применяли к экспроприаторам трофейного имущества и не знаю, насколько организовано проводилась сама экспроприация.*

Свойственная населению традиция пренебрегать *чужим* правом собственности активно использовалась властями в борьбе с чуждыми классами, и можно сказать, что благодаря поощрению властей ныне эта традиция распространена среди гораздо большей части населения, чем прежде, но теперь эта традиция обратилась против власти. Не много понадобилось времени, чтобы даже пролетаризованная часть населения убедилась, что тезис об *общности* национализированного имущества на практике весьма неубедителен. Новой власти, несмотря на активные усилия пропаганды, не удалось заставить население охранять государственное имущество как *свое*; в соответствии с русской уголовной традицией это имущество расхищается населением как *чужое*, причем, су-

* Вспоминаю рассказ своего доброго знакомого, разведчика на фронте, ныне чиновника в одном научном учреждении:

«Было нам задание взять «языка». Взяли. Ведем его. Ну, конечно, обыскали сначала. Товарищ мой взял отличную трубку курительную, а я громадные карманные часы, наверно, золотые, с цепью. Ведем языка к командиру, встречаем лейтенанта нашего. Он мне говорит: «Слушай, зачем тебе такие часы, отдай мне». Жалко было, но я отдал, конечно. Отошел он от нас метров на 200, вдруг прямо на том месте, где он был, — снаряд разорвался, прямо в него. С тех пор я часов никогда не брал!»

дя по очень многим данным, занимается этим расхищением почти поголовно все население, в основном по мелочам, но, как свидетельствует современная народная мудрость, в зависимости от возможностей (часто говорят: «Не крадет лишь тот, у кого нет возможности»).

Для России такое отношение к казенному имуществу не ново. Я уже говорил об обычае незаконных порубок в казенных лесах и других обычаях пренебрежения правом собственности казны. Рассказывают, что Николай I во время Крымской войны сказал Наследнику: «Мне кажется, что во всей России только ты да я не воруем».¹⁹⁷ Похоже на то, что теперь это явление распространено катастрофически. Я буду обсуждать эту проблему, говоря о феноменологии преступлений, а здесь замечу, что ныне власти все же весьма либеральны в репрессиях за мелкие хищения социалистической собственности; при Сталине репрессии были весьма жестоки, даже в случаях, когда голодные люди похищали у государства какую-либо мелочь из съестного, — разумеется, жестокая расправа лишь увеличивала число заключенных в лагерях, но не уменьшала количество хищений: вообще сомнительно, чтобы народная традиция могла быть побеждена репрессиями.

Более изобретательна была новая власть в борьбе с другим проявлением русской уголовной традиции — с самосудами.* Конечно, применялись и репрессии, тем более что, по словам постановления Верховного Суда СССР,⁹⁸ «даже в самосудах, возникающих «стихийно», нередко нужно искать направляющую руку классового врага». Коллективные самосуды карались как массовые беспорядки (в отношении организаторов — а организа-

* Лишь с тех пор, однако, как этот обычай перестал быть нужным власти как инструмент классовой борьбы: по многим признакам видно, что власть натравливала крестьян сжигать и грабить усадьбы помещиков или раскулачивать состоятельных крестьян, именно используя самосудные склонности населения.

торы стихийных событий всегда найдутся — наказание было предусмотрено вплоть до расстрела). Ст. 59² УК РСФСР.*

Но фактическая победа новой власти над прежними формами самосуда была, по-видимому, результатом не репрессий, а следующих двух обстоятельств.

Во-первых, новый порядок ликвидировал крестьянскую общину, которая ранее и защищала своих членов, и самосудно карала своих недоброхотов. Быть может, покажется странным, что власть, проповедующая коллективизм, разрушила исторически сложившиеся коллективистские ячейки, но это понятно, если учесть, что крестьянскую общину *пришлось разрушить*, так как она сопротивлялась внешнему контролю со стороны властей, и *пришлось заменить* ее на колхозный коллектив, контролируемый властями, такой коллектив, внутренние связи в котором между его членами, конечно, несравнимо слабее, нежели это было в общине; насколько я могу судить, к колхозному коллективу практически не применимо понятие *круговой поруки*, столь характерной для крестьянской общины. Поэтому в колхозном коллективе почти нет случаев сокрытия фактов серьезных

* Вот пример использования самосуда классовым врагом⁴¹⁶:

В январе 1934 года в колхозе "Новый мир" Лебяжинского сельсовета Исиль-Кульского р-на Западносибирского края в стане, где были сосредоточены четыре полеводческих бригады, под видом "товарищеского суда" был организован самосуд в виде применения к колхозникам и колхозницам, опоздавшим или не явившимся на работу, в качестве наказания битья ложками по задней части тела. В течение января были таким образом избиты 13 чел., из них 11 колхозниц, в том числе одна на пятом месяце беременности. Избиения производились публично. Были избраны председатель "суда", "заседатели", "прокурор", "защитники", "палач", "валяльщик", "держатели", "секретарь". Инициатором в распространении подобных издевательских методов был некий записавшийся в колхоз кулак-бригадир Баженков, отец которого в 1930 г. был раскулачен и выслан.

преступлений от властей, как это бывало ранее среди крестьян.

Во-вторых, новая власть смогла дать новое направление склонности людей к самосудной расправе: она облегчила самосуд необычайно. Если раньше для возникновения стихийного самосуда нужна была воля толпы (и даже направляющей руке классового врага приходилось, наверное, апеллировать к этой толпе), то в 20-40 гг. самосуд можно было производить единолично — достаточно было написать донос властям, что сосед — кулак, подкулачник, шпион, диверсант и т.п., и самосуд свершен: на многих примерах люди видели, что после такого самосуда их жертвы не возвращаются.

До какой степени нужно запугать население, чтобы люди, ранее презиравшие доносы, начали доносить на ближнего, обороняясь от его возможного доноса, — эта проблема еще ждет социальных психологов. А ведь ранее, по данным многих исследователей, крестьяне в России действительно чурались доносить властям. Судя по материалам кн. В. В. Тенишева, например, «самая обязанность донести властям о совершившемся преступлении далеко не всегда признается бесспорной, и нередко доносы осуждаются крестьянами». Русские пословицы на эту тему многочисленны и широко известны, например: *моя хата с краю — ничего не знаю, ябедник — черта праведник. Ябедников презрительно называли суками, своднями, конце-сплетнями, сарафанной почтой, подговорщиками, кляузами, мыторными, язычниками.*⁷⁴

Конечно, активных ябедников не любили и в советское время, и рабоче-крестьянским корреспондентам, писавшим «разоблачительные заметки», бывало часто неуютно в их коллективах, если их тайное увлечение становилось известным.* Впрочем, и в этой нелюбви к таким ябедникам искали направляющую руку классового врага.

Кроме доносов, которые ныне, слава Богу, не столь

* А. Герцензон упоминал даже об *антирабселькоровском движении*.¹⁹⁸

распространены, как в 30-40 годы, власти используют самосудные склонности населения в организации собраний, на которых осуждают членов коллектива за нехороший поступок, за нецеломудренное поведение, за алкоголизм, за инакомыслие, — эти собрания бывают весьма темпераментны, но, в основном, русская традиция самосуда преобразилась, и он принял «пристойные» формы.

Разумеется, вкус населения к самосуду посредством физической расправы не пропал совсем, и часто именно мотив самосуда можно усмотреть в основе многих драк, но ни количественно, ни по своей жестокости этот самосуд уже не таков, как прежде.

Вкус к самосуду не слишком зависит от сословной принадлежности. Вот к тому иллюстрация:

Один ученый рассказал мне, что на военных научных предприятиях хорошо поставлено дело надзора, чтобы не крали радиодетали (он жаловался, что в его институте такие кражи распространены). По его словам, военный представитель в лаборатории остановил однажды проходящего мимо новичка-техника, пощупал его карманы, вынул оттуда спрятанную радиодеталь и, говорит мой ученый собеседник, — «хрясть ему в морду, так что он на другой конец комнаты отлетел». Из беседы выяснилось, что ученый вполне одобряет эту решительную меру.

Другой пример: современный русский писатель А. Солженицын, как можно понять, сожалеет об отмирании обычая самосуда.

Он пишет ²⁸⁷ :

«А подлинная самодеятельность, такая, как во французском фильме «Набережная утренней зари», где рабочие без ведома властей сами вылавливают воров и сами их наказывают, — такая самодеятельность не была бы у нас обрублена как самовольство? Такой ход мысли и фильм такой — разве у нас возможны?»

ЧАСТЬ I

ВОРОВСКОЙ МИР КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Теперь, после рассказа об уголовных наклонностях русского населения, обращаясь к описанию собственно преступного его слоя, скажу прежде всего, что лишь малая часть этого преступного слоя общества заслуживает быть почитаема *социальным институтом*, ибо только в этой малой части можно проследить устойчивые, регулируемые обычным правом и специфической этикой внутренние связи — об этом именно социальном институте и говорят обычно как о *воровском мире*.

Просто преступники, а их в России немало, совершающие однократно или систематически противозаконные деяния, остаются при этом членами общества, исповедуют с большими или меньшими отклонениями основные этические представления, характерные для общества в целом. Деятели же *воровского мира*, в отличие от основной массы преступного слоя общества, лишь физически являются членами общества — внутренняя этика их мира требует их полной отдельности от общества, разрыва всех обычных социальных связей, как то связей семейных, обязательственных и т.п.

Этот мир называют миром *воровским*, ибо члены его именуют себя *ворами*, причем основано это название на том, что они — действительно воры, т.е. лица, вполне пренебрегающие правом собственности, в известном смысле вообще отвергающие право собственности как социальный институт. Однако не любой вор в обычном смысле, не любое лицо, пренебрегающее чужим правом собственности, является деятелем воровского мира; и

не любой деятель воровского мира является лишь вором, ибо право собственности — не единственный социальный институт, отвергаемый этикой и обычным правом этого мира. В этой части книги я пишу лишь о воровском мире; из всех преступных субкультур именно он выделяется устойчивостью этических норм, регулирующих его внутреннюю жизнь.

Интересно отметить, что замкнутость и экзотичность воровского мира, способность его членов жить *отдельно* от общества обеспечивают ему привлекательность с точки зрения обычных преступников, не порвавших полностью социальных связей с обществом, а это очень часто влечет к подражанию и даже к самозванным притязаниям многих субъектов на принадлежность к воровскому миру. Это обстоятельство является одним из источников затруднений в попытках изучить характер деятельности собственно воровского мира — часто похвальба безответственных подражателей вводит исследователей в заблуждение; напротив, сами деятели воровского мира чтут экзотичность и информационную замкнутость своего сообщества настолько, что весьма мала надежда на то, что кто-либо из них займется писанием мемуаров о внутренней жизни этой замкнутой ассоциации.

В истории России был период, когда многие интеллигентные исследователи получили, казалось бы, возможность прямых контактов с крупными деятелями воровского мира: в 20-40-е гг. громадное количество политзаключенных содержалось в лагерях вместе с уголовными преступниками, и среди этих политзаключенных было достаточно лиц, способных к проведению социальных исследований. Разные обстоятельства, однако, помешали тому, чтобы возможность таких исследований была в достаточной мере реализована, и среди этих обстоятельств — интенсивное вымирание политзаключенных в лагерях (кто знает, сколько записанных в памяти иссле-

дований погибло вместе с их авторами?). Немаловажным было и то, что собственно контакта с настоящим преступным миром, контакта, необходимого для подробного исследования, у таких предполагаемых исследователей обычно и не получалось; преступный мир слишком активно преследовал политзаключенных в лагерях, и такая вражда, конечно, весьма затрудняла возможности изучения, во всяком случае, изучения беспристрастного. Все же в мемуарах политзаключенных можно иногда найти важные и необесцененные ненавистью данные о преступном мире. Особенно важны для изучения этого мира рассказы бывшего политзаключенного Варлама Шаламова; медицинские занятия в лагерях обеспечивали ему многочисленные контакты с уголовными преступниками, при том, что он оказался способен, в известной мере, беспристрастно анализировать виденное, как бы оно ни ужасало его.

По поводу источников информации о преступном мире замечу еще, что многие писатели, увлеченные романтикой и экзотичностью воровской жизни, использовали сюжеты, связанные с деятельностью преступного мира, и наделяли своих героев желанными привлекательными или, напротив, отвратительными чертами по своему вкусу. Обычно, однако, нетрудно видеть, что познания автора о преступном мире исчерпываются информацией о низших иерархических слоях этого мира и о самозванных подражателях. Особое место в художественной литературе о преступном мире занимает роман Крестовского «Петербургские трущобы»: ¹¹¹ эрудиция автора в области воровского языка, по-видимому, почерпнута из солидного источника, и этим роман очень интересен, хотя он и посвящен описанию жизни весьма разношерстной уголовной публики, судя по всему, далекой от верхов воровской иерархии.

Вполне возможно, что ценная информация по обсуждаемой проблеме накоплена в архивах советской проку-

ратуры и КГБ: в этих кругах хватает и исследователей, и источников информации, ибо случалось все же, что лица, достаточно близко соприкасавшиеся с ядром преступного мира, «раскалывались», давая властям подробные сведения о своей среде. В какой мере советским ученым доступны такие сведения — неизвестно. Во всяком случае, советских публикаций на тему о структуре, об обычаях преступного мира не появляется, но, по-видимому, причиной этому внимательность цензуры, непоощряющей обнародование такой развращающей население информации.

Советские криминологи настойчиво утверждают, что в СССР совсем нет организованной преступности в отличие от западных стран — в какой-то мере это так, но разумно помнить об отличии воровского мира в России от того, что принято считать организацией. Возможно, впрочем, советские исследователи не вдаются в тонкости отличия западных преступных корпораций от российского воровского мира, а имеют в виду просто отсутствие в России организованного террора гражданского населения, при котором терроризируемые платят «дань». Такой формы отношений преступного мира и населения в России как будто и вправду нет; интересно, однако, отметить, что такая форма отношений зарождалась: в прошлом веке случалось, что крестьяне заключали договора с пристанодержателями, которые за определенную плату гарантировали безопасность крестьян от злоумышлений конокрадов, причем такие договора даже регистрировались в волостных управлениях⁹⁹ — похоже, что страховой институт этого рода не получил развития в России.

В пропагандистских публикациях советские авторы еще более решительны в том, чтобы не признавать существования в СССР воровского мира. Вот пример. Общеизвестно для российского населения, что этот мир имеет своих лидеров, именуемых «вор-в-законе» или

«пахан». Из интервью сотрудника «Литературной газеты» с лейтенантом МВД, воспитателем из лагеря, читатели узнают иное:⁴⁴²

Журналист: «Паханы, воры в законе» — это осталось или ушло?»

Лейтенант МВД: «Безвозвратно. Этого я уже не застал, когда начал служить, только у Льва Шейнина про это читал».

О том, что преступного мира больше не существует, сообщает в «Литературной газете»⁴⁵⁰ и бывший вор, ныне мастер профессионально-технического училища, Алексей Фролов:

«Сейчас у нас нет этого преступного мира, он уничтожен. Я говорю, разумеется, не о преступности вообще, а о той — организованной, сплоченной, противопоставляющей себя обществу, не признающей даже родины — «Родина вора там, где можно украсть». Этого мира больше нет. Те разобщенные (или объединенные по двое, по трое) преступники, кто совершает сейчас преступления, — они рано или поздно оказываются в тюрьме или колонии особого режима, где все сейчас не так, как было двадцать пять лет назад.

Самого-то мира нет, но отголоски его я ясно порой слышу».

И далее:

«Преступного мира нет, а его тень все еще держит — и крепко держит! — в плену иных людей».

Глава 1. Артели

Для изучения организационной структуры воровского мира весьма важны два обстоятельства: то, что их ассоциации ведут свою историю издавна, и то, что этот мир весьма консервативен в почитании своих организацион-

ных и этических принципов. Именно консервативность его позволяет при изучении этого мира использовать аналогии с ранее существовавшими ассоциациями вольных, отдельных от общества субъектов, а давность возникновения таких ассоциаций позволяет с пользой для понимания их организационной структуры отправляться в изучении их от знакомства со структурой челонеческих ассоциаций, во множестве существовавших в России издавна и основанных в своем устройстве на принципах обычного права.

Поэтому пусть не покажется читателю, что я отвлекся от обсуждения темы, поименованной в названии этой части книги, начиная обсуждение структуры воровского мира с краткого описания *рабочей артели* — давнишнего русского социального института, дожившего в прежнем своем виде до начала нашего века и, судя по всему, не прекратившего существования и ныне. Я употребляю устоявшийся в юридической литературе конца прошлого века термин *артель* для широкого класса ассоциаций, основанных, как правило, с хозяйственной целью и называвшихся в зависимости от места и времени *артелью*, *ватагою* (наиболее древнее, как будто, название,⁴⁴³), *валкой*, *гуртом*; встречались и иные названия, характеризующие иногда и специализацию артели.

Характер внутренней организации артелей весьма разнообразен, и в отдельных случаях, особенно в прошлом веке, существовали даже артели, внутренняя структура которых определялась письменным статутом; еще раньше, впрочем, начиная с Петра I, функции некоторых артелей определены были законодателем; однако не такие нормированные, статутные артели интересуют меня в связи с изучением воровских ассоциаций, а лишь те формы артелей, которые были основаны на *устном*, иногда *молчаливом* договоре участников, — таких артелей в России было большинство, и, по мнению некото-

рых авторов, немыслимо было представить себе Россию и русского человека без артели.¹¹⁹ Распространенность духа артельного начала была такой, что вообще любое совместное приложение сил нескольких лиц в народе именовали артелью.

В середине прошлого века, когда статутное право распространяло свое действие на все большую область гражданских правоотношений, тот факт, что артель имеет своим основанием право обычное, приводил подчас к неудобствам, во всяком случае, раздавались голоса, призывающие правительственную администрацию издать единообразные правила для организации артелей. Исследователь русского обычного права Якушкин⁷³ заметил в связи с этим:

«Ежели бы и были изданы общие правила для артелей, то, по всей вероятности, они остались бы мертвою буквою, и это был бы самый счастливый исход для артельного дела, которое по своему разнообразию не может подчиниться регламентации».

Регламентация артелей, однако, постепенно проводилась, а в советское время термин «артель» стал применяться для изобретенного новой властью суррогата самодеятельной ассоциации — были созданы сельскохозяйственные артели (колхозы), кустарные, рыболовецкие и пр. «артели», не только регламентированные по своей внутренней структуре, но полностью контролируемые государственной и партийной администрацией и практически полностью не имеющие самостоятельности, вплоть до фактического ограничения свободы выхода из такой «артели». Вместе с насаждением государством таких суррогатов артели практически исчез из русского языка термин «артель» в прежнем смысле, столь часто употреблявшийся ранее для обозначения совместных действий людей.

Между тем, и это социально весьма важно, артельное начало в психологии народа осталось и до сих пор

весьма сильно. Особенно это важно потому еще, что власть ныне отнюдь не поощряет самодеятельности населения в области реализации права на ассоциацию. Между тем, ассоциации с различными хозяйственными целями образуются и функционируют на основе простых, испытанных веками принципов, напоминая нам о живучести народных принципов обычного права. Существование древних артельных форм можно наблюдать ныне в любом почти случае выполнения группой рабочих какого-либо частного заказа (эти рабочие могут в то же время составлять *бригаду*, находясь на государственной службе, но это не мешает им строить свои внутренние, неслужебные отношения по принципу древней артели); подобие артели видим также при организации молодежью самодеятельных туристских путешествий: в этой области сильнее, чем где-либо, проявляется склонность молодежи освободиться от любой опеки властей, и самостоятельный туризм пока процветает, несмотря на то, что власти стремятся взять под контроль такие самодеятельные туристские группы, вводя регистрацию их руководителей и маршрутов путешествий (иногда это делается из стремления обеспечить безопасность путешествий). Подобие артельного устройства можно видеть даже в организации праздничного стола в *складчину* — в полной аналогии с существовавшим ранее у крестьянской молодежи артельным обычаем, например, *рождественских складок*.⁷⁵

Я говорил об артели как об исконно русской форме ассоциации, однако подобные формы, судя по известным данным, можно найти и в правовой истории других народов; надеюсь, я не упрощу проблемы, сказав, что артель — это одна из самых примитивных форм ассоциации с определенной хозяйственной целью, и именно эта простота объясняет и живучесть этой формы и ее приспособляемость к разнообразным хозяйственным целям и условиям деятельности.

Устный или даже молчаливый договор о совместной деятельности хозяйственного характера на началах *равноправия* составляет уже *артель*, если при этом явно или неявно установлено, что в общем деле члены этой артели связаны *круговой порукой*, то есть артель несет ответственность по обязательствам своих членов, данных от имени артели, и каждый член несет ответственность по обязательствам артели. Этот принцип круговой поруки — важная гарантия договороспособности артели: контрагент, ведя дело с представителем артели, может не интересоваться ни составом артели, ни договороспособностью и профессиональной пригодностью отдельных ее членов. В простейшем общем случае обязательство, взятое представителем от имени артели, должно быть выполнено, и для контрагента не важно, кто выполнит это обязательство — артель сообща или ее представитель. Принцип круговой поруки включает и обязательство членов артели отвечать за ущерб, нанесенный артели по их вине, а равно отвечать за ущерб, нанесенный по их вине контрагенту. В таких случаях они отвечают всем своим имуществом (исключая, впрочем, судя по данным многих исследователей, то имущество провинившегося члена, которое непосредственно необходимо для прокормления им себя и своей семьи); при неспособности провинившегося члена отвечать за ущерб своим имуществом члены артели солидарно несут ответственность за случившийся убыток.

Принципы договорности, равноправия основных членов и круговой поруки вполне определяют организационную структуру артели. Управление делами артели осуществляет выборный лидер артели, который в разных областях именуется по-разному; наименования *староста* (*старшой*) и *атаман* (*отоман*) — весьма распространены. Такой лидер избирается равноправными членами артели и, как правило, не имеет никаких преимуществ по сравнению с членами артели; однако на нем лежат

обязанности рачительного ведения хозяйства артели, заключение сделок на производство артельных работ и иное представительство во внешних сношениях артели. При нерачительном ведении дел артели староста переизбирается. В некоторых артелях обязанность старосты выполняют поочередно все члены артели.

Принцип равноправия означает не только равное участие основных членов артели в принятии решений по общим делам, но и равное их право на прибыль при равном труде (или труде и капитале). В необходимых случаях, в зависимости от характера деятельности, артель имеет общий котел и другие общие бытовые блага, обеспечиваемые равной складчиной членов артели.

В артели могут участвовать также неполноправные члены, например, ученики, получающие меньшую долю прибыли или не получающие ничего. В некоторых артелях женщины получали половинную, по сравнению с мужчинами, долю прибыли, но это не общее правило, и в то же время отмечалось существование чисто женских (девических) артелей — это зависит от рода деятельности.

Среди артельных обычаев отмечу необязательный, но часто встречающийся обычай взаимопомощи внутри артели, например, уход за больным сотоварищем и обеспечение его пищей.

Важно также упомянуть о *наказаниях*, которые применяла артель к тем своим членам, которые пренебрегали возложенными на них обязанностями или совершали проступки против нравственности. В частности, *прогулы* обычно наказывались штрафом, причем *прогулом* называли обычно появление на работе в нетрезвом виде. Применялись выговор и штрафы и за другие проступки, причем штраф часто заключался в запрещении участвовать в работах артели в течение одного или нескольких дней, что влекло за собой, конечно, невыплату прибыли за эти дни.

Принципы, лежащие в основе артелей работных, характерны и для многих артелей торговцев, разносчиков и, что особенно интересно в связи с тематикой этой книги, для артелей нищих: именно в артелях нищих члены их в гораздо большей степени, чем в работных артелях, находятся в зависимости от артели, чем приближаются к артелям воровским, о которых речь пойдет дальше. На примере взаимодействия артелей нищих между собой упомяну о *разделе территории* промысла между артелями — это важная проблема в отношениях между артелями, и противоречия, связанные с претензиями на территорию, могут оказаться весьма острыми. Случай, рассказанный в ⁷², когда несколько артелей нищих вытеснили с ярмарки «лишнюю» артель, — по-видимому, не особенно трагичен, если дело не дошло до серьезной драки.

По степени информационной замкнутости артели нищих также подобны артелям воровским — у них существовал особый *нищенский язык*, непонятный для непосвященных.

Для иллюстрации внутренней структуры ассоциации нищих приведу рассказ о такой ассоциации в Минской губернии (1880 г.), интересный также тем, что в отличие от обычного артельного устройства общины нищих в данном случае речь идет о нищенском *цехе*, структура которого, как можно судить, напоминает западно-европейское цеховое устройство:⁴⁴⁴

«Все нищие этой местности на довольно далеком окружном пространстве составляют совершенно правильно организованную общину под названием *нищенского цеха*, с выборным *цехмистром* (начальником), с особыми правами, обычаями и особым нищенским языком. Каждый член цеха именуется товарищем. Для вступления в цех обязательно соблюдение некоторых условий. Всякий, имеющий право на нищенство, т.е. имеющий какие-нибудь телесные

недостатки и увечья, обязан пробыть известное время учеником у нищего товарища, причем он вписывается в особую тетрадь и обязан вносить в цеховую братскую кружку определенную плату. Срок учения обыкновенно 6-тилетний, и плата — 60 к. Но желающие могут сократить срок, и тогда плата возвышается. Переименование ученика в товарища совершается с особой церемонией. Ученик приводится в собрание нищих. После приветствия с обеих сторон цехмистр экзаменует ученика в знании молитв, нищенских кантов и нищенского языка; затем ученик обязан поклониться и поцеловать руку каждому присутствующему в собрании товарищу и тогда уже получает право именоваться товарищем. В заключение делается угощение на счет новичка, и здесь он в первый раз садится с другими. Цехмистр избирается на неопределенное время и большею частью из слепых; он собирает цех для нужных дел и для наказания, между прочим, виновных. Наказания виновных состоят большею частью в покупке воска для братской свечи, но прежде наказывались и телесно. Самым позорным наказанием считается обрезывание *торбы*, т.е. нищенской сумы; этим обрядом виновный лишается права на нищенство. Для хранения и расходов цеховых сумм избирается ключник. Собрания нищих бывают экстренные и ежегодные. Последние приурочены к определенному дню — понедельнику первой недели Великого Поста или к Троицину дню. В этот день становится в церкви новая братская свеча. Цеховые нищенские суммы расходуются большей частью на церковные потребности... У нищих свой особый язык, который они стараются держать в секрете от посторонних».

Рассказанное в этой главе относится к таким артелям, члены которых остаются свободными в отношении права выхода из артели. В этом смысле описанные артели я

называю *либеральными* в отличие от артелей *тоталитарных*, которым посвящена следующая глава.

В заключение замечу, что есть один вид ассоциации, который народные обычаи признавали *артелью*, несмотря на то, что участие лиц в этой ассоциации не есть следствие договора, а есть неизбежное следствие их вынужденного пребывания в определенном месте, — я говорю о *тюремной артели* — подробнее о таких артелях в старину см.^{445, 446}.

Ныне следы артельных обычаев сохранились в тюремном и лагерном коллективе, но я не рассказываю об этом здесь.

Глава 2. Воровская артель

В юридической литературе упоминания собственно об артелях воров и конокрадов появились, по-видимому, во второй половине прошлого века (например,^{75, 119, 120}). Ныне термин *артель* в применении к воровскому промыслу употребляется редко. Судя по запискам Шейнина, во времена НЭПа об этом термине еще помнили⁴⁶⁸. К сожалению, этот тип артелей в известных мне публикациях не исследован. Сведения о более старых общественных структурах вольных людей несколько богаче: я имею в виду исследования об общественном устройстве казаков в начальный период их существования.

Хотя многое свидетельствует об использовании артельного начала в общественной организации преступного мира, отличие воровской артели от артели рабочей весьма существенно и связано прежде всего с *тоталитарностью* воровской ассоциации, в непризнании за членами воровского сословия права выйти из него и вернуться в общество: воровской мир столь строго охраняет свою информационную замкнутость, столь высоко ценит доверие, оказанное «посвященным», тем, кто принят как равный в воровскую семью, что оставление этой семьи почитается за измену, ибо порождает для воров-

ского мира опасность нарушения информационной замкнутости.* Такое отношение к праву выхода характерно для многих замкнутых ассоциаций, в том числе для особенно фанатичных религиозных организаций, некоторых тайных политических организаций и среди них даже таких, которые благоденствуют, приобщенные к властвованию.**

Пример артели вольных людей дает Пушкин в рассказе о начальной стадии развития казачества:

”Яицкие казаки послушно несли службы по наряду

* Только с согласия воровского мира вор может *завязать* — уйти в общество. Если самовольный отщепенец воровского мира поступит на работу, то уже это является *изменой*, влекущей часто смерть. Суды в СССР квалифицируют убийство таких лиц как убийство, связанное с исполнением потерпевшим своих общественных обязанностей, ибо общественно-полезный труд является обязанностью члена общества.⁴⁴⁸

В лагерях рецидивисты и осужденные за тяжкие преступления наказываются вплоть до смертной казни за попытку мешать другим заключенным ”встать на путь исправления”. (Ст. 77¹ УК РСФСР). Вот недавний казус.⁴⁴⁹

Осужденный за тяжкое преступление Галаткин напал на дневального в колонии усиленного режима и нанес ему побои и ножевое ранение; он объяснил свое нападение на потерпевшего ”желанием заставить его отказаться от добросовестного отношения к труду”. Осужден по ст. 77¹ УК РСФСР.

** Характерно, что в нынешней России уставы многих ассоциаций, называемых добровольными, не предоставляют своим членам возможности выхода по собственному желанию. Наиболее важным примером является коммунистическая партия: желающие выйти из нее будут исключены из партии за недостойное коммуниста желание покинуть организацию или еще за что-нибудь. Другим примером является КГБ. Я вспоминаю рассказ одного советского гражданина, который в юности имел намерение устроиться на работу в КГБ; на собеседовании ему сказали: ”Вы понимаете, что из нашей организации не увольняются?” Общеизвестно, что и весь Советский Союз может быть назван ассоциацией тоталитарной в указанном смысле ограничения права выхода, ибо ”бегство за границу” наказуемо как уголовное преступление.

Грустно и Академию наук сравнивать с воровской артелью, но как не вспомнить здесь, что в 1949 году, после того, как англичанин Генри Дейл и американец Герман Меллер заявили о выходе из советской Академии, протестуя против преследований генетики в СССР, потребовались речи Вавилова, Опарина и др., потребовалось голосование общего собрания, чтобы исключить их из Академии⁴⁷⁶.

московского приказа; но дома сохраняли первоначальный образ управления своего. Совершенное равенство прав; атаманы и старшины, избираемые народом, временные исполнители народных постановлений; круги, или совещания, где каждый казак имел свободный голос и где все общественные дела решимы были большинством голосов; никаких письменных постановлений; *В куль да в воду* — за измену, трусость, убийство и воровство:* таковы главные черты сего управления». ¹²¹

Устройство артели этих казаков весьма характерно для начального периода любой подобного типа ассоциации вольных *равных* людей. То, что староста или атаман подобной артели был всего лишь одним из равных и мог быть в любое время *переизбран*, несмотря даже на большой свой авторитет, весьма характерно именно для начального периода существования таких сообществ. Характеризуя зависимость атамана от артели, Пушкин же говорил о Пугачеве:

«Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями пришлеца, не имевшего другого достоинства, кроме некоторых военных познаний и дерзости необыкновенной. Он ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле. Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом; но наедине обходились с ним как с товарищем и вместе пьянствовали, сидя при нем в шапках и в одних рубахах и распевая бурлацкие песни. Пугачев скучал их опекою. *Улица моя тесна*, — говорил он...» **

* Насколько можно судить, имеется в виду воровство внутри сообщества.

** Случай Пугачева особенно интересен, так как здесь главарь преступного сообщества в нарушение обычаев был объяв-

Полное равноправие, однако, характерно, по-видимому, лишь для начального периода жизни таких ассоциаций. Человеческая природа такова, что у лиц, достигших некоторого, пусть временного, иерархического возвышения по сравнению с сотоварищами, появляется желание закрепить свой иерархический успех, оградить его посредством введения в правовую или этическую структуру ассоциации каких-то новых принципов. Как правило, такое закрепление иерархического старшинства оказывалось удобнее делать не единолично, а вместе с другими лицами, также озабоченными закреплением своих иерархических успехов. Так появлялось коллективное старшинство; из сообщества выделилась *элита*, членов которой потом уже не избирают всем кланом, ибо эта элита предпочитает «избирать себя сама», т.е. ее пополнение происходит не иначе, как волеизъявлением самой элиты или нескольких ее членов; рождается процедура посвящения, признания и т.п. Подобный процесс можно наблюдать в истории на примере многих ассоциаций, и однообразие может удивить исследователя.

В воровском мире, члены которого рассеяны среди общества, а не локализованы в какой-либо области, подобно казачеству, выделение элиты было процессом, по-видимому, более сложным и могло быть связано с взаимным признанием старшин наиболее активных и крупных воровских артелей. Нет оснований считать, что такое выделение элиты преступного мира произошло лишь недавно.*

лен царем перед народом; поэтому артель могла предвидеть трудности, которые возникли бы в случае возможного переизбрания Пугачева как атамана; быть может, именно это побуждало членов артели осуществлять более сильный контроль над его действиями.

* Я не знаю, как давно в России возникли замкнутые воровские ассоциации. Советский автор Лихачев³³¹, говоря, по-видимому, в большей степени о Европе, нежели о России,

Нынешняя ситуация такова, что элитой преступного мира являются так называемые *воры-в-законе*, рассеянные по свободной территории России и по лагерям, но поддерживающие между собой постоянную связь; от времени до времени некоторые из них собираются на *воровские съезды*: последнее известие о таком съезде я имел в начале 60-х гг. (это, конечно, не означает, что потом их не было). Не знаю, как часто проводятся такие съезды, однако нет сведений, что они проводятся ежегодно или со строгой периодичностью.

Характер обсуждений на таких съездах мало кому известен, но, по распространенному среди околорововской публики мнению, знатоки *воровских обычаев* и толкователи *воровской идеи* обсуждают на своих съездах не только внутренние противоречия воровского мира (а их бывает немало) и вопросы распределения территории промысла, но также и проблемы, связанные с сохранением чистоты воровских обычаев и с возможной трансформацией этих обычаев в зависимости от изменяющихся внешних условий. Вполне возможно, что вопросы признания новых членов элиты решаются также на устанавливает время установления «сплоченной воровской среды», исходя из следующих рассуждений:

«...Среда воров-профессионалов прежде всего является средой деклассированной, люмпен-пролетарской.

Мы должны сразу же оговориться, что хотя «...люмпен-пролетариат представляет из себя явление, встречающееся почти во всех бывших до сих пор фазах общественного развития...» (Маркс-Энгельс. Соб. соч., т. VII, стр. 123), но начало существования сплоченной воровской среды должно относиться по преимуществу ко времени, когда массовая экспроприация земли у крестьян и, следовательно, быстрая пауперизация создала условия для первоначального капиталистического накопления. Этот «пролог переворота, создавшего основания для капиталистического способа производства, относится к последней трети XV и к первым десятилетиям XVI вв. (Капитал, т. I, гл. 24). К этому же времени относятся и первые свидетельства о существовании воровских аргю».

таких съездах — точно об этом мне ничего не известно, и вообще покрыта тайной процедура, посредством которой *вор* становится *вором-в-законе*. У меня есть сильное подозрение, основанное на отрывочных сообщениях лиц, которые считают себя сведущими в этом, что такая процедура вообще не единообразна.

Я говорил об элите воровского мира как о верхах воровской иерархии; мне не известно, насколько эта элита слоиста по иерархической структуре. Судя по доступным сообщениям, могу с большой вероятностью предполагать, что отношения старшинства внутри элиты не получили никакого формального выражения и основаны лишь на обычаях почтения к возрастному старшинству, к особо выдающейся деятельности и т.п., причем вряд ли внутри этой элиты особо почитаемые лица пользуются какими-то особыми правами в принятии решений.

Я намеренно подчеркиваю в своем рассказе вопросы, которые мне не ясны, не только с целью обратить на эти вопросы внимание будущих исследователей, но и с целью иллюстрации трудности адекватного описания структуры ассоциации, деятельность которой строится на принципах обычного права и вдобавок ограждена тайной; замечу при этом, что даже не тайные обычно-правовые организационные структуры часто оказываются столь сложными для систематического их описания, что во многих исследованиях таких структур мы встречаем лишь приблизительную схему, дающую подчас только отдаленное представление о фактическом характере описываемой общественной структуры. Одной из причин такой фактической сложности обычно-правовых социальных структур является постоянное иерархическое соперничество внутри руководящей элиты, создание группировок, борющихся за влияние и использующих в этой борьбе возможность неоднозначного толкования древних предписаний обычного права. Разумеется, фактический характер организационной структуры го-

раздо ближе к предписанному устным правом в тех структурах, которые являются *иерархически пирамидальными*, т.е. в таких, в которых осуществляется единоличное руководство и всей ассоциацией, и ее частями.

Для воровского мира такая пирамидальная иерархическая структура не характерна, и он в большей мере подобен ассоциации демократической и коллективистской по характеру управления. Я говорю это о воровском мире в целом, отдельные же его части в соответствии с артельным началом управляются выборными лидерами, однако выборы эти могут часто и не иметь привычного для нас характера и могут не проводиться посредством процедуры подачи и подсчета голосов членов артели. Часто такая воровская артель составлена из лиц, сгруппировавшихся вокруг авторитетной личности: тем самым уже бывает произведен выбор этой авторитетной личности как артельного лидера. Если в существующей воровской артели, не имеющей в своем составе авторитетных в воровском мире деятелей, вдруг появляется такой деятель, он может автоматически, по молчаливому согласию, быть признан лидером артели, хотя он может и не предъявлять никаких на это прав или претензий,— такую молчаливую процедуру признания лидера также можно считать свободным выбором: в системах, регулируемых обычным правом, процедура проведения выборов часто заменяется таким молчаливым признанием, как бы означающим общее согласие о том, что если бы выборы и проводились, то избран был бы именно тот, кто признан лидером и без специальной процедуры. Подобный же молчаливый выбор лидера при наличии в артели особо авторитетного лица можно наблюдать и на примерах рабочей артели. Разумеется, бывает много случаев, когда между кандидатами на лидерство в воровской группе возникает борьба; при этом часто лучшее знание воровских обычаев и более яркая воровская биография не является несомненным основанием для успеха

в такой борьбе — возможно и прямое применение физической силы: артель будет наблюдать за дракой претендентов, относясь к ней как к форме предвыборной дискуссии; победитель обычно, но не обязательно признается артелью лидером.

Я говорю все это об избрании лидера среди равных. Доподлинно неясно, насколько иерархическая структура воровского мира сложна, однако известно, во всяком случае, три слоя этой структуры: элита, о которой я говорил выше, просто воры и ученики, признанные достойными претендовать в будущем на равноправие среди воров, однако до времени играющие подчиненную роль. Есть еще самый низший иерархический слой в воровском мире — это разнообразные посредники в отношениях воров и общества: наводчики, скупщики, пристанодержатели и т.п. — лица, не порвавшие социальных связей с обществом и потому, строго говоря, не принадлежащие к воровскому миру, как к замкнутому социальному институту, а играющие вспомогательную роль.

В отношениях воров с учениками и «околоворовской» помогающей и подражающей публикой, разумеется, нет и следа признания их равноправия: группа, в которой главенствует *вор* среди не воров, вполне авторитарна: именно такие группы чаще всего наблюдали политзаключенные в тюрьмах и лагерях, в связи с чем весьма распространено мнение об авторитарности внутреннего устройства воровских ассоциаций.

Структура малой ячейки воровского мира во многом подобна артели. О выборе лидера я уже говорил. Принцип договорности, вообще говоря, соблюдается при организации конкретной воровской артели, и обычно вор свободен выйти из данной группы и присоединиться к другой — иное было бы и невозможно практически, если учесть склонность этих субъектов к перемене мест, иногда вынужденную угрозой преследования, а иногда

соображениями удобства промысла. Равенство долей при дележе добычи в отношении равноправных членов артели за равный труд обычно соблюдается. Конечно, может быть оговорено иное, если случается так, что один из них выполняет существенно больший объем работы. Лица второстепенные в деле, посторонние помощники, не входящие в артель, получают долю по соглашению.

Сказанное относится к случаям совместного артельного совершения воровского дела. Очень многие воровские профессии допускают индивидуальную деятельность. Вопрос о дележе добычи такого вора с артелью, по-видимому, не составляет проблемы, особенно если учитывать высокую степень взаимопомощи среди воров, их безразличие к накоплению имущества и то, что нужды воровской *малины*, т.е. сборища воров в определенном месте, обеспечиваются посильными вкладами участников этих сборищ, и, судя по всему, не существует каких-либо установленных сборов на нужды такого «общего котла».*

Воры по-разному именуют свои группы, которые здесь я называю артелями. По данным прошлого века¹²², в Петербурге такие артели назывались *хороводами*, они группировались каждый около определенного трактира, где и собиралась *малина*.

Глава 3. Воровской закон

Описывая даже не тайную общественную структуру, регулируемую нормами обычного права, чаще всего затруднительно бывает перечислить все, что признается или может быть признано в такой структуре неписаным законом. О системе норм такой структуры можно составить представление, изучая многочисленные случаи их

* Я говорю, как об общем правиле, что дележ не составляет проблемы. Конечно, в некоторых случаях могут встретиться и отступления от этого правила. См. об этом, например, у Л. Шейнина ⁴⁶⁸.

применения, причем даже если окажется, что нормы эти неоднозначны и их содержание может зависеть от многих причин, в том числе от красноречия, авторитета или физической силы того, кто отстаивает свою редакцию такой нормы, все-таки нельзя будет не заметить, что большинство систем обычного права имеет какие-то основные принципы, подчас священные для их приверженцев.

В неписаной и скрываемой от внешнего наблюдения системе норм обычного права воровского мира такие основные, священные для воров принципы составляют то, что обычно называют *воровской идеей* или *воровским законом*. Основной смысл *воровской идеи*, как можно понять, заключается в том, что *вор* обязан жить в весьма сильной степени *отдельно* от общества, не являться субъектом диктуемых обществом социальных связей. Именно это обязательство перед собой и друг перед другом является основным и объединяющим для приверженцев *воровской идеи*. Комплекс норм о том, до какой степени должна быть доведена эта *отдельность* вора от общества, до какой степени он должен быть свободен от общепринятых в обществе социальных связей, составляет основное содержание *воровского закона*.

Сказанное может привести читателя в недоумение: ведь и праведный отшельник стремится не иметь обычных социальных связей с обществом, и он связывает себя обязательством жить *отдельно* от общества. Не является ли главным содержанием воровского закона обязанность быть вором в обычном смысле, пренебрегать чужим правом собственности? Оказывается, нет: член воровской ассоциации может в принципе как угодно долго жить, не воруя, может, скажем, будучи в бегах, обитать в тайге и питаться охотой и собиранием ягод — при этом он не нарушает воровского закона. Но он нарушит воровской закон и будет признан изменником воровской идеи, если станет субъектом запретных для

вора социальных связей. Само непризнание ворами права собственности является способом отвергать для себя социальные связи с обществом (под социальными связями я понимаю также и обязательства в отношении общества — в данном случае, обязательство уважать защищаемое обществом право собственности). В этом смысле упомянутый выше праведный отшельник в меньшей степени порывает социальные связи с обществом, ибо не отказывается уважать чужое право собственности и многие другие правовые и моральные принципы общества.

Трудно дать полный перечень социальных связей, запретных для вора согласно *воровскому закону*, и не всегда можно сказать, будет ли нарушение запрета просто порицаемо сотоварищами вора или расценено как преступление воровского закона.

Безусловное нарушение воровского закона составляет какое бы то ни было сотрудничество с государственной властью — неважно, наносит ли оно вред воровскому миру или нет, хотя, разумеется, наиболее строгой каре подлежит прежде всего сотрудничество, направленное против *своих*: учинение доноса, рассказ на следствии о сообщниках, неуличенных в преступлении, сотрудничество с администрацией тюрьмы или лагеря и подобные тому действия. Вор, совершающий столь тяжкий деликт, уже не признается равноправным членом сообщества, его называют *сукой*, судят *воровским судом*, и приговор в таких случаях может быть только один — смерть, причем традиционно казнь изменников воровской идеи совершается посредством нанесения множественных ранений, см., например⁴⁴⁷. Можно часто уйти от суда государственного, умело скрываясь после преступления, можно совершить даже побег из тюрьмы или лагеря, но каждый вор знает, что почти невозможно уйти от суда воровского. Внутренние связи в воровском мире столь

действены, что и на воле, и в тюрьме, и в бегах изменника настигнет воровское правосудие.*

Сотрудничество с государством каралось смертью и в тех случаях, когда оно не наносило никакого ущерба воровскому миру: когда в начале 40-х годов многие тысячи воров под давлением властей согласились стать солдатами и участвовать во второй мировой войне, воровской мир признал этих изменников идеи *суками*; эти защитники родины, вернувшись к привычному промыслу, согласно воровскому закону, должны были быть истреблены; их, однако, было слишком много, они дали отпор ортодоксальному воровскому миру во время так называемой *сучей войны*, имевшей результатом смягчение запретов воровского закона относительно возможной причастности вора к государственной службе.

Воры, участвовавшие во второй мировой войне, признаны были изменниками воровской идеи, потому что служили государству, потому что взяли *винтовку* — оружие, являющееся символом тюремной стражи; то очевидное обстоятельство, что при этом изменники воровской идеи защищали свою страну от нашествия внешнего врага, в расчет не принималось, точнее будет сказать, что это обстоятельство могло и учитываться, но не на пользу отступникам воровского мира: идея *отдельности* вора от общества объемлет также и неприятие *патриотизма* как этического мотива. Воры не выступают против патриотизма, воры не выступают против своей или иной страны; понятие *патриотизма* просто отсутствует в их этических представлениях — иное означало бы согласие на сохранение весьма существенных социальных связей с обществом. Я намеренно обращаю внимание читателя на это свойство воровской этики,

* По образному выражению В. Кабачника, вор может отказываться от дачи показаний на следствии о действиях своих товарищей не только из смелости, но и из трусости, зная неотвратимость возмездия.¹²⁵

вспоминая, что в советской литературе не раз воры изображались *патриотами*, людьми хоть и порвавшими социальные связи с обществом, но лишь до какого-то предела, до тех пор, пока не приходится делать выбор между службой родине и службой врагу. По всему, что я знаю о воровском мире, я могу судить, что советская пропаганда в данном случае принимает желаемое за действительное.*

В обыденных отношениях воров с обществом принцип *отдельности* их от общества проявляется во всяком случае в том, что человек из общества не может быть для вора партнером в каких бы то ни было обязательственных отношениях. Люди *редкостной честности* в отношениях друг с другом, воры обычно оказываются совершенно не заслуживающими доверия в их отношениях с *фрайерами*, людьми из общества; они могут в этом случае сообщать любые ложные сведения, давать при случае любые обязательства без намерения их выполнить, являть своим поведением редкостное вероломство. Исключения, впрочем, есть — есть общественная прослойка, которая, собственно говоря, обеспечивает рассеянными в обществе ворами возможность оставаться

* Патриотизм воров иногда иллюстрируется в литературе на следующей модели: иностранный шпион пытается завербовать советского вора на службу иностранной разведке, а вор, после мучительных раздумий, вспоминает о своем долге перед родиной и отказывается. Эта модель иллюстрирует лишь тот несомненный для вора этический принцип, что он не должен служить государству, в том числе и иностранному.

Примерами воровского патриотизма изобилуют «Записки следователя» Льва Шейнина. Многие такие примеры мало правдоподобны. В одном случае, например, описывается, как воры помогали следователю найти часы, украденные кем-то у дружественного России французского политика. В рассказе этом воры на комсомольский манер рассуждают о чести города; из слов старика-скупщика, впрочем, можно понять действительные мотивы активности этих воров в помощи следствию: «Житья вам не будет, ежели этот брегет не отыщется, потому что вопрос политический».

отдельными от общества в смысле социальных с ним связей. Без этой околорововской прослойки, без этих доверенных лиц воры не могли бы участвовать в имущественном обмене с обществом, должны были бы, образно выражаясь, вести натуральное воровское хозяйство — красть каждый раз то, что нужно для удовлетворения возникших потребностей: пищу, когда хочется есть, одежду, когда надо одеться, или уж воровать только деньги. Благодаря околорововской прослойке, воры могут *сбивать* добычу своего промысла, обменивать на деньги такие украденные вещи, которые им совсем не нужны. Эта обширная прослойка *скупщиков краденого* состоит из лиц особо доверенных, знающих, что их ждет расправа за измену доверия. В то же время они презираемы ворами, чей кодекс чести настолько чужд стяжательству, накопительству, что они даже не торгуются с этими скупщиками и, отдавая им за бесценок предметы своей покражи, берут то, что им дают.*

Скупщики в этических представлениях вора занимают, в известной мере, промежуточное положение между *фрайером* и *вором*. Они пользуются известным доверием вора, защитой воров, и их вор может считать партнерами в обязательственных отношениях, не нарушая принципа отдельности от общества.

К околорововской прослойке относятся также *пристанодержатели*, обеспечивающие воров удобно расположенной и не известной властям квартирой для сборищ, и наводчики, помогающие успеху воров в их промысле

* На этом рынке, конечно, существуют свои законы ценообразования. Скупщики из соображений безопасности обычно перепродают собранные предметы покражи другим скупщикам, которые осторожно ищут покупателей. Сбыт — рискован и, конечно, требует хорошей оплаты, поэтому сам вор получает совсем немного. Конечно, скупщик, заподозренный ворами в систематической чрезмерной эксплуатации их доверия, рискует подвергнуться недружелюбным актам со стороны своих клиентов.

посредством доставления им сообщений о том, где и когда удобнее совершить покражу.

Помимо этой околоровской публики, чей вспомогательный промысел противозаконен, воры могут как-то особенно доверчиво относиться к некоторым *фрайерам*, не занимающимся преступной деятельностью: таким, которые имели случай оказать вору существенную помощь в трудную минуту, либо таким, которые своим поведением выделяются из *фрайерской* толпы, являя симпатичный вору пример твердости, свободы духа и отваги. Известно даже, что некоторые политзаключенные пользовались доверием и почтением воров в лагерях, при том, что к основной массе политзаключенных отношение воров было презрительное и издевательское. Такие случаи почтительного отношения вора к *фрайеру* редки и в лагере, и на воле, ибо даже если *фрайер* обладает качествами, любезными воровскому взгляду, то далеко не всегда ему случается проявить такие качества понятным вору способом. Не следует забывать, что большинство рыцарей воровского мира лишены особенной утонченности манер, им более понятна грубоватость в общении, поэтому с человеком интеллигентным даже в совместном заточении вор редко сможет найти общий язык, разве что на него найдет настроение особо сентиментальное, и ему захочется потешить себя красочной и драматической исповедью.

Отмечу, что особенное отношение может быть у воров к лицам совсем неимущим, совсем зависимым — во всяком случае, слышно было иногда о снисходительности воров к солдатам, а по сообщениям М. Хейворда, незадолго до нападения Германии на СССР воровской съезд принял решение «не трогать» военных — сомнительно, чтобы патриотизмом объяснялось такое решение — либо снисходительность, либо страх перед возможно более суровым преследованием, наверное, был причиной этому решению.

Заповедь отдельности вора от общества в сильной степени требует отсутствия у вора каких-либо ограничивающих свободу привязанностей к тем, кто не порвал социальных связей с обществом; в числе прочих требуется обычно отсутствие и семейных привязанностей. Жена вора — *шалава* — вполне предана вору и почти не имеет социальных связей с обществом. Она, точнее говоря, не его жена, а жена воровская, и если вор попадает в заключение, она, как правило, переходит в пользование другого вора, что не мешает ей, конечно, проявлять заботу о прежнем друге — это, однако, не означает, что воровская этика пренебрегает принципом единобрачия (на время). *Шалава* — не проститутка, однако по указанию своего повелителя может удовлетворять и других лиц. Есть при ворах еще и *проститутки*, однако на них, в принципе, не распространяются обычные для воров и *шалав* ограничения в области социальных связей с обществом, и проститутка вправе прекратить свой промысел и вернуться к законопослушной гражданской жизни или совмещать такую жизнь со своим промыслом.

Для шалавы измена долгу воровской жены — тяжкое преступление, влекущее обычно угрозы, а в случае упорства — смерть. Шалавы подчиняются многим этическим ограничениям, характерным для воровского сообщества, однако они не занимают никакого положения в воровской иерархии; они не презираемы ворами как фрайеры или проститутки, но они не пользуются никакими правами воров и вряд ли могут рассчитывать на благодарность за верное и самозабвенное служение вору. Не будет преувеличением охарактеризовать отношение вора к своей шалаве сравнением с отношением к рабыне — разница лишь та, что обычно эта рабыня — добровольная, признающая природное превосходство сильного мужчины и право пользоваться ею, повелевать неограниченно.

Добровольность, конечно, может быть вынужденной невозможностью порвать с воровским миром, однако можно полагать, что в начале добровольность действительно была проявлена. Это тем легче можно предположить, что в иерархии женщин, «исторгнувших себя из общества», шалава занимает высокое положение, и для многих проституток стать воровской женой — идеал желанный и трудно достижимый.*

Впрочем, и понукаемая *шалава* может сделаться почитаемой вором — в том случае, если станет матерью вору.

В очерке «Женщина блатного мира»¹³¹ В. Шаламов пишет о культе матери у воров; он убежден, однако, в фальшивости этого культа. По тому, что я знаю, — это не так. Насколько я могу судить, Шаламов основывает свой вывод на сложившемся у него впечатлении и подкрепляет его афоризмом, универсальность которого сомнительна: «Култ матери, не перенесенный на жену и на женщину вообще, — фальшь и ложь». Известны случаи, когда загнанный преследованиями вор рисковал арестом, но старался посетить свою мать и помочь ей. Судя по многим отзывам, вору безразличны к детям, и отцовские чувства не культивируются ими. Считается среди них, однако, естественным, что воровской сын станет вором, а воровская дочь — воровской подругой; конечно, не всегда, особенно теперь, так случается.

* Советский автор 20-х годов⁶³ так охарактеризовал положение воровской подружки, названной им женщиной-бандиткой: «В неурожайное для мужчин время женщины-бандитки содержат их, занимаясь проституцией, сплошь и рядом сопровождающейся хипесничеством. Несмотря на такую работу, иногда доходящую до поразительного самоотвержения, эти женщины подчастую вынуждены бывают стоически переносить истязания своих поклонников, являясь для них козлами отпущения за неудавшиеся или кем-то другим сорванные дела». Поясню значение термина *хипесничество*, употребленного в этом отрывке: так называют обкрадывание проституткой своих клиентов.

Потомственный вор обладает преимуществами в иерархическом соперничестве, и есть мнение, что *ворами-в-законе* становятся обычно лишь потомственные воры.

Склонность к жизни, не усложненной семейными обязанностями, вполне соответствует избранному ворами образу жизни; иное было бы, пожалуй, обременительно при столь беспокойной жизни, при склонности к частой перемене мест, при том, что значительную, если не бóльшую, часть жизни воры проводят в заключении. Впрочем, отказ от семейных связей основан, по-видимому, не только на практическом удобстве — это часть доктрины, предписывающей вору быть свободным от обычно принятых в обществе социальных обязанностей. Я уже говорил о сходстве современного воровского мира с социальным устройством сообществ вольных людей в прежние времена, например, с устройством казаков в начальный период их существования. Пушкин пишет об отношении казаков к семье:

«Сохранилось поэтическое предание: казаки, страстные к холостой жизни, положили между собой убивать приживаемых детей, а жен бросать при выступлении в новый поход». «Один из их атаманов по имени *Гугня* первый преступил жестокий закон, пощадил молодую жену, и казаки, по примеру атамана, покорились игу семейственной жизни. Доныне просвещенные и гостеприимные жители Уральских берегов пьют на своих пирах здоровье бабушки *Гугнихи*».

Неписанный воровской закон регулирует и внутренние отношения в воровском мире.

Советский автор Лихачев, во время строительства Беломорско-Балтийского канала изучавший обычаи воров, сообщает.³³¹ «Поведение вора в своей среде ограждено и ограничено бесчисленным количеством

правил, норм, своеобразных понятий о «приличии», «хорошем тоне, сложной иерархией подчинения друг другу. Каждое из нарушений этих норм поведения карается воровским судом с оригинальным судопроизводством, с немедленным приведением в исполнение всегда жестокого наказания. Власть воровской среды над отдельным индивидуумом исключительно велика. За внешней распушенностью их поведения скрываются жесткие, тесные, предусматривающие все вплоть до мелочей правила поведения, а в конечном счете общие «коллективные представления», которые делают поразительно похожими воров разных национальностей».

Взаимная поддержка и взаимная честность является непреложным правилом среди настоящих членов воровского мира; для околорововской публики, напротив, характерны такие явления, как обман друг друга, кража друг у друга, расчетливость при оказании помощи и подобные этому свойства — источником многих несправедливых выводов о взаимных отношениях воров является именно впечатление наблюдателей от поведения этой околорововской разношерстной публики. Впрочем, о взаимопомощи воров широко известно, и политзаключенные сталинских лагерей часто имели случаи поражаться тому, что среди незнакомых ранее воров проявляется стремление к взаимной поддержке — важное в тех условиях свойство, которого, по мнению многих, весьма недоставало сообществам политзаключенных.

Отношение воров к праву собственности очень интересно: похоже, что сам институт права собственности или, говоря в других терминах, чувство собственности для них не существует. Они пренебрегают не только чужим правом собственности. Они, как правило, сами безразличны к обладанию собственностью — это свойство, быть может, странно видеть у тех, кто тратит много сил для завладения чужой собственностью и под-

вергается при этом весьма реальному риску длительного уголовного наказания. Это кажется странным, но это так: лишь бережливость, способность и склонность к сохранению имеющейся собственности изобличает в человеке *чувство собственности*. И следа бережливости не находим у воров, напротив, видно у них как бы стремление скорее избавиться от нажитого промыслом, и лишь удовольствия, подчас весьма острые, заслуживают у них того, чтобы стремиться к ним действительно упорно, но обладание собственностью есть для них только средство доставления себе этих удовольствий, и как бы ни была успешна покража и велика полученная доля, в одну ночь может быть она пропита в компании друзей-воров и женщин, проиграна в карты или отдана на нужды товарищей. Презрение к собственности влияет и на имущественные отношения в воровском мире: воры не воруют друг у друга, но бедствующий, лишенный пищи и одежды вор всегда может быть уверен в том, что он получит необходимое от товарищей, причем, конечно, не в долг, как это принято у фрайеров. При таком отношении к праву собственности нет, однако, его отрицания друг у друга: то, что есть у вора, не принадлежит воровской артели и неприкосновенно для его товарищей, но воровской обычай и психология вора приводят к тому, что сам он смотрит на свою собственность как на временное владение и не сожалеет, утратив ее.* В отношении лиц, иерархически низших в во-

* С. Максимов, описавший каторжный быт прошлого века, рассказывает об отношении к праву собственности *бродяг*, в которых по многим признакам мы узнаем подлинного члена воровского сообщества (такое отождествление подтверждается прежде всего рассказом Максимова о высоком иерархическом положении бродяг в тюремной общине). Вот что пишет С. Максимов: «Бездольная жизнь по тюрьмам, таскания по этапам породили в бродяге непонимание, отчуждение, даже отвращение ко всякого рода собственности. Он не ценит и ворует чужую, не питает никакой привязанности, не понимает и своей личной собственности...»

ровском мире, право собственности может, однако, не быть признаваемо, во всяком случае право собственности воровских жен: они и все, что у них и на них, принадлежит вору, и он вправе распорядиться последней тряпкой своей подруги — ее покорность при этом несомненна.

Часто в рассказах о ворах им приписывают пренебрежительное отношение и к человеческой жизни, почти такое же, как описанное выше отношение к собственности. Такие рассказы бывают преувеличены, но действительно отношение воровской идеи к сбережению человеческой жизни весьма отлично от того, к чему мы привыкли, исповедуя признанные обществом этические нормы. Впрочем, для воров убийство не является ни обязательным, ни желанным само по себе. Они без охоты обычно идут на *мокрое дело* (убийство). Воры отчаянные идут на необходимое в деле убийство человека, который не только мешает покраже, но и пытается привлечь внимание толпы или властей, предпочитая, однако, при совершении покражи гарантировать себя от необходимости убийства. Не очевидно предположение, что стремление избежать убийства без крайней необходимости объясняется лишь угрозой особо суровой ответственности за разбой с убийством — доктрина воров не требует от них кровожадности, и то, является ли вор еще и убийцей, зависит от многих условий, в том числе и от его темперамента. Вообще об отношении воров к жизни фрайера можно сказать, что она не ценится ими совсем, но убийства совершаются лишь при необходимости. Но если убить надо по каким-то серьезным соображениям, то воровские обычаи требуют решимости в этом. В частности, это касается убийства изменника-вора по приговору *правилки* — воровского суда — такие убийства часто производятся и коллективно.

Поскольку отвага почитаема среди воров, то почитаемо и небрежение жизни собственной. Широко известная

поговорка воров «Умри ты сегодня, а я завтра» толкуется обычно лишь как свидетельство легкости их отношения к жизни жертвы. По-видимому, эта поговорка выражает также претензию на легкость отношения к утрате жизни собственной, хотя большая ценность ее все же признается.

Свой рассказ о воровском сообществе я дополню пространной цитатой из исследования известного советского криминолога И. Карпеца.²⁰ Вот что говорит он, в частности, о деятелях воровского мира, называя их рецидивистами:

«Следствием низкого общего уровня их интересов, запросов, культуры является пренебрежение к моральным и иным ценностям, несдержанность в поведении, в отношениях друг к другу, к людям вообще. Так отсутствие первичного надлежащего воспитания в семье, затем в школе сформировало личность с узкими интересами. Дальнейшее общение с близкими себе по духу, взглядам и воспитанию людьми привело уже к стойкому стереотипу человека, пренебрегающего элементарными культурными и этическими взглядами и запросами, способного поступать лишь с узкоэгоистичных позиций, не признающего правила поведения, установленные в обществе, которое иногда в целом, но в большинстве случаев в какой-то части психологически оказалось чуждо ему. И человек, который пытался указать такому лицу на недостойность подобных взглядов на жизнь и подобного поведения, казался ему чуть ли не врагом. Отсюда в ответ на замечания следуют либо угрозы физической расправой (почти единственное, что хорошо понятно подобным образом сформировавшейся личности), либо сама расправа».

«Преступление такого человека не осуждается другими подобными ему. Более того, оно часто рассматривается как героический или, во всяком случае,

поощряемый поступок. Не удивительно, что и наказание такими людьми часто не воспринимается. Люди постарше внушают младшим, что «и в тюрьме можно жить». Попав же в места лишения свободы и вступив в общение с лицами еще более испорченными, человек как бы завершает этап формирования личности, у которой сложились свои устойчивые антиобщественные взгляды, навыки, привычки, образ поведения.

Такой человек не чувствует нравственного пресса наказания, на что в целом рассчитано действие этой меры. Наиболее социально запущенные личности живут по принципу, о котором народная мудрость говорит, что опозоренному грозить позором — все равно что мертвому — второй смертью. Отсюда понятны те огромные трудности, которые ложатся как непосредственно на тех, кто работает над исправлением и перевоспитанием рецидивистов, так и на общество в целом».

Далее советский юрист пишет:

«Необходимо отметить также умение рецидивистов влиять на других. Для них жизнь в конфликте с обществом, с нравственными правилами, господствующими в обществе, — это привычное психологическое и своеобразное социальное состояние. Поэтому людей, особенно с неустойчивыми взглядами и в определенной степени социально запущенных, рецидивисты подчиняют себе. Используя своеобразие условий мест лишения свободы, они имеют широкие возможности для проповеди «своей» морали и «своих» взглядов. Более того, они умеют настроить некоторых против администрации мест лишения свободы, исподволь готовя таких лиц к тому, чтобы после освобождения они сошлись с их приятелями, находящимися на свободе, и продолжали в будущем антиобщественный образ жизни».

«Так, постепенно настраивая себя вначале против отдельных людей, принесших им неприятности, затем «восставая» против правил поведения в обществе, противопоставляя им «свою» мораль и взгляды, рецидивист превращается в антисоциальный психологический тип человеческой личности, трудно поддающийся исправлению».

«Следует отметить присущую рецидивистам приспособляемость к тем социальным условиям, в которых они существуют».

«На свободе — это циничные, очень наступательно настроенные личности, готовые пойти на любой поступок, если он принесет им выгоду (высшая степень эгоизма). Рецидивист может пожертвовать своим товарищем, чтобы уцелеть самому, пойти даже на убийство ради сохранения своей выгоды».

«Следует также отметить, что рецидивист всех совершивших преступления зачисляет себе в «единомышленники». Но за внешними признаками солидарности преступников царит недоверие друг к другу, волчьи законы, жестокость и пренебрежительное отношение, принципы, согласно которым для того, чтобы спасти себя, рецидивист не останавливается ни перед чем. Это и становится формулой привычного поведения. Не случайно бывает так, что в суде, когда рассматриваются дела о групповых преступлениях, рецидивисты остаются как бы в тени. Вину на себя берут те, кто, казалось бы, не мог и не должен быть «первым лицом» в преступлении. За такими фактами кроется предварительная психологическая обработка рецидивистом других участников преступления, особенно несовершеннолетних. Они либо запуганы, либо обработаны рецидивистами «под героев». Этот психологический подтекст хотя и трудно, но необходимо уловить суду, чтобы правильно оценить всю совокупность обстоятельств

и роль рецидивиста, а значит, правильно назначить наказание».

И далее:

«В местах лишения свободы рецидивист часто примерно ведет себя, выполняет правила внутреннего распорядка, но подстрекает (часто угрожая) других к беспорядкам, подхалимствует перед администрацией, но заставляет других заключенных работать вместо себя и на себя».

«Наказание часто не воспринимается таким человеком, не способствует его исправлению. Рецидивист иногда видит особую цель после освобождения: вести «соревнование» с законом, с органами, ведущими борьбу с преступностью: кто будет действовать лучше — он, совершивший много преступлений и разложивший несколько молодых душ, или милиция, сумевшая разоблачить его на первых же после освобождения преступлениях или, наоборот, делающая это с опозданием».

«Недооценивать эти особенности рецидивистов ни общество в целом, ни органы, ведущие борьбу с преступностью, и особенно суд, назначающий наказание, не могут и не должны. Практическая ликвидация профессиональной преступности не должна заслонять те реальные трудности и опасности, которые несет в себе рецидивная преступность. Тем более что рецидивисты пытаются свой жестокий «мир» и взгляды нарядить в тогу романтизма, чем развращают сознание молодых, социально недостаточно воспитанных людей, в силу возраста и незрелости часто «бунтующих» по поводу и без повода».

Глава 4. Блатная музыка

Подобно многим замкнутым ассоциациям, воровской мир имеет свой, отличный от русского, язык. Впрочем,

по своему грамматическому строю этот язык — русский (не поручусь, впрочем, за правильность соблюдения грамматических правил теми, кто пользуется этим языком), однако словарь его специфичен, и речь субъектов, хорошо владеющих воровским языком, может совсем или почти совсем не содержать русских слов.

Некоторые исследователи называют особые языки замкнутых ассоциаций, включая воровскую, — языками искусственными. Не вполне понятно, что в данном случае означает термин «искусственный» применительно к языкам, которые существуют подчас столетия и изменяются, как отмечалось¹²⁸, по законам, подобным тем, кои руководят изменением языков «естественных». Я, однако, не буду и пытаться вникать в специфические проблемы, связанные с языкознанием, и расскажу о воровском языке лишь с той целью, чтобы на примере характера его словаря помочь читателю составить себе представление о жизни воровского сословия.

Такая иллюстративная цель этого очерка позволяет мне не заботиться о том, чтобы приводимые здесь слова жаргона относились к одному лишь периоду времени: наряду с современными я упоминаю здесь и слова прошлого века.*

Интересно сказать немного о возможных предшественниках современного воровского языка. Высказывалось предположение, что основой этого языка послужил язык *офеньский*, употреблявшийся ранее *офенями*** — мелкими торговцами, ходившими по деревням с лубочными изданиями, иконами и другим товаром. Многие

* В. Козловский, изучающий русские жаргоны 70-х годов, любезно ознакомился с этим очерком и отметил, что, по его сведениям, в последние годы не употребляются многие жаргонные слова, приведенные здесь, как современные (согласно словарю¹).

** Их называли также *афеня*, *ходебщик*, *каньчужник*, *коробейник*, *прасол*. Сами офени называли себя *масыками* (*маса* на их языке означает «наш», *масы* — «мы»).

ремесленники в разных областях России усвоили *mutatis mutandis* этот язык; так что их разговор оставался непонятным для непосвященных. В современном воровском языке находятся слова, отмеченные в словарях офеньского языка, и связь между ними несомненна, однако ясно и то, что в воровской язык, по-видимому, вошли слова и других «искусственных» языков, которыми в старину в разных частях России пользовались замкнутые группы населения; кроме того, несомненно, что в воровской язык вошли и слова из жаргона моряков, который в известной мере интернационален, а также слова из языков соседних народов.*

Офеньские слова, впрочем, заметны не только в словаре воровском: так называемый жаргон музыкантов и актеров — лабужский диалект, распространенный ныне, в частности, среди студентов, содержит слова, восходящие к офеньскому словарю.¹²⁹ Например, *хилять* — гулять, идти (ср. офеньское *похлил* — пошел), *клевый* — хороший (совпадает с офеньским), *хилый* — плохой (также совпадает), *лѣха* — мужик (ср. офеньское *лох* — мужик).

В некоторых местах *офеньский* (*масовский*) язык настолько входил в быт, что его употребляли не только для профессиональных разговоров, но и в быту. Для иллюстрации приведу отрывок песни на этом языке по записям, сделанным в Тульской губернии (г. Одоев):¹³⁰

Мась накѣрился тарнюшки
И поклинъ (лъ?) на юрь лѣпшать,
Мась заклилъ къ алдной шахтенкѣ
Ласенечько почалдать,
Шихта масу тюрюхала:
«Кли на юрь лѣпшать».

* О еврейских, цыганских, восточных и западных элементах в русском воровском жаргоне см. сборник статей.⁴⁵¹

Я напился вина
И пошелъ домой спать.
Зашель къ одной дѣвушкѣ
Немного поговорить;
Дѣвушка мнѣ сказала:
«Иди домой спать».

Особый язык имели и нищие; в разных областях России говор их был не вполне одинаков, но многое говорит за то, что их язык восходит к офеньскому. В конце прошлого века этот язык начал вытесняться более простым, уже совсем искусственным: использовались обычные слова, но к ним прибавляли или вставляли между слогов особые частицы, например, *хер*, *бе*, *ку*. Русский этнограф Е. Романов¹³¹ отмечал, что нищенская молодежь уже неохотно изучает старый нищенский язык. Ново-нищенский язык уже не давал такой полной зашифрованности текста, однако все же был малопонятен для непосвященных, потому что при быстрой речи понимание слов с такими прибавлениями и вставками требует привычки.*

Для старого языка нищих и для офеньского характерно то, что благодаря обилию слов этот язык позволял вести разговоры не только на узкопрофессиональные темы. Собственно воровской язык, по-видимому, более профессионален, хотя, конечно, в его словаре есть слова для ведения и бытовых разговоров.** Впрочем, судить

* Вот несколько примеров:¹³¹ *кучеловек*, *кувесна*, *свигород*, *кубереза*, *яймодзящерка*, *пеймудзешком*, *буймудзюрый*, *хитромный*.

¹²⁸ упомянут бывший известным у школьников *говор-похе-рам*, слова которого образуются из обычных русских слов посредством помещения после каждого слога частицы *хер*.

** Среди языковедов обсуждался вопрос, можно ли считать воровскую речь профессиональной; вот одно из мнений об этом:

«Фраза железнодорожника: «Принимаю скорый на четырнадцатую путь» и фраза вора: «За кого ж ты меня,

трудно. Я располагаю немногим более чем тысячей слов этого языка, причем некоторые из этих слов — просто вульгаризмы русского и вряд ли могут быть отнесены собственно к языку *блатному*; некоторые относятся скорее к языку тюремному, лагерному — этот жаргон раньше считали особым, но теперь, кажется, все смешалось, и многие слова тюремного жаргона одинаковы с жаргоном воровским.*

Вполне возможно, что доступные мне слова — лишь отголоски того языка, которым пользуются высшие иерархические слои воровского мира и который недоступен исследователям. Лица не слишком высоких слоев воровской иерархии, беседа которых была иногда доступна моему слуху, употребляли слова своего жаргона *вперемешку* с русскими; это была речь, подобная беседе двух специалистов, когда они употребляют много непонятных профанам терминов.

Любой словарь воровского языка не дает, по-видимому, представления о практическом его применении в данный момент, потому что этот язык меняется отчасти по мере того, как власти познают его — ведь важная функция этого языка — то, что он дает возможность вести беседу, непонятную для властей и доносчиков.** Это не

курва, кнацаешь?» — фразы двух глубоко различных языковых систем. Отсюда понятно, что определение воровской речи как профессиональной должно быть признано неправильным не только потому, что мы можем усомниться в правильности характеристики воровства как профессии».331

* См. Словарь тюремного жаргона, изданный университетом Висконсия.¹⁹⁹ В этом словаре наряду со словами тюремного и воровского языка много общераспространенных вульгаризмов русского.

** Я говорю здесь об одной из функций воровского языка, не считая, конечно, что причиной возникновения этого языка является стремление к обеспечению возможности вести тайные разговоры. Возможно, это и так, однако среди исследователей

значит, что все время вора́м приходится придумывать новые слова: в их языке — достаточно синонимов,* и по-видимому, в определенные моменты употребляется лишь часть всего словаря, что позволяет изобличать подосланных властями агентов, изучивших общие основы языка, но не знающих его характера в данный момент.

нет об этом согласия. Советский автор,³³¹ оспаривая теории тайного характера воровского языка, заметил,

«...наивно предположение, что вор может сохранять конспирацию, разговаривая на своем «блатном» языке. Воровская речь может только выдать вора, а не скрыть задумываемое им предприятие: на воровском языке принято обычно говорить между своими и по большей части в отсутствии посторонних».

Я думаю, однако, что полное отрицание упомянутой мною практической функции воровского языка — необоснованно. Воры в нужных случаях пользуются своим языком, несмотря на присутствие посторонних, — об этом мы знаем еще от Пушкина.³³² Опасение советского автора, что в этом случае они могут себя выдать, по-видимому, связано с советскими представлениями о презумпции невиновности: говоря на своем языке среди непосвященных, вор может *выдать* только то, что он *вор*, он не разглашает посторонним информации, могущей послужить *уликой* в уголовном деле, а факт принадлежности к воровскому сословию обычно и не скрывался. Лишь в последние десятилетия в СССР принадлежность к воровскому миру предпочитают не афишировать. Во всяком случае, теперь уже не заметно среди воров увлечения традиционным костюмом.

Тот же автор³³¹ отмечал, (в 30-х годах), что «...вор всячески старается выделиться в окружающей его среде, подчеркнуть свое воровское достоинство: манера носить кепку, надвигая ее на глаза, «модная» в воровской среде одежда, походка, жестикуляция, наконец, татуировка, от которой не отказываются воры, даже несмотря на явный вред, который она им приносит, выдавая их агентам уголовного розыска».

* Помимо обилия синонимов отмечу, следуя многим авторам полисемантическую воровскую речь. В³³¹ приводятся, например, десять различных значений слова *майdan*: место тюремной торговли; суконка, на которой играют в карты; место игры в карты; вокзал; железнодорожный вагон; чемодан; пристанционная площадь; базар; наган; колода карт.

Помимо практической профессиональной пользы воровской язык, как и вообще язык в человеческом сообществе, является важным инструментом для иерархической диагностики. При таком обилии несолидных подражателей, многие из которых, слегка познав воровские обычаи, часто выдают себя за настоящих членов воровского сообщества, воровской мир должен гарантировать себя от обманного проникновения в свою среду посторонних; эта цель, конечно, достигается благодаря активным информационным связям между настоящими ворами, так что нетрудно бывает разоблачить самозванца посредством опроса его о том, когда и с кем из известных воров он находился в заключении или был в деле. Однако более оперативна диагностика самозванца по тому, в какой степени совершенно он владеет воровским языком (таких самозванцев называют *демон, черт, рогатик, захарчеванный чуван*).

Свой язык воры именуют *блатной музыкой* или *феней*.^{*} Раньше было выражение *байковый язык*.¹¹¹

Знание *фени* является важной характеристикой члена воровского сообщества; есть много специальных терминов для обозначения способности говорить на этом языке: *по фене ботать, курсать, куликать по-свойски*; слова *наблатыкаться, наблатоваться* означают «научиться говорить на фене».

В приложении к этой книге для иллюстрации перепечатан «Словарь воровского жаргона», изданный «для служебного пользования» Киевской милицией в 1964 г.¹ В этой же главе я упоминаю лишь немногие слова, обращая внимание на те, которые помогут читателю составить представление о характере воровских обычаев и воровской жизни.

Воры называют членов своего сообщества (собира-

^{*} Не знаю, можно ли почитать слово *феня* восходящим к слову *офеньский* (язык), но некоторые исследователи полагают именно так.

тельно): *люда, людка, люды** (иногда произносится *люди*), *ельна*. Традиционным обозначением для воровского мира является *блат, блатные*. Собственно вор именуется *блатной, урка, уркач, кучер*.

В воровском языке отражена и иерархическая структура воровского мира и воровской группы. Лидер группы именуется *маз*^{1, 111}, *мастер, пахан*, причем последнее слово относится, как можно судить, к лицам особо почтенным в воровском мире (впрочем, словарь¹ указывает, что *пахан* — содержатель квартиры, где находятся преступники, т.е. причисляет *пахана* к публике околоровоской). Авторитетного вора называют также *родский*.

Само занятие воровством называется на жаргоне *по музыке ходить* — это старинное, но живое выражение, причем особое мастерство в воровском деле называется *по музыке ходить начистоту*¹¹¹.

Главаря воровской группы, который скрывает свое имя, называют *Иван*; нетрудно догадаться, что речь идет о группе не из воров собственно как членов воровского сообщества, а из публики случайной, которой главарь из воров не может довериться. Среди настоящих воров сокрытие имени не только не этично, но и невозможно.

Предводительница группы женщин-воровок называется *Маша*** Отмечу здесь, что самостоятельные от мужчин женщины-воровки, составляющие правильно организованные группы, — явление редкое; к таким женщинам, однако, воры относятся с некоторым уважением и отличают их и от воровских жен-шалав и от проституток. Одна из таких воровок описана у Шаламова.¹³¹

Близкий приятель или просто вор, иерархически равный говорящему, называется *кореш, кирюха*. Иерархи-

* Я не знаю, есть ли единственное число от слова *люды*.

** К имени Мария, одному из самых распространенных в России, восходят многие слова жаргона, относящиеся до женщин вообще.

ческое подчинение отмечено словами *шестерить, на цир-лах дыбить*, означающими прислуживание и подчиненное состояние. Малолетние ученики воров называются *малышка, звонок*,¹¹¹ *звон, голец*. Вора, обучающего таких *малышек* ремеслу, называют *козлятник*.

Многие термины воровского словаря относятся к внутренним отношениям: взаимное заступничество обозначено словом *маза*, о выгораживании соучастника на следствии говорят *отмазывать, откалывать*. О выдаче соучастника властям говорят *сдать кореша, сжечь, лягнуть, бабать*. Когда говорят о лице, совершившем тяжкое преступление воровского закона — доносительство или иное содействие властям в борьбе с ворами, то употребляют различные производные слова *сука: ссученный, осученный*.^{*} С этим словом связана и воровская клятва: *сукой буду*, причем произнесение этих слов еще лет 25 тому назад (не знаю, как теперь) сопровождалось своеобразным жестом: ногтем большого пальца правой руки дающий клятву щелкал о передний зуб, а затем рука его совершала движение вокруг подбородка.^{**} Другие клятвы: *век свободы не видать, лягавый буду* (*лягавый* — доносчик, милиционер).

С. Максимов⁷² отмечает выражение «честное варнацкое слово». Я не слышал, чтоб в нашем веке существовало подобное выражение; скорее всего ныне оно заменено указанными или иными клятвами — было бы банально, если бы к новообразованиям русского языка: «честное комсомольское» «честное пионерское» прибавилось бы еще «честное блатное».

* Камера-одиночка в тюрьмах ныне называется *сучий куток, сучья будка* — этот термин связан с тем обстоятельством, что власти, охраняя доносчика от воровского правосудия, *сажали* его в одиночку. В начале нашего века *сучий куток* означал камеру, в которой сидели отделенные от остальных арестантов доносчики.³³³

** Помимо этого ритуального жеста известны жесты, играющие информационную роль, применяемые в тех случаях, когда беседа почему-либо неудобна.

Внутренний воровской суд называется *правилка*. Если преступление маловажно, тот, кто признан неправым, должен без сопротивления подвергнуться избиению товарищей, причем часто для демонстрации покорности избиению он стоит подняв руки (*одерживается*).*

Собрание воров, занятое таким избиением, называется *толковище* или *правило*.** В случае тяжелого преступления против воровского мира виновного ждет *крантик*, *кранты* — смерть за измену.

Дележу добычи также уделено внимание в воровском словаре. О самой этой процедуре и о проведении ее говорят *тырбанка*,¹¹¹ *дербанить* или *раздербанить*,¹ а сама добыча называется *слам*¹¹¹ или *хабара*. Ситуации, когда при дележе допускается несправедливость, также отражены в языке: *жаронуть*, *отначить*, *отжарить*, *оттырить* — эти слова означают «обмануть при дележе добычи». Неактивный соучастник в деле, получающий равную с другими долю добычи, именуется *дармовик*.

Место хранения добычи называют *яма*, а скупщика краденого — *яманщик*, *барыга*, *темщик*, *мешок*.^{111*} Известно много синонимов для обозначения квартиры для воровских сборищ: *рай*, *долушка*, *заводеловка*, *малина*, *хата*, *хавера*, *хаза*, *хазовка*, причем различаются квартиры *одноходка* и *двухходка*.

Слова, относящиеся до воровского ремесла, особенно многочисленны в этом жаргоне. Вот краткий список старых и современных названий профессий воров:

* Вспоминаю в связи с этим словом, что в старину палачи перед ударом кнутом кричали жертве: «Одержись, ожгу!»¹³²

** Битью вообще посвящено очень много слов, например: *волохать*, *дать пачек*, *коцать*, *задать ломату* — все эти слова означают «бить»; *шейный пластырь* означает битье по шее, *по кумполу трахнуть* — ударить по голове, *мантурить* — порезать бритвой.

*** Слово *мешок* не приведено в современном словаре;¹ оно употреблялось в прошлом веке, но интересно отметить, что прозвище *мешок* носит московский перекупщик марок, упоминаемый А. Галичем (30-е годы этого века⁴⁵²).

купец щипач — карманный вор; *мышь* — карманные воры, совершающие кражи с прорезом одежды; *затырщик* или *оттырщик* — лицо, помогающее при карманных кражах; *мойщик*, *банщик*, *майданщик*, *байданщик* — вокзальный вор; *парадник* — вор одежды с парадного входа,* *змееныш* — худощавый мальчик, пролезающий при кражах в форточку; *стекольщик* — вор, проникающий в квартиры через окно; *домушник*, *домашний шнифер*, *скокарь*, *слесарь* — квартирный вор; *тихушник* — вор, совершающий кражи из незапертых квартир; *городушник* — магазинный вор; *кооператор* — воруемый из продовольственных лавок; *кошка*, *кожатница* — воровка мяса на рынках; *капорщик* — вор шапок; *понтщик* — собирающий толпу скандалом и обкрадывающий любопытных; *мойщик* — обкрадывающий спящих в поездах; *рыболов* — обрезающий чемоданы с задков экипажей,** *голубятник* — чердачный вор; *халтурщик* — крадущий в квартире, где находится покойник; *марушник* — провожающий покойника и крадущий при похоронах, *вздерщик* — крадущий при размене денег; *хипесник* — лицо, обкрадывающее посетителей своей любовницы-проститутки; *ветошная кошка* — проститутка-соучастница кражи у клиента; *медвежатник* — вор взломщик несгораемых шкафов; *кабурщик* — взломщик; *глухарь* — грабитель пьяных; *гастролер* — вор, совершающий кражи в разных городах и проездом; *бишкетник* — крадущий продукты, подвешиваемые между окнами.***

* По-видимому, это — исчезнувшая профессия, так как нынче у парадного входа в домах не оставляют не только одежды, но и галош.

** Экипажей нынче нет, и эта профессия исчезла.

Зато есть новая воровская профессия — кража всегда дефицитных автомобильных покрышек; не знаю, впрочем, занимаются ли ею профессиональные воры или любители.

*** Между окнами продукты подвешивают, чтобы они были

Ремесло воров-карманников требует особой изящности, тренированности и выдержки. Именно в карманной краже вор может достичь высшего творческого совершенства, сравнимого разве что с мастерством *медвежатников*, имеющих обыкновение обкрадывать вскрываемые ими сейфы. Утонченность мастерства вора-карманника чувствуется и по характеру жаргонных слов, относящихся до карманной покражи; никакому другому воровскому ремеслу не созвучен так термин *ласкать* — один из синонимов слова «воровать». Основной и наиболее надежный инструмент карманной кражи — пальцы вора, которые на жаргоне именуются *работнички*; реже применяются *щупальцы* — специальный пинцет, а при грубой работе — *жулик*, очень острый маленький ножик для разрезания карманов снаружи (*работа с росписью*). Наметив возможную жертву (часто с помощью наводчика), вор должен ощупью узнать, в каком именно кармане находится что-либо, заслуживающее его внимания (*прощупать, пощекотать, ошмолать*). Чтобы отвлечь внимание жертвы, применяются различные приемы, в том числе отвлекающие действия сообщника. Сам вор, ощупывая и воруя, держит в свободной руке какой-либо предмет (газету, сверток), которым он прикрывает рабочую руку и тот карман жертвы, который привлек его внимание, — такой маскировочный предмет называется *ширма, тырка, фортыцер*. Мастерство вора заключается, разумеется, в том, чтобы жертва не почувствовала присутствия в своем кармане руки вора — о ситуации, когда этого не удастся достигнуть, говорят *щекотнулся* (например, о женщине, которая почувствовала, что у нее совершается кража: *машка щекотнулась*).

В жаргоне отмечен специальным термином и драматический момент, когда желанная ценность почти уже

на холоде; можно полагать, что в будущем благодаря распространению холодильников эта воровская профессия исчезнет.

вынута из кармана. Например, о бумажнике, имея в виду этот момент, говорят: *лопатник на переломе*.

На воровском жаргоне каждый карман (*ширман*) имеет свое название. Вот примеры: *очко* — задний карман брюк, *загашник* или *пистон* — верхний маленький карман в брюках или карман жилета, *скула*, *пеха* — боковой внутренний карман пиджака, *чердак* — нагрудный карман кителя или гимнастерки.

Воры других профессий применяют часто специальные приспособления и инструменты для совершения покражи и взлома. Например:

слоны, *мальчики*, *выдры* — отмычки; *гусиная лапа* — инструмент для взлома; *фомка*, *фомич*, *гитара*, *бинбер* — воровской ломик; *глазок* — алмаз для резки стекла; *удочка* — приспособление для кражи подвешенных между окнами продуктов; *змейка* — тонкая пилка.

Много в жаргоне слов, означающих различные виды ценностей и вообще предметов, годных для покражи. Приведу в пример слова, означающие часы (карманные и ручные): *канарейка*, *бани*, *баки*, *бимбары*, *бока*, *бочата*, *бимб*; золотые часы — *веснуха*, *веснушки*, *бока рыжие*, *рыжики*, *коронки*; серебряные часы — *бока скуржавые*. Для обозначения денег также известно много синонимов, например: *акча*, *бабки*, *галье*, *дрожки*, *корочки*,* *сары*,** *сора*, *сармак*, *форс*, *форцы*, *хрусты*, *шайбы*.

Отражены в жаргоне и отношения вора с жертвой. Вот, например, слова, обозначающие жертву, не знающую, что имеет дело с ворами: *сундук*, *ванек*, *грач*, *пес*; а вот интересное выражение *взять смехача на характер*,

* В современном жаргоне *корочки* — документы⁴⁵³; в студенческом жаргоне *корочками* называют диплом об окончании учебного заведения.

** Это — пример слова, общего с офеньским.¹²⁹

означающее «вступить в беседу с обворованным лицом».

Изрядная часть воровского словаря посвящена понятиям, относящимся до действий властей; стадии уголовного процесса, милицейские чины, судебные работники, документы — все имеет свои названия. Естественно, что прозвища деятелей власти в этом жаргоне не особенно почтительны и не отличаются благозвучием.

Глава 5. Эстетика воровской жизни

«...И вот соберется в кружок несколько человек, начинают разбирать, кто как жил, кто что делал; один перед другим хвастается, и дойдет дело до ссоры, и подерутся, проломают друг другу головы...»¹³⁵

Эти слова из дневника заключенной хорошо передают атмосферу воровских сборищ в тюрьме и на воле: главная тема бесед — именно рассказы об изящном совершении покражи, о дерзновенных предприятиях, обо всем, что охватывается современным термином «профессиональная эстетика», если применить его к воровскому промыслу.* Как и в других слоях населения, причастность к эстетическому свидетельствует о значительности иерархического положения просто потому, что эстетическим в определенном слое населения обычно признается именно то, к чему причастны верхи иерархии этого слоя.

В воровском сообществе для иерархической диагностики, помимо признания профессионального мастерства и исправного следования предписаниям воровского закона, важной является способность к стойкому перенесению страданий** — обстоятельство, вполне понятное

* Известен пример¹⁰³ грабителя, который после совершения изящных ограблений, звонил начальнику полиции и хвастался своей неуловимостью, отчего и был пойман. Другой пример: Ленька Пантелеев у Шейнина ⁴⁶⁸.

** Часто эту стойкость, в частности, к страданиям физическим, болевым, относят за счет пониженной чувствительности;

при том, что против воровского мира общество ведет войну; судя по всему, особенно яркие проявления этой способности бывают относимы воровским миром к области эстетического.

В некоторых специальных случаях эта культивируемая ворами способность переходит границы прагматического и становится самодовлеющей, приводя к действиям, на взгляд постороннего наблюдателя ужасным и бессмысленным. Я имею в виду увлечение некоторых субъектов самоистязанием, увлечение, почти неизвестное на воле,* но весьма распространенное среди узников. Вот как пишет об этом Э. Кузнецов:¹⁰⁶

«Я десятки раз был свидетелем самых фантастических самоистязаний. Килограммами глотают гвозди и колючую проволоку; заглатывают ртутные градусники, оловянные миски (предварительно раздробив их на «съедобные» куски), шахматы, домино, иголки, толченное стекло, ложки, ножи и... что угодно; заталкивают в уретру якорь; зашивают нитками или проволокой рот и глаза; пришивают к телу ряды пуговиц; прибивают к нарам мошонку и, проглотив сделанный из гвоздя крючок, прикрепленную к нему бечевку привязывают к двери, чтоб ее нельзя было открыть, не вывернув «рыбу» наизнанку; над-

такая причина не исключена, но судить наперед обо всех трудно. И среди не воров часто стойкость к страданиям имеет причиной невысокую чувствительность организма, равно как и смелость подчас бывает объяснима недостатком предусмотрительности.

* На воле самоистязание обычно функционально в большей степени: начинающий вор обучается владеть оружием и защищаться и часто являет при этом способность претерпевать страдания и подвергаться ранениям. Вот пример одного из способов защиты: уклониться от брошенного нападающим ножа, поймать этот нож и бросить в нападающего; я знал случай, когда субъект отрабатывал этот способ защиты и ему не помешали многочисленные ранения, которые он получал, упражняясь.

резают кожу на руках и ногах и снимают ее чулком; вырезают куски мяса (на животе или ноге), жарят их и поедают; напускают в миску кровь из вскрытой вены, крошат туда хлеб и съедают эту тюрю; обложившись бумагой, поджигают себя; отрезают пальцы рук, нос, уши, penis... всего не перечесать».

Этот же автор критикует распространенное представление о самоистязании как о форме протеста доведенных до отчаяния людей (об этом см., в частности,¹⁰⁹), полагая, что обычно самоистязание — это способ «урвать кусок» от жизни:

«Попасть в больницу, где сестрички так лихо виляют бедрами, где дают больничный паек и не гоняют на работу, добиться получения наркотиков, диетпитания, посылки, свидания с заочницей и т.д.»

Ценность наблюдений Э. Кузнецова несомненна, но полагаю, однако, что сверхжестокость самоистязаний переходит границы, указуемые прагматическим расчетом. Здесь я усматриваю отчаянные поиски пути проявления *отваги*, качества столь важного в иерархических представлениях субъекта и его сообщества. Стремление к иерархическому продвижению настолько сильно, что лишенный обычных возможностей иерархического соперничества с членами своего сообщества субъект стремится совершить что-либо, убеждающее хотя бы только его в его иерархическом возвышении.

К сожалению, вряд ли можно надеяться, что исследователи смогут получить достаточно медицинской и юридической информации о весьма распространенных самоистязаниях в советских лагерях и тюрьмах. В советских публикациях стараются умалчивать об этой проблеме; впрочем, о существовании такой склонности у некоторых заключенных все же упоминается.⁴⁹

Умеренное, хотя и вызывающее дрожь у партикулярного человека, самоистязание с целью лишь прагмати-

ческой (попасть в больницу, получить облегчение в работе) известно было и в каторге прошлого века: С. Максимов¹³⁶ описывает разные, иногда весьма остроумные, способы, которыми пользовались арестанты для причинения себе вреда, и способы симуляции болезней. При этом Максимов сообщает:

«Замечательно, что подобного рода притворщики (по личному признанию самих арестантов) в тюремной иерархии занимают невидное место. Это — плебс, черный народ, народ, который возбуждает в товарищах сострадание в таком только исключительном случае, когда подлог их обличится, не достигши цели. Сами они, по большей части, не заботятся о возвышении своего нравственного уровня, мало блюдут за своими падениями и довольны бывают тем унижением, в какое сумеют поставить их товарищи-арестанты из бродяг.* Их обыкновенно называют жиганами».

И в наше время уважающий себя вор не станет заниматься членовредительством с примитивной прагматической целью, хотя перед симуляцией (часто с угрозами врачу) не остановится. Впрочем, все, что говорится о самоистязаниях, — не известно насколько это относится к членам воровского сообщества; в лагере и в тюрьме публика разная, но если настоящие воры причастны к самоистязаниям, то разумно предполагать, что мотивы этого — редко прагматические.

Много случаев проявить отвагу предоставила ворам *сучья война*, о которой я уже упоминал. Эта война довольно подробно описана Варламом Шаламовым, однако записки его, к сожалению, доступны лишь читателям самиздата. Для проявления отваги больше возможностей

* Насколько я могу судить по многим признакам, «бродягами» Максимов называет именно настоящих членов воровского сообщества.

было, пожалуй, у правоверных воров, ибо у них была альтернатива: отречься от своей правоверности и принять вводимый суками *новый воровской закон* или умереть; у сук такой альтернативы не было, их просто убивали как изменников воровской идеи. Вот пример отважной гибели вора Пушкина (из Синявского⁴⁵⁴):

«Когда суки положили Пушкина на железный лист и начали подпекать на костре, он прокричал стоявшим поодаль зрителям — фразу, лучше которой я не смог бы выбрать в эпиграф, если бы только счел себя достойным ее повторить:

— Эй, фраера! Передайте людям, что я умираю вором!...»

Впрочем, судя по тому, что сукам все же удалось ввести *новый воровской закон*, не все правоверные воры предпочли отважную смерть отречению. Вот как вспоминает об этих грустных сценах бывший вор Алексей Фролов⁴⁵⁰ (он не указывает, что речь идет о *сучьей войне*, а просто говорит о времени, когда «уголовники кинулись друг на друга»):

«Я видел, как это было. Отец и сын могли оказаться в разных «станах», и кто-то из них должен был погибнуть или пойти на унижение. Борьба приняла дикие формы — именно потому, что у этих людей не было ни жалости, ни совести. И вот теперь передо мной вставали сцены «гнуловки», когда под угрозой ножа, топора или веревки человека заставляли становиться на колени, отказываться от своего человеческого достоинства».

Эстетические стандарты частной воровской жизни во многом отличаются от того, что принято в обществе. Эта проблема изучалась мало. И. Карпец²⁰ сообщает о результатах опроса среди рецидивистов (в их число включены и интересующие нас воры):

«Большинство опрошенных заявили о том, что любят джазовую музыку (причем худшие ее образцы), песни с блатным жаргоном, отдающие тюремной романтикой, и т.д. О Чайковском, Мусоргском, Римском-Корсакове они или не знали вовсе, или знали только понаслышке, говоря, что это скучно, не представляя ни их музыки, ни значения ее для развития культуры нашей родины и мирового искусства. Собственно эта сторона искусства вообще была для них безразлична. О таких же композиторах, как, например, Скрябин, они и вообще не знали. Почти также «повезло» и художникам. Несколько лучше они знали русских писателей — Толстого Льва, Толстого Алексея, Шолохова и некоторых других. Иностранные же классики литературы (как и представители искусства) им оказались неизвестными вовсе».

Даже если не предъявлять к членам воровского сообщества столь строгих требований, как советский исследователь, придется признать, что они не отличаются особенным изяществом манер и утонченностью вкусов, мало того, именно *грубость* является в их мире эстетической ценностью.

Особенно это касается эстетики их сексуальной жизни, где ценится именно грубая сила, неприкрытая никакими, общепринятыми даже в грубейших слоях общества, суррогатами лиризма и нежности. По-видимому, наибольшую ценность в этой области для рыцарей воровского мира представляет насильственный половой акт, часто коллективный.*

* Для обозначения изнасилования воровской язык имеет ряд синонимов, например, *отхарить*, *потварить*, *взломать лохматый сейф*, а для обозначения коллективного изнасилования: *поставить на хор*; известно также выражение *колхозом...*

Много синонимов (помимо общерусских так называемых непечатных слов) существует для обозначения просто совокупления, необязательно насильственного: *харить*, *холить*, *пялить*, *шворить*, *ставить пистон* и др.

По-видимому, и в добровольных сношениях воров с воровскими женами-шалавами или проститутками* в известной мере принято моделировать насилие — склонность, нередкая и не в среде воров, однако у них ей, по-видимому, чаще сопутствует избиение объекта любви, и, наверное, не будет преувеличением сказать, что садистические наклонности у мужчин этого сообщества не только распространены, но и культивируются. Впрочем, возможно, грубость не всегда единственное проявление чувств в этой области. Их язык дает примеры и некоторой игривости: например, *penis* называют *хорь* (помимо общерусских синонимов), женские груди — *маркоташки*, а женские половые органы: *копилка*, *хавырка*.

Грубость силы не мешает, как можно догадаться, самоабвенной верности воровских жен и не мешает многим проституткам мечтать стать воровской женой.

Язык воров имеет специальные слова, относящиеся до веселья: *горчить* — пить водку (*водяру*), *балешник* — вечеринка, *бацать* — плясать; многие слова этой тематики совпадают с общерусскими вульгаризмами, например, *полгада*, *полбаян*, что означает поллитровую бутылку водки.

Обычно неизменной принадлежностью воровского *балешника* и любого сборища является карточная игра, а в южных областях — игра в кости (в Грузии ее называют *зари*). Терминология, связанная с карточной игрой, весьма обширна; для обозначения карт известно масса синонимов, например, *святцы*, *библия*,* *жолотушки*, *бой*, *стирки* и т.д.

Карточная игра среди воров была распространена издавна и на воле, и в заключении. Еще в XVII веке пред-

* Проститутки называют: *бедка*, *бикса*, *дешевка*, *курва*, *лакшовка*, *лярва*, *мара*, *марушка*, *тына*, *шмара*.

** Эти термины — тюремные и восходят к источнику бумаги, из которых арестанты изготовляли карты (в старину заключенным были более доступны Святцы и Библия, нежели ныне).

писано было тюремным сторожам не позволять арестантам «зернью и карты играть».¹³⁷ С. Максимов описывает обычаи, относящиеся до карточной игры среди арестантов: аристократ тюремного мира — бродяга, в котором мы узнаем по многим признакам члена воровского сообщества, — имеет согласно этим обычаям привилегию играть в долг:

«Достаточно бродяге поставить на майдан кирпич или просто собственный кулак, чтобы под видом этих вещественных знаков шел в круге и в круговой игре отвлеченный, кредитованный майданщиком капитал в полтора рубля серебром». И далее: «Бродяге верят на «честное варнацкое слово». Раз в месяц кончается срок «откупа» майдана, и тогда всем прощаются долги. Бродяги шумят и приговаривают: «Лахман долгам». Однако если майданщиком становится бродяга, прощения долгов не бывает».¹³⁶

Советский исследователь 30-х годов Лихачев³³¹ считает, что у воров игра в карты в значительной степени связана с суеверием и «носит характер своеобразного примитивного культа». Впрочем, из контекста неясно, утверждает ли это автор на основе информации о западных воровских ассоциациях или он пришел к такому выводу во время своего изучения воровской среды на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

В литературе о тюремной жизни описаны и другие развлечения арестантов и воров; правда, это относится к бедной эмоциями и возможностями тюремной жизни, но можно предполагать, что на воле развлечения воров не намного более утонченны.

Вот примеры тюремных развлечений середины прошлого века, описанных Крестовским.¹¹¹

«а) «*Киршин портрет*». Новичка спрашивают: «Хочешь Киршин портрет поглядеть?» — «Хочу» — «Ну, ладно, поведь на минуту за двери». Новичок

выходит, а в это время арестанты вымазывают в трубе сажею новичку шапку и подкарауливают у двери его возвращение. При входе внезапно марают шапкой лицо и подводят к зеркальцу: «Смотри, мол, вот он Киршин портрет!» Новичок ругается, остальные смеются. — Это — самая невинная и самая мягкая из арестантских игр.

b) *«Присяга на верноподданство по замку».*

c) *«Пальто шить»* — две игры до того циничные, что нет ни малейшей возможности передать их печатно.

d) *«Покойника отпевать».*

e) *«Колокол лить».**

f) *«На оленях прокатить».* Становятся два человека, плотно друг к другу спиной, и около пояса связывают себя полотенцем, потом каждый наклоняется в свою сторону. Их накрывают одеялом и — олени готовы. Старые арестанты садятся на них поочередно и катаются по камере. Доходит очередь до новичка, но чуть сядет он на оленей — связанные арестанты распрямляются и начинают жать его как словно в тисках, а остальные начинают избивать его жгутами.

g) *«Голоса слушать».* Каждый становится на свою койку и начинает издавать музыкальные ноты. Очередь доходит до новичка — его схватывают, дерут за уши и за волосы, бьют и пинают, и когда он начнет кричать, арестанты говорят, что у него голос лучше всех. «Так лихо поешь, что всем подольше послушать хочется». И бьют, покуда не натешатся. Арестанты до тех пор не успокаиваются в отношении нового своего сочлена, пока не проделают над ним все вышеназванные игры. Это как бы своего рода искус: «арестантские мытарства пусть каждый прой-

* Эта игра описана Крестовским в другом месте его книги и заключается в таскании новичка за волосы.

дет сперва, а потом уж будь ты нам друг и товарищ».

h) «Игра в жгуты» — общая арестантская. Один садится на койку и кладет себе подушку на колени. Остальные кидают «жеребья». Кому вынется последнему, тот наклоняет голову в подушку, а прочие становятся вокруг со жгутами. Кто-нибудь ударяет «уткнутого» по спине, уткнутый должен отгадать — кто. Коли попал — угаданный становится на его место, а не попал — оставайся до тех пор под жгутами, пока не угадаешь ударившего».

Таков характер всех тюремных арестантских игр.*

С. Максимов⁷⁸ перечисляет те же игры и добавляет еще утку:

«Желающему быть общим посмешищем и получить за то, смотря по обоюдному договору, пятак серебра или гривенник арестанты связывают обе руки веревкой и таким образом, чтобы между ладонями можно было укрепить сальную свечу. Свечка эта зажигается. Нанятый шут обязан, не погасивши огарка, ползти на брюхе с одного края казармы до другого и по тому грязно-скользкому полу, каков, напр., в тюрьме Нижне-Карийского промысла, где эта игра в большом употреблении. Прополз потешник на брюхе, не погасивши свечки, — он получает договоренную монету; погасил на дороге — даром все труды пропадают.

— Да еще и попадет сверх того! — прибавляли мне рассказчики.

— Быют?

- - Бить не быют, а поднимут на глум, да так, что на этот раз битье-то, пожалуй, лучше бы...»

* Описания тюремного посвящения битьем у В. Войновича⁴⁶⁹ немногим отличаются от рассказанного Крестовским.

По описаниям М. Гернета⁴⁵⁵ известна игра в *ЛОЖКИ* и *БАНКИ* — обе заключаются в битье по животу; при игре в *ЛОЖКИ* исполнитель плюет на обнаженный живот жертвы, растирает плевков и с криком «Подержись, ожгу!» ударяет ложкой по этому месту; живот иногда вспухает от одного удара». Подобные шутки в ходу и ныне, однако не обязательно столь же традиционны и устойчивы по форме: главное в такой игре — битье и иное мучительство; было бы это, а изобретательность не возбраняется тюремными обычаями. Пример особенно жестокой современной изобретательности дает Шаламов в своих записках о лагерях: старику дали в руки взрывной капсулы и взорвали его — человек остался без рук.

Обилие насекомых доставляет не только страдания, но и развлечения тюремной публике. Еще С. Максимов¹²⁴ описывал устройство состязаний вшей (при этом побежденная вошь казнима бывает на месте). Гернет дает следующее описание этой игры¹³⁹: вши кладутся на нары, хозяева берут по глиняной кружке, края которой обмазываются чем-то липким, и одновременно покрывают ими вшей — *КУПЧИХ* — на нарах, причем каждый партнер покрывает не свою купчиху, а принадлежащую партнеру; через некоторое время кружки одновременно приподнимаются, и партнеры смотрят, чья вошь успела добраться до края кружки и прилипнуть. Гернет отмечает, что свободная жизнь этого спорта не знает. Между прочим, вши для такой игры специально отбирались и откармливались.

М. Гернет¹³⁹ описывает и более интеллектуальное тюремное развлечение: представление судебного процесса; в этой игре прения сторон — *ГРЫЗНЯ* — доставляют публике особое удовольствие.

Ныне судебные прения даже при богатой фантазии не назовешь *грызней*, и этот термин не употребляется. Известно современное описание этого тюремного развлечения у политзаключенных.¹³⁸ Амальрик¹¹⁸ упоминает о подобной игре, рассказывая об уголовниках.

Говоря о тюремных развлечениях, упомяну и мужеложество, весьма распространенное издавна в тюрьмах и на каторге (а ныне и в лагерях). М. Гернет отмечал,¹³⁴ что развращение педерастов происходит обычно в тюрьме: пока падение не совершилось, за ними ухаживают, выполняют их желания и капризы, кормят их лакомствами, затем глубоко их презирают.* Активные педерасты пользуются, напротив, особым влиянием.

Положение в 30-40-х годах отличалось от описанного только тем, что «развращение» не требовало обычно специальной процедуры ухаживания, достаточно было пригрозить ножом; именно тогда гомосексуальному соvrращению подверглись многие *малолетки* — дети, коих по тогдашним законам помещали в общие лагеря с 12-летнего возраста. Ныне насильственное гомосексуальное соvrращение в местах заключения также достаточно распространено — замечу, что эта проблема остра и в других странах.

Для вора быть активным педерастом — чисто тюремная склонность, и на воле ему обычно не стоит труда переключиться на отношения с женщинами.

В женских местах заключения весьма распространена лесбийская любовь; жаргон знает специальный термин для обозначения активной лесбиянки: *ковырялка*.¹²³ Это слово, впрочем, полисеманлично; по данным¹⁹⁹, ковырялка означает онанирующую женщину, а в другом значении женщину, производящую аборт; по данным,³³⁴ относящимся к началу 70-х годов, ковырялкой в лагерях называют пассивных лесбиянок, а активных называют *кобёл*.

Я не буду подробно писать здесь о воровском фольклоре и поэтических вкусах воровского мира. Это — специальная тема. Следуя Шаламову^{131, 442}, отмечу подчеркнутую сентиментальность воровского, как и тюрем-

* Названия педерастов в воровском жаргоне: *прашкетка*, *маргаритка*, *бульда*, *петух*, *козел*.

ного, фольклора;* увлечение бравыми песнями, пожалуй, свойственно скорее околоровской публике, чем собственно вора́м (см., например, о хулиганском фольклоре ²⁰⁶).

Согласно,³³¹ почти каждый вор имеет альбом, в который заносит произведения особого альбомного жанра: «ро́мансы» и песни. Альбомы эти очень берегутся и составляют при картежных играх определенную денежную цену, сравнительно с ценою книг очень высокую. Характерно, что в них почти отсутствуют воровские слова. Сохраняются только некоторые воровские обороты, которые самими ворами не осознаются как воровские.

Отмечу здесь еще своеобразную официальную воровскую поэзию. Она рекламировалась властями как творчество *перекованных*, исправившихся воров — весьма, впрочем, сомнительно, что эти *перекованные* когда-либо действительно были ворами. В 30-х годах при попечительстве НКВД издавались сборники такой поэзии; вот образец (Матвеев)¹⁷² :

«...Я первый песню и горячей речью
Воров и проституток славлю труд».
«...Что случилось с ним? Он на пути
К прекрасной жизни. Мрачный тигр
Сумел от крови отойти,
Шофером стать на стройке знатным».

Гернет¹³⁹ сообщил, что сразу после революции в тюрьмах были попытки издания журналов (например, «Мысль за решеткою»), однако сомнительна причастность воров к таким опытам — да и публика тогда в тюрьмах была все больше интеллигентная. Сомнительно также, чтобы

* Пожалуй, сентиментальность фольклора свойственна вообще тем социальным группам, кои волею обстоятельств исторгнуты из общества, хотя бы на время; примером тому — сентиментальность большинства песен геологов и даже туристов; возможно, впрочем, — это слишком смелое обобщение, ибо сентиментальности везде достает.

настоящие воры принимали участие в издаваемых ныне в лагерях стенгазетах.

Известен лишь один жанр изобразительного искусства воровского мира — татуировка.* Многие говорят за то, что помимо удовлетворения эстетического чувства обычай татуировки связан с реликтовыми психо-социальными мотивами и с иерархической диагностикой субъекта в воровском мире, хотя исследований на эту тему в России почти нет и нельзя утверждать это наверняка.

Феноменологии татуировки в открытых советских публикациях ныне совсем не уделено внимания. В 20-х годах эта тема не была запретной, и из опубликованных тогда работ узнаем, что татуировка преступников производится большею частью от скуки^{140, 141}. Согласно данным Гернета¹⁴⁰, большинство татуировок сделано в заключении, однако процент татуировок, сделанных на воле, достаточно высок, что, впрочем, может объясняться склонностью к татуировкам солдат и моряков (среди обследованных Гернетом были не только воры).

Обычай татуировки подробно изучался западными авторами; я не рассматриваю эту проблему здесь подробно, так как известный материал касается заключенных вообще, а не именно членов воровского сообщества, у которых интересно было бы проследить связь характера татуировки с иерархическим положением. В упомянутых русских работах авторы не выделяют специально членов воровского мира из общей массы заключенных, и собранные ими материалы хотя и интересны, но не сопоставлены с обычаями именно воровского мира.** Впро-

*Стенные рисунки в тюрьмах, насколько я знаю, совсем не изучались в России.

** Чтобы дать читателю представление о характере татуировки, приведу краткий список примеров тематики рисунков и надписей.

По данным Гернета¹⁴⁰: обнаженные женщины, бабочка, нагая женщина с цветком в руке, сердце, пронзенное стрелой, дельфин, матрос, портреты королей, президентов республик

чем, для рассмотрения эстетических стандартов преступного мира России интересно следующее замечание Гернета, хотя опять же не известно, относится ли его патриотическая оценка именно к лицам воровского сословия:

«При сравнении содержания известных нам по литературе татуировок иностранных преступников и

и проч., в одном случае: галерея портретов всего дома Романовых; цветные татуировки: роза с бутоном и листочками; кресты, окруженные различными атрибутами, херувимы, турчанка в чадре и шароварах, гирлянда листьев, летящий орел со змеей в когтях, якоря, женские головки, птицы, сердца, горящие пламенем и пронзенные стрелами и кинжалами; у педерастов на спине — женские фигуры; кошка на одной ягодице, а мышь — на другой, так что при ходьбе получалось впечатление, что кошка преследует мышь.

По данным М. Авдеевой¹⁴¹: обнаженные женщины в разных видах и позах (из них только три, как выражается автор, циничные), женщины с рыбьим хвостом вместо ног, одетые женщины и женские головки, орлы, сердце, пронзенное стрелой, в разнообразных сочетаниях с цепями, амурами, разными надписями; матрос с барышней, собака гонится за женщиной, танец «танго», черепа, смерть с косой, памятник с надписью «Мама, спи и жди меня», церковь, окруженная надписью «Маня, прости меня — Коля Климов»; обнаженная женщина, стоящая на трех книгах с поднятыми кверху руками, другая, одетая плащом, коленопреклоненная женщина, положив голову на книги, руками обнимает первую за ноги, внизу надпись «Ты ушла от меня, я остался один» (эта татуировка сделана после расстрела жены за грабежи); меч с надписью «Мне все равно, я на все готов»; два меча с надписью «Месть за тебя» и «Прощай, мечты, ее уж нет»; Эрос и Психея; орел, держащий в когтях матроса; свинка, играющая на скрипке; кошка с мышкой, изображенные на ягодице, причем мышь изображена пытающейся убежать в задний проход; около креста — женщина на коленях, вдали солнце, корабль и маяк.

Нынешние татуировки, пожалуй, в среднем более примитивны, однако вот пример нетривиальной композиции⁴⁵⁴: «спереди — орел, клюющий грудь Прометея; сзади — собака, употребляющая даму диким способом».

О татуировках политического содержания см. у Марченко.¹⁰⁹

обследованных нами русских заключенных татуировка последних нам представляется более оригинальной. Мы считаем, что мировой рекорд в этом отношении побит изображением на груди одного из заключенных московской тюрьмы копии картины Васнецова «Три богатыря»... Иностранные преступники, насколько нам известно, «не додумались» до воспроизведения на своем теле великих произведений искусства».

Глава 6. Упадок воровского мира

Ничто так не претит профессионалам любой области человеческой деятельности, как подражание дилетантов, любителей, недоучек. Издавна профессионалы ограждают свое сословие от проникновения «интересующихся» любителей, подражающих недоучек, препятствуют быстрому продвижению в своей иерархии новопосвященных — вспомним хотя бы обычаи и структуру средневековой цеховой иерархии. Такое стремление к профессиональной замкнутости имеет причиной вовсе не только боязнь усиления конкуренции: тут — забота о чистоте нравов, об ограждении профессиональной чести, боязнь, как бы дилетанты и недоучки не скомпрометировали сословие в глазах общества, в глазах истории.

Строго охранял себя от смешения с дилетантами и недоучками и воровской мир, но уж больно их много, тех, кто берется за их ремесло, без посвящения старшин воровской иерархии выдает себя за вора, пренебрегая веками освященной этикой и внутренним правом этого сословия. Воровской мир ограждал себя от таких недоучек, но не мог, да и не ставил себе целью эффективно бороться с ними. Основное отличие таких любителей от настоящих деятелей воровского мира — то, что они не порывали связей с обществом, внутри которого действовал преступный мир. Между тем, принципы преступного мира требовали именно полного разрыва всех связей

с обществом, с общественными интересами и иерархиями. Любители же, попав на время в среду ослушников закона, могли затем вернуться, временно или постоянно, к обычной жизни в обществе, к общественным связям и обязательствам. Другие попадали в преступную среду, движимые стремлением к героическому служению общественным интересам: к этому побуждали их популярные в народе легенды о знаменитых разбойниках-освободителях.

Русской истории было угодно, чтобы в соперничестве преступного мира с подражающими ему дилетантами одержали верх именно дилетанты, и это привело со временем к упадку нравов и организационной стабильности преступного мира. Победа эта связана именно с русской традицией смешения в сознании народном знаменитых разбойников и народных освободителей. Победа дилетантов, о которой я говорю, не означала, что дилетанты захватили первенство в иерархии преступного мира — от такой победы преступный мир сумел бы охранить себя. Победа дилетантов состояла в том, что они захватили власть в стране и образовали свое государство, которое, подобно ранее существовавшему государственному конструкциям, располагало карательной системой для борьбы с преступным миром. Конечно, борьба с преступным миром не была с самого начала важной целью вновь организованного государства этих дилетантов. Напротив, они даже надеялись на своего рода мир с уголовными элементами: они освободили их из тюрем и заявили о своей принципиальной симпатии к ним, объявили социально близкими. Они высказали даже надежду, что деятели преступного мира также сочтут их социально близкими и прекратят деятельность, которая является преступной с точки зрения новой власти.

Преступный мир, похоже, не был несколько озадачен тем, что дилетанты захватили власть. Этот мир не интересуется проблемами государственного устройства, а

заявления новой власти о социальной близости с преступным миром были восприняты им, по-видимому, и с иронией, и с надеждой на некоторые вольности. Однако объявление уголовных преступников социально близкими новой власти было первым успешным шагом в борьбе этой власти с преступным миром. До тех пор государство в России вело борьбу с преступным миром, а преступный мир исповедывал доктрину о неприкосновенности к действиям государственной власти: единственной формой контактов преступного мира с государством была карательная деятельность государства против преступного мира; никаких других контактов, согласно этике преступного мира и в то же время согласно этике тогдашнего государства, не было и не должно было быть. Новая власть заговорила о близости и протянула руку для других контактов. Нашлись среди преступного мира такие, которые ответили на этот призыв, то ли вдохновленные героикой народного освобождения, то ли прельщенные открывающимися возможностями для своей традиционной деятельности. Так или иначе, некоторые бывшие деятели преступного мира оказываются на государственной службе, в том числе службе в карательных органах. Лидеры преступного мира относились неодобрительно к такому сотрудничеству своих бывших коллег с новым государственным аппаратом. Во всяком случае, известно, что изменникам мстили, насколько это было возможно. Как я могу судить, такой коллаборационизм бывших преступников с новой властью (*ссучивание*) был явлением отнюдь не массовым, однако упадок нравов российского преступного мира начался. Хранители чистоты нравов этого мира не могли одобрительно относиться к такому коллаборационизму, несмотря на то, что многое в деятельности новой власти было подобным по характеру и по методам их собственному ремеслу: разница была лишь в том, что ограбление частных домов и церквей проводилось с большей

смелостью, чем это практиковалось даже у самых отважных традиционных разбойников, и еще в том, что эти ограбления проводились со ссылкой на республикованные декреты.

В это смутное время почти все традиционные российские общественные институты подверглись уничтожению или коренной перестройке. Лишь немногие, независимые от государственной власти и достаточно консервативные по своей внутренней структуре общественные институты сумели выдержать испытания бурных лет; к их числу относится преступный мир, который в 20-е годы если не окреп внутренне, то, во всяком случае, стал более многочисленным, благодаря пополнению из числа беспризорников, во множестве порожденных первыми годами смуты.

Основные усилия уголовной политики новой власти долгое время были направлены на уничтожение политических противников и представителей «чуждых классов». В этом потоке караемых обычные уголовные преступники продолжали считаться социально близкими, подвергались более мягким наказаниям и отбывали наказание в лучших условиях. Как ни парадоксально, но постепенно с упрочением власти Сталина их положение ухудшается. К ним применяются более жесткие карательные меры, несмотря на то, что из всех вождей большевистской партии Сталин был более всего близок к преступному миру: именно он совместно с уголовниками проводил знаменитые экспроприации.

Но главная беда тех десятилетий была для уголовного мира не в том, что наказания стали более жесткими, беда, и уже непоправимая, для нравов преступного мира таилась именно в доктрине социальной близости. В то время (20-30 гг.) в лагерях уголовные преступники отнюдь не составляли большинства. Новая власть активно проводила кампанию по изменению классового состава общества. Среди миллионов представителей «чуж-

дых классов», заключенных в лагеря, было много людей, с которыми власть хотела расправиться окончательно, но не всегда хотела делать это явно и своими руками. И в достижении этой цели власть использовала помощь социально близких заключенных-уголовников. В одних случаях выполняя прямо или намеком высказанную просьбу тюремной администрации, в других случаях при явном попустительстве администрации, заключенные-уголовники (не говорю обо всех) подвергали политзаключенных каждодневным издевательствам. Как можно судить, политзаключенные были совершенно беззащитны перед этим систематическим террором. У них отнимали одежду, и они замерзали, у них отнимали пищу, и без того весьма скудную, и они умирали от истощения, их подвергали физическим издевательствам и постоянным унижениям, они видели, что все это делается с явного или молчаливого благословения администрации. Кто подсчитает, сколько из тех, что погибли в советских лагерях, погибли непосредственно в результате притеснений уголовников?

Если власть совершала преступление, не соблюдая принципа разделения заключенных, ставя беспомощных и неприспособленных к лагерным условиям людей в опасность гибели от издевательствам уголовников, то совершенно очевидно, что в любом случае уголовники пользовались бы представившейся возможностью притеснять «фрайеров» и издеваться над политзаключенными и без пожеланий администрации.

Однако они знали, что тот террор, который они установили в местах заключения в отношении политзаключенных, угоден администрации. Они таким образом действовали заодно с администрацией, выполняя явно или неявно выраженную волю администрации. С точки зрения ортодоксальной воровской идеи — это явное падение нравов, и именно в это время был подготовлен окончательный упадок традиционного воровского мира.

Понимал ли Сталин, что с помощью такого смешения заключенных он не только уничтожает своих политических противников, но и постепенно, исподволь, незаметно для самих уголовников, подрывает издревле сложившиеся этические принципы их сословия?

После прихода к власти дилетантов от преступного мира, после коллаборационизма некоторых деятелей преступного мира с новой властью, это был затянувшийся третий акт трагедии российского преступного мира, приведший к его упадку, и в этом акте чувствуется рука искусного режиссера.

Если в третьем акте падение нравов воровского мира шло постепенно, режиссер действовал не принуждением, а замаскированным созданием условий для этого, то в четвертом акте он проявил жесткость. Многие тысячи заключенных-уголовников, в том числе «цвет» уголовного мира — многие воры-в-законе, находившиеся в лагерях в первое время войны, были поставлены перед выбором: или проявить свой патриотизм и согласиться воевать, защищая родину и социально близкую власть, или быть расстрелянными. Многие тысячи уголовников согласились при таких условиях проявить свой «патриотизм» и тем нарушили один из основных принципов воровского закона: согласились быть на государственной службе.

События пятого акта этой трагедии вновь развиваются сами собой. Роль режиссера опять сведена к минимуму. Повоевав, бывшие уголовники возвращаются к нормальной жизни и к прежнему ремеслу, возвращаются в лагерь, где их ждет гибель, как нарушителей одного из основных принципов преступного мира. Блюстители нравственной чистоты их мира относились к их деликту всерьез, не принимая во внимание того, что в случае отказа воевать им грозила смерть. И их действительно убивали. Но в истории российского преступного мира никогда еще не было столь массового ссучивания, и уби-

вать пришлось слишком многих. Началась *сучья война*, которая, судя по отзывам, «потопила в крови» громадные пространства советских лагерей. Сук было слишком много, они приняли вызов и стали убивать своих преследователей. Они провозгласили *новый воровской закон*, разрешающий деятелям преступного мира в известных пределах сотрудничать с государственной администрацией. Под угрозой смерти они заставляли ортодоксальных воров принимать этот новый воровской закон. Много воров погибло, отстаивая свою ортодоксальную этику, многие приняли новый закон. Эта война еще ждет своего историка: достаточно очевидно, что администрация была заинтересована в победе сук в этой войне, однако роль администрации в событиях этой войны не исследована.

Позиция администрации понятна. По ортодоксальному воровскому закону воры отказывались даже работать в лагере, не говоря уже об исполнении каких-либо квази-административных функций. Этим, по мнению администрации, было существенно затруднено их перевоспитание. Новый воровской закон мягче и в определенных пределах разрешает деятелям преступного мира и работать в лагере, и маскироваться на воле, выполняя обычные для советских людей гражданские обязанности.

Добавлю к сказанному об упадке российского преступного мира то, что в послевоенные годы власть усилила меры борьбы с рецидивной преступностью, благодаря чему многие активные и почтенные лидеры преступного мира весьма длительное время проводят в заключении. При этом их стараются содержать обособленно от основной массы уголовных преступников, что, конечно, затрудняет их общение с коллегами и их участие в жизни своего сословия.

Я надеюсь, читатель понимает, что власть добилась лишь *нравственного упадка* преступного мира, добилась того, что преступный мир фактически отказался от важ-

ного этического принципа полной отдельности от общества. Но это не означает, что власть добилась каких-либо существенных успехов в преодолении преступности.

Упадок нравов, а иными словами — смягчение внутри-правовых императивов воровского мира не означает, что он на краю гибели. Напротив, с введением «нового воровского закона», разрешающего вору в исключительных условиях нарушать принцип отдельности от общества и даже исполнять некоторые гражданские обязанности, стало легче быть *вором*; воровской мир стал более гибок в приспособлении к изменившимся внешним условиям — а эти условия изменились очень заметно по сравнению с эпохой, когда стабилизировался старый, ортодоксальный воровской закон.

То, что я назвал *упадком* воровского мира как социального института, означает на самом деле не падение, а повышение его жизнеспособности; есть свидетельства, что его жизнеспособность весьма велика.

Не меньшей стала и его привлекательность. Пусть не удивит читателя, что я говорю о привлекательности этого социального института после того, как раньше рассказал о специфике эстетических стандартов воровского мира — эти эстетические стандарты сами по себе вполне симпатичны весьма большой части населения; симпатичным для многих является и стремление к отдельности от общества, стремление к свободе, обретенной посредством отказа от принятых в обществе этических ценностей и запретов; свободе за счет других, но дающей упоение силой, дающей выход тем глубинным, пусть реликтовым позывам человеческой воли, кои по велению общественной этики должны быть подавляемы.

ЧАСТЬ II

ХУЛИГАНСТВО

В начале нашего столетия российская публика была обеспокоена явлением, казалось бы, нового вида преступления: различного рода бесчинствами в городах и по деревням, бесчинствами подчас весьма жестокими и не имеющими видимых мотивов.

”Новое” явление прозвано было *хулиганством*, и это слово все чаще стало появляться в газетных сообщениях.* Внимательный читатель мог, однако, заметить, что видимая новизна явления связана скорее с возросшей активностью прессы в описании жизни низших слоев общества и с возросшей информированностью местной администрации, нежели с тем обстоятельством, что этого явления ранее не было. Впрочем, в том, как громко и внезапно это ”новое” явление заставило говорить о себе,

* Недавно газета ”Известия”²⁰⁵ сообщила читателям о происхождении этого слова:

”В XVIII веке жил великобританец по фамилии Хупиган. Был он порд и подвержен скуке. И чтобы развеяться, совершал общественно опасные действия. Задирали все слои населения. С него и пошло”.

Лорд Хупиган достиг редкой степени бессмертия: не всякий крупный исторический деятель удостоен упоминания в русской частушке:²⁰⁶

Эх, руки, ноги на дороге,
Гопова в кусту.
А я у тятки да у мамки
Хупиган расту.

Впрочем, был ли такой порд? Сопидный Brewer’s Dictionary⁴⁵⁶ сообщает, что Хупиганы — это жизнерадостная ирландская семья, которая оживляла своими забавами скучную и монотонную жизнь в Саусворке в конце прошлого века.

Словарь английского жаргона⁴⁵⁸ сообщает как предпочтительную версию о том, что слово *хулиган* происходит от двух слов: the gang — шайка и Hooley — имя предводителя шайки сорвиголов. Эту же версию сообщает советский автор А.Жижиленко⁴⁵⁷.

чувствовалось, несомненно, и влияние того возбуждения, которое было вызвано в русском обществе антиправительственными выступлениями в 1905 году.

Это новое бедствие обратило на себя внимание властей, и в Министерстве внутренних дел изучали вопрос о мерах борьбы с хулиганством^{203,204}. Уфинский губернатор П.П. Башилов в своей статье в журнале Министерства юстиции²⁰⁴ дает обширный список конкретных деяний, совершаемых хулиганами. Вот некоторые из них:

праздношатайство днем и ночью с пеньем нецензурных песен и сквернословием, бросание камней в окна, причинение домашним животным напрасных мучений, оказание неуважения родительской власти, администрации, духовенству; приставание к женщинам, мазание ворот дегтем, посягательство на женское целомудрие до изнасилования включительно; избиение прохожих на улице, требование у них денег на водку с угрозами избить, вторжение в дома с требованием денег на водку, драки; истребление имущества, даже и поджогом, вырывание с корнем деревьев, цветов и овощей без использования их, мелкое воровство, растаскивание по бревнам срубов, приуготовленных для постройки.

П. Башилов заметил при этом, что каждое из перечисленных деяний хулиганов предусмотрено действующими законами и в этом смысле ничего оригинального в них не содержится. Он, однако указывает общие свойства хулиганских деяний: они не внушены стремлением к какой-либо личной выгоде. и, кроме того, они характеризуются проявлением злобы. Именно проявление злобы при совершении хулиганского деяния Башилов считает важным для юридического различения хулиганства и "незлобивого" озорства, причем такое озорство Башилов характеризует, как "расходование избытка сил на дикие выходки по принципу "раззудись, плечо;

размахнись, рука:»* К такому озорству Башилов относит, в частности, бесчинства, творимые новобранцами, безобразия, учиняемые молодежью, кутящую по случаю окончания курса, купеческие выходки вроде битья зеркал или манеры наливать шампанское во внутренность фортепьяно.

По мнению Башилова, хулиганский характер деяния должен быть учитываем при назначении наказания.

Для целей моего рассказа о хулиганстве как преступлении, предусмотренном советским законодательством, весьма важно подчеркнуть, что в дореволюционное время юристы, как я могу судить, склонялись к мнению, что если хулиганство как социальное явление и может быть учитываемо законодателем при назначении наказания за противоправные деяния, то не посредством признания хулиганства самостоятельным составом преступления, а лишь в том смысле, что наличие некоего *хулиганского мотива* должно отягчать ответственность за совершение конкретного, предусмотренного законом правонарушения. Иное означало бы признание возможности угрожать наказанием за совершение действий, заранее законом не определенных. Я думаю, в то время юристы понимали, что если законодатель указал бы хулиганство как самостоятельный состав преступления, то это было бы равносильно тому, как если бы он постановил подвергать уголовному наказанию просто за *плохое поведение*, предоставив тем самым суду широкие возможности для произвола в применении уголовного наказания. В дореволюционное время эта возможность не была реализована русским законодателем.

Как можно судить, хулиганские поступки получили особенное распространение в результате социальных по-

*Говоря так, Башилов, по-видимому, имеет в виду то физиологическое состояние организма, которое исследователь советского времени Сегалов назвал "зарядом мышечной тоски"³³⁶.

трясений, последовавших за событиями 1917 года. Причиной этому — и распространившийся, благодаря поведению новых властителей, нигилизм в отношении к традиционным этическим ценностям, и бесчинства тех, кто участвовал в гражданской войне, и экономические трудности, приведшие, в частности, к невиданному росту числа беспризорных детей*.

Исследователь 20-х годов Власов²⁰⁶ приводит, в частности, следующие примеры хулиганских поступков в городах:

отправление естественных надобностей среди публики, появление голыми**, матерщина, распевание похабных песен, пристаивание к женщинам, бросание в глаза нюхательного табаку, тушение света в общественных местах, ложный вызов пожарных, срывание плакатов, отрезание хвостов у скота, порча памятников, ломание почтовых ящиков, подпиливание телеграфных столбов, разрушение фонарей и изоляторов, пьяные драки, особенно по праздникам.

Тот же автор дает весьма интересные сведения об организационном оформлении хулиганства. Например, в селе Каптеровском Минусинского округа молодежью был организован "Центральный комитет шпаны", который выдавал удостоверения о неприкосновенности членов "комитета"; в окрестностях Читы в селе Дурулгай образовался "Союз хулиганов", который, по сообщению Вла-

*Детские игры "в войну" всегда достаточно распространены, однако можно полагать, что вскоре после военных событий эти игры распространены более, чем обычно. Есть сведения, что подобные игры иногда приводят и к совершению преступлений. Например, по газетному сообщению 1926 года²⁰⁶, в Московской губернии "после затеянной игры в "войну" детьми школьного возраста до 16 лет была взята в "плен" девочка 6 лет и под свист, пенье и крики была изнасилована".

** Возможно, Власов имеет в виду сторонников доктрины отрицания стыда; в 20-х годах некоторые из них в голем виде проводили демонстрации с позунгами "Долой стыд!".

сова, "держал в панике всю молодежь, разоряя бедняков и ведя травлю крестьян".

Катастрофическая распространенность хулиганства, разумеется, обратила на себя внимание новых властителей: хулиганство как таковое было объявлено уголовным преступлением. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года определяет хулиганство как "озорные, бесцельные, сопряженные с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия"* . Суды получили весьма удобный инструмент для борьбы с хулиганством, и удобство его прежде всего в том, что суды могли не утруждать себя приисканием нужной для осуждения статьи уголовного кодекса в зависимости от того, какой именно поступок совершил хулиган, — статья о хулиганстве была достаточно универсальна для того, чтобы применять ее в случае самых разнообразных, не слишком серьезных правонарушений (эта универсальность была естественным образом ограничена тем обстоятельством, что наказание за хулиганство по кодексу 1922 года было предусмотрено небольшое — всего лишь принудительные работы или лишение свободы на срок до одного года** ; поэтому в случае совершения серьезных преступлений приходилось применять другие статьи кодекса даже к тем, в ком общественное мнение видело хулиганов).

.....

* Ранее, в 1918 году, хулиганство было указано в числе явлений, бороться с которыми было предписано революционным трибуналом³⁰⁷.

** Впоследствии, в 1924 году, хулиганство было признано административным деликтом, а повторное хулиганство каралось лишением свободы до 3 месяцев. В 1926 году хулиганство, совершенное в первый раз, могло повлечь лишение свободы до 3 месяцев, а если хулиганские действия "заключались в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью", то они могли повлечь за собой лишение свободы на срок до 2 лет.

По-видимому, однако, было замечено, что определение хулиганства, данное в кодексе 1922 года, недостаточно широко. Действительно, хулиганство названо в этом кодексе действиями бесцельными, поэтому заявление подсудимого о том, что он, скажем, побил соседа не бесцельно, а с целью отомстить за то, что сосед в прошлом году разбил его окно, в принципе является хорошим доводом защиты от обвинения в хулиганстве. В 1924 году законодатель исправил это упущение, исключив из определения хулиганства признак бесцельности.

Крыленко сказал по этому поводу³⁵⁶:

”В первой редакции нашего Уголовного кодекса здесь были еще слова ”бесцельные” действия, но в последующей редакции мы это слово ”бесцельные” выкинули, поскольку, конечно, нельзя сказать, чтобы у хулиганства не было никакой цели. Если хулиган разбивает фонарь, выворачивает тумбу, берет кадку с водой и заливает печную трубу, то эти действия все-таки имеют определенные цели: он хочет именно разбить фонарь, хочет именно выворотить тумбу, а не что-нибудь другое.”

Не знаю, почему такое расширенное определение хулиганства показалось властям еще не достаточно широким; во всяком случае, статья кодекса о хулиганстве в редакции Указа 1940 г. вообще не определяет, что такое хулиганские действия, а лишь указывает, как караются эти действия.

Я говорю об универсальности применения статьи кодекса о хулиганстве, основываясь на материалах практики, — суды действительно не были чрезмерно щепетильны при квалификации действий подсудимого как хулиганства, несмотря даже на то, что Верховный суд РСФСР в одном из опубликованных решений указал, что по статье о хулиганстве ”подлежат квалификации лишь озорные действия, которые сопряжены с неуважением к обществу, но которые сами по себе не содер-

жат признаков какого-либо преступления, предусмотренного другими статьями особенной части УК”²⁰⁷. До сих пор, однако, и это будет видно из дальнейшего рассказа, суды квалифицируют как хулиганство поступки, которые во многих случаях подпадают под действие других статей Уголовного кодекса.

Универсальность статьи кодекса о хулиганстве сама по себе не обеспечивала, конечно, успеха борьбы с распространением хулиганства. Требовались какие-то чрезвычайные меры, и в 1925-26 годах была начата ”ударная кампания” по борьбе с хулиганством: судимость за хулиганство возросла в 7 раз²⁹. В 1927 году Комиссариат юстиции²⁰⁸ предписал местным исполнительным комитетам издавать обязательные постановления о борьбе с хулиганством. Такие постановления, впрочем, издавались и раньше. Так, например, Симферопольский городской районный комитет Совета депутатов в декабре 1925 года издал постановление ”О борьбе с хулиганством и пьянством”; в этом постановлении, наряду с запретом ”всякого рода взрывов на улицах.... ”и указаниями о регулировании торговли спиртными напитками, содержался такой пункт: ”Воспретить бесцельное скопление публики на тротуарах и сиденье на подоконниках домов и магазинов”²⁰⁹. Этот пункт и вправду смешон, однако не это его качество побудило меня цитировать его: в этом оригинальном запрещении чувствуется трогательная вера пришедших к власти ”рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов” в возможность борьбы со стихийным социальным бедствием посредством устранения *видимых* причин, в то время как глубинные социальные причины этого бедствия остаются не-

выясненными или их не желают замечать*. Впрочем, вскоре эта новая власть совсем перестала доискиваться до причин преступности и предпочла лишь применять все более жестокие репрессии.** В 1935 году наказание за злостное хулиганство было увеличено до 5 лет лишения свободы. Низкий процент применения лишения свободы по делам о хулиганстве (по данным 1934 года) стал предметом серьезной критики судебных органов. Тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере построения социализма применялся не только для обоснования политических репрессий: журнал "Советская юстиция" в 1936 году²¹⁰ отмечал, что хулиганство в связи с обострением классовой борьбы приняло широ-

* По сообщению советского деятеля Томского⁴⁵⁷, подобным административным постановлением во Владимирской губернии запрещались, в частности:

"... драки и производимые ради озорства шум, крики, пение и музыка на улицах и в частных домах после 10 час. вечера".

"... бросание в местах общественного пользования взрывчатых аппаратов, а также стрельба из огнестрельного оружия и из пугачей".

"... а также стрельба из огнестрельного оружия и из пугачей в черте населенных мест или в местах скопления людей, не вызываемая целями самообороны..."

"Совершение в публичных местах разного рода бесстыдных действий, как, например, приближение к купающимся другого пола.

Публичное произношение бранных нецензурных слов, озорные хулиганские поступки, направленные против личности отдельных граждан, или приставание к ним в общественных местах".

"Намеренное, с целью озорства, толкание прохожих или хлестание их прутьями".

"Хождение по тротуарам толпами и намеренное преграждение пути прохожим, обрызгивание прохожих водой, грязью или плевками, а также бросание в них снегом, бросание камнями или другими предметами в проходящих животных".

** В конце 20-х годов были практически прекращены криминологические исследования в СССР; лишь после смерти Сталина советские юристы стали вновь работать в области социологии преступности и смежных с нею проблем, однако многое затрудняет такие исследования, в том числе отсутствие статистических публикаций и идеологические ограничения свободы творчества в этой области.

кие размеры.

В нынедействующем законодательстве¹² хулиганство определено как "умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу". Нетрудно видеть, что это определение столь же неопределенно, как и данное кодексом 1924 года (я уже говорил о нем). Не более определенен и квалифицирующий признак хулиганства: *злостное хулиганство* определено, в частности, как "те же действия, отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом или особой дерзостью..."* В законе отсутствует определение понятий "исключительный цинизм"*** или "особая дерзость". Подобные оценки не могут быть однозначны, и это обстоятельство обеспечивает суду широкую возможность для произвольных решений***

* Статья о хулиганстве содержит и другие квалифицирующие признаки, которые я подробно не рассматриваю здесь. Максимальное наказание за хулиганство (в случае применения или попытки применения оружия) — 7 лет лишения свободы.

** Статья о хулиганстве — не единственный пример того, как законодатель использует иностранные слова для обеспечения большей неопределенности нормы. Согласно Большой Советской Энциклопедии (изд. 2), цинизм — это всего лишь "пренебрежительное отношение к общепринятым нормам нравственности и благопристойности".

*** Интересно, что в первоначальной редакции нынешнего Уголовного кодекса говорилось о действиях, отличающихся по своему содержанию "исключительным цинизмом или дерзостью", т.е. было непонятно, относится эпитет "исключительный" только ли к цинизму или же и к дерзости, ибо *дерзость* женского рода, а *цинизм* мужского рода, эпитет же *исключительный* употреблен в этой фразе в мужском роде, что, впрочем, допускается современным разговорным русским языком и в том случае, если определяемые существительные — разного рода. Строго говоря, если эпитет *исключительный* по смыслу законодателя относился и к цинизму и к дерзости, то следовало употребить форму множественного числа прилагательного *исключительный*. Практика и юристы считали, судя по всему, что эпитет *исключительный* относится и к цинизму, и к дерзости — это видно по характеру комментария²⁹⁰, а также из высказываний юристов об этом.

В 1966 году формулировка этого квалифицирующего признака была изменена, и теперь говорится об исключительном цинизме и особой дерзости.

Это очень важный вопрос, так как просто хулиганство наказуемо вплоть до 1 года лишения свободы, а злостное хулиганство — вплоть до 5 лет лишения свободы.

Советские юристы, по-видимому, понимают, что законодатель не случайно употребляет столь растяжимые определения: издавна в советском праве метод нечеткой формулировки нормы закона использовался с тем, чтобы по возможности расширить круг лиц, пригодных для преследования в соответствии с данной нормой*. Однако в данном случае неопределенность нормы закона, пожалуй, даже по советским стандартам чрезмерна. Это, конечно, не затрудняет борьбы с хулиганством, но чревато на практике тем, что суды будут пользоваться этой неопределенностью слишком широко или же не догадуются использовать эту неопределенность достаточно широко.

По-видимому, практические работники испытывают иногда трудности в том, чтобы правильно оперировать понятиями исключительного цинизма и особой дерзости. Так, например, Ставропольский краевой суд в 1967 году счел действия Б. просто хулиганством, а не злостным хулиганством, так как эти действия "не содержат дерзости и цинизма". Советский юрист⁴⁵⁹, критикуя определение этого суда, указывает, что и простое хулиганство, "как правило, бывает циничным и дерзким, но цинизм и дерзость в этом случае не достигают той кульминации, которая свойственна исключительному цинизму и особой дерзости". Автор дает пояснения: "Исключительный

* Растяжимость определения хулиганства используется и для политических преследований. Недавние тому примеры: дело Сарычева³⁵⁷, осужденного за хулиганство в связи с тем, что он в ресторане вел неподобающие политические речи, и дело Земцова³⁵⁸ — его хулиганство заключалось в том, что в 1970 г. он повредил портрет Сталина на публичном фотостенде в Ленинграде.

В следующей главе я рассказываю о применении статьи о хулиганстве для наказания радиолюбителей, выходящих в эфир без разрешения властей.

цинизм — это выраженное вовне *поведение* субъекта по отношению к людям, с полным игнорированием норм морали и нравственности (например, открытое отправление естественных надобностей* и пр.). Особая дерзость характеризует *обращение* субъекта с людьми, *отношение* его к коллективу, к проводимым мероприятиям". Этот автор приводит пример проявления "особой дерзости".

"А. в 2 часа ночи возвратился домой пьяным и стал стучать в дверь. Поскольку дверь сразу не была открыта, он поленом выломал филенку и, ворвавшись в комнату, устроил дебош: перевернул кровать, на которой сестра спала с мужем, избил сестру, оборвал электропроводку, побил посуду,

* А.А. Герцензон²¹⁶ упоминает три случая, когда пьяные за отправление ими естественных потребностей в общественных местах наказывались лишением свободы на срок 2 года. Он считает, что это наказание — чрезмерно и что "правильнее было бы оштрафовать каждого на 25-50 руб. и довести до сведения общественности об этом." (Не вполне понятно, почему советский юрист советует доводить до сведения общественности о таких фактах, в то время как осужденные в данном случае наказаны именно за то, что не скрывали от общественности факта отправления своих естественных потребностей.) Хотя Герцензон не указывает, при каких обстоятельствах осужденные совершили свой поступок, однако, зная распространенный обычай, я подозреваю, что в этом случае, как и во многих других подобных ему, причина посягательства на общественный порядок была в том, что позыв к мочеиспусканию застиг этих пьяных не поблизости от общественного туалета и они зашли в подъезд или в подворотню для отправления своей надобности. Это — весьма распространенный обычай, и свидетельством тому — отвратительный запах во многих подъездах, особенно в домах, близко расположенных к магазинам, где продают спиртное.

Встречаются и более дерзкие формы отправления естественных надобностей в общественных местах, когда это действие намеренно, а не по случайному совпадению производится на виду у публики и может сопровождаться ругательствами и тем, что советский суд назовет "циничными телодвижениями". По-видимому, Герцензон сообщает не о таких случаях, ибо сомнительно, чтобы советский юрист рекомендовал замену лишения свободы штрафом в случае такого *дерзкого* хулиганского действия (сноска моя — В.Ч.).

развалил печь, разбросал кирпичи в разные стороны и дважды выстрелил из ружья в потолок”.

Автор отмечает, что эти действия ”совершенно правильно расценены как особо дерзкие, а доводы адвоката о том, что указанные действия не отличались особой дерзостью, ни на чем не основаны”.

Интересно, на чем могут быть основаны доводы адвоката, что те или иные действия не отличались особой дерзостью? На чем, скажем, основаны выводы комментатора¹⁴, утверждающего, что если хулиган толкнул потерпевшего или схватил его за полы пиджака, то эти действия не содержат особой дерзости или исключительного цинизма?

Автор 212 признает, что четкую грань между понятиями особой дерзости и исключительного цинизма ”провести очень трудно” и дает пример хулиганского поступка, в котором проявились оба эти квалифицирующие признака:

”А., будучи в нетрезвом состоянии, из хулиганских побуждений стал приставать к М., купавшейся в море, пытался снять с нее купальные принадлежности. Когда М. вышла на берег, он продолжал хулиганские действия: выражался в адрес потерпевшей нецензурно, нанес ей удары руками и ногами. Находившиеся на пляже граждане и работники милиции задержали А.”

Вот пример, когда Верховный суд не усмотрел исключительного цинизма и дерзости²⁰⁰:

Укладов в нетрезвом состоянии пытался пройти в ресторан, но швейцар Мосин отказался принять у него одежду и попросил его уйти. Возвратившись через некоторое время обратно, Укладов подошел к Мосину и надвинул ему на глаза фуражку, а затем ударил другого швейцара Кисина по лицу.

Будучи задержан, Укладов в вестибюле ресторана нецензурно выражался. Суд в городе Горьком квалифицировал эти действия как злостное хулиганство, однако Верховный суд счел эту квалифи-

кацию неправильной, отметив: "В действиях Уклодова, который надвинул на Мосина фуражку, ударил в лицо Кисина и выразался нецензурно, нет исключительного цинизма или дерзости".

При изучении сообщений о хулиганских поступках поржует разнообразие хулиганских проявлений: нецензурная брань в общественных местах, драка с соседями в коммунальной квартире*, драка в ресторане или на улице, вторжение пьяной компании в красный уголок или в клуб; а иной напьется и побьет жену, и станет оскорблять соседей, которые его будут успокаивать, ломает свои или соседские вещи, разобьет стекла. И все это делается без видимых традиционных мотивов совершения преступлений.

Часто невозможно понять, почему дебошир совершает те или иные конкретные действия, и действительно создается впечатление, что "заряд мышечной тоски" разряжается на первую попавшуюся вещь, на первого попавшегося человека. Вот описание такого буйства из определения Верховного Суда СССР²⁰⁰:

* По данным Герцензона, каждое третье злостное хулиганство совершается именно в коммунальных квартирах²¹⁶, причем среди потерпевших от хулиганских действий 25% являются супругами осужденных; часто систематические побои жены наказываются не по статье о хулиганстве, а как истязание (ст. 113 УК).

Амальрик³⁶⁰ полагает, что чуть ли не половину осужденных за хулиганство "сажают жены". По-видимому, жалобы женщин на то, что их избивают мужья, поступают к властям весьма часто, так что власти, возможно, далеко не всегда возбуждают по таким жалобам уголовное преследование. Амальрик приводит случай, когда прокурор, выступая перед сельскими трудящимися, призывал, как можно понять, к большей сдержанности в принесении таких жалоб:

"Лекция вся свелась к тому, что вот-де какая-нибудь баба донесет на своего мужа, что он ее бьет, того года на три посадят, а уже через месяц жена приходит и говорит: "Выпустите его, пожалуйста, я его простила". Так вы заранее хорошо подумайте, прежде чем жаловаться на своих мужиков, потому что кого мы посадим, того уж раньше срока не выпустим".

”4 ноября 1965 года вечером Тенюх в нетрезвом состоянии в присутствии детей напал с целью избиения на жену Тенюх Е., преследовал ее, когда она пыталась спрятаться у соседей, разогнал детей, изрезал и порвал постельные принадлежности и носильные вещи, выбросил на улицу порезанные подушки, разбил зеркало, абажур, сорвал электропроводку, в коридоре бросал бутылки и кастрюли с продуктами.

Возвратившись в комнату, Тенюх стал зажигать спички, устрашая жителей коммунальной квартиры пожаром, мешая нормальному отдыху...”.

Вандализм, кстати, вообще очень часто сопутствует хулиганским проявлениям, и можно полагать, что есть некоторая общность психологических мотивов хулиганского вандализма и вандализма, совершаемого без скандала, ”благопристойно” и поэтому подлежащего квалификации не по статье о хулиганстве, а по статьям об уничтожении личного или социалистического имущества. Весьма распространены в России такие виды вандализма, как битье окон в чужих домах, битье фонарей, кидание камней в проходящие поезда, порча телефонов-автоматов, разбивание надмогильных памятников — для российских кладбищ необычайно характерно обилие поврежденных и совсем разбитых надмогильных памятников (устанавливаемые часто на памятниках застекленные портреты умершего очень часто служат особенно заманчивой целью для бросания камней).*

Часто акты вандализма совершаются группами юных делинквентов по случайному наитию без предваритель-

* Вот пример из прежних времен:

Группа молодых людей, в том числе учащихся старших классов гимназии, гуляя на кладбище большого губернского города летом, кидала камнями в памятники с литными изображениями ангелов и святых и приходила в восторг, когда кому-нибудь метким ударом удавалось отбить нос или ухо у изображения святого.²⁰³

ного сговора. Иногда вандализм свидетельствует не только о грубой склонности к разрушению, но и о любознательности деятелей; так, например, в Архангельске ребята забрались на самоходную баржу и разобрали рубку управления, сняли приборы и детали моторов, а затем все это просто побросали.⁶⁶

Хулиганские действия не всегда совершаются в таком состоянии возбуждения, когда человек и сам, наверное, не понимает, зачем он совершает то или иное посягательство; напротив, этим действиям может предшествовать холодный расчет, даже планирование совершить довольно бессмысленное с обычной точки зрения действие.

Например, Златин предложил юношам избить первого встреченного ими мужчину. Когда такой мужчина появился, юноши подошли к Златину и сообщили, что это первый мужчина, который им встретился. Тот подал команду: "Начинайте!", после чего юноши напали на потерпевшего, сшибли его с ног и стали избивать²¹³.*

Часто хулиганским действиям не предшествуют ни болезненное возбуждение, ни злобный расчет, т.е., если воспользоваться старым русским термином, проявляется *озорство*, подчас даже добродушное. В среде русских крестьян озорство, и злобное и добродушное, бывало освящено обычаем отцов — скажем, манера измазывать дегтем ворота того дома, в который взята замуж сомнительной репутации девица²⁰³.

Довольно жестоким, хотя субъективно иногда вполне добродушным, бывает озорство в среде учащихся, солдат, заключенных или в общежитии рабочих; я уже

* У меня есть сильное подозрение, что избивание первого встречного по предварительному сговору — это своего рода учебное упражнение, могущее быть применяемым при воспитании *малолеток* в воровском мире. Манера эта давнишняя; Громов, например, описал дореволюционный случай избивания таким образом отца одного из участников этого развлечения²⁰³.

упоминал о характере игр в тюрьмах. Коллектив обычно с весельем наблюдает подобные шутки озорников: разве не весело в бане воткнуть нагнувшемуся товарищу в задний проход какой-либо удобовставляемый предмет? Такое озорство может причинять страдание, но этому не придается особенного значения.

Башилов²⁰⁴ приводит в пример

”одно из самых безнравственных явлений, до сих пор не выведенное из нашей школы: так называемое ”цуканье новичков”, т.е. издевательство, а иногда побои и истязания, причиняемые новому ученику только за то, что он ”новый”, т.е. за такое свойство, которое никому из его товарищей никакого ущерба не приносит, и потому все чинимые ему притеснения, обиды, неприятности, оскорбления и насилие ничем иным, как хулиганством признаны быть не могут”.

Распространенной шуткой в общежитиях и больницах является следующая: спящему товарищу между пальцев ног засовывают свернутую бумагу и поджигают ее. Паническое пробуждение жертвы сопровождается хохотом присутствующих (однажды в 30-х годах шутникам не повезло: потерпевший получил ожоги, да при этом оказался *стахановцем*, не склонным ценить подобного рода забавы; озорники были осуждены за противодействие стахановскому движению³⁶¹).

Бывает и так, что добродушные шутки опасны для жизни. Однажды, например, колхозники грузили лес на машину, потом стали мыть руки бензином, и один из них полил товарища из шланга бензином, а другой (из *озорства*) бросил на него горящую спичку; одежда потерпевшего воспламенилась, и он получил обширные ожоги. (Это озорство было квалифицировано судом как причинение тяжких телесных повреждений путем мучений.)¹⁴⁸

Я уже говорил, что раньше советский закон определял хулиганские действия как бесцельные, а затем этот признак был исключен. Хотя очень многие хулиганские

действия и ныне могут быть охарактеризованы как бесцельные в обычном смысле, но бывает и так, когда деятелем руководит вполне определенный мотив, скажем, ревность или месть.

Например, была осуждена за хулиганство А., которая на почве ревности оскорбляла нецензурными словами М., затем разбила камнями стекла в окнах ее квартиры, а на следующий день в домоуправлении схватила ее за волосы и нанесла ей несколько ударов хозяйственной сумкой по голове¹⁴⁸.

В другом случае был осужден за хулиганство Гусев, который поссорился с тещей, так как та не хотела ему сообщить, куда скрылась от него жена с ребенком. Гусев пришел к теще на квартиру, разбил шкаф, детскую коляску и стеклянный кувшин, разбросал вещи и ушел, а вечером того же дня облил керосином входную дверь в квартире тещи и пол на лестничной площадке и поджег. По словам свидетеля, после этого Гусев бежал с поднятыми руками по улице и кричал, что горит его теща, сопровождая эти слова нецензурной бранью. В определении Верховного Суда сказано по этому делу: "Свидетель Овчинников (работник линейного отдела милиции) показал, что 30 августа 1961 года к нему в дежурную комнату пришел Гусев и заявил, что он поджег дом тещи. Такое поведение Гусева свидетельствует о хулиганском характере его действий, но не об умысле лишить жизни Клещеву"²¹⁴.

Очень часто участие в драке квалифицируется судами как хулиганство.*

* По данным Герцензона²¹⁶, нанесение побоев и телесных повреждений составляет 42% в числе действий, квалифицированных судом как злостное хулиганство; по данным Филановского²⁷, в 61% случаев хулиганство несовершеннолетних выразилось в нанесении побоев и телесных повреждений.

Например, Юдин был осужден за хулиганство после того, как побил Осипова и его жену. Ему, впрочем, повезло: Верховный Суд разобрался в деле и установил, что инициатором драки была Осипова, "которая первая нанесла Юдину удар ведром по голове." После этого произошла драка, причем Верховный Суд усмотрел из материалов дела, что поводом к ссоре послужили злоупотребления по работе, допущенные Осиповым, что позволило Верховному Суду сделать вывод, что действия Юдина были вызваны не хулиганскими побуждениями, а неприязненными отношениями с Осиповым: действия Юдина были квалифицированы как нанесение телесных повреждений, и наказание соответственно снижено.

Квалифицируя действия Юдина, Верховный Суд отметил, что "произнесение нецензурных слов относится к мелкому хулиганству"²¹⁵. Такая оценка нецензурной брани в общественных местах была подтверждена в 1966 г. Указом об усилении ответственности за мелкое хулиганство³⁰⁸. Это очень важно, так как *нецензурная брань* в России — явление необычайно распространенное, и поскольку в этой стране существует *цензура* (иначе не было бы понятия *нецензурная брань*), то эта брань считается чем-то предосудительным, несмотря на то, что все к ней привыкли. Поэтому весьма важно, что за эту брань применяется лишь административное наказание (как за мелкое хулиганство), а не уголовное. В противном случае опасность массовых репрессий была бы весьма велика. Она велика, впрочем, и теперь, так как если в течение года субъект уже был административно наказан за мелкое хулиганство (арест до 15 суток), то следующий раз мелкое хулиганство рассматривается как уголовное преступление*

* По данным Герцензона²¹⁶, ругань и оскорбления составляют 37% всех действий, квалифицированных судом как злостное хулиганство.

Если субъект матерится слишком настойчиво, то его действия могут быть сразу квалифицированы как уголовное преступление. Вот пример такой настойчивости (из определения Верховного суда РСФСР³⁶⁴):

”... 15 октября 1962 г. Тарасов, находясь в нетрезвом состоянии, зашел во двор дома № 18 по улице Сибирской и стал там выражаться в присутствии граждан нецензурными словами.

Будучи удален со двора гражданами, Тарасов продолжал выражаться нецензурными словами.

Спустя некоторое время он вернулся во двор указанного дома и начал стучать в дверь квартиры, где проживала гражданка Мальцева, выражаясь при этом нецензурными словами.” — Случай этот произошел в г. Астрахани.

Совершенно очевидно, что за нецензурную брань не арестовывают каждого даже в административном порядке — это было бы физически невозможно. Лишь от времени до времени в зависимости от того, случился ли поблизости милиционер, в зависимости от степени дерзости брани человека подвергают наказанию. Милиционеры, которые задержали *матерщинника*, *матерятся*, пока ведут его в милицию. В милиции, куда его приводят, стоит густой *мат* — нижние чины и армии и милиции употребляют, подобно многим другим слоям населения, *матерные слова* почти как междометия, не придавая им подчас никакого смысла (офицеры не отстают от них в этом и *матерятся*, даже отдавая приказы). В камере, куда помещают задержанного за нецензурную брань, также стоит густой *мат*. На предприятии, где работает задержанный, также почти через каждое слово употребляют *мат*, а если он — интеллигент, то в ”салонах” его друзей он слышит не меньше *матерных* ругательств, чем находясь в камере с хулиганами.

Не следует, конечно, думать, что *матерятся* в России все. В некоторых слоях населения *матерно* выражаться не принято при женщинах и детях, однако можно смело утверждать, что большинство населения России *мате-*

рится, но при этом считает вполне правомерным и аресты за *нецензурную брань*.* Это парадоксально, но приходится констатировать столь сильное проявление общественного лицемерия. И, судя по всему, эта форма лицемерия гораздо шире распространена среди населения, нежели, скажем, склонность человека одобрять какие-либо политические решения правительства при том, что он с этими решениями несогласен. Подчеркну, что речь идет о публично-уголовном преследовании за нецензурную брань, а не о преследовании за оскорбление по жалобе потерпевшего. В последнем случае было бы неудивительно, если бы потерпевший считал себя оскорбленным, услышав *матерную* тираду по своему адресу, однако при публичном преследовании оскорбленным считает себя общество, государство, и это свидетельствует о том, что ругательным словам придается какой-то особый, мистический смысл, в них ощущают какую-то особую мистическую силу, что и побуждает презюмировать зловредность тех, кто в общественном месте осмелился прибегнуть к использованию этого страшного колдовского оружия.

Известна и кабинетная форма хулиганства.

Так, сообщалось³³, что один осужденный "написал в адрес вышестоящих партийных, судебных органов и прокуратуры" десятки заявлений, изобилующих нецензурными и унижительными выражениями, "причем все это было написано в расчете на то, что их прочтут многие и это вызовет у них возмущение и тем самым нанесет им моральный ущерб...."

* Так было, однако, не всегда. "Брань на ворота не виснет", — гласит пословица, свидетельствующая о народной снисходительности в отношении к ругани. Еще в 20-х годах советский автор Оршанский⁴⁵⁷ отмечал, что публика с удивлением относилась к преследованиям за ругань:

"Ругатель кровно связан с бытом, с массой и на суде искренне недоумевает, что такая обыкновенная вещь, как "выражаться", есть преступление."

В сообщении об этом говорится, что прокуратура возбудила против этого осужденного дело по обвинению в злостном хулиганстве. Мне не известны казусы, когда за заявления людей привлекали по обвинению в хулиганстве в том случае, если эти заявления не содержали нецензурных выражений. Я могу себе представить такое обвинение, тем более что иногда домогательства осужденных или иных лиц, считающих, что их право нарушено, бывают достаточно резкими.

Социальный состав осужденных за хулиганство неодинаков для разных областей. По исследованиям армянского юриста, например, можно заключить, что все слои населения в большей или меньшей мере дают свой вклад в статистику хулиганства. Образовательный уровень осужденных за хулиганство не так уж низок, как можно было бы предположить: 22% из них имели законченное среднее образование, причем 7,5% — законченное или незаконченное высшее образование. Армянский юрист сообщает данные психологического исследования лиц, привлеченных к ответственности за хулиганство, проведенного по программе, разработанной Всесоюзным институтом по изучению причин и разработки мер предупреждения преступности. Судя по этим данным, почти половина трудящихся-хулиганов относилась к труду формально или небрежно. Большинство были посредственными или плохими специалистами. В общественной жизни принимали участие, и то неохотно, всего лишь 23,5% обследованных лиц. Автор также приводит данные обследования черт характера лиц, привлеченных за хулиганство. Это исследование интересно не только своими результатами, но и методологически. Для примера я приведу одну из таблиц:

В различных видах деятельности и ситуациях постоянно преобладают

положительное значение данной черты характера, в % отрицательное значение данной черты характера, в %

Принципиальность-беспринципность	30,0	35,0
Коллективизм -индивидуализм	11,8	35,3
Уступчивость-упрямство	18,0	35,3
Общительность-замкнутость	30,0	9,0
Откровенность-скрытность	30,0	6,0
Доброта, мягкость-злость, жестокость	16,0	35,0
Щедрость-жадность	35,3	18,0
Бескорыстие-расчетливость	18,0	11,8
Скромность-развязность	6,0	58,0

Примечание: У остальных эти черты характера не выражены отчетливо.

Большинство обследованных лиц не увлекалось в свободное время изящными искусствами, спортом и прочими любительствами. Например, никто из них не разводил рыбок, не коллекционировал марок, не занимался живописью. Лишь склонность к посещению танцплощадок и гуляний была отчетливо выражена у большинства обследованных. Автор делает заключение о низком уровне интересов и потребностей лиц, совершивших хулиганство, однако он не приводит при этом результатов обследования контрольной группы — это вообще обычно не принято в советских криминологических публикациях.

По данным того же автора, в 80% случаев совершения хулиганства деятель находился в состоянии алкогольного опьянения. Подобные данные о корреляции хулиганства и пьянства известны и из других источников.

В работах советских юристов редко можно найти более подробные данные о преступнике для попытки составления его психологического портрета. Приведу, следуя²², рассказ об одном из осужденных за хулиганство.

Хулиганство в Красном уголке

В. осужден к 5 годам лишения свободы за то, что он вместе со своим товарищем пришел в нетрезвом виде в Красный уголок общежития, где во время танцев они учинили хулиганские действия: сломали двери, опрокинули мебель (столы, стулья, тумбочки), избили танцевавших девушек.

При задержании хулиганы избили работников милиции. Во время совершения преступления В. был пьян. Поводом к выпивке послужили полученные В. после окончания курсов права шофера, которые решили "обмыть".

Преступление было совершено в 7 час. вечера в субботу. В момент совершения преступления В. было 19 лет. Родился он в июле 1937 года в семье электромонтера одного из промышленных предприятий г. Ярославля. Семья состояла из матери, отца, старшей сестры и бабушки. Отец часто приходил домой пьяный и избивал мать на глазах своих детей, за что был осужден по ст. 146 УК РСФСР 1926 года к 1 месяцу лишения свободы. Однажды ночью, будучи сильно пьяным, отец пытался проникнуть на охраняемый объект. Несмотря на неоднократные предупреждения постового, он не остановился. Постовой выстрелил и убил отца.

В. было стыдно за своего отца, особенно за то, что он погиб при таких обстоятельствах.

После смерти отца на руках матери осталось двое малолетних детей и престарелая бабушка. Всю войну они проживали в г. Ярославле. Материально жили плохо.

До 7 класса В. учился хорошо. В 8 классе стал пропускать уроки. Из-за неуспеваемости был оставлен на второй год, но и потом он также учился плохо и в конце концов бросил школу.

Вскоре поступил работать на фабрику "Северодор" в качестве малоквалифицированного рабочего (наладчика подошв). На фабрике проработал 2 года, в семье, за исключением бабушки, все работали. Общий заработок семьи составлял 175 руб.: мать зарабатывала 60 руб., сестра — 40 руб., В. — 75 руб. Позже он с работы уволился и поступил учиться на курсы шоферов. Шофером не работал, так как вскоре после окончания курсов был арестован по настоящему делу.

Перед арестом В. семья, состоящая из 4 человек, проживала в комнате в 9 кв. м. в общей квартире. Дом имеет все коммунальные удобства*, находится в центре города. Рядом с домом расположены драматический театр и два кинотеатра.

В свободное от работы время В. посещал с товарищами танцплощадку, ходил в сад и кинотеатр. В театре был всего три раза, когда учился в школе. Книг почти не читал. Очень часто выпивал с приятелями, чаще всего в "получку".

В семье к нему относились хорошо, мать и сестра тяжело переживают его арест.

В беседе В. сообщил, что пить водку начал с 14-15 лет, когда еще учился в школе. С поступлением на работу пить стал больше. Из 75 руб.** заработной платы 20 отдавал матери на питание, остальные

* Сообщение о том, что общая (коммунальная) квартира имеет все коммунальные удобства, означает, что в этой квартире есть на несколько семей общая кухня, ванная и уборная (В.Ч.) .

** Имеется в виду месячная заработная плата. (По-видимому, сумма указана с учетом реформы 1961 года.) Поясню для западного читателя, что на эти деньги в 1956 г. после вычета из этой суммы налогов можно было купить примерно 25 поллитровых бутылок водки или 25 кг. масла (В. Ч.) .

расходо­вал по своему усмотрению — в основном про­пывал.

При обследовании места жительства родственни­ки, соседи, управдом сообщили, что В. неоднок­ратно появлялся дома и в общественных местах в нетрезвом виде. Несколько раз приводился в милицию за хулиганские поступки и 3 раза был в вытрезвителе.

Обследовани­ем места работы осужденного было установлено, что он работал в цехе в нормальных условиях, к работе относился добросовестно, за­мечаний не имел. С рабочими в цехе не дружил, в общественной жизни коллектива не участвовал. О его поведении вне работы ни общественным организациям, ни администрации ничего не извест­но.

К моменту беседы заключенный отбыл из на­значенной ему меры наказания 10 месяцев.

По характеристике администрации исправительно­-трудовой колонии осужденный к работе относит­ся хорошо, содержится на общем режиме, нару­шений режима не допускает. За время пребывания в ИТК получил новую специальность — наладчика швейных машин.

В беседе с В. выяснилось, что он читает газеты, слушает радио, ориентируется в вопросах между­народного и внутреннего положения.

В., высказывая свое отношение к совершенному преступлению, осуждает свой поступок, дорожит общественным мнением — "что скажут знакомые". Уголовное дело рассматривалось в Красном угол­ке общежития, где было совершено преступление. Это обстоятельство он тяжело переживал, так как на суде присутствовало много знакомых. На воп­рос, что способствовало совершению преступления, заявил, что "потерял контроль над собой, никто не направил и не подсказал. Потерял веру в себя". Этот краткий очерк феноменологии хулиганства

поучительно заключить сообщением о том, каковы, по мнению советских юристов, *мотивы* хулиганства. Об этом нет единого мнения. Одни авторы считают, что мотивом хулиганства являются *хулиганские побуждения*. Другие указывают на *озорство* в его крайне опасном выражении как на мотив хулиганства. Третьи не считают, что мотив хулиганства можно определить всегда однозначно. Филановский²⁷ приводит данные о процентном соотношении мотивов хулиганства на основе изучения хулиганства несовершеннолетних в Ленинграде. По этим данным, *озорство* было мотивом хулиганства в 29% случаев, *ложное чувство товарищества* — в 8% случаев, *ложная романтика* — в 1% случаев. (Автор указывает, что некоторые судебные дела не содержали сведений, по которым можно было установить мотив хулиганства.) Трудно судить о том, как советские авторы устанавливали подобные мотивы хулиганства. Один из способов, впрочем, известен — это опрос хулиганов. Так, один учащийся школы рабочей молодежи приходил в школу в нетрезвом виде, срывал уроки, ”угрожал учительнице убийством, имея в руках отвертку”, и так рассказал о своих мотивах: ”Хотел похвастаться перед знакомыми ребятами своей силой и бесстрашием и тем самым завоевать себе авторитет”²⁷. У меня, конечно, нет оснований сомневаться в том, что его мотивы были именно такими, но то, как он сформулировал свое сообщение о мотивах, заставляет меня подозревать, что, давая эту формулировку, он пользовался редакционной помощью следователя, прокурора или еще чьей-нибудь. В подобных случаях, когда в работах советских юристов встречаются показания преступников о их мотивах, всегда чувствуется либо чья-то редакционная помощь, либо приходится подозревать, что спрашиваемый знал, какого ответа и в каких выражениях от него ждут.

ХУЛИГАНСТВО "ПО АНАЛОГИИ"

Современное советское уголовное законодательство не содержит принципа аналогии, который ранее применялся судами довольно активно иногда в самых неожиданных случаях. Этот принцип был так сформулирован в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г.:

”Если то или иное общественно опасное действие прямо не предусмотрено настоящим кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления”.*

Принцип аналогии применялся довольно широко, причем очень часто верховные суды или иные органы, считавшие себя полномочными, давали указания, какие

* Принцип аналогии был и в старом русском праве (ст. 151 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года):

”Если в законе за подлежащее рассмотрению суда преступное деяние нет определенного наказания, то суд приговаривает виновного к одному из наказаний, предназначенных за преступления, по внешности и роду своему наиболее с оным сходные”.

Похоже, юристы стремились к весьма осторожному применению этой статьи, однако практика являет примеры весьма неожиданные. Вот свидетельства тому из книги Н.С. Таганцева⁴⁶⁰ (на основе случаев из практики):

”Статья 1476, говорящая о понуждении детей к самоубийству жестоким обращением со стороны родителей, может быть распространяема и на подобное же неумышленное вовлечение их в какое-либо другое преступление...”

”Статья 1477, говорящая о причинении увечья, может быть распространена и на прорывание девственной плевы пальцем у девочки...”

”Статьи, говорящие о мужеложстве, могут быть распространены и на случаи противозаконного совокупления с женщиною, так как существенное условие этого преступления — способ удовлетворения половой страсти, а не лицо, над которым это действие совершается...”

действия по аналогии с какой статьей подлежат наказанию. По-видимому, принцип аналогии применялся столь широко, что в 1937 г. даже Вышинский отмечал чрезмерное увлечение судов применением этого принципа; он заметил, в частности:

”Судебная практика показывает, что аналогией нередко пользуются в тех случаях, когда пределы санкции, предусмотренные соответствующей статьей УК, не удовлетворяют по их мягкости судебного работника. Для того, чтобы иметь возможность применить более высокую санкцию, иногда искусственно натягивают другую статью, несмотря на то, что данное преступление прямо предусмотрено соответствующей статьей УК.”³⁰⁹

Применение аналогии подчас приводило к курьезам:

На Украине двое парней были осуждены за *изнасилование по аналогии*: они рассердились на девушку, которая отказалась вступить с ними в интимную связь, и, изловив ее в укромном месте, прорвали ей девственную плеву гвоздем, не совершив при этом полового акта.³¹⁰

В другом случае, в 1937 г., в Оренбургской области Доминов за производство обряда обрезания был осужден по аналогии по статье о тяжком телесном повреждении; областной суд при пересмотре дела ”исправил ошибку” народного суда и квалифицировал обрезание по аналогии с абортom*³¹¹

В настоящее время применение принципа аналогии формально затруднено не только тем, что в законе отсутствует прямое признание этого принципа, но и тем, что в законе предусмотрено отрицание этого принципа; лишь ”предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние” по закону может повлечь уголовную ответственность лица, это деяние совершившего.

* Этот пример приведен в статье К. Тавгазова – очень смелая, по тем временам, статья, в которой автор утверждал, что принцип аналогии несовместим с Конституцией СССР.

Однако законодатель не указывает, *сколь определенно* должно быть предусмотрено законом деяние, которое может быть признано преступлением. И именно неопределенность в формулировках закона относительно отдельных наказуемых деяний и открывает юридической практике возможность фактического применения принципа аналогии.

Одна из наиболее удобных по своей неопределенности статей закона — статья о хулиганстве. Действительно, хулиганство определено в законе как "умышленное действие, грубо нарушающее общественный порядок и выражающее явное неуважение к обществу". Сразу видно, во-первых, что любое преступление, и уж подавно умышленное преступление, является грубым нарушением общественного порядка, ибо общественный порядок состоит прежде всего в том, чтобы не совершались преступления, так что этот признак хулиганства сопутствует, вообще говоря, любому преступлению*. Другой признак хулиганских действий — то, что они выражают явное неуважение к обществу, — может считаться сопутствующим почти любому другому преступлению, во всяком случае, если учесть тот смысл, который придают советские юристы понятию "явное неуважение к обществу". Советский юрист пишет:

"Например, поздней ночью одинокий прохожий

* Не только преступлению сопутствует нарушение общественного порядка. Вообще не понятно, что подразумевает законодатель под общественным порядком. Известен случай³⁶², когда религиозное шествие в лесу суд признал нарушением общественного порядка (дело Бицзеля, 1968 г., Краснодарский край). Интересно отметить, что в 1924 г. советский автор Плаксин³⁶³, критикуя статью Уголовного кодекса о воспрепятствовании исполнению религиозных обрядов, писал с возмущением о том, что представители власти рискуют преследованием, если попытаются воспрепятствовать крестному ходу "не в самой деревне, а, допустим, за деревней, где не нарушится общественный порядок". — Как видим, юрист 20-х годов еще не смог оценить термина "общественный порядок" в смысле широты его толкования.

подвергается нападению пьяного хулигана, который без всякого повода оскорбляет его и наносит побои. В данном случае явное неуважение к обществу заключается в том, что потерпевшим мог оказаться любой отдельный член общества, ибо преступник действовал не по личным мотивам, вытекающим из его отношений с потерпевшим, а совершил посягательство на абсолютно незнакомого человека.”³¹²

Цитированный тезис отражает, по-видимому, мнение многих советских юристов — этот тезис высказан в известном шеститомном Курсе уголовного права, изданном под редакцией виднейших советских юристов. При таком толковании понятия явного неуважения к обществу оно становится применимым почти к любому преступлению; например, преступлениям против личного имущества граждан при таком толковании несомненно сопутствует явное неуважение к обществу, так как потерпевшим от конкретного преступления ”мог оказаться любой отдельный член общества”; строго говоря, если преступление, например, убийство, совершается по личным мотивам, вытекающим из отношений убийцы с потерпевшим, то этому тоже сопутствует явное неуважение к обществу, так как любой отдельный член общества в принципе может оказаться имеющим личные отношения с преступником. А преступления, направленные против какого-либо общественного блага? Конечно, им сопутствует ”явное неуважение к обществу”.

Таким образом, статья о хулиганстве при желании может быть применена к очень широкому классу деликтов; а такое желание с большей вероятностью появится у властей в тех случаях, когда деликт не предусмотрен уголовным законом, как отдельное преступление, но тем не менее таков, что, по мнению властей, желательно за него наказывать.*

* Важно отметить, что многие советские юристы в своем толковании признаков хулиганства пытаются придать им большую определенность и тем все же сузить круг действий, подпадающих под статью о хулиганстве (краткую библиографию вопроса см.³¹²).

Наиболее яркий и, увы, весьма трагический пример неявного применения принципа аналогии с целью квалифицировать как хулиганство деяние, за которое по закону предусмотрено административное, а не уголовное наказание, — осуждение радиоловителей за так называемое *радиохулиганство*.

В СССР существует разрешительная система на использование *радиопередающих устройств**. Законодательство РСФСР содержит акт³¹³ об административном наказании за "изготовление и использование радиопередающих устройств без надлежащего разрешения" — предусматривает за это применение меры общественного воздействия или меры административного воздействия в виде штрафа в размере 50 рублей с конфискацией используемой радиоаппаратуры. При повторном совершении того же деликта — виновные лица подвергаются штрафу в трехкратном размере. Цитированный акт предусматривает процедуру наложения таких взысканий: материалы о незаконном изготовлении и исполь-

* Вскоре после революции, в 1922 г., все радиоимущество было изъято из частного пользования (ст. 23 ГК РСФСР 1922 г.)³¹⁵. В 1924 г., однако, частным организациям и лицам было предоставлено право устройства и эксплуатации *приемных радиостанций* "для содействия развитию радиосвязи и радиопромышленности и насаждения радиотехнических знаний"³¹⁶. Частным радиостанциям (*приемным*) разрешалось принимать передачи ширококвещательных станций, учебную передачу знаками Морзе, метеорологические бюллетени и сигналы времени; воспрещалось, в частности, распространять работу иностранных радиостанций. Приемники должны были быть регистрируемы в почтово-телеграфных учреждениях; согласно Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. (ст. 191), устройство радиостанции без регистрации или нарушение условий полученного разрешения наказывалось штрафом.

Установка приемных радиостанций в пограничной полосе требовала особого разрешения³¹⁷. В начале войны радиоприемники были временно изъяты из частного пользования; сокрытие приемника от реквизиции влекло уголовную ответственность.

В 50-х годах была отменена регистрационная система на использование *радиоприемников*.

зовании радиопередающих устройств рассматриваются народным судьей единолично в течение трех суток по поступлении их в суд из органов милиции с вызовом лица, совершившего нарушение, и, в необходимых случаях, свидетелей.

Оказалось, однако, что незаконное использование радиопередающих устройств — это тот самый случай, когда, как говорил Вышинский, "пределы санкции", предусмотренные законом, "не удовлетворяют по их мягкости судебного работника". Однако, поскольку ныне не принято, чтобы рядовой судья самовольно использовал принцип аналогии, то в данном случае принцип аналогии, не упоминая о нем, конечно, применил Пленум Верховного Суда СССР³¹⁴:

"...умышленные действия, выразившиеся в ведении по радио передач, связанных с проявлением явного неуважения к обществу, из озорства, грубо нарушающих общественный порядок либо создающих помехи радиовещанию и служебной радио связи",

должны квалифицироваться согласно этому разъяснению в зависимости от их характера как хулиганство или как злостное хулиганство. В случае использования радиопередающих устройств для передач иного преступного характера содеянное должно квалифицироваться по соответствующим статьям УК, т.е. так же, как эти действия квалифицируются при совершении их без использования радиопередающих устройств. Легко догадаться, что в данном случае имеется в виду прежде всего распространение неугодной властям информации, т.е. действие, которое при совершении его без использования радиопередающих устройств квалифицируется как антисоветская агитация или "распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский строй".

Хотя Верховный Суд не сослался на принцип аналогии, но из текста цитированного постановления видно, что принцип аналогии применен довольно явно: указанные действия даже *не названы хулиганством*; сказано

лишь, что *их следует квалифицировать* по статье о хулиганстве. Указанные действия даже не охарактеризованы как "грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу" — именно так хулиганство охарактеризовано в законе; в постановлении же Верховного Суда СССР *явное неуважение к обществу и грубое нарушение общественного порядка* упомянуты как самостоятельные члены дизъюнкции, в то время как в законе эти признаки упомянуты как члены конъюнкции. Мало того, для квалификации действий радиоловителей по статье о хулиганстве достаточно, чтобы они вообще не проявляли явного неуважения к обществу и не содержали признака грубого нарушения общественного порядка; достаточно проводить радиопередачи *из озорства*. Случай же, когда эти радиопередачи действительно могут рассматриваться как посягательство на какое-либо общественное благо, т.е. когда они создают помехи радиовещанию и служебной радиосвязи, этот случай, по мнению Пленума Верховного Суда СССР, вовсе и не должен быть связан с проявлением явного неуважения к обществу или с грубым нарушением общественного порядка — квалификация, однако, та же: хулиганство.

Пленум Верховного Суда СССР обратил внимание судов на "повышенную общественную опасность этих преступлений", что несомненно означает, что уже в 1963 г. радиоловителей, самовольно выходящих в эфир, было достаточно много. Возможно, с тех пор количество их возросло. Во всяком случае, в советской прессе, преимущественно в провинциальной, как можно понять, с превентивными целями публиковалось сравнительно много статей, посвященных "радиохулиганам". Эти публикации создают впечатление, что радиоловители ведут довольно невинные музыкальные передачи, хотя, по видимому, при этом передают в эфир такую музыку, которую советская цензура обычно не пропускает для радиопередач; эти радиоловители также рассказывают анекдоты, а по некоторым сообщениям, допускают в

своих передачах нецензурную брань. Для обоснования преследований "радиохулиганов" советская пресса непременно утверждает, что недозволенные радиопередачи создают помехи радиовещанию и служебной связи; однако из цитированного постановления Пленума Верховного Суда видно, что это не единственная причина преследования таких радиолюбителей.

Трудно предсказать, как советские власти в будущем предпочтут разрешить проблему, связанную с тем, что все большее количество молодых людей оказываются способными самостоятельно сконструировать маломощный радиопередатчик*; будут ли власти реагировать на увеличение числа таких самовольных радиолюбителей усилением репрессий или, напротив, предпочтут облегчить процедуру регистрации хотя бы маломощных передатчиков.

* Служба радиопеленга достаточно хорошо развита в СССР, поэтому стационарную и достаточно мощную любительскую радиостанцию изловить, по-видимому, совсем нетрудно. Использование же маломощных передатчиков позволяет радиолюбителю вести передачи из разных мест и быть трудноуловимым.

УБИЙСТВО

Феноменология этого преступления в какой-то мере характеризует особенности острых социальных конфликтов в обществе. В отличие от таких деликтов, как, например, воровство, валютные спекуляции или торговля наркотиками, убийство не создает самостоятельной субкультуры: большинство убийц, как можно судить по имеющимся данным, совершили это преступление впервые и притом под влиянием различных обострившихся социальных конфликтов. Опубликованные сведения не содержат достаточно подробных данных для того, чтобы можно было с приемлемой степенью достоверности всегда установить характер таких конфликтов, получивших столь трагическую развязку.

В статистике убийств обращает на себя внимание большой процент родственников, супругов и сожителей среди потерпевших от убийства*. Семейные конфликты и конфликты между сожителями — в известной мере традиционны и, по-видимому, меньше, чем другие социальные конфликты зависят от глобальных социальных

* По данным Герцензона²¹⁶ (выборочные исследования на основе 100 случаев умышленных случаев), родственники, супруги и сожители в 42% случаев были потерпевшими по делам об убийстве.

В моей картотеке такие "семейные" убийства составляют лишь четверть всех случаев убийств с известными мотивами (из общего числа — 300). Впрочем, поскольку эта картотека составлялась на основе опубликованных сведений об уголовных казусах, она, по-видимому, не может дать представления о реальном соотношении частот преступлений.

По данным¹⁴⁶, в одной из областей среди потерпевших от убийств было 24% жен, сожительниц — 10,5%, родственников — 22%, соседей и знакомых — 31,5%, сослуживцев — 12%. Автор¹⁴⁶ по этому поводу замечает: "Таким образом, пережитки в быту являются основным источником этих преступлений".

изменений в обществе.

Среди таких семейных убийств достаточно распространены убийства супругов. Как отмечает советский юрист²¹⁷, свыше 80% убийств супруга "совершается на почве семейных неурядиц". Не вполне понятно, впрочем, что автор называет неурядицами, но можно предположить, что в остальных 20% случаев убийство совершено по неосторожности при том, что в семье царили "совет да любовь". Среди дел об убийстве жены встречаются и случаи, когда цель убийцы — избавиться от жены, чтобы жениться на другой или сожителем с другой женщиной (см., например,^{104,147}), так и случаи, когда убийство жены совершается в отместку за ее желание покинуть семью²¹⁸. Известен случай¹⁴⁶, когда субъект, ранее отбывший наказание за убийство последовательно двух жен, был осужден за покушение на убийство третьей жены, в которую он произвел выстрел из ружья, ранив ее, а затем пытался утопить в яме с водой — он был приговорен к смертной казни (о мотивах его склонности к убийству жен в сообщении ничего не сказано).

Убийство мужа женой часто является следствием дурного обращения со стороны мужа.

В одном случае муж систематически издевался над женой и однажды заявил, что он не отец ребенка, которым она беременна; в ответ на это она схватила топор и ударила им несколько раз мужа по голове. Кемеровский областной суд не признал нанесенное ей оскорбление тяжким и осудил ее за убийство из мести. Верховный суд не согласился с этим и учел, что убийство совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (что является смягчающим обстоятельством).²¹⁹

Семейные неурядицы часто бывают порождаемы систематическим пьянством мужа, тем более что это связано с материальными трудностями в семье.

Например, Чаузова признана виновной в убийстве своего мужа при следующих обстоятельствах:

она обнаружила его спящим на берегу реки в пьяном виде. Убедившись, что в его карманах нет денег, полученных им в тот день, а на руке нет часов, Чаузова нанесла ему палкой по голове множество ударов, от чего тот умер.²²⁰

Реализуется на практике и классическая ситуация, когда муж, придя домой, обнаруживает жену в постели с любовником и совершает убийство; как можно судить по известным казусам, суд в таком случае может учесть как смягчающее обстоятельство, что убийца действовал в состоянии аффекта, вызванного "тяжким оскорблением его супружеских чувств"²²¹. (Раньше, в 20-30х годах, советские юристы считали ревность "низменным побуждением", т.е. отягчающим обстоятельством.)

Убийство сожительницы также бывает часто связано либо с желанием избавиться от нее либо с желанием отомстить ей за намерение прекратить интимные отношения. Такое убийство может быть связано и с ее беременностью. Вот пример тому:

Л. убил женщину, бывшую с ним в интимной связи, после того, как она, добиваясь, чтобы он ушел от жены, сказала ему о своей беременности. Л., опасаясь "неприятностей" дома и на работе, пригласил ее в лес за ягодами и убил; вскрытие трупа показало, что беременной потерпевшая не была.²²²

Бывают случаи, когда женщина убивает своего сожителя из ревности или из мести за измену или убивает свою соперницу. Вот не совсем обычный казус такого рода²²³:

В одном из хуторов Ростовской области проживала 74-летняя гражданка П. Несмотря на преклонный возраст, П. тщательно следила за собой, принимала посторонних мужчин, употребляла с ними спиртные напитки, имела несколько любовников. К ней стал проявлять интерес живший у нее 25-летний квартирант однако это вызвало ревность его 22-летней сожительницы, которая в конце концов зарубила топором свою пожилую соперницу.

”Семейные неурядицы” подчас приводят к убийству и родителей. Так, Петр Д. зарубил топором отца в отместку за систематические издевательства²²⁴; 16-летний Б. убил отца, желая отомстить за мать, которую отец, будучи пьяным, систематически избивал²²⁵. Не единичны случаи убийства больных стариков, которые в тяжелых материальных и жилищных условиях становятся обузой для семьи; так, например,

”Р., осужденная за убийство своей матери, объяснила, что она убила мать потому, что устала ухаживать за ней, так как мать была больна больше года, требовала постоянного присмотра, а в больницу ее не принимали. Из-за длительной болезни матери в семье начался разлад.”⁵¹

Конечно, бывают и случаи, когда мотивы убийства не столь прагматичны и когда родители могут стать жертвой, быть может, ”безмотивной” изощренной жестокости. Так, С. сообщил матери о том, что он намерен ее убить, на что мать воскликнула: ”Не надо, не надо, я хочу умереть своей смертью!”. После этого С. кухонным ножом перерезал кровеносные сосуды на руке матери и не позволил ей принять меры к самоспасению, вследствие чего она умерла²²⁶.

Традиционный мотив семейных убийств — намерение ускорить получение наследства — по-видимому, реже действителен в России теперь, чем в прежние времена, — я лишь предполагаю это. Замечу, кстати, что этот кримогенный фактор советская власть чуть было не ликвидировала совсем, отменив, за некоторыми исключениями, само право наследования (май 1918 года). Однако, как отметил П. Стучка⁴⁶¹:

”Декрет особых экономических результатов не дал — не было сил для проведения его в жизнь и мешала общая разруха. Программа, однако, была намечена верно.”

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. признал наследственное право, а с 1926 г. всякие ограничения суммы наследства были отменены.

Семейные убийства могут стать следствием пьяной семейной ссоры, особенно во время какого-нибудь семейного праздника. В одном случае, например, пьяный субъект, находясь в гостях у родственников, стал упрекать их за то, что они не приехали к нему на именины²²⁷, в другом — два брата поспорили, кто чаще посещает могилу недавно умершей их матери¹⁴⁶; в обоих случаях ссора кончилась убийством.

В советской юридической литературе и в прессе не раз отмечалось, что очень часто семейные конфликты, оканчивающиеся убийством, назревали давно, милиция получала предупреждения об угрозах убийством, однако во многих случаях никаких мер не было принято и конфликт оканчивался трагически. По-видимому, эти сообщения не всегда свидетельствуют о бездеятельности милиции. Угроза убийством в семейном и общественном обиходе весьма распространена среди простонародья, и хотя такая угроза предусмотрена законом как самостоятельное уголовное преступление, но физически невозможно преследовать всех, кто в пылу ссоры высказывает угрозу убийством.

Большой процент убийств совершается во время драк. Это уже не "семейные неурядицы", это подчас результат серьезных социальных конфликтов, характер которых, однако, редко становится ясен из опубликованных сообщений. Я уже говорил о статье Сегалова³³⁶, изучавшего деревенские драки в 20-х годах этого века: он пытался проникнуть в истоки социальных конфликтов, приводящих к кровавым дракам с подчас пустяковым поводом. И поныне деревенские праздники часто кончаются жестокими пьяными драками. Советские авторы любят отмечать, упоминая об этом, что большинство таких драк происходит в дни религиозных праздников. Насколько я могу судить, религия тут, конечно, ни при чем. Такие же драки происходят и в дни революционных

праздников, и в дни свадеб.* Это настолько малоисследованный вопрос, что в современных работах обычно даже не упоминают о существовании у русских крестьян реликтовых остатков обычая кровной мести (о кровной мести у русских крестьян также упоминал Сегалов).

В известной мере, больше понятна природа социальных конфликтов, приводящих к дракам между коренными жителями села и привозимыми из городов служащими и студентами, которые должны помогать сельским жителям в уборке урожая и иных полевых работах. Городские жители помещаются в непривычные для них условия, вынуждены делать работу, к которой не привыкли и которую часто не хотят делать, и от этого многие из них пребывают в удрученном состоянии, из которого может вывести их разве что выпивка. Сельские жители, не без оснований убежденные в том, что в городе живется лучше, уже в силу этого с некоторым антагонизмом относятся к *городским*, которые к тому же не имеют обычно должных навыков для выполнения порученной им работы. Ситуация может обостряться попытками деревенских парней приставать к приезжим городским девушкам. Нет оснований для того, чтобы утверждать, что всегда между приезжими городскими и коренным населением заметен сильный антагонизм; тем более нельзя утверждать, что драки между ними очень распространены. Однако есть сведения, что такие драки все же часты. В печать такие сведения попадают редко. Вот случай, описанный советским юристом²²⁸:

В Воронежской области во время групповой драки между находившимися на сельскохозяйственных работах студентами Воронежского технологи-

* По данным Герцензона²², в праздники "государственного значения" совершается 13% всех убийств, а в религиозные праздники — 21%; напомним, что государственных праздников — всего 8 дней в году, а религиозных праздников гораздо больше.

ческого института и несколькими жителями был убит гражданин С. (по-видимому, местный житель); расследованием было установлено, что один студент гаечным ключом нанес ему удар по голове, после чего другой студент деревянной рукояткой вил нанес потерпевшему смертельное повреждение в теменную область головы.

Сравнительно распространенными являются драки местных жителей с приезжими отдыхающими в курортных областях. Очень часто драки происходят из-за отдыхающих женщин, коих домогаются местные парни. Вот весьма распространенная схема возникновения такой драки: группа отдыхающих, в том числе девушки, танцуют в ресторане или на танцплощадке; какой-нибудь местный парень приглашает на танец одну из девушек этой группы и получает отказ — велика вероятность того, что эту группу отдыхающих будут у выхода поджидать несколько местных парней с целью отомстить за оскорбление товарища. Потерпевшим в следующем подобном случае был военнослужащий²²⁹:

В Ростове-на-Дону Ф. в нетрезвом состоянии пришел в ресторан и, подойдя к столику, за которым сидел военнослужащий со своей знакомой, пригласил последнюю на танец, девушка отказалась; тогда Ф. вышел во двор ресторана, дождался, пока девушка и военнослужащий вышли, и убил его ударом ножа (Ростовским областным судом он был признан виновным в убийстве из хулиганских побуждений и приговорен к смертной казни).

Как можно судить, очень часто драка специально провоцируется с целью кого-то сильно побить или убить. Но большинство драк, конечно, возникает стихийно, и поводом к ним часто служат обиды, на взгляд постороннего, сомнительной значимости. Вот драка, происшедшая в Бурятии²³⁰:

Николаев признан виновным в том, что он 21 ноября 1961 года из хулиганских побуждений, спосо-

бом, опасным для жизни многих людей, убил гр-на Табитуева. Преступление им совершено при следующих обстоятельствах.

Торонов, Дабеев, Табитуев, Бальбин (жители улуса Бахтан) и Альчиханов, Доржеев, Николаев (житель улуса Саган-Халгай) вечером 21 ноября 1961 г. собрались в доме продавца магазина Янkevичуса, где стали распивать водку. Во время выпивки Николаев обвинил жителей улуса Б. Бахтана в том, что они *ищут легкой жизни*. В связи с этим завязалась ссора и драка. Торонов и Дабеев прекратили драку и вывели всех на улицу. Николаев, Доржеев, Табитуев, Бальбин и Дабеев пошли в клуб смотреть кинокартину. После сеанса Николаев пристал к Бальбину, схватил его за грудь. Дабеев и Осипов их разняли. Уходя домой, Николаев заявил: "Всех перестреляю!". Дома он взял три патрона, заряженных картечью, зарядил ружье и возвратился к месту нахождения Осипова, Табитуева и других. Увидев подходящего с ружьем Николаева, Доржеев пошел к нему навстречу и пытался отобрать у него оружие. Николаев ружья не отдал и произвел два выстрела: один в землю около ног Осипова, а второй в Табитуева, причинив ему смертельное ранение, от которого он в больнице умер.

В данном случае повод ссоры, возможно, не столь малозначителен: все-таки прозвучало оскорбительное для советских людей обвинение в том, что они ищут легкой жизни. Во многих других случаях повод для убийства, казалось бы, совсем пустяковый:

В г. Барнауле пьяный встречает незнакомого ему гражданина и убивает его за то, что тот отказался купить и выпить с ним бутылку водки²³¹; другой пьяный убивает своего товарища за то, что тот отказался уйти вместе с ним из клуба, а совершив убийство, он берет гармошку и играет на ней до прибытия милиции²³²; М. в общежитии

убил человека, который разбил его тарелку, — это убийство признано совершенным из хулиганских побуждений, и Верховный Суд отклонил доводы кассационной жалобы о том, что убийство совершено из мести на почве личных отношений.²³³

Подобные случаи, равно как и очень многие случаи убийства в драке, суды квалифицируют как совершенные из хулиганских побуждений. Хотя в работах юристов можно встретить утверждения, что невыясненность мотивов убийства не является основанием для заключения о хулиганских побуждениях, однако у меня создалось впечатление, что часто, когда в материалах дела отсутствуют какие-либо традиционные мотивы для убийства (как, например, в приведенных выше случаях мести по незначительному поводу или в случаях "безмотивной" беспорядочной стрельбы по людям), суды предпочитают усматривать наличие хулиганских побуждений. Весьма интересно: советский юрист Бородин сообщил, что ему не известно ни одного случая, чтобы убийца заявил, что он убивал из хулиганских побуждений.³³⁷

Одним из отягчающих обстоятельств по делам об убийстве советский закон считает совершение убийства в связи со служебной или общественной деятельностью потерпевшего. Так квалифицируются, в частности, убийства служебного начальства, если поводом к убийству послужила именно его служебная деятельность. Конкретной причиной для убийства начальника может послужить замечание по поводу появления работника на службе в пьяном виде²³⁴ или недовольство работника полученным вознаграждением:

Например, Г., желая отомстить бригадиру штукатуров фабрики "Маяк революции" за неправильное, по его мнению, начисление заработной платы, ночью обложил его дом тряпками, пропитанными мазутом, и поджег, зная, что бригадир и его семья находятся в доме; бригадир получил тяжелые ожоги и вскоре умер²³⁵.

Поводом для убийства может быть, в принципе, любое проявление служебной аккуратности, неугодное убийце: проводница поезда не пускала пьяных безбилетных пассажиров в вагон, за это один из них убил ее²³⁶.

Сравнительно часты убийства и покушения на убийство лесников, инспекторов рыбного и охотного хозяйства. Согласно распространенным среди браконьеров представлениям, такой инспектор или лесник поступает правомерно, если от времени до времени, чтобы оправдать доверие начальства, взыскивает с браконьеров штрафы за незначительные нарушения, однако, что называется, *не свирепствует*, т.е. не проявляет чрезмерного служебного рвения, а если уж браконьер попался на серьезном нарушении, то соглашается брать взятку. Мне известны случаи, когда особо честным лесникам и инспекторам заранее угрожали расправой, ставя им в вину то, что они никогда не соглашались брать взятку.

Согласно советским представлениям, борьба с преступностью является общественной обязанностью каждого гражданина. Учитывая это, советский суд всегда должен был бы рассматривать как убийство, совершенное в связи с исполнением общественного долга, и такие случаи, когда поводом для убийства послужила, скажем, попытка гражданина утихомирить хулигана. Так и бывает, но в некоторых случаях такое убийство квалифицируется как совершенное из хулиганских побуждений; таков, например, случай в Ростове в общежитии завода, когда член бригады коммунистического труда сделал замечание хулиганившему субъекту; в ответ этот субъект предложил, как можно понять, традиционное "выйдем, поговорим"* и на улице убил этого рабочего²³⁷.

* Предложение "выйдем, поговорим" весьма часто применяется в случаях, когда над человеком хотят учинить расправу. Это довольно широко известно; человек, которого приглашают выйти и поговорить, может догадываться, что над ним

Одним из традиционных мотивов убийства является стремление к сокрытию другого совершенного преступления. Иногда это просто убийство свидетеля, давшего на убийцу компрометирующие показания, или жалобщика (так, например, в Горьковской области группой из трех человек были убиты гражданка М. и двое ее детей после того, как она подала заявление в прокуратуру об изнасиловании дочери одним из членов этой группы²³⁸); иногда это убийство возможного свидетеля, лица, знавшего о преступлении, каково, например, дело об убийстве Остроухова, который был убит группой лиц, занимавшихся хищениями²³⁹.

Традиционным является и убийство с целью облегчения кражи или во время разбойного нападения. Я не думаю, что такие убийства часты. По-видимому, лишь наиболее отчаянные из воров решаются так рисковать: воры, даже весьма отчаянные, все же заботятся о том, чтобы не попадаться, и дело не только в том, что убийство с целью облегчить совершение другого преступления наказуемо вплоть до смертной казни (в то время как просто хищение наказуемо смертной казнью лишь в случае, когда похищено социалистическое имущество в особо крупных размерах), но и в том, что, по-видимому, на расследование дел об убийствах прокуратура обращает гораздо больше внимания, чем в случае имущественных преступлений. У меня создалось впечатление, что власти понимают особую социальную опасность человека, который при совершении какого-либо преступления совершил убийство и скрылся: поскольку за то, что он уже совершил, его с большой вероятностью ждет смертная казнь, ему нечего терять,
.....

будет учинена расправа, возможно, даже с помощью сообщников его собеседника, однако, как я замечал, в случаях, не грозивших, впрочем, особенно трагической развязкой, приглашение "выйдем, поговорим" как бы завораживает, получивший его действительно выходит и оказывается избитым. Не выйти в ответ на это приглашение — это значит публично проявить, с точки зрения товарищей, *трусость* — это то слово, которым часто обозначают элементарную предусмотрительность.

и есть опасность, что он не остановится перед дальнейшими убийствами, лишь бы скрыться от преследования. Редко, но все же становится известно о лицах, которые единолично или совместно с группой совершают систематические убийства и умудряются долго скрываться. Так, например, Р. в период с 1949 г. по 1958 г. совершил на территории РСФСР и Украины 8 убийств, три покушения на убийство, ряд разбойных нападений, а при задержании убил двух сотрудников милиции³³⁹. О подобных случаях редко появляются сообщения, но власти относятся к ним очень серьезно, объявляют всесоюзный розыск, и весьма велика вероятность, что убийца будет пойман. Не так давно газета "Известия" сообщила о поимке Алексеева, совершившего несколько убийств³³⁸. Как можно понять, фотографии Алексеева были разосланы милицией по многим городам, и полевой милиционер задержал Алексеева на вокзале в Сочи. По-видимому, это был действительно очень опасный преступник, так как этот сержант милиции удостоился аудиенции у министра и получил чин лейтенанта.

В Москве в начале 60-х годов получил широкую известность Ионесян, совершавший систематические убийства детей в квартирах. Его действия производили впечатление маниакальных (судя по неофициальным сведениям, его мотивы были сексуальными). Для поимки Ионесяна милиция ознакомила население Москвы с его портретом, и довольно скоро его изловили. Кажется, после этого милиция начала изредка прибегать к публикации сведений о непоиманных преступниках, взывая к помощи общественности: иногда соответствующие объявления делаются по телевидению, а на стендах около отделений милиции вывешиваются плакаты с портретами и описанием опасных преступников (этих плакатов, впрочем, немного, во всяком случае несравненно меньше, чем в американских почтовых отделениях).

Однако даже в тех случаях, когда милиция прибегает к помощи населения в поисках преступника, неприятно писать об этом в газетах; примером тому недавний

случай с убийством в Москве семи или восьми женщин: милиция информировала население Москвы об убийце, но не с помощью газет ; впрочем, в "Нью Йорк Таймс" об этом было опубликовано³⁴².

Нет данных о том, каково максимальное число убийств, которое удалось совершить одному преступнику, — советская пресса не расположена помещать сообщения об особенно многочисленных убийствах, тем более что такие сообщения, на взгляд публики, компрометируют милицию — не каждый понимает, что отчаянного преступника, которому нечего терять, не всегда бывает просто изловить. По данным 20-х годов известен случай, когда один человек, Петров-Комаров, совершил 29 однообразных убийств с целью завладения имуществом убитых: на базаре он сговаривался с крестьянином о продаже лошади, приводил его к себе домой как бы с целью совершения сделки, угощал, потом убивал²⁴². В другом случае, в 1925 году, при разбойном нападении на лесничество было убито 19 человек, причем всех убивал топором один человек, он устроился для этого в сарае, куда его сообщниками ему доставлялись жертвы. Небезынтересна для изучения психологии убийства следующая деталь, приводимая в сообщении об этом деле: "Последним в сарае был убит теленок; со словами "Ты чего смотришь?" Фомичев нанес ему смертельный удар топором и бросил его в общую кучу".²⁴³

Советский закон считает отягчающим обстоятельством совершение убийства "с особой жестокостью". Уголовный кодекс 1926 года считал отягчающим обстоятельством лишь совершение убийства способом, особо мучительным для убитого. На практике разница в представлениях советских юристов об особой жестокости и об особой мучительности проявляется, как можно понять, в основном в том, что глумление над трупом, которое, согласно кодексу 1926 года, не могло рассматриваться как отягчающее обстоятельство, теперь часто оценивается как особая жестокость, т.е. отягчающее обстоятельство. Советский юрист Бородин¹⁴⁷ считает

случаи глумления над трупом (обезображивание, поджигание и т.п.) — особой жестокостью. Он отмечает, впрочем, что в тех случаях, когда виновный глумился над трупом спустя какое-то время после лишения потерпевшего жизни, эти действия не могут рассматриваться достаточными для применения указанного отягчающего обстоятельства, так как в законе идет речь об убийстве с особой жестокостью, а не о циничных действиях, совершенных после убийства. (Не вполне, впрочем, понятно, какой момент советский юрист считает моментом окончания убийства, если не момент наступления смерти.) Бородин отмечает, что расчленение трупа обычно нельзя считать признаком жестокости, так как оно чаще всего совершается с целью сокрытия преступления. В некоторых случаях такого мнения придерживается и суд, однако это мнение не является господствующим. Если расчленение трупа произведено не из прагматических соображений сокрытия следов преступления, то это расценивается как особая жестокость. По сообщению советского юриста Побегайло²²⁴,

две жительницы Кисловодска находились в противоестественной половой связи* с Л., которого решили убить с целью мести за систематические оскорбления. Они дали ему снотворное, а затем одна из них ударила его по голове утюгом и убила. После этого эти женщины расчленили его труп с помощью бритвы на 13 частей и *глумились*, по выражению советского юриста, над отдельными частями трупа. Ставропольский краевой суд квалифицировал их действия как убийство, совершенное с особой жестокостью.

* Не вполне понятно, что в данном случае автор называет противоестественной связью; уровень скромности советских юристов, впрочем, столь высок, что, возможно, противоестественной половой связью названо просто сожителство с обеими женщинами одновременно.

В популярной юридической литературе¹⁰⁸ описан случай, когда пожилая женщина из корыстных побуждений совершила убийство в Ленинграде, затем расчленила труп и части его закопала или побросала в Неву. Этот казус психологически интересен реакцией подсудимой на смертный приговор:

— Когда судья кончил читать приговор и раздались аплодисменты, Марфа скривила в усмешке бескровные губы и бросила в зал:

— Ишь, раскаркались, воронье! Падаль почувяли?*

А на вопрос председательствующего, понятен ли приговор, неожиданно громко ответила:

— Да уж чего понятнее! Кусок свинца в голову — это любой поймет...”

Убийство признается совершенным с особой жестокостью и в тех случаях, когда убийца совершает надругательство над чувствами лиц, в присутствии которых совершается убийство (например, убийство детей на глазах родителей, убийство родителей в присутствии детей¹⁴⁵).

Разумеется, если убийство совершено с причинением жертве особых мучений, то убийство также признается совершенным с особой жестокостью. Судебная практика дает примеры использования весьма жестоких способов убийства (не всегда известно, как суд квалифицировал способ убийства). Вот несколько примеров.

В Саратовской области И. забил дыхательные пути потерпевшего жидкой грязью¹⁴⁶; в Ростовской области П. облил жену и находившегося у

* Это единственный случай, когда мне известна реакция подсудимого на аплодисменты присутствующей в зале публики. Вообще, это стало своего рода национальным обычаем — встречать жестокий приговор по особо серьезным делам аплодисментами. Я не смог проследить историю этого обычая, но у меня есть впечатление, что этот обычай — советского происхождения.

нее на руках ребенка бензином и поджег их — жена от полученных ожогов умерла (приговорен к расстрелу)²⁴⁵; в Москве в 1956 г. гр-ка Х. вместе со своей знакомой отравила мужа: его напоили водкой, затем дали выпить серную кислоту и каустик, после чего еще ввели спринцовкой в рот уксусную эссенцию, в результате чего он на следующий день скончался в мучениях.²⁴⁶

Вот случай, когда убийство, совершенное с особой жестокостью, не было так квалифицировано; напротив, суд учел смягчающее обстоятельство — сильное душевное волнение:

В Ростовской области некто Б., будучи пьян, похитил из магазина бутылку с лизолом* и стал приставать к гражданам с просьбой выпить содержимое бутылки. Двое, внявшие этому предложению, получили ожоги. Гр. А., возмущенный поведением Б., отвел его в сторону, ударом кулака сбил с ног и влил оставшуюся в бутылке часть лизола в рот Б., от чего последний скончался.²⁴⁷

Типичным способом убийства с особой жестокостью является нанесение множественных ударов и ранений и сопутствующее убийству истязание**. Напомню, что убийство посредством нанесения множественных ножевых ранений — это традиционный для воровского мира способ убийства за измену. Такие убийства, конечно, совершаются, однако далеко не всегда следствие и суд узнают о мотивах убийства, о внутренних конфликтах воровского мира.

* Лизол — раствор в калийном мыле дезинфицирующего вещества крезола.

** По одному делу пленум Верховного Суда СССР, впрочем, указал, что сама по себе множественность ранений при убийстве не является условием, которое во всех случаях следует рассматривать как свидетельство совершения преступления с особой жестокостью¹⁴⁵.

В общей массе, за исключением немногих случаев, способы убийства довольно примитивны. По данным Герцензона²¹⁶, 18% убийств совершается путем избивания кулаками, ногами или с использованием случайно попавшихся предметов. Такими предметами могут быть полено, утюг, кол, камень; 23% убийств совершено с применением холодного оружия, главным образом ножей. Всего 4% убийств совершено с применением огнестрельного оружия — эти данные относятся к Москве; в провинции во многих областях большой процент жителей имеет охотничьи ружья, поэтому процент применения огнестрельного оружия для убийства выше: по данным того же автора, относящимся не только к Москве, но к Советскому Союзу вообще, огнестрельное оружие применяется в 21% случаев умышленных убийств²².

Вообще культура убийства в России довольно низка. По-видимому, это не только следствие того факта, что подавляющее большинство осужденных имеет образование не выше семи классов^{54*}, но и свидетельство успеха властей в борьбе с преступностью.

Конечно, в будущем и в СССР, возможно, появится возможность применения каких-либо современных орудий и способов убийства; пока что, однако, применение огнестрельного оружия и то ограничено обычно случаями употребления охотничьих ружий и обрезов**, и да-

* Автор⁵⁴ замечает по этому поводу, что эти данные подтверждают вывод о том, что повышение культурного уровня членов социалистического общества является одним из основных направлений общепредупредительной работы. Замечу при этом, что уровень образования убийц не намного ниже уровня образования остальных граждан.

** Обрез изготавливается из охотничьего ружья посредством отпиливания от него большей части дула и приклада. Верховный Суд⁴⁶⁷ отмечал, что обрез, благодаря такой переделке, теряет качества, присущие охотничьему ружью, и приобретает качества, присущие пистолету, поэтому ответственность за хранение, изготовление или ношение обреза должна наступать так же, как если бы это был пистолет.

же револьвер — оружие столь обычное для преступников Запада — в СССР применяется весьма редко. Власти тщательно контролируют даже продажу охотничьего оружия*; револьверы вообще не продаются, и лишь некоторые категории государственных служащих вправе иметь в пользовании оружие, находящееся под контролем государства. Специальной статьей уголовного закона предусмотрена ответственность за ношение, хранение, изготовление или сбыт огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боевых припасов или взрывчатых веществ без соответствующего разрешения; наказуемо также ношение, изготовление или сбыт кинжалов, финских ножей или иного холодного оружия без соответствующего разрешения, за исключением тех местностей, где ношение холодного оружия является принадлежностью национального костюма или связано с охотничьим промыслом. Особая ответственность установлена также за хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ.

Я, разумеется, знаком не со всеми сообщениями прессы и юридической литературы по делам об убийстве, но из того, что я знаю, следующий случай произвел на меня впечатление технической изощренностью убийцы²⁴⁸.

П. решил убить Х., чтобы вступить в сожителство с его женой. С этой целью П. изготовил взрывной снаряд, состоящий из аммонита и электротонатора, вмонтированный в корпус карманного электрофонаря, и подбросил этот снаряд возвращающейся из клуба компании, в которой был Х. Один из спутников Х. поднял фонарь и был убит взрывом.

* Продажа ружей населению регулируется постановлением Совета Министров СССР от 11 мая 1959 г. № 478. Предусмотрено, что ружья должны продаваться только членам охотничьих обществ после сдачи ими соответствующих зачетов по минимуму обращения с ружьем. В 1963 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял указы "Об усилении борьбы с нарушением порядка хранения и использования огнестрельного оружия" и "Об усилении ответственности за нарушение правил охоты".

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЛУЧАИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ

Людоедство

Людоедство как таковое не наказуемо в СССР. Убийство с целью людоедства, надо полагать, подлежит квалификации как совершенное из низменных побуждений.

О случаях людоедства становилось известно в связи с особенно жестоким голодом в какой-либо местности. В 1922 году, например, журнал "Право и жизнь" опубликовал копии постановлений об аресте двух лиц по делам об убийстве с целью людоедства. Вот текст одного из этих постановлений (орфография подлинника).

"Постановление. 1922 г. марта 4-го дня. Я, Народный Следователь 2-го уч. рассмотрев дело обвинения г-ки Еникуловой Илякульвининской волости обвинила Хатиру Зиазетдинову в убийстве человека и употреблении мяса человеческого в пищу и принимая во внимание, что следствие по делу еще не окончено и что обвиняемые, находясь на свободе, могут скрыться от следствия, суда и продолжать свой поступок и постановил: обвиняемый в убийстве человека на предмет тело его в пищу Самигулли 42 лет, Сатире 57 лет мерою пресечения уклонения от следствия и суда избрать содержание в Белебеевском доме принудительных работ второй категории.

Подлинное подписал Народный Следователь Вакеев. С подлинным верно. Делопроизводитель."

Примерно в то же время в Поволжье, где свирепствовал голод, образовывались шайки несовершеннолетних, имевших целью людоедство²⁴⁹.

По данным Н. Хрущева, в 1946-47 годах случаи людо-

едства были отмечены на Украине во время голода, вызванного, в частности, неурожаем из-за засухи³⁴.

Людоедство может быть также следствием суеверных обычаев. Хотя я не располагаю современными данными, но могу предположить, что старинные суеверия, связанные с людоедством и трупоедством, не исчезли совсем, коль скоро еще в конце прошлого века эти суеверия приводили к совершению преступлений, зафиксированных в юридической литературе. Я уже упоминал о разбойничьем суеверии, рекомендуя поедание сердца новорожденного ребенка. В народе — много поверий о сверхъестественных свойствах частей трупа; известны методики употребления их и для колдовства, и для лечения болезней, и для порчи*. Исследователь русских обычаев Левенстим⁷⁷ приводит об этом интересные примеры и, между прочим, цитирует старую русскую песню, происхождение которой, как он полагает, восходит к временам, когда было распространено людоедство:

Я из рук, из ног короватъ смощу,
Из буйной головы яндову скую,
Из глаз его я чары солью,
Из крови его пьяно пиво сварю,
А из сала его свечей налью.

У меня создалось впечатление, что остатки старинных суеверий весьма живучи среди нынешнего русского населения, особенно в местностях, отдаленных от промышленных центров. Нет, однако, никаких сведений о том, в какой мере эти суеверия способны и в наше время обуславливать совершение убийства для использования

* По сообщению Левенстима⁷⁷, в Западной Пруссии в прошлом веке был случай, когда грабитель убил девушку, вырезал кусок ее мяса, чтобы вытопить сало для свечки, а часть мяса съел, "чтобы успокоить свою совесть, которая не давала ему покоя". Из известных мне российских случаев убийств, даже с суеверной целью использования частей трупа, я ни разу не встречал случая поедания человеческого мяса с целью успокоения совести.

частей трупа в колдовских целях. Маловероятно, чтобы в советской печати появились сообщения об этом, даже если бы такие случаи происходили.

В преступном мире распространен еще прагматический обычай, связанный с людоедством: когда уголовники планируют побег из лагеря, они часто приглашают в свою компанию какого-либо постороннего воровскому миру заключенного с целью употребить его в пищу, если в пути они сильно проголодаются.

В тюремной обстановке случается и так, что заключенный поедает отрезанные куски собственного тела или кровь вскрывшего себе вены товарища по камере — к сообщениям о таких эпизодах следует, естественно, проявлять осторожность, ибо известно, что раз происшедший в тюрьме или лагере яркий случай становится сюжетом лагерных легенд, и каждый рассказчик сообщает его по-своему, так что создается впечатление, что подобных случаев было много; однако есть мемуары весьма аккуратных авторов, например, А. Марченко¹⁰⁹ и Э. Кузнецова¹⁰⁶, которые подтверждают, что случаи поедания человеческого мяса и крови бывают в тюрьме. — Я уже писал¹⁰⁰ о советском методе воспитания заключенных голодом, и из того, что известно о людоедстве в тюрьмах, можно заключить, что оно — следствие жестокого голода, а не просто связано со стремлением разнообразить казенное меню.

Жертвоприношения

На территории России, судя по многим данным, человеческие жертвоприношения и сходные с ними посягательства на жизнь совершались от времени до времени еще во второй половине прошлого века. Как можно понять, уже тогда они были явлением исключительным и не составляли регулярно совершаемого обряда. Лишь серьезная социальная трагедия, такая, как жестокая эпидемия или многолетняя засуха, воскрешала в памяти народной этот древний способ отвращения кары небесной.

В 1855 году в Новогрудском уезде во время жестокой холерной эпидемии крестьяне по совету фельдшера Козакевича заманили старуху Луцию Манькову на кладбище, втокнули ее живой в приуготовленную могилу и засыпали ее землей. Фельдшер, который присоветовал крестьянам принести такую жертву, был осужден Минской уголовной палатой к наказанию плетьюми и ссылке в каторжные работы на 12 лет²⁵⁰. Есть сведения о попытках подобных жертвоприношений в том же уезде во время эпидемии в 1831 г. и в 1871 г.

Исследователь русского обычного права Якушкин упоминает случай, когда в Туруханском крае один крестьянин для спасения себя и своего семейства от повальной болезни, свирепствовавшей в 1861 г., принес в жертву свою родственницу — девочку, закопав ее живою в землю.⁷³

Посягательства, подобные жертвоприношениям, происходили и во время совершения так называемого обряда опахивания. Этот обряд проводился крестьянками с тем, чтобы прекратить повальную болезнь скота, и сопровождался часто жертвоприношением животного. При этом, если процессия крестьянок во время этого обряда встречала мужчину, то его считали "смертью", против которой совершается обряд, и поэтому его били без

жалости чем попало: "Всякий, завидя шествие, старается или бежать, или спрятаться из опасения быть убитым"⁷³.

Судя по публикациям конца прошлого века, русское общество было наслышано о происходящих в разных областях России человеческих жертвоприношениях, учиняемых с целью предотвратить продолжение какой-либо социальной трагедии. И можно полагать, что возбуждение судебного дела по обвинению в таком посягательстве в среднем не должно было удивлять публику так, как мы удивились бы теперь, узнав о современном судебном преследовании за человеческое жертвоприношение. Это обстоятельство разумно учитывать при изучении общественной реакции на два нашумевших дела по обвинению в совершении человеческого жертвоприношения: я имею в виду дело мултанских вотяков и дело Бейлиса³⁴³. Хотя теперь можно считать несомненным, что в производстве по делу Бейлиса заметную роль сыграли антисемитские настроения многих чиновников тогдашней администрации, однако нет оснований считать, что тогда, еще до судебного рассмотрения, для публики это дело было столь же ясно, как нам теперь. И сравнительная многочисленность сообщений о человеческих жертвоприношениях в разных областях России, и полное незнакомство русской публики с догматами еврейской религии и с еврейской культурой — все это могло создавать у большей части публики впечатление о правдоподобности обвинения Бейлиса. Тем более можно восхищаться усилиями либеральной русской интеллигенции, столь много сделавшей для того, чтобы правосудие восторжествовало в этом процессе.*

* Редко вспоминают о том, что Виппер, обвинитель на процессе Бейлиса, был судим после революции именно за свою роль в этом процессе. В опубликованном в 1924 г. сборнике судебных речей Крыленко приводится обвинительная речь этого советского прокурора на процессе Виппера³⁴⁴.

Крыленко в своей речи отметил, что после революции Виппер служил в Калужском губпродкоме, "был прекрасным чиновни-

Что касается другого нашумевшего дела — дела мултанских вотяков, то оно представляется мне ясным лишь с юридической точки зрения — действия администрации по расследованию этого дела были столь бездарны, что устранили возможность результативного исследования этого дела при беспристрастном судебном разбирательстве. Однако с точки зрения этнографической есть основания полагать, что жертвоприношение было действительно совершено, хотя и необязательно теми, кто обвинялся в этом.

Дело это было возбуждено после того, как в Вятской губернии недалеко от села Старый Мултан был найден обезглавленный труп человека, причем "грудные внутренности" у трупа отсутствовали. По этому делу несколько вотяков* — жителей села Старый Мултан — были привлечены к судебной ответственности по обвинению в совершении человеческого жертвоприношения.

Расследование дела велось с грубыми нарушениями

ком", "коллегия губпродкома соглашалась даже взять его на поруки"; тем не менее, Крыленко заявил: "...Мы должны признать, что с точки зрения охраны революции гражданину Вишперу не место на свободе и он должен быть изолирован, а если спросят: "Как изолирован?" — я отвечу трибуналу: уничтожен."

Вишпер утверждал во время рассмотрения его дела, что, участвуя в процессе Бейлиса, он действительно верил в ритуальные убийства. Он заметил при этом: "Быть может, я виноват, что несколько расширил рамки процесса и вышел за границы обвинительного акта; это объясняется моей страстностью, быть может, я допустил ошибку; я был не прав в своем порыве и страстности, был не прав, когда добивался обвинения."

По сообщению составителей упомянутого сборника³⁴⁴, "принимая во внимание, что в своей деятельности после Октябрьской революции Вишпер не проявил себя активным врагом советского строя, но учитывая, что невежественные предрассудки до сих пор владеют им и делают его вредным для революции, — революционный трибунал приговорил: гражданина Вишпера заключить в концентрационный лагерь с лишением свободы до полного укрепления в республике коммунистического строя."

Я не знаю дальнейшей судьбы Вишпера, но могу полагать, что если он жив, то до сих пор лишен свободы "до полного укрепления.... коммунистического строя".

* Ныне вотяков называют удмуртами. Это — поволжская народность, обращенная в христианство в XVIII веке.

предусмотренных законом норм; наибольшую известность среди этих нарушений получили обстоятельства допроса обвиняемых становым: для получения у обвиняемых сознания в совершении убийства становой приводил их к присяге перед чучелом медведя, воспользовавшись, по-видимому, уважением вотяков к этому обряду*.

По этому делу было вынесено местным судом два обвинительных приговора, и оба они были отменены Кассационным департаментом Сената. Заключение по этому делу в Сенате давал известный русский юрист А.Ф. Кони²⁵². Отмена приговоров в обоих случаях состоялась по причине существенных процессуальных нарушений, допущенных местным судом, однако А.Ф. Кони в своем заключении следующей оригинальной фразой обратил внимание Сената на особую важность этого дела:

”Признание по этому делу подсудимых виновными должно быть совершено с соблюдением в полной точности всех форм и обрядов судопроизводства, *ибо* (курсив мой — В.Ч.) этим решением утверждается авторитетным словом суда не только существование ужасного и кровавого обычая, но и невольно выдвигается вопрос о том, приняты ли были достаточные и целесообразные меры для выполнения Россиею, в течение нескольких столетий владеющей Вотским краем, своей христианско-культурной и просветительной миссии.”

Это дело закончилось вынесением оправдательного вердикта после третьего судебного рассмотрения. Процесс мултанских вотяков удостоился общественного внимания во многом благодаря появлению на эту тему статей В. Короленко²⁵³. Отчеты Короленко, как это, впрочем, свойственно русской публицистике, когда она обращается к обсуждению вопросов юридических,

* Обряд медвежьей присяги известен и в обычаях некоторых других народов; о медвежьей присяге у остяков см. ²⁵¹.

исполнены в манере несколько эмоциональной; читатель, желающий ознакомиться с более спокойным изложением этого дела, может обратиться к статье Гордона в "Журнале Министерства юстиции."²⁵⁴

Особую проблему составляет вопрос о жертвоприношениях, диктуемых учениями различных фанатичных сект. Это — обширная область для специального исследования, и я не буду подробно рассказывать об этом здесь. В дореволюционной литературе достаточно много внимания уделено исследованию этого вида посягательств (например, см.^{345,346}). В советских публикациях также есть сведения о том, что члены некоторых сект совершали посягательства на жизнь человека из религиозных побуждений. Поскольку эти секты активно преследуются атеистической властью и поскольку гласности придается отрывочная обвинительная информация, часто без ссылки на какие-либо документы, то естественно относиться к таким сообщениям критически. Советский юрист Бородин²⁵⁵, говоря о факте жертвоприношения и убийств среди сектантов, ссылается, в основном, на популярные антирелигиозные публикации и лишь в одном случае ссылается на дело из архива Верховного суда РСФСР, к которому, впрочем, у читателей нет доступа. В этом деле 60-летняя верующая из секты пятидесятников в Калининской области обвинялась в убийстве годовалого внука и попытке убийства пятилетнего внука; как сообщает Бородин, эта верующая показала, что она "услышала требование жертв от Бога" и решила принести внуков "в жертву Господу".*

Несомненно, что в России издавна существовали весьма фанатические секты; несомненно также и то, что в нынешних условиях государственного преследования религии тенденция к большему фанатизму может развиваться у сектантов как способ духовной самообороны от фанатичного атеизма, поэтому весьма интересно изучение доступной, заслуживающей доверия информации о случаях, когда практическое учение отдельных сект

вступает в коллизию с нормами уголовного права. К сожалению, такая информация малодоступна; во всяком случае, естественно с большой осторожностью относиться к сообщениям советских юристов о подобных посягательствах, обоснованно полагая предвзятость их подхода к анализу доступной им первичной информации (например, цитируемый автор Бородин после сообщения об "изуверстве" сектантов пишет:

"... Необходимо подчеркнуть, что нет религии, которой бы в той или иной степени не было присуще изуверство",

— при чтении этой фразы невольно вспоминается дело недавно умершего в советском лагере Бидии Дандарона — буддолога, руководителя буддийской группы в Бурятии; научно-атеистическая экспертиза, проведенная по этому делу, содержала утверждение, что буддизму свойственно изуверство²⁵⁶).

О том, насколько произвольно может быть в России осужден человек за "религиозное изуверство", свидетельствует дело пятидесятника Ивана Федотова (Мособлсуд, 1961 г.), осужденного на 10 лет за доведение до самоубийства женщины, с которой он, как можно понять, вообще не встречался, и за подстрекательство к принесению в жертву дочери одной из верующих (на основе неподтвержденных показаний ее матери). Известный советский адвокат С. Ария писал в надзорной жалобе по этому делу:

"Дело Федотова в период его рассмотрения играло роль важного мероприятия в антирелигиозной пропаганде. Слушалось оно в соответствующей обстановке, затруднявшей объективную критическую оценку доказательств виновности подсудимых. Полагаю, что именно эта причина и повлекла серьезные ошибки в приговоре и определении.

Сейчас, когда Федотов отбыл более половины назначенного ему срока заключения, а дело уже полностью использовано в воспитательных целях — необходимо вернуться к нему и заново оценить с позиций уважения к закону."

Убийство колдунов и ведьм

Этот вид посягательства ныне, по-видимому, распространен гораздо менее, чем в прошлом веке. Однако возможность таких посягательств не исчезла, так же как не исчезла в народе сама боязнь ведьм и колдунов.

Я встретил в советской юридической литературе последних лет лишь одно сообщение⁴¹¹ об убийстве или покушении на убийство колдуньи:

” Один убивал ”колдунью” за то, что она его” за ворожила”.

Советский юрист¹⁴⁶ сообщает о судебном деле по обвинению А. в убийстве ”колдуна” С.:

”... Объясняя мотивы убийства, А. показал, что убийство С. совершил в связи с тем, что он был колдуном, способным навлекать на людей смерть и болезнь.

Суд допросил более 20-ти свидетелей, которые давали показания не об обстоятельствах убийства, а о личности А., который ранее был судим за разбой и обвинялся по этому делу также в изнасиловании и кражах, а также о том, что С. занимался колдовством. Свидетель Г., например, показал, что ныне убитый С. ”напускал” на людей болезнь и в том числе на него ”напустил” такую болезнь, что он ходил и запинался за пни и кочки. (Интересно отметить, что суд даже не обратил внимание, что этот свидетель, будучи заготовителем, систематически пьянствовал.) Свидетель М. говорил о том, что С. ”напускал” ему на лицо опухоль, а потом вылечил камнем, на который предварительно поплевал. Целый ряд свидетелей давали аналогичные показания, а суд выслушивал эти бредни, не относящиеся к делу, и фиксировал их в протоколе.

Проходившие по делу свидетели допрашивались

судом так, что они не только не осуждали заблуждений, сложившихся об С., но и убеждали суд и присутствовавших граждан в зале суда в том, что С. будто бы обладал сверхъестественной силой.

Суд даже не предпринял попытки разоблачить всю эту мистику и в то же время вопросы, подлежащие выяснению, оставил без должного внимания. Осталось неустановленным, каковы же действительные мотивы убийства, и не выяснены достоверные данные о личности потерпевшего.” (Верховный суд РСФСР обратил внимание областного суда на то, что ему следовало установить подлинные мотивы, побудившие к совершению убийства, а с другой стороны разоблачить неправильные убеждения, которые сложились у ряда граждан о личности потерпевшего С.)

Кровная месть

У некоторых азиатских народов СССР, особенно, пожалуй, у народов Северного Кавказа, издавна распространен обычай родовой мести. Обычай этот налагает на весь род обязанность за убийство своего сочлена мстить убийце и его роду.

Убийство из кровной мести квалифицируется в настоящее время как убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах (наказание — вплоть до смертной казни). Можно полагать, что теперь, когда дел об убийствах по мотивам кровной мести стало, по-видимому, гораздо меньше, чем это было в 20-х и 30-х годах, суды более аккуратно подходят к исследованию вопроса о том, явилось ли убийство следствием кровной мести. Во всяком случае, Президиум Верховного суда РСФСР²⁵⁷ в постановлении по одному делу разъяснил, как можно понять, что для квалификации убийства как совершенного из кровной мести требуется *доказательство* этого*.

У меня создалось впечатление, что ранее, в пору проведения кампаний по борьбе с пережитками родового быта, суды в известной мере исходили из презумпции, что любое убийство среди местного населения совершено из кровной мести, во всяком случае, если между родами убитого и убийцы существовала вражда. Отрадно, если эта презумпция теперь оставлена.

* Моя оговорка "как можно понять" — существенна. В опубликованном извлечении из текста постановления сказано:

"... При отсутствии доказательств кровной мести и при наличии по делу данных о неприязненных отношениях и ссорах между Аушевым и Толдиевым следует признать, что убийство совершено на почве неприязненных отношений...."

Во многих текстах постановлений и определений Верховного суда допускается такая неоднозначность аргументации. Из данного постановления не вполне ясно, является ли решающим "от-

Можно видеть на примере истории многих народов, как обычай кровной мести отмирал, будучи заменяем постепенно обычаем выкупа, который семья убийцы уплачивает семье убитого. Власти СССР, однако, предпочли препятствовать такому *естественному отмиранию* обычая кровной мести: наряду с наказанием за убийство из кровной мести было введено уголовное наказание за принятие, а равно за уплату куна — выкупа за убийство, освобождающего убийцу от угрозы кровной мести. Вместе с тем были приняты меры для установления процедуры примирения враждующих родов.* Уклонение от примирения влечет уголовную ответственность с наказанием ссылкой или высылкой (причем, по мнению комментаторов¹⁴, такое уголовно наказуемое *уклонение* может быть выражено в отказе, без уважительных причин, явиться по предложению примирительной комиссии на ее публичное заседание).

.....

сутствие доказательств в кровной мести” или “наличие данных о неприязненных отношениях”. В данном случае обесценивается общий принцип о том, что *при отсутствии доказательств о том, кровная месть ли была мотивом убийства, суд не может квалифицировать убийство как убийство из кровной мести*, обесценивается тем, что в постановлении Президиума Верховного суда этот принцип упомянут вместе и с таким же логическим ударением, что и индивидуальный признак данного казуса о наличии неприязненных отношений. Во многих случаях использования такой техники составления судебных решений создается впечатление, что Верховный суд на будущее оставляет нижестоящим судам возможность вольного толкования того общего принципа, на основании которого Верховный суд, казалось бы, принимает решение.

* Процедура примирения регулируется постановлением ВЦИК и СНК “О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести”²⁵⁸.

Убийство по просьбе потерпевшего

Проблема ответственности за убийство по просьбе потерпевшего, а также за убийство из соображений милосердия достаточно сложна, и у меня создалось впечатление, что нигде пока не найдено удовлетворительного разрешения этой проблемы. Я не знаю, впрочем, насколько остра эта проблема в СССР; по редким публикациям в юридической литературе трудно судить о распространенности подобных казусов.

Об убийстве по просьбе потерпевшего советский юрист, впрочем, отметил, что такие случаи являются редчайшими³⁴⁷.

На этот вид убийства советский законодатель обратил внимание в самом первом советском Уголовном кодексе (1922 г.). В примечании к ст. 143 отмечалось, что "убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается".

Вскоре, однако, это примечание было исключено из текста кодекса: практика показала, что это примечание позволяет некоторым "уклоняться от ответственности за совершение общественно опасных действий"²⁶³. В юридической печати 20-х годов был описан случай, когда коммунист Захаров предъявил помощнику Саратовского губернского прокурора расписку своего товарища по коммунистической партии Большакова, в которой говорилось, что *не желая дольше жить* Большаков просит *пристрелить его*, причем эта расписка была засвидетельствована двумя лицами; Захаров выполнил эту просьбу и в свое оправдание сослался на упомянутое выше примечание к ст. 143 Уголовного кодекса 1922 г.

Теперь, по общему правилу, убийство из сострадания, например, по просьбе больного, расценивается как умышленное убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств (ст. 103 УК РСФСР).

Из практики Верховного суда РСФСР²⁶⁴ известен современный пример убийства по просьбе потерпевшего, причем, как сообщается, потерпевший страдал шизофренией (неясно, знал ли об этом убийца). Убийство было совершено в лесу двумя выстрелами из ружья. В определении Судебной коллегии Верховного суда отмечается, что потерпевший "до этого вынашивал мысль о самоубийстве, о чем свидетельствуют его записки, приобщенные к делу".

Убийство по просьбе потерпевшего совершается иногда также в случаях учинения совместного самоубийства по договору. Следующая история произошла в начале 60-х годов на территории Якутской АССР²⁶⁵:

Шофер Пузынин, женатый, познакомился с работницей Касьяновой, муж которой служил в Советской армии. В 1960 г. они стали сожителями, намереваясь впоследствии расторгнуть прежние брачные отношения и вступить в новый брак.

Узнав об их связи, родственники и сотрудники по работе пытались воздействовать на них с тем, чтобы они прекратили отношения между собой и вернулись в свои семьи. Касьянова и Пузынин, решив, что они не могут жить друг без друга, договорились покончить жизнь самоубийством, о чем Касьянова написала предсмертную записку.

В ночь на 10 января 61 года Пузынин привез Касьянову к себе на квартиру, где по договоренности с ней сначала выстрелом из ружья в голову убил ее, а затем попытался сам покончить жизнь самоубийством. По данным экспертизы, Пузынин причинил себе тяжкие телесные повреждения и нуждался в проведении серьезной операции.

Президиум Верховного суда РСФСР признал на основании материалов дела, что убийство Пузынин совершил с согласия потерпевшей и сам покушался на самоубийство; Президиум квалифицировал его действия как убийство без отягчающих обстоятельств.

Разумеется, в некоторых случаях один из участников такого договора о совместном самоубийстве может действовать недобросовестно. В деле К.²⁶⁶ суд констатировал такую недобросовестность и квалифицировал деяние как умышленное убийство из низменных побуждений. Вот что известно об этом деле:

К. в целях уклонения от уплаты алиментов подговорил беременную от него М. совместно с ним покончить жизнь самоубийством. Когда же М. повесилась, К. сам вешаться не стал, так как не имел такого намерения, и не принял мер к спасению потерпевшей. Верховный суд РСФСР признал, что действия К. "... свидетельствуют об учинении К. умышленного убийства с заранее обдуманном намерением убийства М. из низменных побуждений путем подговора ее к самоубийству и обещания повеситься вместе с ней с созданием соответствующей обстановки для приведения задуманного в исполнение, каковое деяние содержит все признаки преступления, предусмотренного ст. 136 УК" (имеется в виду УК РСФСР 1926 г.).*

Советская доктрина, судя по работам советских юристов, определенно признает, что "если доведение до самоубийства совершается с прямым умыслом, то это деяние образует состав умышленного убийства"²⁶⁶. Такая пози-

* В этой книге я стараюсь воздерживаться от критики решений советских судов. В этом случае, однако, я не могу удержаться от того, чтобы не отметить несоответствие такой квалификации букве закона. В данном деле, как оно описано здесь в соответствии с текстом источника, были основания для квалификации действий К. по статье о доведении до самоубийства, если бы суд признал, что М. находилась в материальной или иной зависимости от К.; я предполагаю при этом, что М. была совершеннолетней и вменяемой; в противном случае подговор к самоубийству наказуем независимо от характера зависимости или характера обращения; кроме того, содеянное можно было квалифицировать как оставление без помощи лица, находящегося в беспомощном состоянии, ибо именно таким является состояние человека, повисшего в петле (если, конечно, К. присутствовал при повешении М.).

(Рассуждение о квалификации в данном случае относится к тексту УК РСФСР 1926 г.).

ция согласуется с текстом закона лишь в том случае, если допустимо использовать принцип аналогии. Публикация цитированного автора относится, однако, ко времени, когда принцип аналогии уже был устранен из советского уголовного законодательства.

Изданный в 1971 году Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР¹⁴ содержит указание о том, что подговор к самоубийству малолетнего или душевнобольного лица следует квалифицировать как умышленное убийство, выполненное путем использования психических особенностей потерпевшего.

Убийство на дуэли

Известен только один случай, когда советский суд разбирал дело об убийстве на дуэли. Слушатель военной академии Тертов убил на дуэли своего товарища. Верховный суд РСФСР квалифицировал это убийство как совершенное из низменных побуждений, так как дуэль есть остаток феодально-дворянских традиций. Вот цитата из публикации об этом деле:

”Зная, что дуэль является пережитком феодального строя, практиковалась исключительно среди офицерства старой царской армии и помещичье-дворянской среды на защиту кастовой чести путем пролития крови, зная, что дуэль есть феодально-кастовое понятие, совершенно чуждое духу пролетарского общества и Красной армии, Тертов, будучи слушателем военной академии, т.е. готовясь в будущем быть одним из вождей рабоче-крестьянской Красной армии, принял участие в дуэли по вызову и на этой дуэли убил своего товарища Дьяконова. Тертов этим выявил чуждое и враждебное пролетарскому обществу и Красной армии феодально-кастовое понятие и дискредитировал свое звание красного воина и будущего вождя Красной армии”.²⁶⁰

Тертов был приговорен к полутора годам лишения свободы — мягкость наказания была объяснена тем, что ”настоящее дело является первым случаем о дуэли в практике советского суда”.

Судя по протоколу пленума Верховного суда²⁸⁵, в этом деле была замешана женщина; сообщается, что подсудимая Мочабели приговором военной коллегии Верховного суда признана лицом социально опасным и лишена права пребывания во всех столичных и губернских центрах республики сроком на 3 года.

Убийство за вознаграждение

Этот вид убийства является довольно редким в СССР. В одном из опубликованных случаев²⁶¹ Р. убила женщину за обещанное подстрекателями вознаграждение: вещи, которые оставались после убитой, и деньги в сумме 5000 рублей (это было в 1954 г., на нынешние деньги – 500 рублей).

В другом известном случае З. была осуждена за подстрекательство к убийству своего мужа: убийство совершил Х. за обещанное вознаграждение – 300 рублей*.

* Поясню для западного читателя, что 300 рублей составляют двухмесячную зарплату советского рабочего хорошей квалификации.

Проигрывание человека

У некоторых деятелей уголовного мира есть обыкновение использовать человеческую жизнь в качестве ставки в карточной игре, игре в кости, а по некоторым сведениям, в качестве ставки при заключении пари. На практике это бывает чаще в том случае, когда неудачный игрок исчерпал во время игры все доступные ему имущественные ставки, но тем не менее хочет продолжать игру; он может предложить или принять условие, что если он вновь проиграет, то убьет какое-либо определенное лицо или просто первого человека, который появится в том уединенном месте, где происходит игра, например, на кладбище. Если ставкой в игре является женщина, то может подразумеваться, что выигравший будет обладать ею прежде, чем она будет убита. Есть сведения, что также и в лагерях бывали случаи проигрывания человека в карты.

В азиатских областях СССР, в частности в Грузии, известны случаи, когда неудачник проигрывал в кости (*зари*) свою сестру или невесту и затем кончал жизнь самоубийством, не будучи в состоянии решиться выполнить обязательство по игорному долгу, — по-видимому, сообщения о таких случаях касаются юношей, недавно вовлеченных в игорную компанию и не успевших еще отрешиться от традиционных социальных привязанностей и переживаний.

Следующий случай, связанный с проигрыванием человека в карты, известен из практики Верховного суда РСФСР²⁵⁹:

Осужденные К. и Т. работали вместе в МТС и находились в "близких отношениях". "Во время одной из встреч К. сказал Т., что она проиграна в карты и в ближайшее время будет убита. Чтобы избежать этого, она должна взамен себя привести друго-

го человека. Под страхом этого сообщения Т. дала согласие на убийство какого-либо лица. К. посоветовал избрать в жертву кого-либо из только что прибывших в МТС комбайнеров. Здесь же они условились о времени и способе убийства.

Для осуществления преступного замысла Т. запаслась бритвой и вечером 25 июня 1955 г. пришла в колхозный клуб. Около 2 часов ночи она у клуба встретила с М., познакомилась с ним и предложила ему проводить ее. М. согласился и пошел с Т. по заранее избранному пути. За жилыми строениями их встретил находившийся там К., который завернул М. руки. После этого К. и Т. потащили М. в посевы пшеницы, где Т. стала бритвой наносить М. удары в лицо и шею, а К. в это время держал потерпевшего за руки. Когда М. упал, то К. наступил ему на грудь, а Т. продолжала наносить М. телесные повреждения бритвой, от чего он скончался”.

Детоубийство и убийство детей

Детоубийством называют обычно убийство новорожденного или оставление его без помощи. В большинстве случаев (по выборочным данным⁴⁶² – в 87% случаев) детоубийство совершается в отношении внебрачных детей либо с целью сокрытия факта рождения ребенка, либо с целью освободиться от заботы о ребенке. Вот несколько примеров.

Работница совхоза Р. от случайной связи стала беременной; муж в это время находился в длительной командировке на Севере. Своевременно сделать аборт не удалось. Стыдясь окружающих, боясь родственников мужа, Р. скрывала беременность до последнего момента. Роды произошли, когда Р. находилась вне дома в полевом складе кормов. Р. родила ребенка, тут же завернула его в тряпку и, убедившись, что он не дышит, зарыла его в землю. Осложнения после родов вызвали болезнь Р., и совершенное ею преступление было раскрыто²⁷⁴.

Одинокая женщина, в прошлом замужняя, В., будучи беременной, слишком поздно обратилась за помощью для производства аборта, и ей было отказано. После благополучных родов в родильном доме во время кормления ребенка она залила ему в рот уксусной кислоты, чем и отравила его, а затем пыталась свалить вину на обслуживающий персонал больницы, однако была изобличена²⁷⁴.

Верховным судом Коми АССР И. была осуждена к 8 годам лишения свободы за то, что она, родив на улице жизнеспособного доношенного мальчика, убила его, бросив в общественную уборную. Учитывая, что И. совершила преступление в болезненном состоянии, что отец ребенка с ней вместе

не жил, что своей комнаты она не имела, работала грузчиком, в преступлении раскаялась, Верховный суд РСФСР снизил ей меру наказания до 3 лет лишения свободы¹⁴⁶.

Жительница Таганрога Г. забеременела от случайной связи. В апреле 1961 г. у Г. на восьмом месяце беременности начались преждевременные роды. Родился живой, недоношенный, жизнеспособный ребенок. Присутствующая при его рождении мать роженицы утопила ребенка в помойном ведре. Суд признал ее виновной в умышленном убийстве²⁷⁵.

Все эти случаи — традиционны и характерны, конечно, не только для России и не только для нынешнего времени. История социальных мер, влиявших на статистику детоубийств в России, — весьма поучительна²⁷⁶. В царствование Петра I был впервые учрежден приют для *зазорных младенцев*. Указом Петра I в 1712 г. было предписано устроить по губерниям госпитали для приема подкидышей с тем, чтобы роженицы "вящаго греха не делали, сиречь убивства". Указ 1715 г. предписывал обеспечить тем, кто подкидывает детей, возможность тайно класть их в окно госпиталя, "дабы лиц приносивших было не видно". В позднейшие царствования, особенно при Екатерине II, государство продолжало проявлять заботу о призрении подкидышей. При Николае I, однако, в 1828 г. последовало запрещение на открытие воспитательных домов для подкидышей "во избежание порчи народной нравственности". Русский юрист Белявский²⁷⁶, рассказу которого я следую здесь, отмечал, что результатом этой меры было распространение "страшного ремесла женщин, промышляющих детоубийством". Запрещение это было отменено в 1898 г. После потрясений 1917 г. и гражданской войны подкидывание младенцев, а равно и детоубийство было весьма распространено. В советских документах⁶⁷ отмечалось, что "неликвидированные кадры беспризорных матерей-одиночек и подкидывание" затрудняют "плановую работу" культур-

но-бытового обслуживания работниц и крестьянок.

В 20-х гг. неоказание помощи новорожденному квалифицировалось по статье об оставлении без помощи и влекло сравнительно несерьезное наказание²⁷⁹. Впоследствии, впрочем, наметилась тенденция, ныне торжествующая, квалифицировать это деяние как убийство (умышленное или неосторожное в зависимости от обстоятельств дела)²⁷⁹. Подкидывание детей даже на территорию детдомов квалифицировалось как оставление в опасности²⁸⁰.

Ныне государство принимает на себя заботу о подкинутых детях и о детях, от которых отказались родители. Женщина, родив ребенка, может в принципе отказаться взять его из родильного дома, однако в этом случае, судя по известным казусам, ее начинают весьма бесцеремонно уговаривать и стыдить; редко, но все же случается, что такой "недостойный советской женщины" поступок становится предметом обсуждения в прессе. Поучительность рассказанной выше истории призрания *засорных детей* в России в том и состоит, что современный законодатель и деятели юридической практики могли бы с пользой для социального блага использовать опыт учреждений, созданный при Петре I, когда женщина, желающая избавиться от ребенка, могла бы положить его в окно приюта так, что при этом никто не видел бы лица ее, не преследовал бы за подкидывание, не стыдил бы. Такая мера несомненно немедленно сказалась бы благоприятно на статистике детоубийства и статистике рискованных поздних аборт, проводимых во внебольничных условиях.

Убийство детей не новорожденных, по-видимому, менее распространенное преступление, чем детоубийство. Осужденными по этим делам, насколько мне известно, часто бывают мужчины. Напротив, детоубийство — в основном, женское преступление. Мотивы убийства детей разнообразны. Вот несколько примеров.

П., будучи в нетрезвом состоянии, поссорился с женой. Желая отомстить жене, он вынул за нож-

ки из колыбели своего 5-месячного ребенка и с силой трижды ударил его головой о камень, от чего ребенок мгновенно скончался (Ростовская область, 1961 г.)²⁸¹.

Ивановский областной суд осудил И. за умышленное убийство сына. И., не желая жить с семьей, в 1959 г., чтобы уклониться от уплаты алиментов, дал своему 10-месячному сыну чай с каустической содой, в результате чего мальчик умер через год от поздних осложнений химического ожога пищевода. Судебно-медицинская экспертиза дала заключение о том, что раствором каустической соды высокой концентрации ребенку были причинены безусловно смертельные телесные повреждения. Уличенный в преступлении И. сознался, что намеревался умертвить сына²⁸².

Ц. увел в уединенное место 3-летнюю девочку, раздел ее и, взяв за ножки, ударил головой о кирпичную стену, не причинив девочке предварительно никакого вреда. Ц. действовал из сексуальных побуждений. Голова ребенка была раздроблена, и смерть наступила мгновенно²⁸³.

Специальным случаем убийства детей является убийство уроды из суеверных побуждений или из сострадания. Ст. 1469 дореволюционного Уложения о наказаниях²⁸⁴ специально предусматривала наказание того,

”кто в случае, когда какою-либо женщиною будет рожден младенец чудовищного вида или даже не имеющий человеческого образа, вместо того, чтобы донести о сем надлежащему начальству, лишит сего уроды жизни, тот за сие, по невежеству или суеверию, посягательство на жизнь существа, рожденного от человека, следовательно, имеющего душу, приговаривается к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения....”

Советский закон не знает такого состава преступления, и ответственность за убийство уроды наступает, как можно полагать, по общим статьям об убийстве. Если убийство уроды будет совершено из сострадания, то сомнительно, чтобы советский суд непременно признал такой мотив смягчающим обстоятельством.

Посягательство на жизнь человеческого плода

До 1936 г. в СССР не было запрещено производство абортов; наказуемым признавалось лишь производство абортов в нелечебных учреждениях или лицами, не имеющими специального медицинского образования; было наказуемо также понуждение женщины к производству аборта.

В 1936 г. производство абортов, за исключением случаев, когда к тому есть специальные медицинские показания, было запрещено; женщин, которые прибегали к прерыванию беременности, начали привлекать к уголовной ответственности. В прессе довольно активно обсуждалось запрещение абортов, причем декрет об этом содержал также узаконение мер по помощи многодетным матерям, и запрещение аборта рассматривалось советскими авторами просто как естественное следствие повышения "уровня материального благосостояния" трудящихся женщин: "В этих условиях нет нужды в свободном допущении абортов", — писал один советский автор²⁷¹. Другой автор так описал настроение публики в связи с обсуждением законопроекта о запрещении абортов:

"С огромным энтузиазмом, с большим воодушевлением, с глубокой благодарностью партии и правительству, с безграничной любовью к великому Сталину проникнуто обсуждение законопроекта, которое буквально захватило всех трудящихся нашей страны"²⁷¹ (орфография подлинника).

С запрещением абортов в области превенции преступности появилась новая проблема: следить за тем, чтобы беременные женщины были окружены подобающей заботой. Советский автор писал:

"С того момента, когда женщина забеременела, ей общественные организации в лице профсоюза, советская власть в лице госздрава и органов охра-

ны труда должны уделить максимум внимания, заботы и даже уважения”²⁷².

Разумеется, запрещение производить аборт законным способом немедленно повлекло увеличение числа подпольных абортариев, где операции производились часто в антисанитарной обстановке, являясь причиной тяжелых осложнений у пациенток; осложнения эти часто побуждали женщин обращаться к врачам, а врачи, обязанные, как, впрочем, и в некоторых других странах, исполнять полицейские функции, давали знать властям о том, что эта женщина перенесла аборт. Показания женщины, привлеченной за аборт к уголовной ответственности, позволяли выявлять подпольный абортарий, причем есть сведения, что бывали случаи, когда женщине угрожали отказом в лечении, если она не укажет, кто делал ей аборт.* Все это, конечно, хотя и влекло усиление репрессий, но не особенно мешало процветать подпольным абортариям. Впрочем, естественно, что очень многие женщины, которые желали бы сделать аборт, не шли на столь большой риск.

В 1954 г. была отменена уголовная ответственность женщин, допустивших прерывание беременности; теперь беременная женщина может по своему желанию подвергнуться операции аборта в государственной больнице за небольшую плату. Советские юристы отмечали, что отмена запрещения аборта привела к резкому сокращению числа внебольничных абортотворений, к сокращению смертности от абортотворений и к сокращению числа детоубийств.

Осталась, однако, одна немаловажная причина того, что женщины часто предпочитают не подвергаться опера-

* Есть сведения, что ныне подобный метод применяется для выявления уклоняющихся от лечения венерических больных. Больному, который впервые обратился к врачу по поводу заболевания венерической болезнью, угрожают, что его не будут лечить, если он не назовет имена тех, с кем он состоял в связи, чтобы выявить таким образом источник заражения.

ции аборта в государственной больнице, предпочитая подпольный абортарий: по существующему медицинскому обычаю, как правило, женщина после операции аборта должна некоторое время находиться в больнице, поэтому она должна предъявить служебному начальству документ об оправдании своего отсутствия на работе; документ о пребывании в больнице ей выдается, однако этот документ — *листок нетрудоспособности* — содержит графу для указания диагноза. Поскольку во многих случаях женщина предпочитает не рекламировать факты своей интимной жизни, то такое пренебрежение к принципу врачебной тайны часто побуждает женщин прибегать к внебольничному аборту. По данным²⁷³, в Курской области в 1961 г. около четверти всех обследованных женщин, прибегших к внебольничному аборту, сообщили, что делали это, желая скрыть от окружающих факт беременности.

В юридической литературе обсуждался вопрос о том, как совместить принцип врачебной тайны с обычаем указывать в листке о нетрудоспособности причину госпитализации; в одной статье, помнится, было предложено попросту писать в листке нетрудоспособности диагноз "бытовая травма".* Беременность лишь в редких случаях может быть признана следствием бытовой травмы, поэтому естественно считать, что это предложение равносильно предложению писать в официальном документе ложное сведение — социальная польза этой лжи была бы, впрочем, сомнительна, ибо "бытовая травма" — не столь частый диагноз, и для читателей листка нетрудоспособности было бы очевидно и при таком диагнозе, что женщина подверглась аборту. Насколько я помню, не было предложений вообще исключить из листка нетрудоспособности графу о диагнозе болезни.

* Диагноз "бытовая травма" выбран в данном случае для замены указания на аборт потому, что и бытовая травма, и операция аборта не влекут, в определенных пределах, оплаты по социальному страхованию.

Самоубийство

Советский юрист пишет²⁶⁷:

Самоубийство с точки зрения коммунистической морали является глубоко отрицательным фактом, совершенно недопустимым для человека нашего общества проявлением малодушия. Однако советское законодательство никогда не относило его к уголовно наказуемым действиям.

Законодательство действительно не рассматривает самоубийство как уголовно наказуемое действие; что касается практики в сталинское время, то есть сведения, что заключенные, чье покушение на самоубийство оказалось неудачным, наказывались: их попытка квалифицировалась как покушение на совершение саботажа.

В настоящее время лица, которые неудачно покушаются на совершение самоубийства, как правило, подвергаются насильственной госпитализации в психиатрическую больницу; в зависимости от того впечатления, которое они производят на врачей, срок их пребывания в больнице может быть не очень большим.* В ратифицированном в Советском Союзе Пакте о гражданских и политических правах³⁴⁸ содержится норма о признании права человека на жизнь; разумно считать, что при этом признается право человека распоряжаться собственной жизнью и что таким образом признается право человека на самоубийство — не думаю, впрочем, что такое толкование нормы о праве на жизнь приемлемо для всех юристов, тем более советских.

Уголовно наказуемым является

* Такая госпитализация проводится административно органами здравоохранения без решения суда, без санкции прокурора, на основании Инструкции³⁴⁹.

”доведение лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства...”*

Судя по данным юридической практики, случаи доведения до самоубийства происходят большей частью вследствие семейных и, по-видимому, реже, служебных конфликтов.

Есть сведения, что понятие ”иной зависимости” толкуется судами, в зависимости от обстоятельств дела, достаточно широко. Так, например, после самоубийства двух членов секты пятидесятников-трясунов Московский областной суд осудил руководителей и проповедников секты по статье о доведении до самоубийства; в сообщении об этом²⁶⁹ говорится, что осужденные,

”являясь руководителями и проповедниками” запрещенной религиозной секты пятидесятников-трясунов, систематически проводили сборища и моления сектантов, сопровождавшиеся выполнением изуверских обрядов, доводивших людей до иступления. Они систематически внушали участникам секты, что ради жизни вечной надо идти на любые жертвы. Этими изуверствами и внушениями они довели до психического расстройства и самоубийства работницу Н. и мать трех детей К., которая прежде, чем покончить с собой, дважды пыталась убить

* В тексте этой статьи (ст. 107 УК РСФСР) речь идет о зависимости от *виновного*; напомним советский вариант презумпции невиновности (ст. 13 УПК РСФСР): ”Никто не может быть признан *виновным* в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда”. Это один из многих примеров своеобразия советской законодательной техники. Аккуратно составленный приговор по цитированной статье 107 УК должен иметь следующую логическую схему: имя-рек признан *виновным* в том, что он, будучи *виновным*, таким-то путем довел до самоубийства лицо, находящееся от него в такой-то зависимости. (Быть может, в статье 107 УК под *виновным* разумеется любое другое лицо, ранее признанное виновным в чем-либо?)

и свою малолетнюю дочь.”²⁶⁹

Статистические данные о самоубийствах в СССР не публикуются ныне*, поэтому трудно судить, среди каких слоев населения и возрастных групп более распространено самоубийство. Что касается, в частности, подростков, то советский автор²⁷⁰ пишет, что самоубийство подростков в СССР — явление чрезвычайно редкое, ”что вполне понятно, так как для таких конфликтов нет никаких социальных оснований”, однако, отмечает он, отдельные случаи самоубийств несовершеннолетних еще имеют место.

* О самоубийстве в СССР в 20-х годах см. статьи Гернета.⁴⁶³

Превышение предела необходимой обороны

Вопрос о пределах необходимой обороны от противоправного посягательства на обороняющегося или иных лиц — тема достаточно сложная и заслуживает подробного исследования, тем более что среди советских юристов существуют различные мнения по отдельным аспектам этой проблемы. Здесь, однако, я кратко скажу лишь об одной части этой проблемы: о том, в какой мере представления российской публики о пределе необходимой обороны соответствуют позиции юридической практики.

Исследователи русских народных обычаев прошлого века отмечали, что народные представления о необходимой обороне в некоторой мере отличаются от того, как понимает этот институт законодатель и юридическая практика. В частности, указывалось, что иногда народ оправдывает превышение предела необходимой обороны, даже "убийство нападающего после окончания преступления или после минования опасности."²⁸⁶ Я упомянул о данных исследователей XIX в., однако, по-видимому, отмеченные особенности народного представления о пределе необходимой обороны значимы и теперь. В частности, случаи осуществления *несвоевременной* обороны, по данным советского юриста, составили более четверти осужденных за превышение предела необходимой обороны в 1961-67 гг., что, я полагаю, указывает на некоторые смещения понятий о праве на оборону и о праве на самочинное возмездие.

По-видимому, в некоторых случаях современное народное правосознание более, чем прежде, радикально в признании правомерности превышения предела необходимой обороны. Русский писатель Солженицын, высказывания которого во многих случаях адекватно отражают средний уровень правосознания российской публи-

ки, назвал статью о пределе необходимой обороны — *нелепейшей*²⁸⁷*

Судя по многим данным, народные представления не оправдывают совершения убийства при охране имущества. Такого же взгляда придерживается и советская юридическая практика: известны случаи осуждения за убийство или нанесение тяжких телесных повреждений в ситуации, когда владелец сада, охраняя свое владение, применял огнестрельное оружие. Неочевидно, что советская юридическая практика всегда применяет тот же принцип, если дело касается охраны социалистического имущества.

Среди советских юристов были доктринальные разногласия в отношении активной обороны в ситуации, когда обороняющийся мог спастись бегством; советская юридическая практика ныне, в основном, склоняется к тому, что возможность бегства не исключает права на оборону (я уже писал об этом в ¹⁰⁰).

* Солженицын приводит пример:

”Красноармейца Александра Захарова у клуба стал бить хулиган. Захаров вынул складной перочинный нож и убил хулигана. Получил за это — 10 лет как за чистое убийство!”

В этом отрывке весьма показательно упоминание о том, что убийца был *красноармеец*. Народному правосознанию весьма свойственен дискриминационный подход, и репутация участников конфликта иногда оказывается более важной для народного правового суждения, чем обстоятельства казуса. Впрочем, даже не репутация как таковая, а сравнительное суждение о репутации участников конфликта, например, в данном случае *красноармеец* противопоставляется *хулигану*, и само это противопоставление играет решающую роль в оценке казуса: действительно, невозможно представить себе, чтобы при том же уровне правосознания человек написал с той же степенью возмущения приговором: ”Красноармеец начал бить хулигана, хулиган вытащил нож и убил красноармейца...”.

Кстати, за *чистое убийство* по кодексу 1926 г. 10 лет не давали, лишь за убийство при отягчающих обстоятельствах, в том числе, как это специально было предусмотрено кодексом, за убийство, совершенное военнослужащим (вплоть до расстрела). Это естественно, хотя и дискусионно, что бесчинства военнослужащих наказываются строже.

Был даже случай, когда пленум Верховного Суда СССР признал, что Верховный суд РСФСР неправомерно отменил оправдательный приговор по делу Д., который был предан суду за то, что вырвавшись от пьяных хулиганов и спасаясь от их преследования, поднял с дороги камень, бросил его и попал в одного из нападающих, причинив ему серьезное ранение. Верховный суд РСФСР отменил оправдательный приговор на том основании, что у Д. не было необходимости бросать камень, так как он успел бы забежать в общежитие, где ему могли придти на помощь другие лица²⁸⁸.

По-видимому, теперь является господствующим мнение, почитающее правомерность предпочтения обороны бегству.

ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Изнасилование

Формы этого преступления в большой степени традиционны и вряд ли можно указать черты его, особенно специфические для России. Впрочем, судить об этом не легко, ибо ни советская пресса, ни юридические публикации не утомляют читателей обилием развращающей информации о практике этого достаточно распространенного преступления.*

Специфика изнасилования в России все же заметна, во всяком случае по сравнению с аналогичными преступлениями в странах, где население привыкло в общем к большей сексуальной свободе. Важно отметить при этом, что сексуальная несвобода личности в России обусловлена существующими в обществе традициями, в том числе привычкой окружающих вмешиваться в личную жизнь человека, но никак не обусловлена характером законодательных ограничений: напротив, по сравнению с некоторыми западными странами, где, несмотря на существование реликтовых антисексуальных норм закона, сексуальная свобода получила гораздо большее развитие, чем в России, советские законы содержат мало ограничений свободы сексуальной жизни, во всяком случае, ни внебрачные сексуальные отношения, ни супружеские измены не стали предметом внимания советского законодателя; сравнительная несложность процедуры развода и возможность легального производства аборта также, казалось бы, суть факторы, могущие содействовать теперь развитию сексуальной свободы в обществе. Однако

* По данным Герцензона²¹⁶, удельный вес осужденных за изнасилование в общем числе осужденных в 1966 г. составлял 1,7%.

традиции сексуальной несвободы весьма сильны, особенно в провинции, и многое в укладе советской жизни содействует тому, чтобы эти традиции были живучи. Я имею в виду прежде всего привычку коллектива вмешиваться в частную жизнь человека, привычку, столь поощряемую советскими идеологами. Так, например, внебрачные сексуальные отношения часто становятся поводом для любопытства и осуждения со стороны членов коллектива и бывает, что внебрачная беременность становится предметом обсуждений на общественных собраниях, причем профсоюзные, комсомольские и партийные организации считают своим долгом наблюдать за "моральным уровнем" своих членов, и именно эти организации обычно бывают инициаторами того, что на многолюдном собрании в весьма бесцеремонной форме обсуждается личная жизнь человека, часто к немалому удовольствию присутствующих (средний обыватель часто норовит уклониться от явки на очередное собрание, но если в объявленной заранее повестке дня собрания есть слова "персональное дело", то публика идет на собрание с большей охотой).*

Все эти факторы сами по себе не столь значимы для мужчин, но они создают существенные трудности женщинам в осуществлении ими сексуальной свободы, причем

* Уже не раз отмечалось, что мнения, которые высказывают люди в СССР в частных беседах, весьма отличаются от того, что они говорят на собраниях; часто я слышал от советских жителей возмущение по поводу того, что на собраниях обсуждаются вопросы, которые приличнее было бы не обсуждать публично. Сочинение и распространение анекдотов, высмеивающих манеру коллектива вмешиваться в личные дела, также свидетельствует о том, что публика способна не одобрять такое вмешательство. В одном из анекдотов довольно язвительно рассказывается о том замешательстве, в котором пребывали организаторы общественного обсуждения, когда комсомолка на вопрос, кто является виновником ее внебрачной беременности, указала сразу на троих коллег. Однако распространенность среди публики мнения о недопустимости такого коллективного вмешательства в личную жизнь вовсе не мешает проводить такие собрания, причем часто личные конфликты обсуждаются на собраниях по инициативе одной из сторон.

бесцеремонность общественного мнения — не единственный фактор, ограничивающий эту свободу женщины. Важным фактором является и то, что в Советском Союзе, за исключением разве что столичных городов, практически совсем нет эстетически приемлемых противозачаточных средств.

Я рассказываю все это не для того, чтобы пытаться объяснить упомянутыми факторами сравнительную распространенность случаев изнасилования в России — такое объяснение было бы, конечно, наивным. Однако перечисленные трудности в осуществлении сексуальной свободы, по-видимому, влияют на статистику мотивов изнасилований: можно предполагать, что именно сексуальный голод, а не оригинальность сексуальных вкусов обуславливает во многих случаях совершение этого преступления. Конечно, бывает и так, что мужчина стремится совершить насильственный акт, потому что по каким-либо своим свойствам он предпочитает удовлетворять свою сексуальную потребность именно насильственным путем, однако я думаю, что удельный вес таких случаев в статистике изнасилований в России не высок в сравнении с изнасилованием вследствие сексуального голода (это последнее, впрочем, может также сопровождаться садистическими проявлениями).

Ситуации, в которых женщины подвергаются опасности изнасилования, довольно традиционны. Из многих описанных в литературе казусов видно, что кримогенными являются в этом смысле ситуации, когда девочка или женщина в отсутствие надежного защитника участвует в веселье пьяной компании: по данным²⁹¹, 55% потерпевших перед изнасилованием были в нетрезвом состоянии, причем 30% потерпевших распивали спиртные напитки вместе с будущими насильниками. Необязательно при этом, чтобы злоумышленники намеренно содействовали опьянению своей жертвы. По данным⁴⁹, свыше 50% изнасилований было совершено "под влиянием алкоголя" в условиях, когда предшествующее времяпрепровождение

не свидетельствовало о намерениях совершить преступление.

Многие данные говорят за то, что часто поведение потерпевших бывает провокационным, а это приводит к тому, что будущий насильник, принимая желаемое за действительное, доводит себя до такой степени возбуждения, при которой в дальнейшем, видя сопротивление жертвы, уже не может удержать себя под контролем. Суды до известной степени учитывают дурное поведение потерпевших и их плохую репутацию как смягчающее обстоятельство при назначении наказания насильнику.

В одном описанном случае (дело Пермякова)²⁰¹ при установлении личности потерпевшей А. выяснилось, что она и до этого случая недостойно вела себя, пьянствовала, часто встречалась с незнакомыми мужчинами, легко вступала с ними в интимные отношения, о чем узнал Пермяков от ее подруги и что дало ему повод вести себя с гр-кой А. подобным образом. Встретив же со стороны гр-ки А. сопротивление, Пермяков применил силу, пригрозил, что, если она будет сопротивляться, он изобьет ее так, что "будет помнить всю жизнь", и несколько раз ударил." Суд учел чистосердечное раскаяние Пермякова, а также поведение потерпевшей и приговорил его к лишению свободы на 5 лет.*

* Возможно, с русской моральной традицией связан тот факт, что суды при назначении наказания за изнасилование обращают внимание на то, что потерпевшая ранее вступала в связи с разными мужчинами. В России, как и во многих азиатских странах, девственность почитают не только особой сексуальной ценностью, но и моральной ценностью. По мнению советского автора Минской⁴⁶⁴, "... девственность в определенной мере свидетельствует о моральной чистоте девушки."

По-видимому, с точки зрения народных представлений изнасиловать девственницу — грех больший, нежели нарушить отвлеченное право женщины на половую неприкосновенность. Если о незамужней женщине окружающим известно, что она не девственница, то по сравнению с девственницами общественная мораль в меньшей степени защищает ее от назойливых приставаний. Нельзя, конечно, утверждать, что всегда народная мораль оправ-

Иногда опьянение потерпевшей бывает столь сильным, что она находится в бесчувственном состоянии, причем такому опьянению могут намеренно содействовать злоумышленники.

Так, например, во время проводов Семененко, который был призван на службу в Советскую Армию, у него в гостях находилось несколько жителей села. Один из них, Кривуненко, имея намерение вступить в половую связь с В., намеренно спил ее, а затем увел на улицу и изнасиловал, после чего вновь привел в дом Семененко. Потерпевшую уложили в кровать, стоявшую во дворе дома. Насильник предложил своим товарищам отнести потерпевшую вместе с кроватью в сад и там изнасиловать ее. Этот план был осуществлен, причем один из соучастников преступления стоял невдалеке и отгонял подростков, пытавшихся приблизиться к месту происшествия³⁵¹.

Довольно часты случаи, когда девушка, случайно познакомившись с мужчиной на улице или в компании мало знакомых людей, соглашается, чтобы он проводил ее или даже соглашается посетить его. Недавно в прессе был описан случай, когда девушка случайно познакомилась с компанией молодых людей, пришла на квартиру одного из них и подверглась групповому изнасилованию; проща-

дывает бесцеремонность в отношении к женщинам плохой репутации, однако во многих случаях это так.

Вот иллюстрация к сказанному: показание одного из обвиняемых по делу об изнасиловании в 20-х годах³⁰¹.

"Я воротился с К. в баню, где была потерпевшая Н. и шел разговор о ее честности (т.е. девственности — В.Ч.). И меня в этот раз (курсив мой — В.Ч.) послали за лампой, чтобы навести следствие у Н.; когда я принес лампу, зажгли огонь и стали наводить следствие у Н. Честности не признали, и С. отдал Н. нам, говоря: "На-те, валите ее!" (далее, согласно источнику, свидетель рассказал о том, что все семеро присутствующих поочередно, некоторые и по два раза, имели половое сношение с Н., утверждая вместе с тем, что это делалось с ее согласия).

ясь, они велели ей молчать о случившемся и заставили написать расписку о том, что она, будучи завербована иностранной разведкой, получила во исполнение задания этой разведки деньги; насильники пригрозили девушке, что если она будет жаловаться по поводу изнасилования, то они пошлют эту ее расписку в КГБ. Девушка, я думаю, конечно, перепугалась, однако она все же не утратила веру в справедливость советского судопроизводства и обратилась к властям.

Надо заметить, что, как и в других странах, далеко не все случаи изнасилования становятся известны властям просто потому, что потерпевшая часто предпочитает не заявлять о случившемся. Тому бывает много причин: и стыд, и забота о своей репутации, и нежелание, как говорят, "таскаться по судам", а во многих случаях, по-видимому, и опасение мести со стороны насильника или его друзей. Очень часто родители потерпевшей, заметив "неладное", сами заявляют о случившемся в милицию; при этом, однако, для возбуждения дела требуется устное или письменное заявление самой совершеннолетней потерпевшей, если речь идет об изнасиловании без отягчающих обстоятельств. В некоторых случаях, однако, нескромность самого насильника может побуждать потерпевшую к тому, чтобы обратиться к властям: дело в том, что насильник может хвастаться перед своими товарищами, рассказывая о том, что он безнаказанно силой овладел потерпевшей, — такое хвастовство для потерпевшей чревато опасностью посягательств в будущем.

Бывает и так, что потерпевшая делает заявление о совершенном насилии, а потом, самочинно или после уговоров заинтересованных лиц, начинает жалеть арестованного насильника и заявляет на суде о том, что она вовсе не хотела на него жаловаться, что она готова выйти за него замуж; только в исключительных случаях с учетом конкретных обстоятельств дела такие заявления потерпевшей могут спасти насильника от наказания, но и в этом счастливым случае потерпевшая, в принципе, может быть подвергнута ответственности за заведомо ложный донос, ес-

ли только не окажется, что она заявила об изнасиловании под давлением.

Процедура возбуждения дел по обвинению в изнасиловании по жалобе потерпевшей иногда оказывается опасным оружием в руках злонамеренных женщин: известно много случаев, когда женщины таким образом пытались обвинить своего сожителя или постороннего человека в изнасиловании; неизвестно, конечно, как часто следствие и суды были способны понять, что заявительница лжет, тем более что весьма часто и добровольным сексуальным отношениям сопутствуют элементы насилия, оставляющие достаточно убедительные для экспертов следы. Впрочем, не всегда такие жалобщицы заботятся о правдоподобности своего заявления. Например, в одном случае женщина утверждала, что была изнасилована в курятнике, а когда расследование установило, что на ее одежде не осталось следов куриного помета, она призналась, что хотела отомстить своему сожителю за то, что он не женится на ней²⁹³.

Бывает и так, что жалобщица добросовестно полагает, что ее пытались изнасиловать, но ошибается в этом.

В Чите был осужден Днепровский³⁵² за покушение на изнасилование: якобы он сбил на улице женщину и пытался ее изнасиловать. Сам он объяснил свои действия тем, что был пьян, шатался и сбил ее с ног случайно, а она стала кричать, что ее насилуют. Верховный суд РСФСР отметил противоречия в показаниях потерпевшей и прекратил дело за отсутствием состава преступления.

В другом случае Ленинградский облсуд осудил за покушение на изнасилование человека, который так объяснил свое поведение: он пригласил к себе в комнату соседку с целью занять у нее денег на водку, и когда они вошли в комнату, он, не успев произнести ни слова, стал закрывать дверь, а соседка внезапно бросилась к окну, разбила его и стала кричать. Он испугался, что на ее крики прибегут соседи и о нем сложится нехорошее мнение, схватил сосед-

ку за руки, стал отталкивать от окна, уговаривая не кричать, и зажимал ей рот рукой; при этом они оба упали на пол. Осужденный заявил, что у него не было намерения изнасиловать соседку, никаких действий, направленных к этому, он не совершал. Жена осужденного подтвердила, что в тот вечер он действительно просил у нее денег на водку, но она ему в этом отказала. Коллегия Верховного суда РСФСР возвратила дело на дополнительное расследование²⁹⁴.

В случае, если изнасилование совершено с отягчающими обстоятельствами, дело возбуждается независимо от заявления потерпевшей, например, в случаях группового изнасилования или причинения потерпевшей тяжких телесных повреждений.*

Судя по имеющимся сведениям, отягчающие обстоятельства сопровождают известные случаи изнасилования весьма часто: например, в 1966 г. в 85% случаев суд усмотрел наличие отягчающих обстоятельств.²¹⁶ Это значит, что большинство дел об изнасиловании возбуждается независимо от заявления потерпевших. По данным Герцензона, примерно одна треть изнасилований совершается группой (большой частью состоящей из 2-3 человек). Интересно отметить, что под групповым изнасило-

* Изнасилование без отягчающих обстоятельств наказуемо лишением свободы от 3 до 7 лет; изнасилование, совершенное повторно или сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения, — на срок от 5 до 10 лет; изнасилование, совершенное группой, или особо опасным рецидивистом, или повлекшее особо тяжкие последствия, а также изнасилование несовершеннолетней — наказуется смертной казнью или лишением свободы на срок от 8 до 15 лет (со ссылкой или без ссылки).

ванием советская юридическая практика понимает не только случаи, когда одна женщина подвергается изнасилованию двумя или более лицами, но и те случаи, когда каждый из виновных совершает изнасилование лишь одной потерпевшей, если при этом были применены совместные насильственные действия виновных²⁹⁵. Напротив, изнасилование одной потерпевшей двумя лицами может быть не признано групповым изнасилованием, если насильники не оказывали друг другу содействия. Следующее дело дает пример такой ситуации.²⁹⁶

В 1973 г. в Ленинградской области были осуждены за групповое изнасилование Терешков и Козюков: Терешков провожал пьяную несовершеннолетнюю М., завел ее в лес и, воспользовавшись ее беспомощным состоянием, изнасиловал. Его действия из-за кустов наблюдал незнакомый Терешкову Козюков; он подошел и спросил у Терешкова разрешения изнасиловать потерпевшую, тот согласился, и Козюков совершил с М. половой акт. Верховный суд РСФСР не признал факта группового изнасилования в этом деле.

По-видимому, достаточно высок процент случаев, когда изнасилование сопровождается убийством потерпевшей с целью сокрытия преступления. Вот три случая, когда за изнасилование с убийством последовал приговор к смертной казни.

К., пытаясь совершить изнасилование, встретил сопротивление со стороны потерпевшей и убил ее путем нанесения множества ударов топором по голове, а затем также ударами топором по голове убил прибежавшую на шум 84-летнюю мать потерпевшей²⁹⁷.

Некто изнасиловал 10-летнюю девочку и с целью сокрытия преступления задушил ее, а труп бросил в колодезь²⁹⁷.

С., встретив потерпевшую в лесу и угрожая ей ножом, изнасиловал ее, отобрал деньги, полученные ею

от государства как пособие многодетной матери, а затем с целью сокрытия преступления покушался на совершение убийства: связал ей руки, завязал глаза, в рот воткнул палку с тряпкой, распорол живот, нанес удар ножом в грудь, после чего, полагая, что потерпевшая убита, скрылся. Она, однако, придя в сознание, выползла на дорогу и была спасена¹⁴⁶.

Изнасилование сопровождается убийством не только в случаях, когда насильник преследует цель сокрытия преступления: он может причинить смерть, подавляя сопротивление потерпевшей. Так, некто, встретив сопротивление потерпевшей, задушил ее во время изнасилования, а затем, вследствие сильного опьянения, заснул (в этом положении он и был обнаружен милицией)¹⁴⁶.

Разумеется, и подавление сопротивления жертвы, и убийство ее в целях сокрытия преступления часто сопровождается удовлетворением садистических устремлений насильника; однако случаи изощренного садизма, по-видимому, редки. Вот несколько таких редких примеров.

В Ленинграде Г., совершая насилие, из садистических побуждений нанес потерпевшей 35 переломов костей и свыше 100 ссадин и кровоподтеков¹⁴⁶.

В Алтайском крае Б. при попытке изнасилования встретил сопротивление потерпевшей, разорвал ей брюшину, вырвал почти весь тонкий кишечник, после чего оставил истекавшую кровью потерпевшую на снегу; через несколько часов она умерла²⁹⁸.

Трунев, находясь в нетрезвом состоянии, встретил на улице незнакомую ему Ф. и, намереваясь совершить изнасилование, ударил ее по голове, а когда она пыталась убежать, вторично ударил по голове, сбил с ног, схватил за волосы, оттащил в кустарник и там, преодолевая ее сопротивление, кусал ее за различные части тела, откусил нос и изнасиловал.²⁹²

Несовершеннолетие потерпевшей является серьезнымотягчающим обстоятельством, и в этом случае наказание

за изнасилование предусмотрено вплоть до смертной казни. По данным Герцензона²¹⁶, более одной трети всех осужденных за изнасилование были осуждены именно за изнасилование несовершеннолетней. Бывает при этом и так, что насильник не знает о несовершеннолетии своей жертвы, однако не во всех случаях такое неведение является хорошим доводом защиты.

По-видимому, не часты случаи, когда жертвами изнасилования становятся совсем маленькие девочки. Трудно указать нижний предел возраста потерпевших по таким делам; известен даже случай, когда девочка в возрасте 1 год и 3 месяца была изнасилована своим отцом^{304*}.

Вот еще примеры:

В Херсонской области М. после выпивки в доме своего знакомого взял на руки его 3-летнюю дочь, вынес ее в огород и изнасиловал, нанеся ей телесные повреждения²⁹⁹; в другом случае насильник напал на 7-летнюю девочку, встретив ее на тропинке, оттащил ее в кусты, сдавил ей руками шею, однако во время изнасилования, заметив ее бессознательное состояние, испугался, что она умерла, и убежал³⁰⁰.

Замечу также, что трудно указать верхний предел возраста потерпевших: известны случаи изнасилования женщин весьма преклонных лет .

Возможно, до сих пор некоторые случаи изнасилования несовершеннолетних могут быть связаны с народными суевериями: распространены были поверия, что совокупление с девственницей плодотворно для излечения от венерической болезни, а также полезно старикам для поднятия сил.

Отмечу в заключение оригинальную черту прежней советской юридической практики по делам об изнасиловании: в 1928 г. Верховный суд РСФСР признал, что "лицо,

* По данным Герцензона, 16% потерпевших от изнасилования являлись родственниками насильников — дочерьми, племянницами, падчерицами²¹⁶.

вступившее в зарегистрированный брак с целью использования женщины в половом отношении и с намерением расторжения после этого брака”, подлежит ответственности как за изнасилование³⁰². В современной практике я не встречал подобных казусов.

Такое расширение понятия изнасилования было, по-видимому, следствием привычки советских юристов к использованию принципа аналогии. Впрочем, не все юристы одобряли такую смелость юридической практики: в украинском ”Вестнике советской юстиции”³⁰³ была помещена статья ”Изнасилование путем вступления в брак”, автор которой усомнился в том, что регистрация брака с целью использования женщины в половом отношении может рассматриваться как тот вид обмана, который граничит с физическим насилием.

Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости

По закону РСФСР наказуемо лишением свободы до 3-х лет половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, а те же действия, сопряженные с "удовлетворением половой страсти в извращенных формах", влекут лишение свободы на срок до 6 лет.

По данным Герцензона²¹⁶, удельный вес осужденных за это преступление в общем числе осужденных в 1966 г. составил 0,2%. Опубликованных данных по конкретным делам такого рода — весьма мало.

Не ясно, с какого возраста наступает ответственность за совершение этого преступления. Комментатор¹⁴ по этому поводу указывает следующее:

"Субъектом рассматриваемого преступления может быть, как правило, лицо, достигшее совершеннолетия. Половое сношение между несовершеннолетними может влечь за собой уголовную ответственность начиная с 16 лет лишь в отдельных случаях (при значительной разнице в возрасте виновного и потерпевшего, тяжелых последствий и т.д.)"

Тот же комментатор поясняет, что ответственность за это преступление усиливается, "если половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости, совершается в извращенных формах, либо если естественный половой акт с таким лицом сопровождается извращениями биологического (садизм, мозахизм) или социального характера (например, групповое половое сношение)".

Цитированный комментарий и знакомство с юридической литературой убеждают в том, что проблемы, связанные с охраной половой неприкосновенности лиц, не достигших половой зрелости, недостаточно разработаны в советской доктрине и практике. Конечно, причиной это-

го можно считать и сравнительную редкость таких дел, и скромность цензоров, однако, быть может, немаловажной причиной слабой изученности этой проблемы является намеренное стремление оставить открытой возможность расширенного толкования норм закона, касающихся этих посягательств.

Развратные действия в отношении несовершеннолетних

Сказанное в предыдущем параграфе о неизученности проблемы можно было бы повторить и здесь с той лишь разницей, что понятие развратных действий можно толковать еще более широко. Распространенность дел этого рода невелика: лишь 0,3% из общего числа осужденных в 1966 г. были осуждены за развратные действия в отношении несовершеннолетних²¹⁶.

Комментатор¹⁴ поясняет, что развратные действия

”могут выразиться в *непристойных* прикосновениях, жестах и *разговорах*, в ознакомлении несовершеннолетнего с порнографической литературой, изображениями и предметами, в открытом совершении при нем половых актов, обучении половым извращениям и т. п.” (курсив мой – В.Ч.).

Более подробно комментируют понятие развратных действий авторы³⁰⁵:

”Могут быть выделены 4 основных вида развратных действий: 1) совершение виновным сексуальных действий по отношению к несовершеннолетнему (например, удовлетворение или возбуждение половой страсти *per os, inter femora* и пр.); 2) склонение или принуждение несовершеннолетнего к совершению каких-либо сексуальных действий в отношении виновного (например, мастурбации); 3) совершение сексуальных действий в присутствии несовершеннолетнего (экспозиционирование, онанирование, совершение полового акта и пр.); 4) склонение или принуждение несовершеннолетних к совершению сексуальных действий между собой (последнее есть не что иное, как сексуальное развращение несовершеннолетних с помощью интеллектуальных действий)”.

Как видим, в этом перечислении отсутствуют указа-

ния на *непристойные разговоры*, порнографическую литературу, изображения и предметы, что очень важно для ограничения широты толкования столь неопределенной нормы закона. Существенно, что авторы³⁰⁵ отмечают:

”Для того, чтобы быть отнесенными к ”развратным”, соответствующие действия должны: а) носить объективно сексуальный характер и б) обладать способностью оказывать развращающее влияние на лиц, которым они адресованы”.

Если бы судебная практика руководствовалась указанными условиями отнесения действий к ”развратным”, то, конечно, в конкретных случаях могла бы возникнуть дискуссия, какие действия *объективно являются сексуальными*; все же для советского суда было бы, надеюсь, очевидно, что, например, разговор на несексуальную тему, но сопровождаемый ”нецензурной бранью” не является *объективно сексуальным* действием, т. е. эти условия ограничивали бы суд в возможности слишком широко толковать понятие развратных действий, во всяком случае ограничивали бы по сравнению с тем, что рекомендует ранее цитированный комментатор¹⁴, ибо советский суд несомненно признает *непристойным* разговор о любой теме, если он изобилует нецензурной бранью.

Понуждение женщины к половой связи

Закон предусматривает наказуемость понуждения женщины к вступлению в половую связь и к удовлетворению половой страсти в иной форме, лишь если это совершается лицом, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой (наказание — лишение свободы до 3 лет). По данным Герцензона²¹⁶, удельный вес осужденных за это преступление в общем числе осужденных в 1966 г. составляет всего лишь 0,006%. Согласно комментатору¹⁴, понуждение должно быть связано с использованием виновным материальной или служебной зависимости от него потерпевшей (например, придирки по службе, лишение премиальных и иных причитающихся доплат, угроза уволить или перевести на нижеоплачиваемую работу, угроза выселить из общежития, выгнать из дома). Опубликованные сообщения о таких делах — весьма редки. В одном таком сообщении содержится важное разъяснение Верховного суда РСФСР о ненаказуемости действий начальника, который просто предлагает подчиненной ему по службе женщине вступить с ним в половую связь³⁰⁶.

Мужеложство

Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) наказуемо в России лишением свободы сроком до 5 лет, а в случае, если оно совершается в отношении несовершеннолетнего, либо с использованием зависимого положения потерпевшего, либо с применением физического насилия и угроз, — лишением свободы на срок до 8 лет.

После революции вплоть до 1933 г. добровольное мужеложство в России не считалось преступлением*.

Не вполне понятно, почему в 1933 г. было введено наказание за добровольное мужеложство между взрослыми. В те годы этой мере придавали политическую окраску. В 1936 г. в своем докладе Крыленко так обосновал введение наказания за мужеложство³⁵⁴:

”Пускай в каждом конкретном случае врач решает, кто перед судом — больной или нет, но если перед судом человек, в отношении которого у нас нет никаких оснований полагать, что он болен, а он все же пускается на такие вещи, мы говорим: ”В нашей среде, господин хороший, тебе не место. В нашей среде, среде трудящихся, которые стоят на точке зрения нормальных отношений между полами, которые строят свое общество на здоровых принципах, нам господчиков этого рода не надо.” Кто же главным образом является нашей клиентурой по таким делам? Трудящиеся? Нет! Деклассированная шпана. (Веселое оживление в зале, смех.) Деклассированная шпана либо из отбросов общества, либо из остатков эксплуататорских классов. (Аплодисменты)

* Добровольное мужеложство и до 1933 г. было наказуемо в Азербайджанской, Грузинской, Туркменской и Узбекской ССР.

Им уже некуда податься. (Смех) Вот они и занимаются педерастией. (Смех)

Вместе с ними, рядом с ними под этим предлогом в тайных поганых притончиках и притонах часто происходит и другая работа — контрреволюционная работа.*

Вот почему этих дезорганизаторов наших новых общественных отношений, которые мы хотим создать среди людей, среди мужчин и женщин, среди трудящихся, этих господ мы отдаем под суд и устанавливаем для них наказание до 5 лет лишения свободы...”

Современные юристы, авторы ленинградского курса уголовного права,³⁰⁵ справедливо отметили, что

”в советской юридической литературе ни разу не предпринималось попытки подвести прочную научную базу под уголовную ответственность за добровольное мужеложство, а единственный довод, который обычно приводится (моральная развращенность субъекта и нарушение им правил социалистической нравственности), нельзя признать состоятельным, так как отрицательные свойства личности не могут служить основанием для уголовной ответственности, а аморальность деяния недостаточна для объявления его преступным”.

Эти авторы считают, что ”существуют серьезные сомнения в целесообразности сохранения уголовной ответственности за неквалифицированное мужеложство”, и отмечают при этом, что в некоторых странах, в том числе и в некоторых социалистических странах, развитие законодательства свидетельствует о постепенном отказе от наказуемости добровольного мужеложства.

Данные о практике преследований за мужеложство

* Советские власти, по-видимому, всерьез считали педерастию политическим преступлением — дела этого рода расследовались органами госбезопасности. Я не знаю, так ли это теперь, — так сообщали мне бывшие политзаключенные, при этом проф. А. Вольпин высказал мнение, что, возможно, госбезопасность интересовалась этими делами, надеясь с большей легкостью вербовать стукачей среди гомосексуалистов.

практически не публикуются. Число подобных дел не так уж мало: осужденные за мужеложство составляли 0,1% среди всех осужденных в 1966 г.²¹⁶.

Общность склонностей и необходимость скрывать от окружающих эти склонности обуславливает создание тайных неоформленных сообществ мужчин-гомосексуалистов со своей внутренней этикой, со своим условным языком. Эти черты субкультуры педерастов не выражены столь ярко, как, скажем, у воровского мира, и практически не изучены (во всяком случае, об этом нет публикаций).

Генезис гомосексуальных наклонностей мало изучен, и я не буду здесь обсуждать этот вопрос; однако социально важным является тот несомненный факт, что у многих гомосексуальные наклонности сложились во время их пребывания в местах заключения в результате насильственных действий со стороны других заключенных.

Пенитенциарная практика многих стран показывает, что тюремные власти при существующей системе организации мест заключения не в состоянии оградить всех заключенных от опасности такого насильственного гомосексуального совращения. Коль скоро человек, насильственно совращенный в местах заключения, считает, что этим ему был причинен ущерб, он вправе, по моему мнению, домогаться от властей возмещения этого ущерба, ибо именно власти поставили его в такие условия, в которых он сам был не в состоянии противодействовать насильственным посягательствам. Я уже писал об общности подобных проблем пенитенциарной практики СССР и США³⁵⁵. Существенная разница, однако, в том, что в США нормы закона о преследовании за гомосексуализм практически не применяются, а в СССР лица, подвергшиеся насильственному гомосексуальному совращению в местах заключения, подлежат впоследствии, если не смогут избавиться от гомосексуальных наклонностей, преследованиям тех же властей, по вине которых такое совращение произошло.

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО

Об этом посягательстве, несомненно, следовало писать в очерке о русской уголовной традиции; я думаю, читатель понимает, что взяточничество это не только русская традиция, но и общечеловеческая традиция, хотя несомненно, что в разных государствах распространенность этого посягательства неодинакова и неодинаковы также способы, к которым прибегают заинтересованные лица с целью склонить должностное лицо к совершению удобного им служебного действия.

Есть много сведений о том, что взяточничество было достаточно сильно распространено в дореволюционной России*. Пришедшие к власти рабочие, крестьянские и солдатские депутаты вскоре обнаружили, что увлечение взяточничеством охватило и их новый государственный аппарат. Тогда, конечно, было удобно думать, что основными виновниками распространения взяточничества являются "капиталистические элементы", проникшие в советский государственный аппарат. Впрочем, как отмечает советский юрист⁴⁰,

"наряду с взяточничеством капиталистических элементов на путь взяточничества встала также и малосознательная часть трудящихся. Однако взяточничество представителей трудящихся классов носило принципиально иной характер, являясь следствием совершенно иных причин. Они совершали это преступление в силу своей несознательности, в силу наличия в своем сознании частнокапиталисти-

* Советский юрист А. Эстрин в очерке о взяточничестве отмечал, что "в Московской Руси выработался даже особый термин "кормление": не жалованье, а сама должность должна была кормить чиновника; и чиновник действительно извлекал из своей службы или, вернее, из всех, обращающихся к нему по службе, все, что мог."³¹⁹

ческих пережитков и неизжитых еще старых взглядов на государственный аппарат и его работников.”

Первый же декрет ”О взяточничестве”³¹⁸, изданный новой властью, учитывал, что природа этого преступления зависит от того, совершает ли его трудящийся или ”капиталистический элемент”:

”Если лицо, виновное в даче или принятии взятки, принадлежит к имущему классу и пользуется взяткой для сохранения или приобретения привилегий, связанных с правом собственности, то оно приговаривается к наиболее тяжелым, неприятным принудительным работам, и все его имущество подлежит конфискации”.

Вообще же декрет предусматривал наказание за взяточничество лишением свободы на срок не менее пяти лет, соединенным с принудительными работами на тот же срок (как видно из предыдущей цитаты, для трудящихся были предусмотрены не наиболее тяжелые и неприятные принудительные работы). Декрет указывал лишь минимальный предел наказания, и судебная практика тех лет знает осуждения за взяточничество к лишению свободы на срок 10 лет, а также и к расстрелу*. В последовавшем вскоре Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. расстрел был прямо предусмотрен как наказание за взяточничество при отягчающих обстоятельствах..

По-видимому, взяточничество в первые годы советской власти было распространено необычайно широко; об этом есть много свидетельств. В 1922 г. Ф. Дзержинский, бывший тогда народным комиссаром путей сообщения, отмечал: ”Всем нам хорошо известно, каких разме-

* Наказание смертной казнью за взяточничество не новинка в истории. По сообщению Геродота, персидский царь Камбиз казнил за взяточничество одного судью и велел покрыть судейское кресло кожей казненного. Смертная казнь за принятие судьей взятки была установлена также в законах XII таблиц в Риме. Сказанное, впрочем, касается лишь судей, а не любых других должностных лиц. По сообщению А. Эстрина³¹⁹, Петр I также применял смертную казнь в борьбе со взяточничеством.

ров достигло взяточничество во многих областях хозяйственной жизни республики...” Жестокие меры наказания, проведение кампаний по борьбе со взяточничеством, периодические чистки государственного аппарата — все это, по-видимому, несколько снизило распространенность взяточничества. Впрочем, и в конце 30-х годов после многих чисток и массовых репрессий, когда, казалось бы, в государственном аппарате уже не осталось “капиталистических элементов” и когда в СССР, как было объявлено, *победил социализм*, борьба со взяточничеством не утратила своей актуальности. Советский юрист⁴⁰ так объясняет тот факт, что, несмотря на построение социализма, не исчезло взяточничество:

”Построение социализма в нашей стране не означало еще, что сознание всех советских граждан стало социалистическим.

Известно, что сознание людей несколько отстает от их фактического положения. И поэтому у отдельных советских граждан, живущих уже в условиях социалистического общества, продолжали еще сохраняться в сознании пережитки старого строя, пережитки частнокапиталистической идеологии”.

И поныне советские идеологи признают, что такие пережитки “у отдельных советских граждан” пока сохраняются, иначе трудно было бы объяснить, почему до сих пор достаточно распространены унаследованные от капиталистического прошлого преступления.

В современном уголовном законодательстве РСФСР получение взятки должностным лицом наказуемо лишением свободы на срок от 3 до 10 лет с конфискацией имущества, а при отягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок от 8 до 15 лет с конфискацией имущества и со ссылкой или без таковой, при этом отягчающими обстоятельствами почитаются: ответственное положение взяточника, получение взятки неоднократно, прежняя судимость за взяточничество или вымогательство взятки. При особо отягчающих обстоятельствах получение взятки

наказуемо смертной казнью с конфискацией имущества, при этом закон не указывает, что является особо отягчающим обстоятельством.

Посредничество во взяточничестве (без определения в законе, в чем оно может заключаться) наказуемо лишением свободы на срок от 2 до 8 лет, а при отягчающих обстоятельствах на срок от 7 до 15 лет с конфискацией имущества и со ссылкой или без таковой.

Лицо, давшее взятку, также подлежит уголовному преследованию и наказанию лишением свободы на срок от 3 до 8 лет, а в случае, если это лицо ранее судилось за взяточничество или давало взятки неоднократно, — предусмотрено наказание на срок от 7 до 15 лет с конфискацией имущества или без таковой и со ссылкой или без ссылки.* При этом лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении него имело место вымогательство взятки или если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся.

Даже на фоне жестокости советской карательной полиции преследования за взяточничество производят впечатление необычайно суровых. Не вполне понятно при этом, какой цели достигает такая жестокость законодателя: уменьшения распространенности взяточничества в государстве или уменьшения количества судебных дел по взяточничеству. Достаточно очевидно, что чрезмерно жесткие санкции закона не только повышают бдительность потенциальных преступников, но и во многих случаях останавливают потенциальных жалобщиков: не каждый захочет, чтобы его жалоба стала причиной жестокой расправы, вплоть до смертной казни, над человеком, который, подобно многим другим, за какую-то мзду по-

* Отмечу специально, что в современном Уголовном кодексе максимальное наказание за дачу взятки все-таки меньше, чем за получение взятки; в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. получение взятки (при отсутствии отягчающих обстоятельств) было наказуемо лишением свободы на срок до 2 лет, а дача взятки — лишением свободы на срок до 5 лет.

могает заинтересованным лицам устроить свои дела. Даже если гуманность не препятствует жалобщику заявить властям о том, что он дал чиновнику взятку, все же ему невыгодно это делать: хотя он и освобождается в этом случае от ответственности за дачу взятки, но он теряет то благо, которого он добивался и ради которого давал взятку*, и я не думаю, что эта оговорка об освобождении от ответственности способствует тому, чтобы лица, давшие взятку, чаще заявляли об этом властям. Известно, однако, что этой оговоркой пользуются следователи, когда им недостает свидетельских показаний, чтобы уличить чиновника, подозреваемого во взяточничестве: следователь обещает тем лицам, которые, как он полагает, давали взятку, что если они признаются в даче взятки и дадут соответствующие показания, то к ним будет применена упомянутая оговорка закона об освобождении добровольных заявителей от ответственности, — эта методика используется достаточно широко, тем более что обычно следователь бывает в большом затруднении, занимаясь делами о взяточничестве, так как бдительность взяточников достаточно велика и обычно трудно сыскать свидетелей, подтверждающих обвинение, за исключением тех лиц, которые сами давали взятку.**

* Казалось бы, добровольные заявители должны получать назад деньги или иные ценности, данные в качестве взятки, — во всяком случае, об этом было постановление Президиума Верховного суда РСФСР³²². Комментатор¹⁴, впрочем, придерживается иного мнения.

** Для изобличения чиновника в получении взяток часто практикуется провокация: провокатор (кто-нибудь из активных общественников) дает чиновнику деньги в качестве взятки, причем номера ассигнаций заранее зафиксированы, — после этого достаточно обнаружить на обыске у чиновника эти ассигнации, и он изобличен. Впрочем, такой метод, как правило, используется для получения оперативной информации и для психологического давления: изобличение приводит к тому, что взяточник, пытаясь смягчить свою будущую участь, признается в совершенных преступлениях, называет имена тех, у которых он ранее брал взятки, а уже они дают показания, пригодные для использования в суде (показания же провокаторов в суде обычно использовать стесняются).

Дореволюционное русское право знало разделение взяточничества на *мздоимство* и *лихоимство*. Мздоимство заключалось в принятии лицом, состоящим на государственной или общественной службе, подарков в связи с исполнением действий, касающихся до обязанностей его по службе, если совершение этого действия не составляло нарушения его служебных обязанностей; наказание за мздоимство было незначительно, всего лишь денежное взыскание. Принятие подарка за совершение действия, противного служебным обязанностям, называли лихоимством — за него было предусмотрено достаточно серьезное наказание³²⁰.

Советский законодатель ни в квалификации деяния, ни в определении наказания не учитывает такого разделения по тому, получен ли подарок за действия правомерные или неправомерные. Равным образом дача взятки наказуема независимо от того, добивался ли субъект удовлетворения своих законных прав и интересов или он склонял должностное лицо к деянию противозаконному. Достаточно очевидно, что в первом случае государству не в чем винить человека, давшего взятку: если он поставлен в условия, когда он не может добиться удовлетворения своих законных прав и интересов иначе, как посредством уплаты некоторой мзды, то это означает, что *государство виновато* перед этим человеком, так как поставило его в зависимость от недобросовестного чиновника.

В ином случае, если лицо, дающее взятку, склоняет чиновника к совершению действия противозаконного, то имеет место преступный сговор, направленный на совершение этого противозаконного действия, и ответственность лица, давшего взятку, должна, казалось бы, наступать в зависимости от того, к какому противозаконному действию он пытался склонить чиновника. Конечно, в стране, где не все правоотношения человека и государства регулируются опубликованными нормативными актами или законами, возможен и часто реализуется третий случай: дающий взятку может добросовестно полагать,

что он добивается удовлетворения своих законных прав и интересов, а берущий взятку может знать из неопубликованных служебных инструкций, что эти права и интересы хотя и законны, но не должны быть удовлетворяемы, согласно воле вышестоящего начальства. Вот пример тому: граждане СССР имеют гарантированную законом³²¹ свободу выбора места жительства, но на практике эта свобода осуществима лишь с разрешения местной милиции, выдающей разрешение на жительство в данном населенном пункте посредством оформления *прописки*, причем предписания о том, кому такую прописку выдавать, а кому не выдавать — не опубликованы вполне* ; поэтому гражданин, домогающийся прописки в том городе, где ему хочется проживать, добросовестно полагает, что добивается осуществления своего права, а деятель милиции может на основе служебной инструкции отказать ему в оформлении такой прописки, но поскольку инструкции формулируются часто достаточно неопределенно, то деятель милиции, даже не совершая серьезного служебного деликта, может обойти ограничения, указанные инструкцией, и оформить прописку домогающемуся гражданину — иногда он бывает побуждаем к этому получением взятки. Есть сведения, что случаи получения взяток за оформление прописки достаточно часты.

Поскольку обычно пропиской ведает милиция, то нельзя надеяться, что в юридической литературе подобные случаи будут часто обсуждаться: среди ограничений, налагаемых цензурой и самоконтролем юристов, весьма важным является стремление не содействовать усилению существующих нежелательных для властей "предрассудков" среди публики: трудности с пропиской испытывают многие, и разговоры о том, что прописки можно добиться за взятку, достаточно распространены, поэтому

* "О некоторых правилах прописки граждан" — именно под таким заглавием недавно опубликовано постановление Совета Министров СССР⁴⁶⁵.

для властей, конечно, нежелательно "подливать масло в огонь", публикуя хотя бы иногда сообщения, подтверждающие такие разговоры.

В главе о хулиганстве я уже обращал внимание на манеру советского законодателя часто избегать отчетливых формулировок при конкретизации признаков наказуемых деяний. Увы, эта манера появляется и тогда, когда деяние наказуемо вплоть до смертной казни. Советский законодатель попросту не определяет, что такое взятка; он озаботился лишь тем, чтобы понятие взятки толковалось как можно шире: в законе говорится о наказуемости получения "в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия, которое должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своего служебного положения..."

И суды толкуют понятие взятки достаточно широко. В принципе, любое благо по усмотрению суда может быть признано в соответствующем случае взяткой, хотя в последнее время, как можно судить, юридическая практика склоняется к тому, чтобы признавать взяткой лишь материальное благо или благо, подобное материальному. Формулировка нормы закона, однако, не ограничивает суды в том, чтобы и нематериальные блага признавать взяткой. В 20-х годах были случаи признания взяткой "женских ласк". В принятом в 1924 г. определении Верховный суд Украинской ССР указал:

"Цель взяткополучателя или вымогателя — удовлетворить свои потребности или покупкою чего-либо на полученные в виде взятки деньги, или непосредственно полученными продуктами, вещами и пр., или непосредственно удовлетворить свои половые потребности, получить в том или ином виде физическое удовольствие"³²³.

Вот как один советский юрист³²⁴ обосновывал социальную пользу расширения понятия взятки и на нематериальную выгоду, в данном случае на "женские ласки":

"...Признание в таком предоставлении женщиной

своего тела как элемента взяточничества должно иметь воспитательное значение как для женщины, так и для мужчины.

А если предоставление себя женщиной должностному лицу в целях склонения его к судебному преступлению мы согласимся считать дачей взятки, то воспользование предоставляемыми женскими ласками — взяткой. Этим самым неукладывающиеся до сих пор в рамки Уголовного кодекса антисоциальные по существу преступные явления получают свое выражение. Для начала, пока такое воззрение не станет общепринятым, можно такое взяточничество квалифицировать по аналогии...”

Верховный суд РСФСР не оценил, однако, социальной пользы такого расширения понятия взятки, указав в одном определении: ”Если женщина отдается должностному лицу, желая этим выиграть дело, находящееся в ведении этого лица, то в ее действиях нет состава преступления”³²⁵.

Похоже, что большинство советских юристов согласились не признавать выгоду явно неимущественного характера предметом взятки (в том числе, например, благоприятный отзыв в печати³²⁶). Не столь ясен, однако, вопрос о том, может ли рассматриваться как взятка материальный предмет, имеющий ценность лишь для получателя взятки, например, фотокарточка или личное письмо, — об этом высказывались разные мнения (см.⁴⁰).*

* Современный комментатор¹⁴ указывает:

”Взяткой может служить все, что имеет материальную ценность: деньги, вещи, продукты, строительные и иные материалы, ценные бумаги, домашние животные, права и услуги материального характера (например, передача права на садовый участок или предоставление его во временное пользование, пошив одежды, производство ремонта квартиры, предоставление места в санатории).

Предметы и услуги, не имеющие материальной ценности (например, фотография, рисунок, благоприятный отзыв в печати), не могут рассматриваться как взятка.

Не может рассматриваться как взятка вступление в половую связь...”

Что касается материальных ценностей, то, помимо такого общепризнанного предмета взятки, как деньги или иные материальные подарки, советская практика рассматривает как взятку в принципе любые общезначимые материальные блага. Еще в 1929 г. Пленум Верховного Суда СССР признал, что

”все случаи получения должностными лицами могогарыча, т.е. всякого рода угощения в каком бы то ни было виде, подлежат квалификации как получение взятки...”³²⁷.

Большое распространение получило в судебной практике признание взяточничеством различных форм совместительства, т.е. одновременной работы в двух учреждениях, если между этими учреждениями существует какое-либо деловое сотрудничество, а также различные формы премирования должностных лиц, причем по многим делам такого рода взяткодатели сами являлись должностными лицами и не извлекали никакой личной выгоды из тех действий, которых они домогались посредством ”легальных форм взятки”. Пленум Верховного Суда СССР отмечал в 1949 г.:

”Суды иногда смягчают наказание в отношении должностных лиц, дающих взятки в ложно понятых интересах служебной необходимости. Суды недооценивают при этом всей вредности и общественной опасности таких преступлений.”³²⁸

Нетрудно понять, зная советские способы хозяйствования, что под ложно понятыми интересами служебной необходимости Верховный Суд подразумевает весьма широкий круг интересов руководителей предприятий, обязанных заботиться о бесперебойном выполнении плана изготовления продукции, ведения торговли, обеспечения своевременным снабжением и т.п. В известной мере, впрочем, Верховный Суд правильно назвал эти интересы ложно понятыми интересами служебной необходимости, так как одновременно эти интересы руководителей предприятий были связаны с собственной безопасностью от уголовного преследования за бесхозяйственность или даже

вредительство — ведь это постановление было принято в 1949 г.

Вот пример осуждения за взятку агента отдела снабжения, который действовал из таких ”ложно понятых интересов...”:

В 1944 г. этот снабженец был осужден за то, что дал 2 литра масла железнодорожному диспетчеру за ускорение подачи под разгрузку двух цистерн с маслом, прибывших для его учреждения. Пленум Верховного Суда СССР подтвердил приговор по этому делу.⁴⁰

Относительно того, кто может являться субъектом получения взятки, т. е. кого следует рассматривать как должностное лицо, в советской литературе и практике нет единообразия мнений. В 20-х и 30-х годах субъектами должностных преступлений подчас считали рядовых государственных служащих, рабочих, колхозников. Даже ломовой извозчик был однажды признан должностным лицом .

Впоследствии, однако, должностными лицами все же предпочитали считать тех, кто по характеру занимаемой должности полномочен выполнять какие-либо административно-распорядительные функции. Однако ни перечня должностей, занятие которых делает человека должностным лицом, ни более или менее строгого определения понятия должностного лица нет ни в законе, ни даже в юридической литературе.

Уголовный кодекс РСФСР содержит весьма нечеткое определение понятия должностного лица применительно к главе о должностных преступлениях (ст. 170, примечание) :

указано, что под должностными лицами понимаются лица, ”постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или вы-

полняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию.”

Строго говоря, за дачу взятки по закону не должны быть осуждаемы частные лица: статья о наказуемости дачи взятки помещена законодателем в главе кодекса ”Должностные преступления”, причем у советских юристов обычно не вызывает сомнения, что субъектом должностного преступления может быть лишь должностное лицо, следовательно, по статье о даче взятки может быть осуждено лишь должностное лицо, притом лишь в тех случаях, когда взятка дается для достижения целей, связанных с исправляемой этим лицом должностью, в противном случае дача взятки не может рассматриваться как должностное преступление (например, не может рассматриваться как должностное преступление случай, когда частное лицо дает взятку начальнику вокзала, чтобы получить билет вне очереди, или когда должностное лицо дает подобную взятку для получения билета, используемого для поездки в личных целях). Эти очевидные соображения, основанные на том факте, что статья о наказуемости дачи взятки помещена в законе в главу о должностных преступлениях, к сожалению, не могут на практике явиться доводом защиты*.

Советские юристы, впрочем, считают, что ”по сущест-

* Следуя традиции, я здесь, как и в других местах, называю Уголовный кодекс законом, между тем Уголовный кодекс РСФСР не является законом в том смысле, в каком употребляет термин ”закон” Конституция РСФСР; именно этот кодекс не принят как закон РСФСР. Верховный Совет РСФСР в 1960 г. лишь принял закон РСФСР ”Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР”, но не назвал этот кодекс законом РСФСР. Эта особенность законодательной техники характерна и для Верховного Совета СССР и для верховных советов союзных республик при принятии (точнее, утверждении) многих актов, относительно которых потом, после утверждения их законом, считается, что сами эти акты являются законом. В частности, указы президиумов верховных советов по традиции считают имеющими силу законов после того, а то и до того, как эти указы были утверждены посредством принятия закона соответствующим верховным советом.

ву” дача взятки и посредничество во взяточничестве должностными преступлениями не являются³²⁹. Однако юристы полагают, что помещение статьи о даче взятки в главу о должностных преступлениях имеет причиной лишь стремление законодателя к удобству систематизации преступлений.

Распространенность взяточничества в России, по-видимому, весьма высока — повседневная жизнь в России дает много оснований для того, чтобы создалось такое впечатление.

Я приведу несколько примеров дел о получении взяток, следуя²⁰⁰.

Казаков и Гуренкова в Калининградской области, работая контролерами электросбыта, обнаруживая в домах граждан электроприборы, подключенные к сети не через электросчетчик, получали от граждан по 20 рублей вместо того, чтобы учинить производство о взыскании штрафа.

Журова в Ленинграде, работая инспектором в отделе учета и распределения жилплощади, получала от граждан взятки за оказание содействия в получении и обмене жилплощади.

Преподаватель автомотоклуба ДОСААФ в Ленинграде Левит взымал с каждого слушателя по 5 рублей взятки за то, что перед экзаменом заранее знакомил их с вопросами экзаменационных билетов, — всего он получил так 1125 рублей.

Директор мебельного магазина в Ленинграде Ранков получал взятки за продажу гражданам импортных мебельных гарнитуров вне очереди.

Директор мебельного магазина в Ленинграде Ранков получал взятки за продажу гражданам импортных мебельных гарнитуров вне очереди.

Эрблат, врач гинекологической больницы в Ленинграде, осуждена за получение взяток за производство аборт: вопреки установленному порядку, она принимала на операцию пациенток без направления женской консультации (как можно понять, причины того, что женщины старались попасть на операцию без направления женской консультации, такие же, как и те, что побуждают женщин подвергаться операции аборта во внебольничной обстановке, — я уже писал о том, что неуважение к врачебной тайне в СССР является кримогенным фактором).

Внештатные контролеры в Бурятии, обнаруживая нарушения торговли в магазинах, получали от продавцов взятки, угрожая разоблачением. Подобные казусы описаны и в отношении официальных контролеров и ревизоров.

Секретарь-машинистка техникума в Челябинской области использовала свои служебные возможности для содействия разным лицам в поступлении на учебу в техникум, получая за это вознаграждение. Суд с учетом характера выполняемой ею работы признал ее должностным лицом.

В Ленинграде смотритель кладбища Парамонов осужден за то, что при посредничестве могильщика Назарова получил взятку в 150 рублей за приискание более удобного места для захоронения жены взяткодателя.

Вот случай³³⁰, когда два должностных лица обменялись взятками: секретарь заочного отделения высшего учебного заведения Завгородняя при со-

действию заведующей коммунальным отделом райисполкома Тетера получила квартиру, а за это оформила на имя Тетера фиктивную зачетную книжку высшего учебного заведения (Завгородняя осуждена к 8 годам лишения свободы, а Тетера — к 3-м).

Довольно распространенными являются случаи взяточничества за содействие в поступлении в высшее учебное заведение. Очень часто такое взяточничество маскируется тем, что недобросовестный член приемной экзаменационной комиссии или преподаватель, имеющий возможность влиять на ход экзамена, за солидную плату дает абитуриенту частные уроки. Тяга молодежи к высшему образованию используется не только взяточниками, но и мошенниками. Известны случаи, когда мошенники выдают себя за лиц, имеющих возможность содействовать поступлению абитуриента в учебное заведение или могущих быть посредниками в передаче взятки экзаменаторам. Бывали случаи, когда, получив таким образом деньги от родителей абитуриента, мошенники и не пытались скрыться после того, как абитуриент проваливался на экзамене: достаточно было объяснить родителям, что в случае, если об этой незаконной сделке станет известно властям, то уголовная ответственность ждет и того, кто обманным путем получил деньги, и того, кто дал деньги, полагая, что он дает взятку, — этот последний действительно подлежит наказанию за покушение на дачу взятки. Бывают и более остроумные мошенники. Получая такие псевдовзятки с обещанием оказать содействие в поступлении в вуз, они гарантируют при этом возвращение полученных денег, если их обещанное содействие окажется неудачным: они действительно отдают неудачникам эти деньги, но поскольку некоторые из обманутых оказываются принятыми в вуз благодаря собственным академическим усилиям, то доход мошенника все же может быть достаточно велик.

Отмечу в заключение этого очерка, что распространенности взяточничества в России способствует то обстоя-

тельство, что многие жизненные блага недоступны среднему советскому человеку, даже если у него есть деньги, чтобы заплатить за обладание искомым благом. Эти малодоступные блага распределяются государством посредством различных систем привилегий. Естественно, что за приобщение к тем льготам, которые дает та или иная привилегия, люди часто готовы уплатить взятку лицу, от которого зависит дарование привилегии. Например, некоторые дефицитные товары и продукты можно купить лишь в специальных магазинах, так называемых закрытых распределителях; на некоторые кинофильмы нет свободной продажи билетов, они показываются лишь для привилегированной публики (в основном это касается зарубежных кинофильмов); для получения путевки в дом отдыха нужно удостоиться специального благоволения профсоюзного начальства, быть ударником труда или человеком особо нуждающимся. Иногда привилегия бывает чисто географической: товары, которые свободно можно купить в Москве, в провинцию часто привозятся в ограниченном количестве и иногда недоступны обычным покупателям, так как работники торговли иногда предпочитают задобрить местное начальство предложением дефицитных товаров. Во всех подобных случаях уплата взятки помогает обойти ограничения, установленные системой явных и неявных привилегий.

ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

В большинстве случаев вызывает грустную улыбку манера советских юристов и идеологов объяснять преступные проявления людей пережитками капитализма в их сознании. Это традиционное объяснение имеет, однако, некоторые основания, когда речь идет о проявлениях, преступных в основном лишь с советской точки зрения, — я имею в виду различные формы *частного предпринимательства* в хозяйственной области. Пользуясь терминологией советских авторов, можно действительно считать, что причиной совершения таких преступных действий являются *пережитки капитализма*; эти пережитки состоят всего лишь в том, что люди практически настаивают на своем праве заниматься тем, что естественно считать обычными человеческими проявлениями, не подчиняются тотальной регламентации в области трудовых и хозяйственных отношений, регламентации, которую нынешняя власть в России насаждает весьма активно, считая ее при этом необходимым качеством *социализма*. В этой связи разумно заметить, что *пережитки капитализма*, о которых любят говорить советские идеологи, это — не более чем *пережитки досоциалистического образа жизни*. В этом смысле то, что советские идеологи именуют *капитализмом*, представляет собой не какую-либо социальную систему, навязанную людям на основании какой-либо идеологической доктрины, а просто *естественную форму* трудовых и хозяйственных отношений, такую форму, при которой каждый человек имеет возможности для проявления своей трудовой и хозяйственной инициативы и эти возможности ограничены государством лишь в тех пределах, какие требуются соображениями защиты свободы других лиц.

Большевики сразу, как только пришли к власти, начали борьбу с частным предпринимательством посредст-

вом преследования *буржуазии*, отобрания в собственность государства всех более или менее крупных предприятий*, а также путем объявления государственной монополии на основные виды хозяйственной деятельности. В этой войне с *частным капиталом* в 1922 г. было объявлено перемирие: экономическая разруха вынудила новых властителей разрешить некоторые виды частной хозяйственной деятельности. Однако уже тогда большевики заявляли, что это лишь временное отступление, обусловленное тактическими соображениями. К концу 20-х годов, после того как хозяйство страны было частично восстановлено, во многом благодаря усилиям частных предпринимателей, советская власть вернулась к политике полной государственной монополии в области хозяйства.

Теперь, после нескольких десятилетий террора, власти в основном удалось установить тотальную регламентацию трудовой и хозяйственной жизни общества; тем не менее, *пережитки естественного образа жизни* оказываются достаточно сильными в сознании людей, и различные виды частнопредпринимательской деятельности необычайно широко распространены в Советском Союзе. В основном, это мелкое предпринимательство: занятие каким-либо промыслом, часто запрещенным, занятие спекуляцией. Иногда, впрочем, становится известно о случаях предпринимательства крупного масштаба, вплоть до организации нелегальных фабрик или организации "частного сектора" внутри государственных предприятий. Для того, чтобы оценить, насколько живучи упомянутые *пережитки естественного образа жизни* в сознании советских людей, важно, пожалуй, учитывать не только то, как много людей (а их много) занимаются различными формами част-

* Это отобрание предприятий тогда называли национализацией — я не пользуюсь здесь этим термином, т.к. употребление его может ввести читателя в заблуждение: в других государствах часто под национализацией понимают переход предприятия под контроль государства при том, что бывшим владельцам этого предприятия выплачивается компенсация.

ного предпринимательства, но и то, как много людей пользуются плодами этого частного предпринимательства, услугами этого "частного сектора". И на этот последний вопрос, я думаю, можно дать весьма утешительный ответ: *пережитки естественного образа жизни* действительно достаточно сильны в сознании советских людей, настолько, что, пожалуй, трудно найти в Советском Союзе человека, который ни разу в жизни не воспользовался бы услугой спекулянта или частного кустаря, занимающегося незаконным промыслом.

Здесь я расскажу лишь о некоторых уголовно наказуемых формах проявления частной хозяйственной инициативы людей, более подробно обращая внимание на те формы, которые государство могло бы и не считать преступными, не рискуя при этом тем, что государственной экономической монополии будет нанесен сколько-либо значительный ^{***}ущерб. Напротив, допущение этих форм проявления частной хозяйственной инициативы оказало бы, несомненно, благотворное влияние на удовлетворение "растущих культурных и материальных запросов трудящихся" и даже содействовало бы "росту благосостояния трудящихся". Я имею в виду, во всяком случае, такие безобидные формы проявления частной инициативы, как занятие промыслами, некоторые из которых ныне считаются запрещенными, занятие мелкой торговлей, которое ныне наказуемо как спекуляция, занятие коммерческим посредничеством и даже некоторые виды того, что ныне законодатель в Уголовном кодексе именуется "частнопредпринимательской деятельностью с использованием государственных, кооперативных или иных общественных форм". Я сказал об экономической допустимости разрешения таких форм проявления хозяйственной инициативы в социалистическом обществе; я не берусь судить, насколько такое разрешение допустимо с точки зрения идеологической. Известно, однако, что в странах Восточной Европы, которые также именуют себя социалистическими, частная хозяйственная инициатива допускается подчас в более широких пределах, чем

в Советском Союзе. Вероятно, это можно рассматривать, как свидетельство совместимости требований социалистической идеологии с разрешением людям проявлять свою хозяйственную инициативу; возможно, конечно, что это просто свидетельство идеологической отсталости восточно-европейских стран с точки зрения идеалов, к которым стремится коммунистическая доктрина.

В связи с этим интересно напомнить, что Рой Медведев, критикующий многие действия советских властей с чисто коммунистических позиций, писал:

”Марксизм...никогда не утверждал, что в социалистическом обществе не может быть никакой личной хозяйственной инициативы и должны запрещаться все небольшие частные предприятия и артели, в том числе и в сфере услуг.”⁴⁶⁶

Советский ученый А. Сахаров, критически изучавший многие проблемы советской жизни и, насколько я могу судить, исходивший в этом изучении из социалистических представлений, в марте 1971 г. в ”Памятной записке” Л. Брежневу отмечал в числе желательных мероприятий

”расширение возможностей и выгоды частной инициативы в сфере обслуживания, в медицинском обслуживании, мелкой торговле, образовании и т. п.”³⁶⁵ .

В официальной советской публицистике от времени до времени, в более умеренной форме, также высказывались пожелания о некотором расширении допущения личной хозяйственной инициативы граждан.

Запрещенные промыслы

Законодательство предусматривает, что занятие промыслом, относительно которого есть специальное запрещение, составляет уголовный деликт или уголовное преступление. Перечень запрещенных промыслов дан в правительственном акте 1949 г.³³⁶; впоследствии перечень несколько раз дополнялся и изменялся: так, например, в 1965 г.³⁶⁷ в провинции были разрешены некоторые виды промыслов, связанных, в первую очередь, с обслуживанием населения. Например, повсеместно, кроме Москвы и Ленинграда, были разрешены: изготовление и продажа прищепок для белья, заливка галош и другой резиновой обуви, изготовление по заказам головных уборов, ковров, ковриков из давальческого материала* и некоторые другие промыслы. В сельской местности и поселках был разрешен ремонт многих бытовых изделий (например, часов, авторучек, телевизоров), парикмахерский, маникюрный, кузнечный и некоторые другие промыслы. Особые льготы предусмотрены для инвалидов и лиц пенсионного возраста.

Конечно, и до 1965 г. многие промыслы, несмотря на обилие запрещений, были разрешенными, например, пилка и колка дров, мытье окон и полов, чистка обуви, изготовление галантерейных изделий из дерева, кости, камня, глины и соломы и многие другие промыслы.

Среди запрещенных промыслов: изготовление металлических кроватей, изготовление ковров или ковриков из материала кустаря, переработка шерстяной пряжи, многие портняжные промыслы, производство изделий из цветных металлов, из кожи и резины из материалов

* Давальческий материал — материал заказчика (от слова *давалец*, т.е. дающий заказ).

кустаря. Запрещено также производство пищевых продуктов, тетрадей, блокнотов, конвертов и пакетов, производство зеркал и свечей.

Специальное запрещение существует на полиграфические промыслы и производство множительных аппаратов, изготовление штемпелей, шрифтов, пишущих машин — впрочем, это запрещение относится уже не только к области охраны экономической монополии государства, а связано с мерами по контролю над распространением информации. Подобным же образом запрещение производства паранджи и чачваны* на территории Узбекской ССР³⁶⁶ также, надо полагать, объясняется не целями защиты государственно-экономической монополии.

Наказание за занятие запрещенным промыслом без отягчающих обстоятельств в настоящее время не столь жестоко: исправительные работы на срок до 1 года или штраф до 200 рублей.

При наличии отягчающих обстоятельств наказание достаточно серьезно: лишение свободы на срок до 4 лет с конфискацией имущества или без таковой (как правило, применяется во всяком случае специальная конфискация, т. е. отобраение орудий промысла и произведенных изделий, однако такое отобраение рассматривается юридической практикой не как частичная конфискация имущества, а как изъятие вещественных по делу доказательств). Отягчающими обстоятельствами по таким делам считаются: использование наемного труда, прежняя судимость за аналогичное деяние и занятие промыслом в значительных размерах. Согласно комментатору¹⁴,

”о значительных размерах может свидетельствовать большой размер производства, крупные суммы дохода, вовлечение в занятие промыслом многих

* *Паранджа* — верхняя женская одежда у мусульманских народов; *чачвана* (*чачван*) — волосяная сетка, которую используют женщины для закрывания глаз при появлении в общественном месте (служит дополнением к парандже). В современном быте в советских республиках Средней Азии употребляются все реже.

людей, длительный период занятия промыслом.”

Если ”длительный период занятия промыслом” свидетельствует о занятии промыслом *в значительных размерах*, то я не удивлюсь, если кто-либо будет осужден за занятие промыслом *в значительных размерах* только потому, что он изготовлял большие изделия.

Что касается другого указанного комментатором признака значительных размеров промысла, именно крупных сумм дохода, то для иллюстрации того, какой доход суд счел крупным, упомяну дело Григорьева и Соболева, осужденных, в частности, за занятие запрещенным промыслом в значительных размерах³⁶⁷. Они собирали кустарным способом телевизоры, которые продавали гражданам по 250-270 руб. Соболев в период 1964-67 гг. собрал 15 телевизоров; Григорьев в период 1965-67 гг. собрал 10 телевизоров. Каждый телевизор давал доход 50-60 руб. Из этих данных видно, что доход осужденных не превышал 200 руб. в год, т.е. промысел давал осужденным заработок менее 20 руб. в месяц. Если учесть, что наиболее низко квалифицированные технические работники в СССР получают 60 руб. в месяц, то видно, что заработок осужденных был весьма незначителен; однако суд признал их промысел совершенным в значительных размерах (в источнике не указано, что вывод о значительности размеров промысла был сделан на основе оценки доходов; это, однако, разумно предполагать, т.к. кроме дохода не указаны никакие другие признаки, которые можно было бы предположительно считать основанием для вывода о значительности размеров промысла).

Занятия промыслом часто связаны с необходимостью продавать выработанные изделия. Бывают случаи, когда суд в квалификации деяния обращает больше внимания на факт продажи, чем на факт занятия промыслом и осуждает такого частного предпринимателя по статье о спекуляции. Например, некто покупал поросят, откармливал их и потом продавал, разумеется, по более высокой цене, чем купил. Хотя он вкладывал в это свой труд и капитал (расходы на корм), он был осужден за спекуля-

цию⁶⁸.

Юридическая практика в СССР не считает промыслом случаи, когда скупленный товар подвергается некоторым, с точки зрения суда несущественным изменениям и затем продается, — такие действия квалифицируются как спекуляция. Согласно комментатору¹⁴, ”например, известны случаи, когда спекулянты скупали тюль, а затем разрезали его на занавески, которые продавали по повышенным ценам”. Хотя изготовление занавесок, несомненно, составляет *промысел*, причем советская юридическая практика знает случаи осуждения за этот промысел, как за занятие запрещенным промыслом⁶⁸, и хотя очевидно, что тюлевые занавески изготавливаются именно из тюля, в частности посредством разрезания этого тюля на необходимые для занавесок куски, комментатор, следуя, по-видимому, судебной практике, считает покупку тюля с последующей продажей тюлевых занавесок спекуляцией, а не промыслом; трудно сказать, чем объясняется в данном случае склонность такой необычной квалификации — возможно, впрочем, тем, что за спекуляцию предусмотрено наказание более жестокое, чем за занятие незаконным промыслом без отягчающих обстоятельств.

В советской Конституции специально отмечается, что ”наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда”. Кажется бы, эта статья Конституции, а также законодательная гарантия права выбора рода занятий³⁶⁸ обеспечивают гражданам СССР право в широких пределах осуществлять частную инициативу в области кустарных промыслов; предусмотренные же Уголовным кодексом наказания за занятие запрещенным промыслом разумно толковать лишь как правомерное ограничение гарантированных свобод в случаях, когда осуществление этих свобод наносит ущерб общественной безопасности или правам других

лиц. Весьма характерно, что перечень запрещенных промыслов дан не законодателем, а правительственной администрацией, и этот перечень, как было уже рассказано, весьма обширен и ограничивает свободу кустарного промысла отнюдь не только теми случаями, когда промысел может создать угрозу общественной безопасности (как, например, производство взрывчатых веществ) или правам других лиц.

С точки зрения общих правовых принципов разумно полагать, что коль скоро уголовное наказание может быть налагаемо лишь в соответствии с законом, то законодатель не вправе делегировать своих функций творца уголовно-правовых норм и не вправе предусматривать уголовное наказание за нарушение каких-либо правил или запретов, изданных не самим законодателем. Было бы разумно в области правотворчества придерживаться именно такой точки зрения, хотя я понимаю, что это может быть сопряжено с некоторыми практическими неудобствами. В советском уголовном праве такое делегирование законодательных функций не законодательному органу весьма распространено, и во многих случаях такая метода удобна также и с пропагандистской точки зрения. Например, в данном случае любой читатель Уголовного кодекса скорее всего под запрещенным промыслом будет разуметь промысел, относительно которого есть достаточно разумные основания для запрещения, например, промысел, связанный с угрозой безопасности населения. Отдельным же постановлением можно детализировать понятие запрещенного промысла, и вот оказывается, что клейка конвертов или покупка старой мебели с тем, чтоб отреставрировать ее и продать дороже, — являются запрещенными промыслами.

Советские юристы, обосновывая столь обширные ограничения свободы кустарных промыслов, высказывают соображения как экономического характера, так и идеологического. Проф. А.А. Пиотковский отмечал в 50-х годах, что объектом преступления в данном случае являют-

ся интересы социалистического хозяйства. И далее: "Закрытие запрещенным промыслом тормозит развитие соответствующих отраслей государственной промышленности и промысловой кооперации..." Как можно понять, в данном случае имеется в виду опасение, что кустари могут серьезно конкурировать с государственной промышленностью и кооперативным хозяйством. Этот вопрос нуждается в серьезном экономическом исследовании, я не эксперт в этой области, однако замечу здесь, что согласно традиционному взгляду в большинстве случаев крупные предприятия, в которых налажен массовый выпуск продукции, являются обычно более конкурентно-способными в сравнении с мелким кустарным хозяйством. Согласно советским же представлениям в области политической экономии, именно это обстоятельство играло роль в процессе монополизации в области промышленного производства в "капиталистических странах". Возможно, впрочем, что механизм развития социалистической экономики принципиально иной, и на практике оказалось, что кустарь-одиночка действительно грозный конкурент социалистической промышленности. Однако я думаю, что в том, что касается производства каких-либо изделий, которые кустари выпускают обычно поштучно, а социалистическая промышленность могла бы наладить их массовый выпуск, в этом кустарь обычно не является серьезным конкурентом социалистической промышленности, разве лишь тогда, когда социалистическая промышленность выпускает уж очень скверные изделия. Как правило, кустарь очень чуток к рыночной конъюнктуре и не станет заниматься изготовлением вещей, которые можно с легкостью купить в магазине. Обычно кустарям выгодно производить те изделия, которых в магазине купить нельзя либо потому, что промышленность не выпускает их в достатке, либо потому, что местные торговые организации не озаботились вовремя пополнением своего ассортимента. Вот один из многих примеров ситуации, когда кустари оказались более радивыми в удовлетворении спроса покупателей, нежели государственные тор-

гующие организации.

В²⁰¹ сообщается об осуждения лиц, которые наладили кустарное производство капроновых блузок.

”...Позднее преступная группа переключилась на изготовление перлоновых блузок, перешив мужского импортного белья на дамские кофты, спекуляцию шерстяными вязаными изделиями.” Советские авторы отмечают, что ”дерзкая организованная преступная деятельность спекулянтов стала возможной как ввиду недостаточной инициативы руководителей предприятий легкой промышленности и торговли, не учитывающих потребностей и спроса покупателей, так и ввиду слабой оперативной работы тех подразделений милиции, которые, будучи призванными бороться с подобными нарушениями, своевременно не пресекли преступную предприимчивость В. и компании”.

Деятельность этих осужденных послужила не только на пользу их покупателям; при рассмотрении этого дела суд вынес частное определение о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, после чего

”руководители предприятий легкой промышленности стали глубже изучать спрос покупателей, добиваться его удовлетворения”.

Хотя авторы ограничиваются этой стандартной формулировкой относительно устранения существовавших в торговой системе недостатков и не указывают, занялись ли государственные предприятия перешивом импортного мужского белья на дамские кофты, однако можно надеяться, что в данном случае деятельность кустарей была полезна для улучшения работы социалистической промышленности.

Во всяком случае, из подобных примеров видно, что кустарь не только не конкурент социалистической промышленности в изготовлении изделий, которые может выпускать промышленность, но, напротив, кустари осуществляют социально полезные функции, удовлетворяя

спрос покупателей, а в случае осуждения содействуя самим фактом своей деятельности устранению недостатков в организации социалистической промышленности.

Есть, однако, область, в которой кустарь является, по видимому, весьма ощутимым конкурентом социалистическому хозяйствованию. Это—область обслуживания населения. В 1973 г. "Литературная газета" поместила интересную дискуссию о том, как кустари (*шабашники*) конкурируют с государственным предприятием — фирмой "Заря" в обслуживании новоселов. Речь шла об обивке дверей квартир, и автор статьи³⁶⁹ сетовал на то, что неудовлетворительная организация работы фирмы "Заря" обуславливает активность *шабашников*. В ответ "Литературная газета" получила анонимное письмо от бригады *шабашников*; как ни странно, это письмо было опубликовано³⁷⁰. *Шабашники* отмечают в этом письме, что организации типа фирм "Заря" никогда не были для них серьезными конкурентами. В письме говорится:

"В свежеселенном доме, в который мы приходим, работникам "Зорь" делать нечего: дермартин у нас лучше, цена та же, у нас всегда с собой замки, глазки, ручки, а кроме того мы просто делаем обивку красивей и быстрее работников фирм. Деньги сверх гос. цены мы берем только за дополнительную работу (утеплитель, глазок, замок и т. д.)." Отвечая на критику "Литературной газеты", *шабашники* пишут: "Вас удивляет, что мы ходим на работу в хорошей одежде (кстати, зимой мы тоже надеваем дубленку), но встречают-то по одежке, и любой клиент отдаст предпочтение мне, а не "дяде Пете" из вашей фирмы, который сунет к нему в дверь вечно пьяную небритую физиономию и просипит: "Я с "Зари", дверь обить не надо?" Клиенту обычно глубоко наплевать, *шабашник* у него работает или работник фирмы, его интересует результат."

О своем экономическом положении авторы письма сообщают, что они имеют высшее образование, но им не

хватает 120-140 рублей в месяц, которые может заработать молодой специалист; нужно им 500-600 рублей в месяц; эти деньги они зарабатывают "своими руками и в поте лица!"

Важно отметить, что человек с высшим образованием, в свободное время занимающийся кустарным промыслом, — это новое социальное явление в СССР; таких становится все больше, и, похоже, это неугасающая тенденция. Многие из них весьма умелые и сообразительные ребята, причем для многих получение высшего образования оказалось большим разочарованием: работая электриком, радиотехником или слесарем на заводе или в научном учреждении, они, благодаря высокой квалификации и возможности совместительства, получали приличный заработок. Получив высшее образование в заочном или вечернем учебном заведении, они становятся инженерами, а жалование молодого инженера обычно гораздо меньше, чем заработок опытного рабочего. Вполне естественно, что в свободное от работы время они стремятся *подработать*, причем благодаря приобретенной ранее широте ремесленных навыков могут выполнять разнообразные заказы в сфере услуг. Такие молодые инженеры или техники оказываются способными быстро переключиться на другой промысел, поскольку оказывается, что на прежний нет спроса или его особенно преследуют. В упомянутом письме *шабашники* пишут:

"Вы учтите, что если нам запретят заниматься дверями и циклевкой (как в свое время фотоделом), мы найдем себе новые формы работы. В нашем деле инициатива, смекалка, изобретательность и коммерческая расторопность окупаются мгновенно и очень щедро. Поэтому в сфере бытовых услуг и особенно новых форм работы мы — шабашники — доминировали и будем доминировать. Нам ведь не нужно согласовывать и носить на подпись тысячу бумажек, чтобы вбить лишний гвоздь или изменить устаревший стандарт."

Советские авторы, обосновывая широту ограничений свободы промыслов, любят ссылаться на тот факт, что занятие некоторыми промыслами часто связано с хищениями социалистической собственности. Это действительно так, однако занятие промыслом в социальном смысле не причина хищений социалистической собственности; напротив, запрещение промысла часто является причиной того, что нужное для промысла сырье невозможно купить в магазине, и кустарям приходится *доставать* нужные материалы, т. е. покупать их у тех, кто крадет эти материалы с предприятий, или даже самим красть. Можно смело утверждать, что большинство людей, имеющих ремесло и желающих этим ремеслом заниматься, предпочло бы законно приобретать необходимые материалы с тем, чтобы честно и законно зарабатывать деньги своими руками. Государство, однако, старается не предоставлять кустарям возможности законно покупать материалы для "запрещенных промыслов". Так, например, в советских магазинах невозможно купить кожу ни для пошива обуви, ни для изготовления переплетов или обивки кресел. В результате, как правило, судебным делам о занятии запрещенным промыслом — изготовлением обуви — сопутствуют дела о хищении кожи с государственных предприятий. Это очень грустно и показывает, как противоправные ограничения индивидуальных свобод, в данном случае свободы промысла, становятся криминальным фактором: объявляя преступлением никому не мешающее кустарное занятие, государство толкает людей на более серьезные преступления.

Конечно, среди объяснений советских авторов, почему заниматься запрещенными промыслами — нехорошо, встречаются и идеологические тезисы. Например, комментатор³⁷¹ указывает: занятие запрещенными промыслами ведет к развитию частнособственнических привычек и навыков... Этот тезис, однако, не более убедителен, чем те, о которых я говорил прежде: ведь несомненно, что и занятие разрешенными промыслами ведет к разви-

тию частнособственнических привычек и навыков, и несомненно, что законодатель учитывал это обстоятельство, даруя конституционную гарантию о допущении законом мелкого частного хозяйства крестьян и кустарей. Было бы слишком парадоксально полагать, что одни промыслы содействуют развитию частнособственнических привычек и навыков, а другие нет, парадоксально тем более, что тогда пришлось бы искать причины, почему тот или иной промысел, например, производство бельевых прищепок, ранее способствовал развитию частнособственнических привычек и навыков, а потом, со времени разрешения его, перестал способствовать.

Высказываются и соображения социально-экономической целесообразности ограничения свободы промысла. В шеститомном Курсе советского уголовного права, изданном под редакцией виднейших советских юристов,³⁷² сообщается, что

”занятие запрещенным промыслом препятствует экономически целесообразному использованию производительных сил, средств и орудий производства для наилучшего удовлетворения потребностей членов общества в продукции, выпускаемой социалистической промышленностью.”

Поскольку здесь говорится и о производительных силах, то такой подход к объяснению широты ограничений свободы промыслов более понятен, чем тезисы, которые обсуждались ранее. Правда, по-прежнему остается неясным, почему до 1965 г. кустарное производство бельевых прищепок препятствовало экономически целесообразному использованию производительных сил, средств и орудий производства, а в 1965 г. перестало препятствовать. Однако допустим, что в отношении бельевых прищепок, как и в отношении некоторых других промыслов, Совет Министров СССР в 1965 г. просто исправил ранее допущенную ошибку.

По-видимому, занятие кустарными промыслами вообще, а не только запрещенными промыслами, в известной

мере препятствует тому, что советские юристы, экономисты и идеологи понимают под экономически целесообразным использованием производительных сил. Дело в том, что каждый кустарь, если он не инвалид и не достиг еще пенсионного возраста, — это потенциальный работник социалистического хозяйства. По каким-то причинам он, однако, предпочитает не участвовать в работе социалистических предприятий, а заниматься кустарным промыслом. Выяснение всех этих причин, конечно, предмет особого социологического исследования, но даже без такого исследования нетрудно понять, что многое может привлекать человека в занятии кустарным промыслом: и склонность к нерегламентированному начальством труду и поведению, и стремление проявить свою хозяйственную инициативу, и ненормированность рабочего времени на собственном "единоличном" предприятии — все то, что советский комментатор, как я писал выше, назвал частнособственническими привычками и навыками. Конечно, большая распространенность склонности к кустарному производству среди населения может оцениваться советским руководством как экономически нежелательное явление, не говоря уже об идеологической оценке этого явления. Однако является ли занятие кустарным промыслом экономически целесообразным для кустаря настолько, чтобы неограниченная свобода промыслов могла породить среди населения сильные стремления к организации кустарных "единоличных предприятий"? Советские юристы³⁷² отмечают:

"Общественно опасной деятельностью признается занятие такими промыслами, которые могут привести к получению крупного дохода..."

Пожалуй, именно этот тезис советских юристов является наиболее правдоподобным объяснением того, почему столь широки ограничения свободы промысла. Хотя во многих случаях занятие ныне запрещенными промыслами социально полезно в смысле удовлетворения спроса населения на те товары и виды услуг, с производством и

выполнением которых социалистическое хозяйство не справляется, однако занятие промыслом, который может привести к получению кустарем большого дохода, экономически вредно с советской точки зрения именно потому, что может препятствовать экономически целесообразному использованию производительных сил, потому что возможность заниматься промыслом, который дает более крупный заработок, чем заработная плата на социалистическом предприятии, создает для людей привлекательную альтернативу в выборе рода занятий и создает для социалистического хозяйства риск того, что многие опытные мастера предпочтут заниматься кустарным промыслом вместо того, чтобы удовлетворяться предлагаемой им зарплатой на социалистическом предприятии. В цитированном уже Курсе советского уголовного права³⁷² откровенно говорится:

”В юридической литературе совершенно правильно отмечается, что в тех случаях, когда запрещенным промыслом занимаются кустари, ремесленники, а также рабочие и служащие в свободное от работы время, общественная опасность такой деятельности проявляется также в незаинтересованности этих лиц в результатах социалистического производства, в конечном итоге приводит к снижению производительности их труда на социалистических предприятиях.”

Конечно, возникает вопрос, почему нельзя разрешить многие из ныне запрещенных промыслов, но посредством налогообложения добиться того, чтобы кустари не получали после уплаты налога больше, чем получают работники социалистической промышленности. Авторы цитированного Курса³⁷² отмечают, говоря о запрещенных промыслах, что ”взиманием налога невозможно обратить прибавочный продукт на удовлетворение потребностей всего общества”. Но является ли контроль за доходами зарегистрированных кустарей делом более сложным, чем розыски тайных, незарегистрированных кустарей? Да и не это важно. Важно то, что вопреки Конституции власти препятствуют безобидным и естественным проявлениям людей.

Спекуляция

Специальным видом запрещенного промысла является промысел торговый — спекуляция, т. е. "скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы". Закон предусматривает более жестокое наказание за занятие этим промыслом, чем за занятие просто запрещенным промыслом; с точки зрения советской правовой доктрины и юридической практики торговый промысел — это источник нетрудовых доходов, в то время как занятие запрещенным промыслом хотя и создает опасность получения кустарем крупных доходов, но все же это трудовой источник дохода. Не вполне понятно, почему советские юристы и идеологи считают торговый промысел нетрудовым, в то время как очевидно, что для получения дохода в результате скупки и перепродажи нужно, несомненно, затратить время и труд, причем для успеха торгового промысла нужно также изучить рынок. Советский юрист признает, что

"спекулянты устанавливают сезонные и иные закономерности повышения спроса на те или иные товары в определенных местностях и на этой основе специализируют свою деятельность, завозя в определенное время и в определенное место одни предметы и скупая там другие для перепродажи".³⁷³

Впрочем, не только юристы вопреки очевидности считают доходы от спекуляции нетрудовыми; среди советской публики укоренилось такое же представление. Быть может, действительно при удачном течении дела доходы спекулянта иногда превышают доходы, которые он мог бы получить, занимаясь каким-либо другим промыслом или, тем более, работая на советском предприятии. Не следует, однако, забывать, что в любом экономически целесообразном занятии прибыль должна оку-

пать не только сделанные затраты капитала, труда и времени, но и риск, в данном случае риск, связанный не только с колебаниями спроса, но и риск понести уголовное наказание за занятие спекуляцией. Наказание же это довольно жестоко: спекуляция без отягчающих обстоятельств наказуема вплоть до 2 лет лишения свободы с конфискацией имущества; спекуляция "в виде промысла" и в крупных размерах наказуема вплоть до 7 лет с конфискацией имущества; особо предусмотрено наказание за повторную мелкую спекуляцию — вплоть до 1 года лишения свободы. Просто мелкая спекуляция наказуема в административном порядке³⁷⁴, причем никаким нормативным актом не установлено, в каких случаях спекуляция является мелкой, а в каких крупной. В каждом случае суд устанавливает это, как можно понять, с учетом конкретных обстоятельств дела и личности подсудимого.

Весьма важно отметить, что в Советском Союзе подвергаются наказанию лишь сами спекулянты, но не лица, которые пользовались их услугами; наказание таких лиц было бы, пожалуй, не более удивительным, чем наказание лиц, давших взятку должностному лицу за содействие удовлетворению их законных интересов. Советский юрист³⁷³, впрочем, отмечает, что советская мораль осуждает лиц, которые пользуются услугами спекулянтов.

Публика, вообще говоря, не следует в данном случае велению советской морали и не осуждает тех, кто пользуется услугами спекулянтов; большинство людей в СССР сами более или менее часто пользуются такими услугами. В то же время публика осуждает самих спекулянтов, и слово спекулянт используется как ругательство, несмотря на то, что многим ясна социально полезная функция деятельности спекулянтов. Публику возмущает в этой деятельности прежде всего то, что спекулянты живут на *нетрудовые доходы*, причем представления публики о легкости промысла спекулянтов — по-видимому, преувеличены. К этому идеологическому недовольству

спекулянтами прибавляется еще и то, что подчас дефицитность каких-либо товаров пытаются объяснить происками спекулянтов, которые якобы скупили все эти товары с тем, чтобы создать их дефицитность и продавать втридорога. Такие подозрения общественности обычно вряд ли обоснованы. Хотя спекулянтов необычайно много, но они в основном действуют индивидуально или небольшими группами и неспособны соорганизоваться так, чтобы дружными закупками обеспечить дефицитность какого-либо товара. Дефицитность товара создается либо тем, что народное хозяйство производит этого товара слишком мало для удовлетворения спроса, либо тем, что торгующие организации не озаботились своевременным завозом этого товара в магазины, либо, в случае импортных товаров, тем, что органы внешней торговли не приобрели этот товар у других стран.

Советский юрист сообщает³⁷³:

”Предметом спекуляции часто бывают товары, не являющиеся дефицитными в одних районах, но в недостаточном количестве завозимые в другие районы.”

В большинстве случаев так оно и есть, хотя товары, которые во всех районах являются дефицитными, также бывают предметами спекуляции, но такая спекуляция имеет свои особенности. За дефицитными товарами обычно бывают очереди в магазинах, причем и продавцы и покупатели достаточно бдительны, чтобы обращать внимание на те случаи, когда кто-либо покупает дефицитный товар в большом количестве (такие закупки затруднены еще тем, что при продаже часто устанавливаются ограничения на количество дефицитного товара, которое можно продать одному человеку). Поэтому спекулянт должен многократно выстаивать очередь, если он хочет приобрести побольше дефицитного товара, но это и невыгодно по затратам времени, и опасно, так как он может обратить на себя внимание. Существует, однако, более удобный способ доставания дефицитных товаров — это сговор

с работниками торговли, и такой сговор — явление весьма распространенное: по многим делам о спекуляции привлекаются в качестве соучастников работники торговли.

Я говорю теперь о тех, кто занимается спекуляцией в виде промысла. Следует помнить, однако, что многие совершают акты спекуляции от времени до времени, лишь когда представится случай (например, человек случайно оказался в магазине, когда там *выбросили (давали)* импортные кофточки; если у него есть деньги, он может купить кофточки, а затем продать кому-либо из знакомых по более высокой цене — это тоже преступление).

Другой способ спекуляции дефицитными товарами — это скупка их у частных лиц, в том числе у иностранцев. Есть особая прослойка спекулянтов (*фарцовщики*), специализирующихся на продаже скупленных или выпрошенных у иностранцев вещей: одежды, пластинок, сигарет, жвачки и т. п.

По-видимому, большинство тех, кто занимается спекуляцией в виде промысла, поступает так, как сообщил советский юрист в вышеприведенной цитате, т. е. использует сезонные и географические колебания спроса и дефицитности товара. Такая деятельность спекулянтов, с точки зрения социальной пользы, необычайно важна. В тех случаях, когда торгующие организации, имея на то возможность, не озаботились доставкой каких-либо товаров в провинцию, спекулянты, к своему риску и своей выгоде, к пользе жителей провинции, помогают сделать эту оплошность государственной торговли менее ощутимой для населения. В тех случаях, когда какие-либо товары дефицитны настолько, что продаются лишь в Москве, как это часто бывает, спекулянты, покупая эти товары в Москве и вывозя их в провинцию для продажи, препятствуют, по мере сил, противоправной географической дискриминации в области снабжения населения.

Советские авторы достаточно откровенны в понимании причин спекуляции. Например, в³⁷⁵ резонно отмечается:

”Подобно тому, как сейчас немыслима спекуляция спичками, мылом, сахаром, солью*, со временем—по мере увеличения производства холодильников и меховых изделий, строительных материалов — будут устранены условия для спекуляции и этими товарами.”

Спекулянтов в России — необычайно много, но их все же не хватает для того, чтобы достаточно результативно противостоять упомянутой географической дискриминации в области снабжения и исправлять все просчеты государственных торгующих организаций. Несмотря на большую активность спекулянтов, делающих закупки, скажем, в Москве и вывозящих товары в провинцию, колоссальное количество публики из провинции приезжает в Москву просто для того, чтобы сделать закупки в магазинах. Часто такие поездки совершаются издалека, люди едут за несколько тысяч километров, чтобы купить одежду, детские игрушки, дефицитные консервы и колбасу, бытовые электроприборы, а заодно даже кондитерские изделия. Некоторые используют для этой цели служебные командировки, другие тратят часть своего отпуска на стояние в московских очередях. Среди этих приезжих много спекулянтов *по необходимости*: поездка в Москву обходится дорого, и не каждый может себе позволить такую поездку лишь с целью совершить покупки для своей семьи, поэтому распространенным является обычай закупать сразу побольше дефицитных московских товаров с тем, чтобы, вернувшись домой, подороже продать их и полностью или частично окупить расходы по поездке. Такая расчетливость может привести человека на скамью подсудимых, хотя он и не занимается спекуляцией как промыслом. Иногда путешественник заранее собирает у своих

* Это — неточность: спекуляция и мылом, и сахаром, и солью не только мыслима, но и встречается в районах, ”обиженных” органами снабжения . (В. Ч.)

земляков заказы на покупку каких-либо вещей в Москве или ином столичном городе, получая от заказчиков не только деньги на покупку, но и некоторую доплату, которая окупает его затраты по поездке. В этом случае он уже — не спекулянт, такая деятельность наказуема как *коммерческое посредничество*, если суд сочтет, что оно осуществлялось в виде промысла или в целях обогащения (наказание вплоть до 3 лет лишения свободы с конфискацией имущества). Конечно, есть коммерческие посредники, которые совершают такие поездки действительно в виде промысла и хорошо зарабатывают таким образом.

Особой прослойкой среди спекулянтов являются лица, которые по службе постоянно совершают поездки, например, поездные проводники, шоферы, работающие на дальних маршрутах, работники гражданской авиации и т. п. Многие из таких путешественников по должности более или менее систематически, часто по мелочи, производят спекулятивные операции. Начальство смотрит на это обычно сквозь пальцы: главное не зарваться, т. е. не вести торговые операции в слишком большом объеме.

Перечень предметов спекуляции и районов, где и когда эти предметы выгодно покупать и продавать, мог бы составить объемистый том; насколько известно, пока никто не озаботился составлением такого справочника, и жаль: такой том был бы весьма важным источником знаний в области экономической географии СССР и был бы полезен не только спекулянтам в их усилиях по изучению рынка, но и государственным торгующим организациям. Такой справочник практически можно составить, потому что в местной прессе публикуется сравнительно много данных о спекулянтах; некоторые казусы такого рода публикуются и в юридической литературе.

Довольно распространена спекуляция сельскохозяйственными продуктами. По данным³⁷⁶, в одной из областей Северо-Запада СССР в 62% случаев скупка предметов спекуляции проводилась в городах, в 38% — в сельской местности (в этой области городское население составля-

ет около 40%). Можно предполагать, что на юге России и в южных республиках продукты сельского хозяйства чаще являются привлекательными для спекулянтов предметами их операций. В первую очередь это касается фруктов, поскольку государственное снабжение фруктами северных областей России поставлено весьма скверно.

Согласно советскому законодательству³⁶⁷, колхозники и единоличники, а также ведущие подсобное хозяйство рабочие, служащие и другие граждане вправе продавать продукты своего сельского хозяйства в сыром или переработанном виде. Это практически единственная форма свободной частной торговли, допускаемая законодательством.

Либерализм советского законодательства в этой области необычайно важен, хотя и весьма ограничен: колхозники и иные лица, законно производящие сельскохозяйственные продукты, вправе продавать эти продукты сами, но не у каждого есть досуг ехать на рынок и торговать, и далеко не всегда доход от такой продажи окупает расходы по поездке на рынок, тем более по поездке в дальние города. Находятся, однако, люди, которые на месте скупают у колхозников их продукты и уже с большим количеством продуктов едут в избранный ими город, где они надеются совершить выгодную продажу. Эти лица совершают преступление: спекуляцию, если они заранее скупают у колхозников их продукты, а потом продают, или коммерческое посредничество, если они едут продавать по поручению колхозников и потом отдают им часть выручки. Преступление это, однако, весьма распространено, тем более что часто спекулянтом или коммерческим посредником также является колхозник, имеющий право продавать на рынке свои продукты, — на случай претензии властей он всегда может отговориться, что продает свои собственные продукты. Благодаря коммерческой активности таких спекулянтов и посредников жители даже самых отдаленных областей России могут покупать фрукты, привозимые из южных республик.

Государственное снабжение не вполне справляется даже с обеспечением разнообразными фруктами жителей Москвы, не говоря уже о далеких северных провинциях. Конечно, жители Севера платят за фрукты очень дорого, но, судя по тому, что они все-таки их покупают, они согласны платить, и, я думаю, многие из них способны понять, что продавать дешевле спекулянту нет никакого смысла, так как затраты на поездку довольно велики: часто быстропортящиеся нежные фрукты перевозятся за тысячи километров, и естественно, что их перевозка и упаковка требуют ощутимых затрат. Конечно, спекулянт не останется в убытке, но вряд ли есть основания называть его доход нетрудовым.

Власти преследуют таких сельскохозяйственных спекулянтов довольно умеренно, если объем торгового оборота не слишком велик, если какой-то колхозник с юга просто везет на продажу свои и купленные у соседей фрукты. Конечно, если власти заподозрят, что дело поставлено на широкую ногу, что человек систематически занимается скупкой и перепродажей фруктов, то преследование гораздо более вероятно. Впрочем, активность преследований, как и во многих других случаях, зависит от того, какие инструкции от начальства получает в данный момент местная милиция относительно усиления борьбы с тем или иным преступлением.

Есть, по-видимому, довольно много спекулянтов фруктами, у которых дело поставлено на широкую ногу, во всяком случае, по советским масштабам. Иногда спекулянты из южных республик раздобывают для своих целей грузовую машину, оформляют фиктивные путевки, т. е. разрешения на поездку по определенному маршруту, и везут фрукты на север. Это не так просто, ибо в пути их много раз может остановить милиция и усомниться в законности поездки, однако многие инициаторы свободной торговли все же достигают цели.

Грузинская журналистка³⁷⁷ встретила однажды на горной дороге группу спекулянтов, у которых застрял

в грязи грузовик с грушами, — они везли груши на продажу в г. Куйбышев. Вот как эта журналистка описывает активность спекулянтов:

”Предприимчивые дельцы действовали наверняка. Незадолго до этого доверенные лица с образцами продукции полетели в разные города страны, выясняя, где дороже возьмут. А от них в деревни полетели телеграммы, извещающие о ситуации на городских рынках. События развивались стремительно: вечером взвешены все за и против, намечены цель и маршрут следования. А уже к 5 часам утра найдена машина, неизвестно каким путем оформлены путевые листы, погружен скупленный у крестьян урожай — и грузовик карабкается по горной дороге....

Наши спутники нервничали. Что если не удастся нанять трактор, чтобы вытащить брошенный ими грузовик? День-два промедления — и десятки тысяч рублей, уже почти лежащие в их кармане, фактически будут потеряны. Такая уж деликатная вещь эти груши: сегодня аппетитный товар, через несколько дней — гниль.”

Тот же автор описывает случай, когда за одну ночь спекулянты проложили в горах дорогу: ”Не иначе, как экскаватором расчищены несколько сот метров пути в обход контрольного пункта милиции”. Как видим, даже в советскую прессу проникают сообщения о трудностях торгового промысла, сообщения, из которых можно сделать вывод, что изрядная часть действительно большого дохода спекулянтов идет на покрытие путевых издержек, не говоря уже о серьезном риске.

Милиция действительно более или менее активно следит за тем, чтобы фрукты в больших количествах не вывозились с юга, а сдавались на государственные заготовительные пункты. Часто — это плохая услуга и фруктам, и потребителю, так как некоторые скоропортящиеся фрукты, скажем, груши или персики, государственные

заготовительные конторы успевают доставить разве что на соседний консервный завод, но, как правило, не в северные города.

Особенно внимателен контроль милиции до тех пор, пока республика не выполнила государственный план по заготовке тех или иных фруктов. Наиболее остро эта проблема касается цитрусовых, и милиция по возможности внимательно следит за тем, чтобы частные лица не транспортировали цитрусовые плоды, покуда не выполнен план по заготовке; это касается даже колхозников, выростивших эти плоды в своих садах. Спекулянты, когда с помощью взятки, когда с помощью смекалки, хотя и не всегда удачно, пытаются обойти эти ограничения. Газета "Заря Востока"³⁷⁸ сообщила, например, о случае, когда милиция задержала спекулянтов, пытавшихся вывезти из Грузии грузовик с мандаринами: мандарины в грузовике были накрыты брезентом и залиты асфальтной смолой с целью маскировки.

Вопрос о том, как обеспечить трудящихся фруктами и овощами посредством государственного снабжения, очень активно обсуждается в советской прессе. Высказываются различные предложения о том, как вытеснить с рынка частного перекупщика и обеспечить население дешевыми овощами и фруктами. То, что население пока что не обеспечено овощами и фруктами, откровенно признает даже советская пресса. Так, например, советский журналист критиковал ленинградские органы торговли за то, что они не справляются с заготовкой и продажей даже тех овощей, которые выращены в Ленинградской области³⁷⁹. Этот журналист пишет:

"Расчеты показывают, что если даже найдет спрос вся продукция, выращенная овощеводами области, то и тогда в среднем на человека придется на десятки килограммов меньше, чем предусмотрено научно обоснованными нормами питания на год".

Похоже, что торгующим организациям часто невы-

годно возиться с овощами прежде всего потому, что государственные цены на них необычайно малы и при таких ценах практически невозможно обеспечить рентабельное производство и сбыт хороших овощей. Это — тема для обширного экономического исследования, и я не могу здесь писать подробно об этом. Укажу на несколько публикаций, по которым можно составить себе представление о том, в какой степени государственная торговля овощами оказывается неконкурентноспособной с колхозниками, продающими плоды своего труда, или преследуемыми частными перекупщиками.

Журналист³⁸⁰ сетует на то, что весной овощи в первую очередь появляются на рынке, а не в государственных магазинах; он, конечно, сетует и на цены. Попытка этого журналиста отыскать овощи в государственных магазинах оказывается неудачной:

”Магазин, вернее — целый павильон, Ставропольского горплодоовощторга, расположенный в десяти шагах от навесов рынка, приглашает крупной яркой вывеской: ”Овощи — фрукты”. И обманывает: стеллажи трех отделений красиво уставлены банками со щами и другими консервами.

— Бывают и свежие овощи, — говорит старший продавец М. Коваленко...

Еще двадцать шагов — и еще магазин, № 7 горкопторга. В овощном отделе — такие же горы стеклянных банок.”

Этот журналист провел расследование и выяснил, что в личном хозяйстве на приусадебных участках редиска выращивается под пленкой и потому созревает раньше, а в совхозах — в открытом грунте. Журналист высказал идею, чтобы и в совхозах выращивали под пленкой, однако руководители хозяйств сообщили ему, что это невыгодно. И руководителям хозяйств, и журналисту ясно, что если бы цены на овощи не были столь низкими, то государственные и колхозные хозяйства могли бы прояснить инициативу не хуже хозяев приусадебных участков.

Это, однако, как я полагаю, слишком сложная общегосударственная проблема. Цены на сельскохозяйственные продукты в СССР установлены, вопреки экономической целесообразности, ничтожно низкие; соответственно этому установлены и заготовительные цены, по которым государство покупает продукты у колхозов и у колхозников. В такой ситуации главное для колхозов и для совхозов — сколь угодно формально выполнить план, как правило, не слишком заботясь о качестве. В результате низких цен на овощи торговля овощами оказывается нерентабельной и для торгующей организации, озабоченной также лишь тем, чтобы сколь угодно формально выполнить план, так что до покупателя доходят часто некачественные, а иногда и подпорченные овощи, не говоря уже об их отвратительном виде. Торгующие и заготовительные организации не могут даже обеспечить себя рабочей силой, чтобы на овощехранилище отделять хорошие овощи от гниющих: городские рабочие и служащие, в том числе сотрудники научных учреждений, в порядке *добровольной трудовой повинности* направляются на выполнение низкоквалифицированных сортировочных работ на овощебазах. Такие *добровольцы* получают за рабочий день, проведенный на овощебазе, заработную плату по месту своей основной работы, несмотря на то, что тратят этот день на весьма неквалифицированную работу. В результате государству овощи обходятся гораздо дороже. Однако повысить розничные и заготовительные цены на овощи государство не решается, и это понятно, потому что бюджет среднего советского человека и без того довольно напряжен; любое повышение цен на продукты массового потребления сильно отражается на настроении публики и, я полагаю, на уровне питания, поэтому государство, по-видимому, опасается, что экономически рентабельное повышение цен на сельскохозяйственные продукты с несомненностью повлечет ухудшение общего настроения публики в стране и может привести к обострению таких проблем, по сравнению с которыми

нынешняя нехватка овощей не столь значима. Это очень странно, но, по-видимому, отсутствие овощей в магазинах не так скверно действует на настроение публики, как повышение цен.

Вернусь, однако, к редиске. Я уже говорил о том, как оперативны спекулянты в изучении рынка и доставке фруктов и овощей с юга в северные области. Полезно для иллюстрации привести пример того, сколь оперативны в доставке овощей с юга государственные организации. Вот отрывок из статьи советского журналиста³⁸¹:

”Оказывается, отгрузка редиса, лука-пера не предусмотрена — ни в Новосибирск, ни в Кемерово, ни в Новокузнецк, хотя все они имеют наряды, фонды и даже своих представителей в Ташкенте.

Кор. пункт ”Известий” срочно провел селекторное совещание.

Вот какой состоялся разговор:

Новокузнецк: Отгрузки редиса из Ташкента ждем с 4 мая. Приташкентские колхозы нам говорят: ”Берите”, а дорога не дает хладопоезда. Их что, нет там?

Ташкент (железная дорога): Наоборот, сколько хотите. Нет команды на отгрузку из Центросоюза.

Центросоюз: Наоборот, хотя по уставу перевозок редис не может транспортироваться более трех суток, а до Кемерово и Новокузнецка нужно семь, — мы дали согласие: статья 78-я Устава разрешает это ”в особых случаях”. Не соглашается МПС.

Министерство путей сообщения: Наоборот, мы за статью 78, говорит А. Леонтьев.

Так в чем же дело? А. Леонтьев гарантирует срочную доставку овощей, Г. Иванов из Центросоюза — срочную отгрузку.

Министерство торговли РСФСР, заместитель министра А. Иванов: Против мы. Как бы чего не выш-

ло с реализацией. Согласно уставу перевозок, редиска...”

Статья, из которой перепечатана эта интересная дискуссия, называется ”Особый случай.... с редиской”. Есть, однако, много данных о том, что это не особый случай и что такие случаи бывают не только с редиской. Помимо неоправданно низких цен на овощи, громоздкость и неповоротливость процедуры принятия решений и боязнь даже минимального риска — одна из важных причин трудностей в этой области.

Говоря языком неэкономическим и неправовым, можно охарактеризовать решающую разницу в отношении частного и государственных органов к сельскохозяйственной продукции, если использовать слово *заботливость*. Частник действительно заботливо относится к предмету своего промысла. Если на рынке продается зелень, то она вымыта, аккуратно перевязана в пучки и радует глаз. Если зелень попадает в государственные магазины — она имеет отвратительный вид и являет собою смесь увядших листьев с грязью и с корнями; ее большим достоинством при этом является дешевизна, но дополнительным недостатком — необходимость стоять в очереди, чтобы купить ее*.

Особенно заботливость важна при переработке сельскохозяйственных продуктов. Советский журналист так охарактеризовал разницу между солеными огурцами у частного и в государственном ларьке³⁸²:

* Даже в азиатских республиках, в которых население потребляет зелень в несравненно больших количествах, нежели в России, государственные организации не смогли озаботиться аккуратной заготовкой и продажей зелени. Вот сетования узбекского журналиста³⁸⁴:

”Иногам Усманов, житель Ташкента, раньше работал в милиции. Сейчас он ”работает” торгашом, которого знает весь госпитальный рынок. Продает шинкованную морковь, зелень, лепешки. Почему торгует Усманов? Да потому, что ни одна государственная торговая организация не умеет, видите ли, резать морковь, не может связать в пучок укроп с петрушкой...”

”Вам нужны соленые огурчики? Крепенькие, хрустящие, в меру сдобренные укропом, чесноком, завернутые в смородиновый лист? Так это у тети Фроси на городском рынке, от центрального входа второй ряд направо. По два рубля за килограмм с походом...

А капусту, сочную квашеную капусту с брусникой пробовали? Отличная капуста, хотя и без мудреных, на иностранный манер названий. Это у нее же, у тети Фроси, по полтиннику...

Дороговато?

Я сказал об этом тете Фросе. Она улыбнулась мне в ответ и так певуче, ласково подсказала:

— Милай, дешевле в ларьке напротив. И без очереди. Но напротив я не пошел. Я уже пробовал.”

Далее журналист сообщает результаты своего расследования.

”Живем мы с вами все лучше, богаче и можем себе позволить что-нибудь вкусенькое. Тетя Фрося учитывает это и в своей коммерческой деятельности ориентируется на непрерывно растущие запросы покупателей. А технолог базы треста столовых Антонина Васильевна Новикова обязана строго руководствоваться требованиями Сборника рецептур и технологических указаний по переработке плодов и овощей под редакцией НИИ торговли СССР, составленного в те давние, послевоенные времена, когда не только каких-либо приправ, самой капусты было мало. Солить и трамбовать — вот вам и вся технология. На тонну огурцов рекомендуется класть аж 3 кг чеснока. От столь мизерной добавки ни вкуса, ни запаха. О корице, гвоздике, душистом перчике, которые, право же, перестали быть заморской редкостью, не сказано: не предусмотрено — и весь сказ.”

Я не хочу, чтобы у читателя создалось слишком мрачное впечатление о том, как население в СССР снабжаемо овощами и фруктами. Как и советская пресса, я могу признать, что постепенно ситуация в этой области стано-

вится лучше, но уж слишком быстро растут запросы покупателей. И, судя по всему, спекулянты, несмотря на громадный риск, поспевают за этим ростом запросов.

В заключение этого краткого очерка о спекуляции отмечу, что частная торговая инициатива активно проявляется не только в отношении тех вещей и продуктов, которые дефицитны из-за несовершенства государственного планирования и снабжения, но и во всех случаях, когда покупатель хочет обойти какой-либо запрет на приобретение нужной ему вещи. Это — та спекуляция, которая как преступление известна и в других странах, однако, быть может, в СССР таких запретов больше, чем где-либо. Конечно, спекуляция наркотиками, оружием, алкогольными напитками преследуется и в других странах*, однако в СССР, по-видимому, сравнительно шире перечень запретных для торговли предметов. Наиболее характерные в этой области практические запреты касаются продажи иностранных товаров — понятие контрабанды в Советском Союзе толкуется необычайно широко, но я не буду подробно говорить об этом здесь.

* На практике спекуляция алкогольными напитками связана с тем обстоятельством, что государство регламентирует время в течение дня, когда продажа спиртных напитков разрешена. В запретное время на помощь желающим приходят спекулянты. Советский журналист³⁸³, описывая разные случаи нарушений правил торговли алкогольными напитками, резонно отмечает: "... Не всегда винно-водочными изделиями торгуют люди честные и принципиальные."

Особая проблема — незаконная продажа самогона и самогонование, которое является самостоятельным преступлением.

Частнопредпринимательская деятельность

Помимо запрещенных промыслов, спекуляции и коммерческого посредничества по советским законам наказуема так называемая частнопредпринимательская деятельность с использованием государственных, кооперативных или иных общественных форм (наказание вплоть до 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества).

Как и во многих других случаях, терминология законодателя оставляет желать большей точности. Лишь по судебной практике можно составить себе представление о том, что законодатель, по мнению судов, понимает под государственными, общественными или кооперативными *формами*.

В конце 20-х годов советская власть боролась с созданием так называемых *лжекооперативов*, т. е. с попытками частных предпринимателей (*капиталистических элементов*) вести свою деятельность, используя дозволенные новой властью формы кооперативов. Теперь, по мнению комментатора¹⁴, использование государственных, кооперативных и иных общественных форм может состоять:

”а) в придании частному предприятию вида социалистической организации (лжепредприятие, лжекооператив) или вида отдельной производственной единицы реально существующего социалистического предприятия (лжецех, лжефилиал); б) в осуществлении скрытого от учета производства на социалистическом предприятии в целях извлечения частнопредпринимательской прибыли”.

Благодаря такому комментарию, неясное понятие государственных и общественных форм не становится более определенным, однако этот комментарий все-таки дает понять, какие формы частного предпринимательства встречаются в судебной практике. Не следует считать,

что это — исчерпывающий перечень случаев, когда суд может применить статью о частнопредпринимательской деятельности (ст. 153 УК РСФСР).

Трудно судить о том, как часто и с каким размахом частные предприниматели используют в своей деятельности государственные, кооперативные или иные общественные формы. В советских публикациях сообщения о *лжепредприятиях* или *лжецехах* встречаются не часто, возможно, потому, что власти не хотят публиковать такую развращающую информацию. Время от времени появляются все же сообщения о такой деятельности; узнаем, например³⁸⁶, что юрист в Ленинграде организовал производство обуви и сбыт ее через обувной магазин, а мастер Барабадзе³⁸⁷ в Грузии организовал "подпольную фирму", изготовлявшую фальсифицированный коньяк. Хотя в советских условиях при строгом паспортном контроле, контроле трудоустройства и обилии осведомителей организовать подпольное предприятие, я думаю, нелегко, но, судя по многим данным, особо предприимчивые люди, несмотря на трудности, изыскивают способы к этому.

По-видимому, гораздо более распространены случаи, когда на государственном предприятии организуется скрытое от учета производство — *лжецех*. Как правило, такие дела бывают связаны не только с обвинением в частнопредпринимательской деятельности, но и с обвинением в хищении социалистической собственности и злоупотреблении служебным положением. Мелких случаев подобного рода, по-видимому, весьма много, и их не так просто выявлять. Мелкими я называю случаи, когда несколько человек выполняют частные заказы или изготовляют изделия для продажи, пользуясь помещением, оборудованием и материалами социалистического производства. Для этого, собственно говоря, не нужно организовывать лжецех. Таким частным предпринимательством может заниматься один человек, и ему все равно будет инкриминирована обсуждаемая статья.

Так, Резвов, работая зубным техником в поликли-

линике, систематически занимался частной практикой по изготовлению зубных протезов: Верховный суд РСФСР признал правильным осуждение его по статье 153 УК РСФСР²⁰⁰.

Трудно сказать, насколько часто случается организация *лжецехов* с большим размахом скрытого от государственного учета производства, — слишком много людей должны быть вовлечены в такую деятельность, поэтому из-за обилия осведомителей слишком крупный размах такой частнопредпринимательской деятельности губителен для успеха дела. Есть, однако, сведения, что в южных республиках Союза, где среди населения меньше развит обычай взаимного доносительства, организация лжецехов и даже лжепредприятий — явление довольно распространенное. В 60-х годах стало известно (по неофициальным данным) о разоблачении в Киргизии хорошо организованной системы лжецехов и лжепредприятий с хорошей организацией снабжения, производства, сбыта, внутреннего бухгалтерского учета и распределения прибыли, причем все стадии этой частнопредпринимательской деятельности были скрыты от государственного финансового учета, что облегчалось вовлечением в эту систему частного предпринимательства разных отраслей промышленности. Судя по тому, что мне удалось узнать об этом деле, размах его был действительно велик, так, что лицо, поведавшее мне об этом деле, употребило термин "вторая Киргизия", имея в виду грандиозность этой системы частнопредпринимательской деятельности.

Хотя никто не рассказывал мне о существовании "второй Грузии", но по многим последним сообщениям я могу судить, что в Грузии после недавней смены партийного руководства было раскрыто властями довольно много частнопредпринимательских структур, в том числе организованных и на государственных предприятиях.

Я думаю, что руководители советской экономики понимают значимость "частнособственнической инициативы" в психологии и поведении людей; они, однако,

пытаются направить хозяйственную инициативу всех людей лишь на пользу государственному хозяйству. Отрадно, что в последние десятилетия все больше начинают понимать важность того, что в СССР называют материальной заинтересованностью граждан в успехе деятельности государственного хозяйства.

Экономическая реформа, провозглашенная советским руководством в конце прошлого десятилетия, во многом учитывала необходимость использования такой материальной заинтересованности граждан. Тот факт, что мероприятия, запланированные этой реформой, предполагали уменьшение централизации руководства экономикой и обеспечение более динамичной реакции производящих предприятий на изменяющийся характер спроса на продукцию, психологически для многих руководителей предприятий означал возможность более активного проявления их хозяйственной инициативы. Судя по многим признакам, намерения реформаторов во многом не реализовались. Причиной тому, по-видимому, не только соображения идеологического характера, но и страх власти перед возможными злоупотреблениями тех руководителей хозяйств, которым будет предоставлена большая свобода хозяйственной инициативы. Этот страх во многом обоснован, поскольку и при строгой централизации и централизованном контроле злоупотреблений и хищений достаточно много; для перехода к децентрализации экономической жизни с предоставлением большей свободы руководителям предприятий в их хозяйственной инициативе власти пришлось бы пойти на некоторый риск того, что злоупотребления сделаются более частыми. Возможно, этот риск экономически оправдан, однако советские руководители не любят так рисковать.

Судя по некоторым советским публикациям, важной трудностью в осуществлении децентрализованного управления народным хозяйством является несовершенство правовой регламентации экономических экспериментов,

направленных на поиск новых форм деятельности предприятий, обеспечивающих их большую самостоятельность и большую свободу инициативы их руководителей. На несовершенство правовой регламентации в области экономических экспериментов обратил внимание московский адвокат В. Швейский³⁸⁸, после того как он участвовал в судебном процессе над руководителями опытно-конструкторского бюро, организованного при ДОСААФ в 1965 г. Это конструкторское бюро проводило исследовательские и конструкторские работы, связанные с подводным спортом и изучением подводных сооружений. Вот как советский адвокат характеризует результаты деятельности этого конструкторского бюро:

”На момент ликвидации этой общественной организации по 28 договорам были полностью выполнены проектные, испытательные и другие работы, связанные с созданием известной подводной лаборатории ”Черномор”, транспортировщика акванавтов типа ”Катран”, подводного убежища ”Спрут”, ряд работ, связанных с подводными исследованиями в районе гидроузлов, разработка проектов рыбопропускных сооружений и рыбозащитных устройств, разработка приборов для изучения новейших отложений и донных осадков. Были проведены также уникальные подледные морфологические исследования ледового покрова на одной из дрейфующих станций ”Северный полюс”.

Адвокат отмечает далее:

”Деятельность организации проходила на виду у всех, и было очевидно, что зарождаются новые общественные формы, помогающие нашему государству найти дополнительные резервы для решения важных научных и экономических задач.”

Однако деятельность этой организации противоречила закону:

”Будучи хозрасчетным, оно не было зарегистрировано в финансовых органах, а значит, оставалось вне финансового контроля. Не было счета в банке, вместо этого руководитель организации открыл на свое имя несколько счетов в сберкассе. Туда поступала оплата за работу по договорам, а он получал деньги со своего счета, расплачивался с исполнителями и распоряжался деньгами так, как хотел. Не было утвержденной сметы расходов. Нашлись люди, которые этим воспользовались, появились договора на работу, не имевшую никакого отношения к подводным исследованиям... Появились подставные лица и фиктивные ведомости. Благородное начало привело к печальному концу: за хищение осуждены несколько человек.” (Об этом деле см. также³⁸⁹.)

Часто предметом внимания судебных органов становится слишком широкое проявление хозяйственной инициативы руководителей настоящих государственных предприятий, находящихся под финансовым контролем государства и выполняющих государственный план. Причем, что весьма интересно, преступной или порицаемой часто становится хозяйственная инициатива руководителей предприятий, вовсе не связанная с какими бы то ни было корыстными злоупотреблениями. Попросту в практической хозяйственной деятельности оказывается, что далеко не всегда можно в установленные сроки выполнить государственный план и при этом не нарушить жестких норм ”финансовой дисциплины” или не совершить других порицаемых или, строго говоря, преступных действий. Один начальник строительства, например, сетовал на то, что он не смог бы обеспечить привлечение рабочей силы для строительства моста, если бы не решился нелегально построить детский комбинат, обманывая при этом начальство³⁹⁰. Часто становится известно, что руководители предприятий должны проявлять подчас противозаконную изощренность в стремле-

нии добиться своевременного снабжения сырьем. В большинстве случаев начальство, пользы дела ради, смотрит "сквозь пальцы" даже на противозаконную инициативность руководителей предприятий. Лишь иногда руководство или суд по конкретному делу напоминает хозяйственникам, что даже ради пользы дела нельзя нарушать закон. Однако среди хозяйственников достаточно прочно утвердилось мнение, и оно подтверждается ежедневной практикой, что невозможно вести сколько-нибудь продуктивную производственную деятельность в существующих на практике условиях, не нарушая бесчисленных ограничений, установленных свыше.

Преследование за частнопредпринимательскую деятельность с использованием государственных, кооперативных и иных общественных форм может применяться властями, как и некоторые другие статьи уголовного законодательства, в целях идеологического давления. В отношении интеллигентов такое преследование может быть связано со случаями их выступления перед широкой аудиторией в различных клубах. Как правило, лектор не в состоянии установить, насколько соблюдается закон при организации его лекций, при продаже билетов, при распределении дохода. Руководители клубов, случается, нарушают "финансовую дисциплину" при организации лекций, иногда даже проводят лекции и другие "культурные мероприятия", утаивая от государственного учета поступления от продажи билетов. Если за руководителями клубов обнаружен такой грех, то любой из лекторов, выступавших в этих клубах, может оказаться под угрозой уголовной ответственности за участие в частнопредпринимательской деятельности, даже если он и не предполагал, что вокруг его лекций ведутся какие-то финансовые махинации. В последние годы известность получили два дела подобного рода.

Первое было возбуждено против кинорежиссера Михаила Калика, который, подобно многим другим кинорежиссерам, выступал в клубах, рассказывая о своих

фильмах и предоставляя свои фильмы для демонстрации после лекции. Так поступают многие кинорежиссеры и артисты, однако беда была в том, что Калик заявил о желании уехать в Израиль, вызвав этим недовольство властей. К счастью, дело было прекращено, и Калик через некоторое время смог покинуть СССР.

Второе дело не закончилось так счастливо: на 2 года лишения свободы был осужден в 1974 году энтузиаст парапсихологии Эдуард Наумов по обвинению в частно-предпринимательской деятельности. По приглашениям различных клубов он читал лекции, а впоследствии оказалось, что в одном из клубов деятели, организовавшие его лекции, допустили какие-то финансовые нарушения. Эти деятели были признаны невменяемыми; Наумов же осужден, несмотря на то, что, как он утверждал, он был уверен, что все формальности, связанные с его лекциями, выполняются правильно. Выступая на суде, он отметил, в частности:

”Надо сказать, что я не знаю ни одного лектора, который бы выступал и который бы вникал в вопросы о ренте, уборщице, в вопрос, кто снимает [помещение] и кто раздевает людей, в вопрос кинемеханика.”

Московский городской суд, рассматривавший дело Наумова по кассационной жалобе адвоката Д. Каминской, подтвердил приговор. Многие неофициальные комментаторы высказывали мнение, что дело Наумова непосредственно связано с попыткой властей препятствовать развитию в СССР изысканий в области парапсихологии. Наумов, выступая на суде, в не очень явной форме отметил это обстоятельство:

”... Когда меня спросили в одной организации, где я был на приеме, спросили, что, как вы считаете, над кем вот совершается сейчас этот суд— над парапсихологией или над Наумовым, я не хочу преувеличивать и заниматься опять-таки саморекламой, но я

считаю, что вся моя деятельность очень тесно связана — все, что здесь происходит, очень тесно связано с парапсихологией.” *391

* В источнике не расшифровывается, какую организацию имел в виду Наумов; однако с большой степенью вероятности можно предполагать, что имеется в виду Комитет государственной безопасности; существует какое-то психологическое табу на произнесение названия этой организации, и часто в разговоре употребляют какие-либо всем понятные синонимы, например, *органы*, подобно тому, как в азиатских странах и у некоторых примитивных племен не принято произносить имена лиц, особо почитаемых или особо устрашающих.

Скармливание хлеба скоту

В 1963 г. Российское законодательство пополнилось следующей уголовно-правовой нормой:

”Скупка в государственных или кооперативных магазинах печеного хлеба, муки, крупы и других хлебопродуктов для скармливания скоту и птице, а равно скармливание скоту и птице скупленных в магазинах печеного хлеба, муки, крупы и других хлебопродуктов, совершенные после наложения за эти действия штрафа в административном порядке, или систематически, или в крупных размерах, — наказываются исправительными работами на срок до 1 года или лишением свободы на срок от 1 года до 3 лет с конфискацией скота или без таковой ” (ст. 154¹ УК РСФСР) .

Эта оригинальная норма говорит сама за себя, но для иллюстрации я приведу полностью опубликованное в Бюллетене Верховного суда РСФСР⁴⁰⁷ извлечение из определения этого суда:

Лицо, систематически скармливавшее скоту скупленный в магазине печеный хлеб, обоснованно осуждено по ст. 154¹ УК РСФСР

(Извлечение)

Рассказовским народным судом Тамбовской области Смолянова осуждена по ст.154¹ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР к штрафу в сумме 100 руб. и с конфискацией скота — коровы и бычка.

Судебная коллегия по уголовным делам областного суда приговор оставила без изменения.

Президиум Тамбовского областного суда протест Председателя Верховного суда РСФСР об исключении из приговора конфискации коровы оставил без удовлетворения

Судебная коллегия по уголовным делам Верхов-

ного суда РСФСР, рассмотрев 16 июля 1973 г. дело по аналогичному протесту Председателя Верховного суда РСФСР, протест удовлетворила и указала следующее.

Смолянова признана виновной в том, что она в 1971-1972 гг. систематически скупала в магазине №37 печеный хлеб, который скармливала имевшемуся в личном хозяйстве скоту — корове и бычку.

13 октября 1972 г. в доме Смоляновой было обнаружено 16 буханок хлеба и размоченного в воде 2,5 кг. хлеба.

В суде Смолянова вину признала.

Вина Смоляновой материалами дела доказана. Действия ее квалифицированы правильно и наказание определено в соответствии с содеянным и личностью виновной.

Однако Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, учитывая престарелый возраст Смоляновой, а также то, что она более 30 лет работала на производстве, членов семьи, которые могли бы оказывать ей материальную помощь, не имеет, сочла возможным исключить из приговора конфискацию коровы, в остальной части приговор суда оставила без изменения.

Согласно комментарию¹⁴, хлебопродукты, купленные не в государственных или кооперативных магазинах, а полученные иным путем, не являются предметом преступления, предусмотренного этой статьей. Скармливание скоту и птице зерна, не переработанного в крупу и муку, также не квалифицируется по этой статье; наказуема лишь скупка для скармливания или скармливание скоту и птице хлеба, муки, крупы и других хлебопродуктов, среди которых комментатор указывает *печенье, баранки, сушки* и т. п.

В советской юридической литературе не было уделено достаточно внимания анализу того, почему в стра-

не, население которой издавна занималось животноводством, людям вдруг понадобилось покупать в магазине хлеб или печенье, чтобы скормливать их скоту. Нетрудно догадаться, что если бы лица, имеющие в своем подсобном хозяйстве домашний скот или птицу, могли купить специальные корма, то они вряд ли покупали бы в магазинах хлебопродукты на корм скоту. К сожалению, во многих областях снабжение сельского населения кормом для скота и птицы — это серьезная социальная проблема, затрудняющая хозяйственную жизнь многим людям. Покуда это так — многие владельцы скота и птицы вынуждены идти на преступление и покупать для своей коровы, свиньи или курицы хлебопродукты.

О том, как остра проблема приобретения кормов, достаточно ярко свидетельствует следующее сообщение из Литвы⁴⁰⁸:

Литовские власти добивались того, чтобы мать известного политзаключенного Симаса Кудирки отказалась от поездки к своим родственникам в Нью-Йорк. Представители Шакайского исполкома, а затем уполномоченный госбезопасности посетили ее и *обещали разрешить ей свидание с сыном и обещали дать корове сена**.

* Симас Кудирка — литовский моряк, который в 1970 г. в территориальных водах США перешел с советского корабля на американский катер и обратился к США с просьбой о предоставлении убежища, однако был выдан властями США по требованию советского корабельного начальства, а затем осужден в СССР на 10 лет лишения свободы. В 1974 г. Кудирка был помилован советскими властями, после чего прибыл в США вместе со своей матерью и семьей.

ХИЩЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА

Я уже упоминал о том, что русская традиция пренебрежения правом собственности казны осталась значимой и в советское время. Эта традиция получила необычайно широкое распространение среди публики еще и благодаря тому, что ныне собственностью казны или, как говорят теперь, *государственной* собственностью оказалось почти все вокруг. Согласно Конституции СССР (ст. 6),

”Земля и ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, т. е. всенародным достоянием.”

То более или менее значительное имущество, которое государственной собственностью не является, оказывается собственностью *общественной*, принадлежащей колхозам или кооперативным артелям, причем разницу между этими двумя видами не личной собственности (государственной и общественной) не учитывает ни законодатель, устанавливая наказания за преступление против государственной или общественной собственности, ни многочисленные расхитители.

Однако законодатель по-разному относится к охране государственной или общественной, т. е. *социалистической* собственности и к охране личной собственности граждан: предусмотрены существенно более жестокие наказания за преступления против социалистической собственности. Трудно сказать, следует ли рассматривать этот факт как призыв законодателя: ”Если уж воруете, то воруйте у частных лиц, а не у государства”, или как следствие доктринальной установки о том, что

человек, осмелившийся посягнуть на всенародное или общественное достояние, гораздо более социально опасен, нежели тот, кто посягает на личную собственность граждан*. Считается как бы очевидным, что такой подход к определению меры наказания за хищения — естественен, и, насколько мне известно, в советской юридической литературе нет попыток логически, а не декларативно, обосновать большую жестокость наказания за хищение социалистического имущества. Такие попытки были бы, однако, весьма уместны, тем более что советский закон предусматривает даже смертную казнь в наказание за хищение социалистической собственности в особо

* В Уголовном кодексе речь идет о преступлениях против личной собственности именно *граждан*. Хотя можно предполагать, что советский законодатель в тех случаях, когда он употребляет термин *гражданин*, имеет в виду именно советских граждан в отличие от иностранных граждан, однако это лишь предположение, и если установлено наказание за преступление против личной собственности *граждан*, то не будет нарушением закона осуждение лица за такое преступление против собственности и иностранных граждан; однако осуждение за преступление против личной собственности лиц без гражданства будет не основано на законе.

Согласно Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 123):

”Проживающие в СССР лица без гражданства пользуются гражданской правоспособностью наравне с советскими гражданами.”

Это означает, что в соответствии со ст. 9 тех же Основ лица без гражданства, проживающие в СССР, ”могут в соответствии с законом иметь имущество в личной собственности”; такая гарантия, как можно понять, означает и право лиц без гражданства, проживающих в СССР, на то, чтобы ожидать от властей защиты их личного имущества, однако есть существенная разница между действиями властей по защите имущества и уголовным наказанием лиц, противоправно отчуждающих это имущество. (Замечу, что лица без гражданства, не проживающие в СССР, в отличие от иностранных *граждан*, не обладают признанной законом возможностью иметь собственность в СССР.)

Трудно сказать, в какой мере является значимой на практике ненаказуемость преступлений против личной собственности лиц без гражданства. Я даже не знаю, осведомлены ли воры о том, что у лиц без гражданства в СССР можно красть безнаказанно; я даже не знаю, осведомлены ли об этом советские юристы.

крупных размерах.

По-видимому, среди советских юристов воспринимается как очевидное мнение о том, что интересы государства должны быть защищаемы посредством более жестоких репрессий, чем интересы частных лиц. То, что в *буржуазном праве* эта презумпция примата интересов государства не всегда значима при определении наказаний за преступления, дает советским юристам повод для выводов доктринального характера. Так, например, советский юрист Б.С. Никифоров при редактировании перевода книги английского юриста К. Кенни "Основы уголовного права" сделал следующее замечание в сноске по поводу того, что по английскому праву в некоторых случаях подкуп агента частного предприятия и агента государственного учреждения наказуем одинаково. Никифоров отмечает:

"Все эти нормы, направленные к защите частного предпринимателя — патрона от недобросовестного поведения со стороны его служащего, представляют собой недвусмысленное выражение, характерное для буржуазного правопорядка в период империализма, легализации единства интересов буржуазного государства и отдельных капиталистов..."³⁹²

Публика также по-разному относится к хищениям собственности социалистической и собственности личной. В то время как хищение личной собственности граждан рассматривается всеми, за исключением разве что самих воров, действием преступным, недопустимым, постыдным, хищение собственности социалистической, во всяком случае, если оно проводится в не слишком крупных размерах, мораль обывателя не считает чем-то постыдным, а напротив, рассматривает это как естественное поведение людей. Мало кто из публики пытается обосновать такую моральную концепцию, но те, кто пытается, высказывают, например, такие соображения: "У государства меньше не станет, если я возьму какую-нибудь

мелочь”, ”Если бы я мог купить эту вещь в магазине, я бы не стал красть ее на службе”, ”Государство нам многого недодает, приходится брать самим.”

Советские юристы³⁹³ сообщают о результатах анкетного опроса работников одного завода по поводу хищений социалистической собственности:

”... Один из работников завода, заполнивших опросный лист, пишет: ”У нас считается глупостью покупать вещь в магазине, если ее можно взять или сделать на заводе. Берут все: от канцелярских принадлежностей до самых дорогих приборов, варварски выдирая их из изделия.” Другой работник этого же завода пишет: ”... Порой видишь честного (?) * и материально обеспеченного товарища, ищущего в цехах кусок провода или розетку, выключатель, винт, болт, резиновую шайбу или втулку — в общем, от мелочи до крупного... Одни тащат скрытно, но по мелочам, а другие вывозят бидонами, бутылками”.

Те же авторы сообщают, что осужденная за хищение работница бухгалтерии завода на вопрос, ”считает ли она себя равной в моральном отношении тем преступникам, которые обкрадывают квартиры, похищают деньги из карманов граждан”, ответила: ”Что вы! Я не воровка какая-нибудь. Я никогда в жизни ничего чужого из кармана или из квартиры не взяла бы.”

Известно, что общественная оценка социальных явлений часто отражается в изменениях языка; весьма интересно, что для обозначения лиц, допускающих систематические мелкие хищения социалистической собственности, в языке не нашлось слова, адекватно отражающего общественное отношение к такому виду воровства: родилось новое слово — *несун*. Само появление этого слова свидетельствует о снисходительности публики

* В источнике не указано, кем поставлен этот вопросительный знак в скобках: работником, заполнявшим опросный лист, или автором статьи (В. Ч.).

в моральном осуждении мелкого воровства социалистической собственности. Разумеется, я говорю о снисходительности неофициальной; на собраниях трудящиеся гневно осуждают *несунов*; советский журналист, например,³⁹⁴ отмечал, что "философия "несунов" давно уже осуждена общественным мнением".

Разумеется, было бы невозможно бороться с несунами только устройением собраний с целью общественного их осуждения. Попавшиеся несуны часто подвергаются административной ответственности, поступок их обсуждается товарищеским судом. Разумеется, если о ком-либо известно, что он систематически совершает мелкие хищения, то его дело должно быть передано в прокуратуру для возбуждения уголовного дела. Есть, однако, важное обстоятельство, препятствующее тому, чтобы руководители учреждений были слишком заинтересованы в борьбе с хищениями социалистической собственности. Дело в том, что руководитель предприятия или учреждения несет ответственность не только за качество работы и выполнение плана на предприятии или в учреждении, но, как настойчиво объясняют идеологи, он ответственен за воспитание каждого подчиненного ему человека в духе коммунистической морали, и совершенно ясно, что каждый широко разглашенный случай хищения социалистической собственности свидетельствует о недостатках воспитательной работы на данном предприятии или учреждении и вызывает недовольство высшего начальства, особенно начальства партийного. Поэтому стало системой, что руководители предприятий стараются "не выносить сор из избы" и стремятся замять ставшие им известными факты хищений социалистической собственности, разумеется, в случаях, когда не совершено значительного преступления. Такое поведение руководителя вполне естественно, ибо раз он несет ответственность за поведение своих подчиненных, то в большинстве случаев оказывается вынужденным скрывать правонарушения, оберегая себя от ответственности.

Таким образом, помимо *круговой поруки друг за друга*, т. е. распространенного среди трудящихся обычая не мешать друг другу в мелких хищениях социалистической собственности (я при этом не имею в виду активистов), помимо такой обычной круговой поруки стараниями идеологов возникает своего рода *круговая порука сверху вниз*, когда руководители предприятий побуждаемы покрывать совершаемые их подчиненными мелкие преступления.

По-видимому, такая позиция руководителей предприятий обратила на себя внимание властей, и недавно стало известно³⁹⁵ об опыте организации специальной комиссии на кондитерской фабрике "Заря", которая должна следить за эффективной борьбой с мелкими хищениями; существенно при этом, что возглавляет эту комиссию "освобожденный" секретарь, т. е., как можно судить, лицо, не зависящее непосредственно от руководителя предприятия.

Издавна многие предприятия охраняются специальными подразделениями Министерства внутренних дел, не подчиненными руководителям предприятий. Практика деятельности такой охраны показывает, что основная ее функция (помимо охраны предприятия от шпионов и диверсантов) — не допускать хищений социалистической собственности. Считается естественным, что работники предприятий, покидая предприятие после работы, проходят через специальную *проходную* — помещение, в котором стоит охранник и которому трудящиеся должны показывать содержимое своих сумок и портфелей. Неизвестно, кем утверждена инструкция о производстве таких *добровольных* обысков; сама эта инструкция также не опубликована, однако известно, что, по-видимому, авторы этой инструкции с некоторым уважением относились к гарантии Конституции о неприкосновенности личности — обыски в проходных производятся действительно *добровольные* (исключения бывают на особо секретных предприятиях или в случаях, когда ра-

ботники охраны слишком активны и бесцеремонны). В случае, если работник отказался предъявить содержимое своей сумки или портфеля для обыска, т. е. открыть сумку или портфель и по указанию вахтера показывать все вещи, сам вахтер в принципе не имеет права открыть портфель, но вправе, разумеется, при наличии обоснованных подозрений вызвать милицию, которая и произведет обыск, несмотря на отсутствие санкции прокурора и несмотря на гарантию Конституции.*

Вахтеры, впрочем, выполняют и другие функции: они следят, чтобы рабочие не проносили на завод водку; рабочие носят водку не в портфелях, а в карманах, так что иногда, особенно под зимней одеждой, нельзя углядеть, не несет ли человек в кармане бутылку: обыски в проходной сопровождаются ощупыванием. Весьма редко бывает, чтобы рабочий заявил о том, что он считает подобный обыск оскорбительным для своего достоинства. Газета "Известия" посвятила статью одному рабочему, который покинул работу, так как не счел возможным согласиться на такой обыск³⁹⁶. Вот как сам этот рабочий, Борис Туранов, охарактеризовал возникший конфликт:

"Я был задержан в проходной, когда шел на работу. Но ощупывать себя не позволил, руководствуясь законом о неприкосновенности личности, незамешанной в правонарушениях... У меня не было желания совсем покинуть шинный завод, потому что дали хорошее общежитие. Но меня не устраивают отношения в проходной..."

Весьма существенно, что Туранов протестовал именно против обыска при входе на работу, когда проверяют, нет ли водки. Корреспондент "Известий" Г. Комраков пишет о нем:

* Случаи, когда работники предприятий и учреждений, включая ученых, отказываются от таких добровольных обысков, — необычайно редки.

”Он знает, что отдельные нечестные люди иной раз пытаются вынести через проходную какие-нибудь мелочи — электрическую лампочку, моток провода, банку краски. Безусловно, знает, что помноженная на наши масштабы ”мелочь” оборачивается государству существенным ущербом, поэтому с ”несунами” ведется борьба. Еще Туранов знает, что при выходе с территории предприятия рабочий обязан показать содержимое свертка или, скажем, сумки, коли таковые имеются, что, наконец, после смены вахтеры имеют право даже на поверхностный осмотр одежды, если к этому есть основания. Все это для Туранова не новость, со всем Борис согласен. Но подвергать себя осмотру при входе на завод он не желает: кому и зачем нужна по утрам столь странная процедура?”

Далее из слов заместителя начальника заводской охраны читатель статьи узнает, *зачем*:

”Если, к примеру, пальто на груди оттопыривается, тогда могут ощупать. А вдруг водка? По закону требуется отобрать. И уничтожить. По закону...”

Корреспондент по этому поводу замечает:

”Слукавил слегка Алексей Даниилович: нет такого закона. Можно поверить, что процедура обусловлена самыми благими намерениями, но тем не менее закона такого нет. И в Уставе на этот счет — ни слова. Вот что есть, так это — приказ директора, где в общих чертах означено: лиц, пытающихся пронести на завод спиртные напитки, необходимо задерживать, спиртное уничтожать.”

Как видим, человек с сильно развитым чувством человеческого достоинства, памятующий о принципе неприкосновенности личности, тем не менее смиряется перед необходимостью подвергаться обыску при *выходе* с завода, понимая острую общественную необходимость таких обысков.

Более резкой была реакция публики на попытки про-

водить обыски в магазинах самообслуживания. Работники таких магазинов, судя по многим сообщениям, требовали от покупателей, чтобы они оставляли свои сумки и портфели при входе в магазин, а в некоторых случаях требовали предъявления сумок и портфелей для обыска при выходе из магазина. Реакция была тем более острой, что магазин не отвечал за сохранность оставляемых покупателями при входе в магазин сумок и портфелей. Фельетонист "Известий"³⁹⁷ сообщает об одном из случаев, когда оставленный таким образом портфель с документами исчез и утратившая его студентка услышала в утешение лишь то, что она не первая и не последняя жертва.

Не знаю, вследствие ли протестов публики или вследствие непрерывного совершенствования советского нормативного регулирования, но в 1973 г. в приказе Министерства торговли СССР было специально отмечено запрещение работникам торговли проверять у покупателей их личные сумки, портфели и т. п.³⁹⁸

Хотя власти пытались применять такие же жесткие превентивные меры в борьбе с воровством в магазинах самообслуживания, как и в борьбе с *несунами*, но у меня есть сильное и, надеюсь, обоснованное впечатление, что хищения в магазинах самообслуживания распространены, несомненно, меньше, нежели мелкие хищения социалистической собственности на предприятиях: мораль среднего советского обывателя оценивает кражу, совершенную покупателем в магазине как *кражу*, в то время как хищение социалистического имущества, которое совершают рабочие и служащие по месту работы, эта мораль оценивает гораздо более снисходительно — я уже говорил об этом.

Помимо проблемы *несунов*, с которыми властям приходится бороться, в основном, общественными, служебными и административными мерами, существует, конечно, и проблема борьбы с более крупными хищениями социалистического имущества. Такие хищения тоже весьма и весьма распространены, и это можно смело

утверждать, хотя бы судя по тому вниманию, которое уделяет пресса этому виду преступления (при том, что советская пресса вообще не склонна увлекаться уголовной хроникой). По данным³⁹⁹, осужденные за преступления против социалистической собственности в общем числе осужденных составляют 15-18% (по тем же данным, осуждено за преступления против личной собственности в 1967 г. 16%).

Невозможно перечислить даже наиболее распространенные способы хищений социалистического имущества; особенно разнообразны приемы хищений, связанные со злоупотреблением служебным положением. В частности, относительно хищений в особо крупных размерах советский автор⁴⁰⁰ сообщает:

”Хищения в особо крупных размерах совершаются, как правило, организованными сплоченными группами расхитителей, в состав которых входят руководители организаций и предприятий, работники бухгалтерий, материально ответственные лица, т. е. те, на кого возложены обязанности по контролю за расходованием и учетом материальных ценностей и денежных средств”.

Хищение в особо крупном размере наказуемо лишением свободы от 8 до 15 лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества. Советская практика рассматривает как *хищение в особо крупном размере* хищение на сумму 10 000 рублей и выше, при этом такой формальный количественный критерий часто не является решающим при квалификации хищения: диалектический образ мышления побуждает советских правоведов и судий учитывать при обсуждении вопроса о квалификации хищений не только ценностный критерий, но и объем, количество и характер похищенного⁴⁰¹.

К сожалению, в советской юридической литературе и прессе не публикуются подробные рассказы о делах, связанных с хищением социалистического имущества

в особо крупных размерах. Судя по тем данным, которые все же появляются в печати, в некоторых случаях преступникам удается похитить солидные суммы. Так, по данным⁴⁰², ”пробравшиеся на трикотажные фабрики Киргизской ССР жулики длительное время расхищали государственное имущество и всего похитили ценности общей стоимостью свыше трех миллионов рублей”. По данным⁴⁰², Гольдман и другие в период с 1950 по 1960 г. на предприятии текстильной промышленности похитили ценности, общий размер которых был определен Верховным Судом СССР в 2 952 472 рубля. Такие крупные дела, конечно, редкость, однако довольно часто становится известно о разоблачении хищений на суммы в несколько тысяч и даже в несколько десятков тысяч рублей.

Организация хищений в крупных и особо крупных размерах требует от исполнителей, несомненно, большого хозяйственного опыта и способности к конспирации. По данным⁴⁰⁴, на основе изучения материалов двухсот дел о хищениях в особо крупных размерах было установлено, что свыше одного года хищения совершались в 90% случаев, свыше двух лет — в 66% случаев, свыше 5 лет — в 14% случаев. Такие данные указывают на весьма низкую *раскрываемость* преступлений в этой области и свидетельствуют не только о недостаточно активной деятельности ревизионных органов, но и об изоэщенности расхитителей.

По-видимому, в делах меньшего масштаба культура хищений социалистической собственности в среднем ниже.

Встречаются, и нередко, дела совсем удивительные по примитивности техники исполнения. Так, в Москве в конце 50-х годов шофер автобуса систематически с помощью специального приспособления выуживал деньги из кассы в своем автобусе⁴⁰⁵. По-видимому, он не слишком глубоко изучил проблему конспирации, ибо навлек на себя подозрение попросту тем, что в кассах

других автобусов того же маршрута всегда бывало больше денег.

Другой пример поразительно низкой культуры хищной социалистической собственности свидетельствует также о весьма низкой культуре контроля в области подбора материально ответственных сотрудников: одна дама устраивалась на работу кассиром в магазины разных городов, совершала хищения денег из кассы и скрывалась. При оформлении на работу она предъявляла поддельный паспорт с подрисованной печатью, причем в этот паспорт взамен недостающего был вставлен паспортный лист с другим номером¹⁰⁸.

Отмечу в заключение этого очерка явление весьма характерное для советской хозяйственной жизни: "завладение" социалистическим имуществом не с целью присвоения его, а с намерением обеспечить себе возможность нормальной работы. Необычайно распространено такое противоправное "завладение" социалистическим имуществом среди тех людей, служебная деятельность которых не обеспечивается в должной мере сырьем и запасными частями: шоферы и механики сельскохозяйственных машин "крадут" друг у друга запасные части машин, рабочие, лаборанты и научные сотрудники "крадут" друг у друга дефицитные материалы, инструмент, приборы. При этом часто "крадут" не потому, что в данный момент случилась крайняя необходимость употребить какой-либо инструмент или деталь, а "крадут" на запас, зная, что когда понадобится — не достанешь.

Начальство по возможности борется с этим злом среди своих подчиненных, но не слишком препятствует им в случаях, если такие "кражи" совершаются в соседнем цеху или в соседней лаборатории. Такие "кражи", конечно, не влекут уголовного наказания, хотя и можно было бы для таких случаев приискать статью Уголовного кодекса. Впрочем, если такими "кражами" занимается должностное лицо, возможно обвинение в злоупотреблении служебным положением, как это показывает

следующий, весьма интересный случай.⁴⁰⁶

В.И. Самарский, работая ведущим инженером лаборатории нейрохирургии Института экспериментальной медицины, злоупотреблял служебным положением: в течение двух лет систематически изымал из лаборатории вверенные ему приборы, радиодетали и другие материалы, приносил их домой, где и хранил. Всего им было изъято имущество 57 наименований в количестве 1 129 штук на общую сумму 984 р. 43 к. Приговором Петроградского районного народного суда от 22 сентября 1967 г. Самарский был осужден за хищение социалистического имущества по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы.*

При рассмотрении дела в кассационной инстанции Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда установила, что Самарский, вынашивая весьма перспективную идею полного овладения нервной системой при помощи отведения и стимулирования на расстоянии биотоков мозга, — добился включения соответствующей темы в перспективный пятилетний план научно-исследовательской работы института. Опасаясь, что ввиду недостаточной обеспеченности института радиодетальями и неэкономного их расходования дефицитные материалы будут исчерпаны еще до того, как начнутся работы по интересующей его теме, он решил припрятать их дома. Через два года после совершения преступления Самарский сам явился с повинной и за весь период хранения у него деталей ни одной из них никуда не израсходовал. При таком положении коллегия Ленинградского городского суда пришла к выводу, что у Самарского отсутствовала корыстная цель, и потому определением от 1 ноября 1967 г. переквалифицировала действия Самарского на ч. 1 ст. 170 УК РСФСР.

* Имеется в виду хищение путем злоупотребления служебным положением. (В.Ч.)

** Ст. 170 УК РСФСР — злоупотребление властью или служебным положением. (В.Ч.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Утром 11 февраля 1968 года читатели советской газеты "Правда" узнали, что по данным Федерального Бюро Расследования в США в 1967 году было совершено 3 750 000 серьезных преступлений. По-видимому, советские читатели не поверили этому сообщению. Не поверили ему и советские юристы: "... С учетом поправок на очковтирательство американской официальной статистики, советские ученые полагают, что уровень преступности в США надо определять не менее, как в десять млн. преступлений в год".* 29

Иногда советские читатели узнают и о количестве преступлений, совершаемых в других странах. Но уже давно советские читатели не могут узнать, сколько преступлений совершается в их стране. Правда, они узнают, что преступность в СССР "неуклонно сокращается, она в несколько раз меньше, чем в дореволюционной России..."²⁹. И преступность, и годовое число осужденных понижались даже в 30-х годах, в разгар сталинских репрессий, причем тогда сообщения о понижении преступности были особенно смелыми. Например, сообщалось⁴¹⁴, что общее количество зарегистрированных

* О том, как советские ученые определяют это число десять млн., трудно судить доподлинно; вообще при искажении данных социальной статистики критически настроенный исследователь оказывается в большом затруднении, ибо часто неизвестно, каков коэффициент очковтирательства.

преступлений в СССР в 1936 году сократилось по сравнению с 1934 годом почти в два раза. Сообщалось также⁴¹⁴, что в РСФСР число осужденных за первую половину 1936 г. почти в два раза меньше, чем за первую половину 1933 г.; а в Белоруссии и того лучше: в первую половину 1936 г. было осуждено в четыре раза меньше человек, чем в первую половину 1933 г.

В последнее время преступность сокращается не столь бурными темпами: за последнее двадцатилетие понижение преступности происходит в среднем на 1-2% в год⁴¹⁷ — речь идет о двадцатилетии с 1946 г. по 1966 г. Как критически настроенный исследователь может проверить это сообщение о падении преступности, если абсолютные статистические сведения не публикуются? Задача была бы трудной, но, к счастью, в той же книге⁴¹⁸ сообщается, что до 1958 г. в судебной статистике учитывались многие дела, которые ныне передаются на рассмотрение товарищеских судов:

”... дела о побоях, клевете и оскорблениях занимали 14-16% от общего числа уголовных дел, дела о мелком хищении социалистической собственности — 8-10%, о незлостном хулиганстве — 18-20%. Таким образом, почти половину всех преступлений составляли дела о малозначительных преступлениях. В народных судах дела так называемого частного обвинения о клевете, оскорблениях, побоях до вступления в силу новых республиканских уголовных кодексов 1959-1961 гг. составляли от 30 до 40% всех уголовных дел”.

Из других источников также известно, что многие дела о мелком хулиганстве и мелком хищении социалистической собственности ныне рассматриваются не только общественностью, но и в порядке административного производства, т. е. также не входят в судебную статистику. Из этих данных с большой вероятностью следует, что даже при росте реальной преступности судебная статистика может свидетельствовать о падении за

”последнее двадцатилетие” уровня преступности в среднем на 1-2% в год.

Поскольку данные о преступности вплоть до 1928 г. в России публиковались, то в принципе можно было бы надеяться установить уровень нынешней преступности, если советские авторы более или менее определенно указывают, насколько преступность снизилась по сравнению с 20-ми годами.* Такие выводы сделать, однако, нелегко.

В одних случаях даже относительные статистические сведения даются слишком неопределенно, чтобы можно было делать выводы. Например, в⁴¹⁸ сообщается, что ”судимость в 1963-65 гг. была самой низкой за последние тридцать лет” — непонятно, с какого года начинаются указанные 30 лет — с 1933, с 1934 или с 1935; количество осужденных в РСФСР в 1934 и 1933 гг. можно предположительно установить, пользуясь данными⁴¹⁶ об уровне судимости в эти годы по сравнению с 1928 г., а данные по 1928 г. опубликованы⁴¹⁹. По данным⁴¹⁶, судимость в 1934 г. в РСФСР была лишь немного выше, чем в 1928г.: 955 629 осужденных в 1928 г. и немного более миллиона в 1934 г. Из сообщения советского автора о том, что в 1963-65 гг. судимость была самой низкой за последние 30 лет, можно сделать предположительный вывод, что в эти годы судимость была ниже, чем в 1934 г.; однако по стилю сообщения советского автора достаточно вероятно предположение, что уровень судимости был лишь несколько ниже, но никак не в несколько раз ниже.

Вряд ли разумно предполагать, что по сравнению с 1963-65 гг. судимость в 1967 г. была значительно ниже,

* Следует, однако, помнить, что правдивость статистики в публикациях до 1928 г. тоже может быть поставлена под сомнение — во всяком случае, в части, касающейся политических репрессий. Например, согласно⁴⁷⁷ в СССР в 1962 г. за государственные преступления осуждено 1037 человек. Может быть, действительно осуждено лишь столько, но есть веские свидетельства, что репрессировано без суда гораздо больше.

тем не менее в учебнике советской судебной статистики⁴⁰⁹ сообщается, что число осужденных на тысячу человек населения в 1967 г. уменьшилось по сравнению с 1928 г. более, чем в 3 раза, что означает, с учетом данных о судимости в 1928 г.⁴¹⁹, что в 1967 г. на сто тысяч населения было осуждено менее, чем 317 человек, что означает, считая население в СССР в 1967 г. равным примерно 200 миллионам, что в 1967 г. было осуждено 634 000 человек, т. е. почти в два раза меньше по сравнению с числом осужденных, вычисленным выше для 1963-65 гг.

Как видим, трудно получить более или менее согласованные данные, если использовать сравнительные сведения, приводимые советскими юристами для иллюстрации того, как судимость понизилась по сравнению с 20-30-ми годами.

Другая надежда определить уровень преступности в СССР связана с поисками данных о том, сколько преступлений совершено в каком-либо районе или на предприятии при том, что население этого города или количество служащих предприятия — известно. Таких данных в печати почти нет*, но, например, в⁴²⁰ сообщается, что на заводе с числом работающих 1 300 за два года было совершено 18 преступлений и 183 проступка (1960-1961). Если предположить (это очень грубое предположение), что уровень преступности в СССР такой же,

* Из Перечня сведений, запрещенных Главлитом для открытой печати, фрагменты которого недавно стали известны из Самиздата и опубликованы⁴⁷⁴, видно, что запрещена публикация данных о числе осужденных "по городу, области и выше". Вот относящиеся к обсуждаемому предмету выдержки из этого Перечня тем, запрещенных к открытой печати:

"Обобщенные данные (абсолютные или относительные), характеризующие степень преступности или судимости по всем видам преступлений, в том числе: количество преступлений, число людей, привлеченных к ответственности за совершение преступлений, число арестованных, число осужденных — по области, городу и выше.

Информация о закрытых судебных процессах.

Количество мест предварительного заключения (след-

как на этом заводе, то получится, что на сто тысяч населения совершается семьсот зарегистрированных преступлений, что при населении двести миллионов человек в СССР совершалось 1 500 000 преступлений в год (а при том же коэффициенте преступности и при нынешнем населении 250 миллионов — 1 750 000 преступлений в год). Поскольку, судя по многим данным, среди рабочих совершается относительно большее количество преступлений, чем среди других слоев населения, полученное число преступлений являлось бы явно завышенным, даже если бы обобщение не было столь грубым.

Согласно сообщению узбекской газеты "Правда Востока"⁴²¹, в Ташкенте "на толкучке меньше, чем за полгода за разные уголовные преступления задержан 3 581 человек".

Если предположить, что преступления в Ташкенте совершаются только на толкучке (такое предположение приведет к явно заниженным данным), то получим коэффициент преступности для Ташкента — семьсот преступлений на сто тысяч человек населения, а если частота преступлений такая же во всем Союзе*, то в расчете на нынешнее количество населения получим 1 750 000 преступлений в год. Совпадение этого явно заниженного результата с явно завышенным результатом рассуждений в предыдущем абзаце — поразительно, но, конечно, случайно.

Приведенные расчеты, конечно, слишком грубы, чтобы по ним можно было хотя бы приблизительно

ственных), мест одиночного заключения, тюрем, колоний, мест заключения, камер дополнительного (?) заключения — по городу, области и выше.

Информация о дислокации колоний и мест заключения без разрешения МВД.

Число заключенных, выселенных, осужденных и состав заключенных."

* Согласно⁴²², коэффициент преступности "в целом и по большинству основных преступлений" в РСФСР выше, чем в СССР.

судить об уровне судимости и преступности в СССР. Это скорее иллюстрация того, к каким ухищрениям приходится прибегать, чтобы получить хотя бы приблизительное представление о порядке величины этого уровня. Ситуация, конечно, странная, ибо речь идет не о вычислении количества военных специалистов или танков, а о знании статистических данных об обществе, данных, которые при современных представлениях о важности социологической информации вправе знать каждый житель страны.

Я думаю, более точное представление об уровне судимости в СССР можно получить, используя опубликованное Сахаровым сведение о числе заключенных, содержащихся в советских местах заключения: Сахаров сообщает, что это число — 1 700 000⁴²³. Исходя из этого сведения и пользуясь данными²⁹ о том, что в 45-50% случаев суды налагают наказания, не связанные с лишением свободы*, а также данными, позволяющими вычислить средний срок лишения свободы, можно получить число осужденных в СССР за один год. Основываясь на данных⁴²³ о приговорах к различным срокам наказания в РСФСР, а также на сведениях⁴¹⁵ о том, что на срок свыше 10 лет осуждается примерно 1% всех осужденных, я прихожу к выводу, что средний срок заключения при наказании лишением свободы — 3,4 года (примерно такой же средний срок — 4,35 года — получается, если использовать данные⁵², относящиеся к Молдавской ССР). При числе заключенных 1 700 000 и среднем сроке заключения 3,4 получается, что к наказанию лишением свободы приговаривается в год 500 000 человек, т. е. всего осужденных с учетом тех, кто осуждается к иным мерам наказания, — примерно один миллион в год.

* Замечу, что в последние годы все более часто, согласно многим частным сообщениям, осужденные направляются на стройки народного хозяйства — такой приговор формально считается не связанным с лишением свободы.

Я не учитываю здесь число казненных, но это не вносит большой ошибки. Я не думаю, что это число больше 10 тысяч в год. По Сахарову: 700-1000 в год.⁴⁷⁶

Следует полагать, что в СССР в год осуждается несколько больше одного миллиона человек, так как средний срок лишения свободы вычислялся на основании данных о судебных приговорах; согласно⁴¹⁵, осужденные, приговоренные к срокам 8-9 лет, не все отбывают срок полностью — 50-55% из них фактически отбывают срок 4-5 лет, поскольку применяется условное и условно-досрочное освобождение.

Я исходил из данных, сообщенных д-ром Сахаровым⁴²³. Не скрою, после подсчетов у меня остается сильное впечатление, что эти данные, возможно, ошибочны, занижены, однако английский историк П. Реддавей, исходя из исследований по подсчету советских лагерей, получил число даже меньшее, чем то, которое указано д-ром Сахаровым.

Если считать, что в Советском Союзе в течение года осуждению подвергается один миллион человек, то, используя данные⁴¹¹, полученные на основе выборочных исследований, можно судить о количестве осуждений за наиболее распространенные преступления в течение года. Именно, за хищение социалистической собственности осуждается 200-250 000 человек в год, за хулиганство — 150-200 000, за преступления против личности (тяжкие телесные повреждения, убийства, изнасилования и пр.) — 100-120 000, за преступления против личного имущества граждан — 100-150 000, за автотранспортные преступления — 40-50 000.

Эти предположительные цифры не дают, конечно, представления о том, как много в СССР совершается соответствующих преступлений, тем более что, как и в других странах, о многих преступлениях, например, кражах или изнасилованиях, пострадавшие заявляют далеко не всегда. Можно полагать, что раскрываемость преступлений при расследовании дел об убийствах и других особо серьезных преступлениях — достаточно высока, и поэтому, быть может, не велика разница между данными о судимости и данными о количестве заре-

гистрированных преступлений. Однако раскрываемость таких более распространенных преступлений, как хищение социалистического и личного имущества, как хулиганство, — по-видимому, довольно низка. Хотя согласно публикуемым советскими авторами данным в среднем раскрываемость преступлений превышает 90%, однако при этом не указывается, за какой срок раскрываются преступления. Скажем, если преступление было раскрыто через пять лет после его совершения, то во многих случаях за эти пять лет осужденный совершает несколько преступлений.

Для сравнения показателей судимости и преступности важно учитывать также, что многие преступления не регистрируются не только потому, что о них не становится известно властям, но и потому, что местные власти, стремясь порадовать начальство успехами в борьбе с преступностью, часто не возбуждают уголовные дела, несмотря на то, что имеют к этому законные основания. Советские авторы неоднократно обращали внимание на эту проблему. Известный советский специалист Карпец⁴²⁵ отмечал, что если реакция органов государства на тяжкие преступления всегда активна и очевидна, то этого нельзя сказать о преступлениях, не представляющих серьезной общественной опасности. И далее:

”Причины такой реакции различны: от чрезмерной подчас загрузки работников делами, которые невозможно оставлять без внимания, до недооценки ”мелочей” и простой недобросовестности, связанной со стремлением создать видимость благополучия и ”снижения” (или хотя бы стабилизации) преступности”. (По-моему, ремарка автора *”или хотя бы стабилизации”* обращает на себя внимание — В. Ч.)

Советский журналист Аркадий Ваксберг⁴²⁶ рассказывал о случае, когда органы милиции длительное время не возбуждали уголовного дела против юноши, кото-

рый систематически совершал избиения и хулиганские поступки. Журналист пишет о возможной причине этого:

”Гипотез может быть несколько, я попробую высказать только одну.

Не столкнулись ли мы с феноменом процентомании, которая зло всюду, а в той сфере, о которой идет разговор, зло вдвойне.

Процент для статистики, объективно фиксирующей существующую реальность, — дело полезное и необходимое. Процент для отчетности, ”украшающей” действительность, — дело отнюдь не полезное.

Искусственная отчетность, создающая иллюзию благополучия, была решительно осуждена несколько лет назад Генеральным Прокурором СССР, обязавшим всех прокуроров принимать решительные — и притом крутые! — меры ”при установлении фактов сокрытия преступлений от учета”, в случае нарушения законности ”при регистрации уголовных проявлений... и сообщений о совершенных преступлениях”. Проблема эта, как видим, общественно важная, борьба с очковтирателями и на этом фронте идет полным ходом, однако с рецидивами опасного ”украшательства” приходится сталкиваться до сих пор.”

Я начал этот очерк сообщением о том, что советские ученые подозревают американскую официальную статистику в очковтирательстве. Как видим, советский журналист, и не он один, подозревает и советскую статистику в том же грехе. Есть, однако, существенная разница: советские ученые, почитающие очковтирательством американскую статистику, смогли, исходя из каких-то данных, вычислить *коэффициент очковтирательства* и при этом смогли использовать опубликованные данные об уровне преступности в США. *Коэффициент очковтирательства* советской статистики вычислить, по-видимому, совершенно невозможно — я

думаю, этот коэффициент неизвестен даже советским властям (при этом даже знание этого коэффициента не помогло бы исследователю определить уровень преступности в СССР, так как данные официальной статистики о преступности — засекречены).

НАДЕЖДЫ

Согласно коммунистической доктрине, в будущем—при коммунизме—преступность в принципе исчезнет. Ленин писал:

”Мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут *’отмирать’*. Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать”.⁴²¹

Советские криминологи и ныне исповедуют это доктринальное положение, хотя и более сдержанно, чем в 30-х годах; несмотря на то, что, согласно доктрине, в СССР уже нет ни эксплуатации масс, ни нужды, ни нищеты их, криминологи не считают теперь, что в СССР совсем нет причин преступности.

В 30-х годах было иначе: власти предпочли объявить, что в СССР уже нет причин преступности; были прекращены криминологические исследования, не собирались статистические сведения о преступности, что, как отметил советский юрист⁴²⁹, отрицательно сказалось на деятельности милиции, суда и прокуратуры. В 50-х годах, уже после смерти Сталина, советским юристам вновь разрешили заниматься криминологией и изучением проблемы предупреждения преступности.

Публикаций на тему о будущем проблемы преступности в СССР — не много, но изучение их — интересно и могло бы стать темой отдельной книги. Правда, в том, что касается выводов, мнения советских криминологов поразительно однообразны.

Советские авторы различают во всяком случае три группы факторов, которые важно изучать для ответа на вопрос о том, почему данный человек совершил данное преступление.

Первая группа факторов касается непосредственно личности преступника, свойств его характера, условий воспитания, отношения к труду и тому подобное.

Вторая группа факторов связана с социальной обстановкой, в которой человек находился перед совершением преступления.

Изучение первой группы факторов помогает практическим работникам применять индивидуальные воспитательные меры к определенному преступнику, а также заботиться о воспитании молодежи. Изучение второй группы факторов, как можно понять, помогает организации воспитательной работы с коллективами, наиболее 'зараженными' преступностью.

Известный советский специалист Карпец сообщает, например, ⁵⁴ что изучение статистики преступности в г. Харькове показало, что наибольшее количество правонарушений совершается рабочими и служащими 16-ти предприятий из трехсот. Советский юрист в связи с этим весьма оптимистично отметил, что эти данные позволили местным партийным и общественным организациям позаботиться об устранении условий, способствующих совершению правонарушений, в особенности на этих шестнадцати предприятиях. Карпец отмечает в числе конкретных причин правонарушений на заводе Лесмаш:

Оторванность части работающих от общественной

жизни коллектива;

Низкий уровень культурно-массовой воспитательной работы;

Существенные недостатки в работе по вовлечению рабочих и служащих в учебу (общеобразовательную, производственную);

Почти полное отсутствие внимания к организации досуга рабочих, особенно живущих в общежитии;

Терпимое отношение к правонарушителям.

Третья группа факторов касается общества в целом. Это — так называемые *пережитки капитализма* (варианты: *пережитки прошлого, пережитки феодализма*).

Советский автор поясняет, что

”пережитками следует считать все явления, противоречащие социализму и коммунизму, но органически присущие идеологии и морали прошлых досоциалистических общественно-экономических формаций, в том числе и существующему в настоящее время капитализму, своим тлетворным влиянием порождающему чуждые взгляды и представления в условиях социалистического общества”.⁴³⁰

Небезынтересно привести список грехов человеческих, которые этот автор, подобно многим другим советским исследователям, считает пережитками:

аполитичность, безыдейность, аморальность, шовинизм, национализм, религиозные предрассудки и суеверия, противопоставление личных интересов общественным, эгоизм, стяжательство, карьеризм, тщеславие, лицемерие, неискренность, лживость, подхалимство, угодничество, беспринципность, зазнайство, кичливость, хвастовство, неуважение к товарищам, хамское отношение к женщине, мелкобуржуазная распущенность, недисциплинированность, грубость, неуважение к закону, к правилам социалистического общежития, тунеядство, паразитизм, лодырничество,

мещанская обособленность, домостроевщина, легкомысленное отношение к браку и воспитанию детей, безнравственность в семейно-бытовых отношениях, меркантильность, алкоголизм и прочее и прочее.

Советским авторам ясно, что все эти пороки, несомненно,— наследие прошлого или следствие нынешнего капиталистического влияния, им ясно, что социализм не может породить у людей таких пороков, мало того, им ясно, что социализм и коммунизм рано или поздно приведут к исчезновению всех этих пороков.

Поскольку также ясно, что социализм сам по себе не может породить преступность, то основной причиной преступности в социалистическом обществе советские юристы считают пережитки прошлого в сознании людей и пагубное влияние враждебного капиталистического мира.

Интересно отметить, что, по мнению цитированного советского автора, социализм не может породить даже преступлений по неосторожности:

”Пережитки прошлого — это первоисточник или первооснова не только умышленных преступлений, но и таких, какие совершаются по неосторожности. Эксплуататорское общество столетиями прививало человеку заботу о самом себе, равнодушие к судьбам и интересам других людей, а тем самым невнимательное, небрежное отношение к своим поступкам, нежелание проанализировать свое поведение, быть предусмотрительным и осторожным при совершении тех или иных действий”.

Разумеется, предполагают, что запланированное коммунистами светлое и разумное будущее избавит общество от всех этих пороков. Тот же автор пишет:

”Метким и точно отражающим суть явлений понятием ’пережитки’ советские люди, очевидно, будут пользоваться до тех пор, пока в том или ином виде будут существовать эти чуждые социалистическому

и коммунистическому обществу отрицательные явления.

Преждевременный отказ от данного понятия неизбежно внес бы путаницу в объяснение явлений...”

Последнее замечание является особенно важным: похоже, что употребление понятия 'пережитки' действительно спасает авторов от путаницы в объяснении явлений. Не будь этого понятия, работа по объяснению причин преступности в Советском Союзе оказалась бы куда труднее. Многие советские авторы, впрочем, наверное, понимают, что эта работа — действительно трудная, понимают, что объяснение преступности пережитками — есть объяснение скорее идеологическое, нежели социологическое. Так, например, советский юрист Остроумов заметил, что наличие пережитков прошлого лишь определяет 'объективные возможности' совершения преступлений и

”возникает вопрос о том, при каких же условиях эта возможность превращается в действительность, ибо сотни тысяч людей, зараженных пережитками капитализма, как известно, необязательно совершают преступления” .

Тем не менее, борьба с пережитками капитализма считается в Советском Союзе одним из главных методов работы по предупреждению преступности, и один из главных способов этой борьбы — коммунистическое воспитание людей.

Трудно определить достаточно обще, что такое коммунистическое воспитание; обычно подразумевается, что это — воспитание людей в духе социалистической морали, однако не только это качество является определяющим: разумно помнить, что понятие *коммунистическое воспитание* включает в себя не только то, в каком духе воспитывают людей, чему их учат, чего от них требуют, но и то, сколь бесцеремонными и назойливыми способами проводится это воспитание, сколь бесстыдны воспитатели во вмешательстве в частную жизнь людей в своем стремлении любыми методами заставить их подвергаться такому воспитанию.

Тема о воспитании советской публики в духе социалистической морали — достаточно обширна, и здесь я уделю внимание лишь некоторым вопросам, которые обсуждались юристами в связи с разработкой конкретных мер по борьбе с преступностью.

В советской юридической литературе можно встретить много сообщений, подобных следующему:

”Членами коллектива завода ’Электроприбор’ было совершено несколько преступлений. В.М.Кудыш (общественный помощник прокурора) заинтересовалась причинами их совершения. Она выяснила, что воспитательная работа на заводе ведется слабо, а общественные организации и администрация завода не реагируют на факты совершения преступлений.”

Обследователи очень часто приходят к выводу, что на предприятиях, работники которых часто совершают преступления, слабо ведется воспитательная работа (данные об уровне воспитательной работы в контрольной группе обычно не приводятся). В таких случаях по возможности усиливают воспитательную работу, проводят лекции, встречи с передовиками производства и героями войны, улучшают клубную работу, художественную самодеятельность, проводят спортивные соревнования. Конечно, усиление воспитательной работы связано также и с персональным вниманием к каждому трудящемуся, особенно же к тем, кто допускает нарушения требований социалистической морали.

В какой мере квалифицированно проводится такое воспитание — судить, вообще говоря, трудно, но по многим признакам можно заключить, что воспитатели не имеют обычно специальной педагогической или психологической квалификации: воспитанием трудящихся приходится заниматься партийным, профсоюзным и административным деятелям, у которых обычно есть много других дел, так что в советской литературе много сетований на то, что эти воспитатели относятся к своему общественному долгу часто формально, стремясь лишь иметь материал для отчета

о проведенных воспитательных мероприятиях. Конечно, встречаются и энтузиасты воспитательной работы, которые искренне верят, что их вклад в воспитание населения действительно помогает борьбе с преступностью. Сообщалось, например, о милиционере, который планировал провести лекцию по правовым и моральным вопросам и ускорить постройку спортивной площадки; он так говорил об этом:

”Если все люди будут хорошо знать наши законы, то станут меньше нарушать их. И молодежь перестанет попросту по улице слоняться, когда ей предоставится возможность показать свою силу и ловкость на спортивной площадке.”⁴³⁵

Нет оснований полагать, что такие надежды всегда — наивны; напротив, я думаю, что часто конкретная работа по организации досуга населения, особенно молодежи, или по просвещению публики о характере законов приносит свои плоды.

Судя по сообщениям советской литературы, даже чисто идеологические методы воспитания иногда приносят плоды в борьбе с преступностью. Вот описание того, как мальчик перестал воровать благодаря доводам идеологического характера:

”Ученик 4-го класса Леня Ш. унес книгу Горевской библиотеки Могилевской области. Работники библиотеки поговорили с его учителем, узнали, что Леня не имеет родителей, неоднократно был уличен в мелком воровстве, состоит на учете в детской комнате милиции. С Леной побеседовали и предложили ему прочесть книгу Р.Мало ’Без семьи’. Мальчик заинтересовался и прочел несколько книг о безрадостном детстве до революции и о жизни детей в нашей стране. Леня стал лучше учиться и вести себя в школе, перестал воровать.”⁴³⁶

Конечно, не каждая история счастливого перевоспитания звучит столь идиллично, встречаются случаи и потруднее, но я верю, что часто усилия воспитателей бывают успешны. Впрочем, что касается воспитания идеологического, то

сомнительно, чтобы оно было весьма действенным методом в борьбе с преступностью: уж слишком к этому воспитанию привыкли и на свободе, и в лагерях, слишком оно трафаретно и скучно даже для самих воспитателей. От времени до времени исследователи и начальство обращают внимание на недостатки этого воспитания; на эту тему часто издаются специальные партийные постановления.

Весьма характерно следующее мнение советского юриста об одном из источников трудностей в области идеологического воспитания:⁴³⁷

”Ликвидация последствий культа личности, развенчание государственных авторитетов породило у части молодежи негативное отношение ко всяким авторитетам, привело ее к заблуждению в отношении дисциплины, демократических институтов, породило демагогические рассуждения, что в конечном итоге не могло не проявиться в расхлябанности, некотором нигилизме к официальным требованиям, проступках и правонарушениях. В довоенные и первые послевоенные годы на вооружении воспитания подрастающего поколения было много романов, повестей, рассказов и песен о выдающихся деятелях советского государства и военачальниках. В последние годы этот огромный воспитательный арсенал используется крайне слабо”.

Замечу, что идеологическое воспитание это не какая-либо отдельная форма воспитания: все методы воспитательной работы среди населения пронизаны идеей идеологического воспитания, и может быть, поэтому меры, принимаемые для организации досуга публики, оказываются менее успешными: могу представить себе, как идеологическая окраска любого мероприятия, спортивного или клубного, делает это мероприятие скучным и трафаретным.

Помимо активного воспитательного воздействия используются также ограничения потоков информации: сведения, художественные произведения, кинофильмы, которые, по мнению властей, могут подействовать на публику развра-

щающе, не допускаются к публичному распространению. Я уже писал о советской цензуре¹⁰⁰, а здесь отмечу лишь случаи, когда у воспитателей и у публики вызывает возмущение *либерализм советской цензуры*: неоднократно в юридической литературе сообщалось о том, как пагубно влияют некоторые иностранные кинофильмы на советскую молодежь. Работники уголовного розыска из Ростова сообщают, например⁴³⁹, что арестованные за кражи и другие преступления подростки на допросах *почти всегда* говорят, что учились *всему этому* в кино. И далее:

”Какие же вы смотрели фильмы?” — удивленно спрашиваем мы. И почти всегда получается один и тот же ответ: ”Великолепная семерка”, ”Под черной маской”, ”Афера в казино”, ”Шайка бритоголовых” и т.п.”

Протестуют против показа таких развращающих фильмов и граждане, как можно понять, небезрезультатно: сообщалось, например, что после опубликования в газете ”Известия” статьи ”Черной маске — визы не давать” и выступлений общественности

”Комитетом по кинематографии при Совете Министров СССР были разработаны необходимые организационные меры, направленные на улучшение отбора зарубежных фильмов для проката в нашей стране, предусмотрено увеличение выпуска отечественных детских и юношеских фильмов, а также приняты меры по восстановлению героических и революционно-патриотических фильмов, созданных в 30-е и 40-е годы”.⁴⁴¹

Судя по всему, советские власти считают цензуру весьма действенным методом в борьбе с общеуголовной преступностью. Возможно, почти полное отсутствие на советских экранах фильмов об уголовниках действительно содействует тому, чтобы уголовных преступлений совершалось меньше. В более общей форме можно было бы надеяться, что если для воспитания людей создать столь информационно стерильную обстановку, что они вообще не

будут знать о возможности убийства ближнего, то, быть может, никто и не догадается совершить убийство, хотя есть свидетельство, что впервые убийство было совершено без чьего-либо наущения (Бытие,4,8). По-видимому, впрочем, создание такой информационно стерильной обстановки для воспитания не только невозможно практически, но и нежелательно идеологически, ибо тогда нельзя будет использовать для воспитания героические примеры революционного прошлого.

Весьма существенно, что советская публика, в том числе молодежь, не слишком восприимчива к проводимому воспитанию, в частности, из-за атмосферы общественного лицемерия. Все хорошо знают, что на собраниях люди говорят очень часто не то, что думают, что воспитатель на лекции или митинге тоже часто говорит не то, что думает, часто лжет в глаза присутствующим, знает, что лжет, и все остальные знают это; но считается, что так должно, к этому привыкли, зато и разумные советы воспитателя часто не находят отклика в душах подопечных. Пожалуй, подростки особенно остро реагируют на общественное лицемерие окружающих, многим стоит душевных страданий понять, что их окружает ложь, и такое прозрение иногда морально травмирует. Вот рассказ одного из юных правонарушителей ⁴⁴¹:

”Испортили меня в детском доме. Когда мы — выпускники — собрались, чтобы ехать к месту назначения, директор обратился к нам с просьбой: ”Оставьте чемоданы, пойдемте в класс, поговорим по душам”. Мы пошли. Директор говорил, что нас ждут на заводе и чтобы не теряли связь с воспитателями детдома.

И вдруг вбегает наша девочка:

”Нас обманули. Обыскивают наши чемоданы”.

Мы все выбежали в коридор. Да, чемоданы были открыты. Нас позвали в класс, чтобы сделать обыск — не украли ли мы что. Вот тогда я перестал многим верить. Они внешне хороши, а внутренне — подленькие.”

.....

Не знаю, есть ли это результат успеха коммунистического воспитания трудящихся или это следствие глубинных и нам неведомых социально-психологических причин, но советская публика в среднем проявляет известную активность в борьбе с преступностью в стране, к тому же власти настойчиво проповедают, что такая борьба — обязанность каждого гражданина.

Конечно, как и в других странах, в России много советов на то, что на улице или в вагоне метро публика подчас старается не вмешиваться, когда кто-то ворует или хулиганит. Однако я не удивлюсь, если в результате сравнительного исследования окажется, что в России посторонние люди чаще оказывают помощь жертве преступных притязаний и властям в задержании нарушителей, нежели в других странах. Однако я имею в виду даже не это, когда говорю об активности советских людей в борьбе с преступностью.

Важно, что в России воспринимается как нечто естественное то, что многие частные лица активны в содействии судебно-полицейской деятельности. Иногда их активность использует организационные формы, предложенные государством. Таковы, например, товарищеские суды и институт народных дружин. Перечень таких организационных структур обширен; в советской истории печально известны разного рода общественные группы содействия (судам, прокуратуре, органам госбезопасности и т. п.) — власти откровенно предписывали им как главную форму деятельности *сигнализацию*, чтобы не сказать *доносительство*. За активность в такой *сигнализации* не раз публично прославляли рабселькоров, стахановцев и прочих активистов.

Иногда активность самочинна, неорганизована: написать донос, выступить на собрании с разоблачением коллеги или не очень высокого начальства, доверительно сообщить о своих подозрениях парторгу или даже по собственному почину следить за предположительно преступным поведением соседа или коллеги — все это не только

поощряется начальством, но и не слишком порицается публикой (разве что увлечение проявится чрезмерно — такого человека станут не столько порицать, сколько бояться).

Такая активность может очень мешать нормальной судебно-полицейской деятельности государства: власти убедились в этом во время настоящей эпидемии доносительства в сталинское время, и после смерти Сталина доносительство временно не слишком поощрялось. Но все же власти заинтересованы в такой активности населения, и не секрет для жителей России, что *стукачей* предостаточно в любом учреждении, в любом доме.

Роль власти в развитии доносительства не только в том, что они поощряют доносчиков вниманием. Уголовный закон карает недонесение о совершенных или готовящихся преступлениях, лишь если это достаточно серьезные преступления (перечень см. в ст. 88¹ и 190 УК РСФСР). В отношении остальных преступлений недоносительство не наказуемо, но морально порицаемо. Советский юрист пишет:⁴⁷⁰

”Моральный долг каждого советского гражданина — способствовать борьбе с преступностью всеми мерами, в том числе и путем сообщения в соответствующие органы о совершенных или готовящихся преступлениях”.

И это не пустые слова: человека будут корить на собраниях за неактивность в сигнализации.

Заведомо ложный донос — наказуем, но, судя по практике, столь редко, что не отпугивает других подобных корреспондентов. Из истории известно, что даже суровые кары за ложный донос не могли умерить этой верноподданической активности: даже и не за ложный донос подвергались в старину пытке кричавшие ”Слово и дело Государево”, а все же кричали, зная, что идут на пытку. А теперь редчайшие и никому не ведомые случаи преследования за ложный донос и подавно не останавливают любителей, да и власть не намерена отпу-

гивать доносчиков; я думаю, что на практике рискованным является не ложный донос, а донос, неудобный властям. Ныне чиновники не столь откровенны, но в 20-х годах даже обсуждалась возможность отмены наказания за ложный донос: при обсуждении статьи о лжедоносах на 3-й сессии ВЦИК 9 созыва Рязанов указал на содержащуюся в этой статье опасность:

”Вы знаете, - говорил он, — в каком состоянии запуганности находится российский обыватель. Вы знаете, что бороться с бесконечным распространением преступлений... невозможно, пока мы не добьемся того, чтобы всякий гражданин знал, что донос в суд это не есть донос, что это есть его обязанность. Если вы хотите воспитать эту добродетель, если вы хотите воспитать чувство доверия... , то развивайте способность доноса и не пугайте за ложное донесение”.⁴⁷¹

Интересно, что власти навязывают обществу не только судебно-полицейские функции, но и пенитенциарные: хотя коллективным взятием на поруки ныне в России не увлекаются так, как в 60-х годах, но этот институт не ликвидирован. Осужденные условно также, во всяком случае — теоретически, находятся под надзором служебных коллективов. Не избегают такого надзора и те, о ком, за малозначительностью проступка, уголовное дело было и не возбуждено. Самое забавное в таком использовании общества то, что суды в малозначительных случаях по закону могут приговаривать подсудимого *к общественному порицанию*; наверное, ни законодателью, ни судам невдомек, что тем самым субъектом приговора становится общество, именно его приговаривают к тому, чтобы порицать кого-либо. (Подобная подмена субъекта приговора известна была в старое время, когда уголовный суд приговаривал *к церковному покаянию*, т. е. как бы приговаривал церковь принимать покаяние.)

Заключая эти очерки о преступности в России, замечу, что хотя коммунистическим надеждам на полное искоренение преступности в России, по-видимому, не суждено осуществиться вполне, но и теперь уже видно, что по уровню серьезных насильственных общеуголовных преступлений Советский Союз, по-видимому, не занимает первое место в мире, и этот факт как будто можно считать следствием успехов специфически советских методов борьбы с преступностью: тотальным контролем, установленным над населением, режимом обязательного трудоустройства, запрещением оружия и многими другими уголовно-превентивными мерами. Правда, уголовно-превентивные меры сами по себе связаны с осуждением людей за уголовные преступления (например, за ношение оружия или проживание без прописки), однако эти осуждения дают вклад в статистику менее серьезных правонарушений. Неизвестна, конечно, динамика серьезных преступлений: вполне возможно, что их число будет расти в соответствии с современной тенденцией, существующей, кажется, во всем мире.

Видно, однако, что изменения законодательства часто приводят к осязаемому "снижению" преступности: такое влияние на статистику осуждений имела, в частности, передача на рассмотрение товарищеских судов многих мелких дел. Советские власти могли бы добиться еще более внушительных успехов в понижении числа судимостей, если бы перестали преследовать людей за многие обычные человеческие проявления, не нарушающие ничьих прав, как, например, частное предпринимательство или спекуляция. Впрочем, надежда на то, что советские власти используют именно такой метод понижения числа судимостей, — невелика. Гораздо более вероятно, что они будут шире прибегать к использованию уже опробованного метода превентивных преследований, как это было, когда, используя порядок, определенный для высылки тунеядцев, местные органы милиции старались избавиться от многих уголовно неблагонадежных субъектов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

В. Чалидзе

О НЕЗАВИСИМОСТИ СОВЕТСКОГО СУДА

Статья 112 Конституции СССР гласит: "Судьи независимы и подчиняются только закону".

Эта формулировка конституционной гарантии обнадеживает, однако естественно задаться вопросом, от каких форм зависимости ограждает она судей. Является ли судья независимым от избирателей или органа, назначившего его?*

Независимы ли они от вмешательства в их деятельность правительственных органов или партийных органов, деятельность которых, как известно, весьма активна в Советском Союзе?

На низшей ступени советской судебной иерархии стоят так называемые народные суды, которые могут в качестве суда первой инстанции рассматривать подавляющее большинство уголовных дел. На более высоких ступенях иерархии находятся областные, краевые, городские суды, суды автономных республик и национальных округов, верховные суды республик и Верховный Суд СССР. Эти вышестоящие суды осуществляют кассационное и надзорное производство, а по некоторым делам областные, краевые и городские суды, суды автономных областей и национальных округов являются судами первой инстанции.

Кроме того, любой суд высшей инстанции может изъять дело из подсудности соответствующей низшей инстанции и принять это дело к своему производству

* В СССР судьи судов низшей инстанции (народных судов) — избираются голосованием населения; судьи вышестоящих судов назначаются соответствующими Советами депутатов трудящихся.

в качестве суда первой инстанции.

Суд низшей инстанции, народный суд, разрешает уголовные дела в составе судьи и двух народных заседателей. В соответствии с основами законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик (ст. 19), народные судьи народных судов "избираются гражданами района (города) на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на 5 лет. Народные заседатели районных (городских) народных судов избираются на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства, военнослужащих — по воинским частям сроком на 2 года." Не будет излишним заметить, что между выборами на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян и *всеобщим равным и тайным голосованием* есть существенная разница: хотя, как правило, основная инициатива в судебном заседании и в судебных решениях принадлежит именно народному судье, но такова обычная практика; по закону все же решения судов, в том числе и приговоры, принимаются судом простым большинством голосов членов суда — это означает, что приговор суда может быть постановлен лишь благодаря тому, что за него проголосуют два народных заседателя, хотя судья будет голосовать против постановления этого приговора. Хотя привычка к единогласию в Советском Союзе весьма сильна и хотя для народных заседателей судья является обычно достаточно солидным авторитетом в том, какой приговор следует постановить суду по данному делу, тем не менее тот факт, что большинство членов суда оказываются избранными *не тайным голосованием*, заслуживает анализа. Здесь я, однако, не буду останавливаться на этом вопросе, поскольку меня интересует принцип независимости судей.

Вполне понятно, что если член суда избирается на определенный срок и при этом может быть переизбран на следующий срок, то в принципе трудно говорить о его независимости перед избирателями (а равно и перед

органами, имеющими, как правило, преимущественное влияние на избирателей — я имею в виду партийные органы).

Однако такая зависимость от избирателей, зависимость, связанная с желанием судьи быть переизбранным на следующий срок, не составляла бы, пожалуй, особенно большой беды, тем более что судья, который бы захотел в течение предоставленного ему срока быть независимым и подчиняться только закону, возможно, благодаря достоинствам своей судейской совести и не стал бы заботиться о переизбрании своем на следующий срок или, во всяком случае, ставил бы свою независимость как судьи выше своего желания быть переизбранным. Однако закон ограничивает и эту, не слишком большую степень независимости от избирателей: статья 35 Основ законодательства о судостроительстве предусматривает, что судьи и народные заседатели могут быть досрочно лишены своих полномочий, если будут отозваны избирателями. Члены вышестоящих судов, которые по закону избираются соответствующими Советами депутатов трудящихся, также могут быть отозваны Советом, их избравшим.

Досрочный отзыв судей и народных заседателей судов регулируется в РСФСР специальным положением. Согласно этому положению, право возбуждения вопроса об отзыве народного судьи обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативными организациями, организациями молодежи и культурными обществами, а равно за общими собраниями рабочих и служащих на предприятиях, в колхозах и т. п. Вопрос об отзыве народного судьи обсуждается и решается на собраниях избирателей района открытым голосованием. Важно заметить, что выборы на должность народного судьи проводятся *тайным голосованием*, а отзыв с этой должности — *открытым голосованием*. Столь же парадоксальная ситуация предусмотрена законом и в отношении

избрания и отзыва депутатов Верховного и иных Советов.

Как видим, закон об избрании и отзыве судей таков, что говорить о независимости судей от их избирателей трудно. Если этот закон (Основы законодательства о судеустройстве) не противоречит Конституции, то это означает, что в Конституции под независимостью судей понимается нечто иное, но не независимость судей от их избирателей.

В какой мере можно считать, что конституционная гарантия независимости судей подразумевает независимость от органов исполнительной власти? Вообще говоря, деятели советской судебной иерархии ограждены от законного вмешательства в судопроизводство органов местной исполнительной власти. Нижестоящие суды обязаны руководствоваться в своей деятельности, помимо закона, разъяснениями и постановлениями соответствующих вышестоящих судов, вплоть до Верховного Суда СССР, а органы местной исполнительной власти в принципе не имеют права оказывать влияние на деятельность суда.*

Означает ли это, что судебная система в целом не подвергается влиянию и контролю со стороны исполнительной власти государства? По-видимому, такой вопрос возникал у юристов давно, сразу после провозглашения конституционного принципа о независимости судей. Журнал "Советская юстиция" (1937 г. №11, стр.1) опубликовал следующее разъяснение:

"Статья 113 Сталинской Конституции, устанавливающая, что "судьи независимы и подчиняются только закону", вовсе не исключает проверки Наркомюстом**, органами государственного управ-

* Попытки такого влияния, конечно, бывают на практике, но по их обнаружении подвергаются критике. См., например, статью Председателя Верховного суда Литовской ССР в "Литературной газете" 21 февраля 1973 г.

** Наркомюст – Народный Комиссариат Юстиции.

ления правильности исполнения судами советских законов”.

Журнал при этом ссылается на положение о Народном комиссариате юстиции, в котором сказано, что этот комиссариат

”проверяет путем ревизий деятельность судов и правильность применений ими законов при рассмотрении уголовных и гражданских дел” (статья 7/б/ Положения).

Закон РСФСР о судеустройстве, принятый в 1960 году, устанавливает, что Министерство юстиции РСФСР осуществляет руководство и контроль за деятельностью судов, в частности, путем:

”а) Проведение ревизий и направления неправильно разрешенных дел с представлениями председателям соответствующих судов для разрешения вопроса об опротестовании решения приговоров, определений и постановлений; ...

в) Издание приказов и инструкций по организации и улучшению работы судов.”

В 1964 г. эта статья была изменена, и в ней уже говорилось лишь только о контроле и руководстве деятельностью судов со стороны Верховного суда РСФСР, а не со стороны правительственного органа.

Впоследствии эта статья была опять изменена, и, согласно нынедействующей ее редакции (1971 г.), Министерство юстиции РСФСР, министерства юстиции автономных республик, отделы юстиции территориальных исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся осуществляют организационное руководство судами, в том числе руководят работой с кадрами судебных органов, проверяют организацию работы судебных органов и проч. При этом законодатель напоминает о необходимости строго соблюдать принцип независимости судей и подчинения их только закону.

Несмотря на сказанное, какую-то степень независимости от вмешательства органов исполнительной власти

суды, разумеется, имеют. Во всяком случае, правительственная администрация не имеет законом предусмотренных полномочий распорядиться о пересмотре решений суда, вмешаться в ход судебного рассмотрения или совещания судей или своей властью отменить какое-либо решение суда. В коллизионных ситуациях, когда, например, городской отдел юстиции хочет добиться пересмотра какого-либо решения городского суда вопреки желанию этого суда, отдел юстиции не имеет власти непосредственно отменить, приостановить или изменить решение суда, а должен действовать посредством обращения к вышестоящему суду или к прокурору с тем, чтобы негодное отделу юстиции решение суда было опротестовано. Такое положение свидетельствует о некоторой степени независимости судебной системы от органов исполнительной власти, но из всего сказанного здесь видно, что советская система взаимоотношений судебной и исполнительной власти не знает *принципа разделения властей*. Напротив, советская государственная доктрина проповедует принцип единства власти, и советские юристы, рассуждая о принципе разделения властей, обычно в более или менее решительной форме указывают, что этот принцип был необходим в буржуазном обществе в связи с существованием в нем классовых противоречий; в советском же обществе в силу отсутствия классовых противоречий оказалось возможным реализовать принцип единства власти.

Довольно трудно обсуждать вопрос о степени независимости судей от вмешательства партийных органов. Из Устава Коммунистической партии Советского Союза известно, что партийные организации осуществляют руководство деятельностью органов государственной власти в СССР и общественных организаций. Ничего, однако, не известно о процедуре этого руководства, и я не могу судить по опубликованным документам о том, в какой степени партийные организации могут вмешиваться в работу суда. Из общих соображений, однако, можно зак-

лючить, что такое вмешательство есть, хотя бы потому, что, как показывает история Советского Союза, коммунистическая партия предпочитает контролировать все проявления общественной и государственной жизни в стране. Можно смело предположить, что нынешние коммунисты в необходимых случаях следуют примеру Ленина, который считал допустимым партийное влияние на суды. Вот один из многих примеров: "Нужно подтянуть судей через ЦК, — писал Ленин, — чтоб судили строже за волокиту." Контроль за деятельностью судов со стороны коммунистической партии облегчается тем, что все или почти все судьи в Советском Союзе являются членами этой партии и обязаны, вследствие этого, подчиняться решениям партийных органов в своей деятельности и, согласно уставу, "твердо и неуклонно проводить в жизнь решения партии". Разумно предполагать, что особенно сильное вмешательство партийных органов в работу суда осуществляется в вопросах применения уголовных репрессий по чисто политическим обвинениям и в делах, имеющих идеологическое значение. Согласно уставу КПСС, член партии обязан

"вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, с остатками частнособственнической психологии, религиозными предрассудками и другими пережитками прошлого..."

Эта формулировка Устава позволяет считать судью-члена партии небезпристрастным и заинтересованным, по крайней мере в случае, если этот судья участвует в судебном разбирательстве по делам политическим или имеющим особенное идеологическое значение. Заинтересованность же судьи в деле является законным поводом для отвода судьи. Случаи, когда такой отвод заявлялся подсудимым, известны, однако эти заявления не были успешными.

В советских публикациях настойчиво пропагандируется версия, что советский суд независим от какого бы то ни было вмешательства иных органов. Некоторые

формальные гарантии независимости суда признаны законом, и советские юристы в публикациях любят напоминать об этих гарантиях. Так, например, когда суд удаляется на совещание для постановления приговора, никто не вправе войти в комнату совещания судей. Если этот принцип будет нарушен, приговор должен быть отменен в соответствии со ст. 345 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Ст. 302 этого кодекса, озаглавленная "Тайна совещания судей", специально оговаривает, что в совещательной комнате во время совещания судей могут находиться только судьи. Это весьма важная гарантия, но, увы, закон запрещает лишь физическое присутствие посторонних суду лиц в совещательной комнате во время постановления приговора. Тот факт, что, как правило, совещательные комнаты суда снабжены телефоном, насколько мне известно, ни разу не обратил на себя внимание кассационной инстанции.

О влиянии на деятельность судей партийных организаций в советских публикациях обычно не упоминают. Из практики 30-х годов известен, впрочем, случай, когда секретарь райкома партии был исключен из партии за оказание давления на суд ("Советская юстиция" 1937 №14).

Более откровенны авторы советских публикаций в признании влияния на суд общественного мнения. Видный советский юрист И. Карпец* пишет по этому поводу: "Мы знаем много примеров, когда особо дерзкое преступление встречало осуждение больших коллективов трудящихся, рождало требование открытых судебных процессов над преступниками и сурового наказания виновных. И суд, *учитывая общественный резонанс преступления* (курсив мой — В.Ч.), назначал в рамках закона суровое и даже максимально возможное наказание".

Известен случай, когда Президиум Верховного суда РСФСР, отменив за мягкостью меры наказания приговор Ростовского областного суда, в постановлении указал, что суд не учел тяжесть совершенного преступления

* И.И. Карпец. "Наказание..." М, 1973.

и оставил без внимания мнение общественности, не обсудив вопроса о применении к осужденному за убийство П. смертной казни.*

Советский юрист Бородин, цитируя в своей книге это постановление Президиума Верховного суда РСФСР, как можно судить, понимал, что такая формулировка не соответствует требованиям закона, и в своем толковании этой коллизии предложил компромиссный императив, с которым нельзя не согласиться: "Суд обязан учитывать общественное мнение лишь при условии, если оно совпадает с убеждением судей, явившимся результатом рассмотрения уголовного дела". Автор при этом отмечает случаи, когда на общественное мнение может действовать какая-либо тенденциозная информация, и даже упоминает случай, когда на общественном собрании колхозников выступавшие требовали применения к обвиняемому смертной казни через повешение (этот вид казни в настоящее время не предусмотрен советским законом).

После того, что было сказано о независимости судей, мне трудно разъяснить читателю, что имел в виду законодатель, провозглашая конституционную гарантию независимости судей.

В заключение скажу немного об одной конкретной форме зависимости советского суда и прокуратуры от партийных органов, именно зависимости в том, кого может суд и прокуратура по своему разумению привлечь к уголовной ответственности, а кого не может без спросу.

С самого начала коммунистического правления в России можно заметить, что партия и власть оказывают воздействие на суд не только с целью добиться репрессий в нужных случаях, но и с целью защитить от репрессий людей, особо нужных для государственного аппарата. Даже ЧК было вменено в обязанность *предупреждать* начальство о намерении арестовать кого-либо из опре-

* Архив Верховного суда РСФСР, дело 331-п (цит. по С.В. Бородин, "Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах", М, 1964).

деленной категории сотрудников государственного аппарата. Хотя впоследствии, конечно, власть этих органов (ЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ) возросла настолько, что они арестовывали без всякого предупреждения, но в области общеуголовных репрессий, по-видимому, издавна руководящие лица государственного аппарата обладали известным *иммунитетом* — обыкновенные судебные и следственные органы не могли, а когда и не осмеливались тронуть таких лиц без разрешения партийного или служебного начальства.

Круг таких должностных лиц постепенно расширялся по мере забвения революционных обещаний о равенстве хотя бы среди "своих", и в 30-х годах даже такие не слишком видные руководящие деятели, как председатели колхозов, оказываются защищенными некоторым иммунитетом от репрессий со стороны местных судебных органов: согласно приказу прокурора СССР А. Вышинского от 4 января 1938 г. требовалась санкция областного или республиканского прокурора для предъявления уголовного обвинения таким руководителям. Прокурор Грузинской ССР расширил перечень лиц, обладающих таким иммунитетом, включив в него и членов правления колхозов и инженерно-технических работников*. Интересно, что редакция журнала "Социалистическая законность" отметила в связи с этим, что приказы прокурора СССР и прокуроров республики не имеют процессуального значения, и признала право суда рассматривать уголовные дела против таких лиц без требуемой приказами прокуратуры санкции.

* Распространение уголовного иммунитета на руководителей столь низкого ранга, как председатели колхозов и т. п., вызывалось практической необходимостью. В начале 30-х годов очень многие председатели колхозов были репрессированы местными судами. Судя по всему, это была именно местная инициатива, с которой центральная власть должна была бороться, так как частая смена председателей колхозов мешала наладить колхозное хозяйство. Есть сообщение, что были районы, где до половины председателей колхозов осуждались за должностные преступления, главным образом, за халатность. Только за 1935 г. в

Несмотря на мнение редакции журнала, *система иммунитета* продолжала существовать и развивалась: для уголовного преследования лиц руководящих требовалась санкция более высокого начальства, чем для уголовного преследования простых смертных.

Эта система иммунитета, насколько можно судить, связана с институтом *номенклатуры*. Пояснить, что такое номенклатура, пожалуй, можно, проведя аналогию с армейскими или гражданскими *чинами*, только о *номенклатурном чиновнике* говорят* не как о полковнике или действительном тайном советнике, а как о лице, входящем в номенклатуру горкома партии, министерства, ЦК КПСС, совета министров и т. п., т. е. *чин* определяется тем, к номенклатуре сколь важного учреждения принадлежит данное руководящее лицо.

Процедура проникновения в определенную *номенклатуру* мне не известна подробно, но известно, что это связано с многоступенчатой *проверкой* политической благонадежности кандидата, его личных качеств, способности руководить и подбирать кадры и даже с проверкой его деловых способностей, однако это последнее, конечно,

Курской области, например, было снято и отозвано 962 председателя колхозов, в том числе с нарушениями устава снято 334 председателя колхоза. Среди причин: бытовое разложение, злоупотребления и бесхозяйственность, плохое руководство работой, принадлежность к "классово чуждым", растрата и другие должностные преступления. Можно предположить, что среди причин таких массовых репрессий против председателей колхозов были не только местные противоречия, но и действительная неспособность новоиспеченных командиров сельского хозяйства должным образом обеспечить руководство работой.

* Я выразился неточно. О нем не принято говорить. Вся система номенклатуры — негласная. Лишь однажды я встретил упоминание об этом в юридической литературе: в "Комментарии к положению о прокурорском надзоре в СССР" сообщается, что "начальники управлений и отделов прокуратур союзных республик входят в номенклатуру Генерального Прокурора СССР...".

не может быть особенно значимым по сравнению с политической благонадежностью и моральной устойчивостью. Привилегии *чиновников* данной *номенклатуры* состоят прежде всего в том, что только их могут назначать на те должности, для занятия которых необходима принадлежность к данной *номенклатуре*. Привилегия, для многих весьма ощутимая, и в том, что в случае, если обнаружится неспособность чиновника исправлять предоставленную должность, он хотя и может быть смещен с этой должности, но ему предоставят другую, пусть менее ответственную должность, но с непременным сохранением прежнего жалования.

С чинами номенклатуры связана также система различных *привилегий*, включая выдачу продуктовых талонов для покупки дефицитных продуктов в специальных магазинах.

Как конкретно этот институт *номенклатуры* связан с системой *уголовного иммунитета* — не известно доподлинно. Нетрудно, однако, догадаться, что связь эта осуществляется заботами партийных органов. Дело в том, что каждый член партии уже в силу этого обладает некоторым иммунитетом в отношении уголовного преследования. Статья 12 Устава КПСС гласит: "Если член партии совершил проступки, наказуемые в уголовном порядке, он исключается из партии и привлекается к ответственности в соответствии с законом".

На практике это означает, что органы, правомочные осуществлять привлечение к уголовной ответственности, прежде возбуждения дела в отношении члена КПСС и его ареста озаботятся сообщением о своих планах тому районному комитету КПСС, в котором состоит на учете этот член партии. Райком партии, если найдет, что действительно есть основания для уголовного преследования и при этом, если сочтет, что такое преследование целесообразно, примет меры для исключения этого кандидата на преследование из числа членов КПСС, как это требуется цитированной статьей 12 Устава, а затем уже это

лицо будет привлечено к уголовной ответственности.*

Поскольку райком КПСС осведомлен о номенклатурных чинах членов партии, состоящих на учете в этом райкоме, то, по-видимому, именно райком партии является обычно посредником во взаимодействии института номенклатуры и системы уголовного иммунитета руководящих работников и именно райком партии сообщает местной прокуратуре, какого ранга начальство должно дать согласие на уголовное преследование намеченного кандидата, — это предположение, но предположение, как предполагаю, весьма правдоподобное; возможно, впрочем, что райком партии и не сообщает местному прокурору о том, кто должен дать нужную санкцию, а испрашивает эту санкцию непосредственно *по партийной линии*, а местный прокурор получает от райкома партии просто сообщение о том, что разрешено (или не разрешено) уголовное преследование намеченного лица.

Отсутствие опубликованных нормативных актов, регулирующих столь важную систему правоотношений, как система уголовного иммунитета, возможно, удивляет читателя, однако напомним, что в СССР часто предпочитают не публиковать многие нормативные акты, в том числе и законы. В особенности же стараются избегать гласности в той области правоотношений, которая связана с системой привилегий руководящих и особо заслуженных деятелей**. Что касается документов о внутрипар-

* Известны, однако, случаи безотлагательного *задержания* подозреваемого в совершении серьезного преступления члена партии; по-видимому, предусмотрена возможность в особо срочных случаях проводить процедуру исключения из партии уже после задержания лица (срок задержания по закону — до 3 дней, после чего следует *арест*, если задержанного не отпускают).

** За исключением, впрочем, таких норм о привилегиях, которые было бы непрактично держать в тайне. Например, население широко оповещено о том, что депутаты Верховного Совета СССР и верховных советов союзных республик имеют право без очереди получать билеты в кинотеатрах.

тийных правоотношениях, хотя бы и затрагивающих правоотношения, регулируемые государством, то в этой области вообще стараются избегать гласности, и лишь немногие, предназначенные для широкой публики, партийные документы оказываются опубликованными.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**ОТДЕЛ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА
УПРАВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ
ГОРОДА КИЕВА**

Для служебного
пользования

С Л О В А Р Ь

**ВОРОВСКОГО ЖАРГОНА
(925 слов)**

(пособие для оперативных и
следственных работников милиции)

К и е в — 1964

ПАМЯТКА

Для того, чтобы добиться успеха в борьбе с преступностью, работник милиции должен хорошо знать не только приемы совершения преступлений, но также быт, нравы и способы общения преступников между собой.

Одним из способов общения преступного элемента является воровской жаргон, так называемая "блатная музыка". Изучить этот жаргон оперативный работник может с помощью настоящего словаря.

Не претендуя на исчерпывающую полноту предлагаемого издания, мы надеемся, что словарь, при умелом использовании, явится полезным пособием для оперативного состава. Особую помощь словарь окажет оперативным работникам и, прежде всего, недавно пришедшим в органы милиции. Преступники в беседах с оперативным работником, как правило, употребляют слова из воровского жаргона, поэтому знание наиболее чаще употребляемых ими слов дает возможность лучше понять смысл беседы.

В словаре в алфавитном порядке приведены слова, употребляемые преступниками, с указанием их значения в обычной разговорной речи.

Соприкасаясь с преступным элементом, работнику милиции не всегда следует обнаруживать свое знакомство с "блатной речью". Это может повредить делу и заставить совершившего преступление быть осторожным или вообще прекратить такой способ связи со своими соучастниками в присутствии работников милиции.

Следует помнить, что употребление жаргона преступников, без особой на то необходимости, засоряет русский язык. Не так важно уметь самому говорить на жаргоне, как важно хорошо понимать разговор, который ведут между собой с его помощью преступники.

Одновременно обращаемся с просьбой ко всем, кто будет пользоваться настоящим словарем, сообщать в ОУР УМ гор. Киева слова жаргона преступников, которые не использованы в настоящем издании. Это даст возможность при необходимости переиздания словаря пополнить его новыми словами и выражениями из лексикона преступников.

Отдел уголовного розыска
Управления милиции г. Киева

А

- Айда — пойдём
Академия — тюрьма
Акча — деньги
Алтушки — мелкие деньги, копейки
Амба — окончание, крах, безвыходное положение.
Амбаруха — амбар.
Арап — аферист.
Арапа — не уплатить проигранную сумму, убеждать в неправдоподобном.
Атанда, атас — опасность, убегай, уходи, спасайся, отойди (общий сигнал тревоги).
Атандо — осторожно, скрыться.
Ашманать — обокрасть, обворовать.

Б

- Бабать — выдать соучастника.
Бабки — деньги.
Бадяга, будорга — пистолет, револьвер, огнестрельное оружие.
Баки, бани, бимбары, бока, бочата — часы.
Баклан — неопытный вор, хулиган.
Бал, бала, балочка, балточка, бальчик, бальчук — базар, толк
Балабас, балясина — сало, колбаса.
Баланда — суп в тюрьме, похлебка.
Балда, балдаха — ночной сторож, долото.
Балдоха — солнце.
Балешник — вечеринка.
Бан — вокзал, пристань, людное место.
Бандер, бандерша — содержатель квартиры, где находятся преступники или проститутки, муж, начальник уголовного сыска.
Бани — часы.
Банка — удар по коже.
Банки ставить — бить.
Банщик, байданщик — вокзальный вор.
Барахлина, барахло — одежда, вещи.
Барахольщик — мелкий вор.
Бармить, басить, бутить — говорить.
Барно — хорошо.
Барыга — скупщик краденого.
Батар — отец.
Бацать — плясать, танцевать.
Бацильный — истощенный человек.

Баян — литр вина.
Бегать — воровать.
Бегун, бекас — клоп, вошь.
Бедка, бидка, бикса — проститутка.
Бедность — арест.
Бейбут — кинжал.
Берданка — рюкзак, вещевой мешок, специальная пошитая тара, наполненная похищенными вещами.
Бердыч, бацилла, бердыг — жиры, мясо, продукты, передача арестованному.
Бетушный — честный человек.
Библия, бой — игральные карты.
Бимб, бимборы — часы, также золотые вещи без ценных камней.
Бинбер — воровской ломик, употребляемый для взломов.
Бирка — документы, паспорт.
Бить по ширме, ходить по ширме — залезть в карман.
Бишкет — кража продуктов, подвешенных между окнами.
Блат — общее название всего преступного, преступлений, подкупа, среднее между дружбой и протекцией.
Блатикаться — научиться разговаривать на воровском жаргоне.
Блатырь — конокрад, осведомитель из воров, скупщик или приемщик краденого.
Блатная музыка — воровской жаргон.
Блатной, блатский, блатяк — свой, близкий для преступников.
Близец — наводка на преступление.
Бляхи — ордена, медали.
Бобочка — рубашка.
Бой — игральные карты.
Бока, бочата — часы.
Бока рыжие — часы золотые.
Бока скуржавые — часы серебряные.
Болець — содержаться под стражей.
Борода — неудача.
Ботать — говорить на воровском жаргоне.
Бохарый, бухой, бухарь, бусой — пьяный.
Братское чувырло — отвратительная рожа.
Брать на вздержку — прием при карманной краже, когда воруют только часть денег.
Брать на пушку — обманывать.
Брезец снять — наметить объект квартирной кражи.

Бросить — посадить в тюрьму.

Брызгать — убежать, бежать от конвоя.

Брыкать — бросать.

Брюнетка — автозак, автомашина для перевозки арестованных.

Бузовать — бить.

Бусать на холявщину, на халтон — пить на чужой счет.

Бутиловка — толкотня.

Бутить — говорить.

Бухарики — пьяницы

Бухарь — пьяный.

В

Вальнуть — порезать, убить.

Ванек — человек, не знающий, что имеет дело с ворами.

Вассар, вассер — опасность.

Ваторга — пистолет, револьвер, огнестрельное оружие.

Век свободы не видать, лягавый буду, сука буду — клятва преступника.

Вертухай — милиционер, тюремный надзиратель.

Верховая — чердак.

Верхонить — смотреть.

Вертушка, верх — наружный боковой карман пальто и пиджака.

Взять бухара — ограбить пьяного.

Взять — арестовать.

Взять карман — совершить карманную кражу.

Взять медведя на лапу, вспороть — взломать, взломать несгораемый шкаф.

Взять хаверу — совершить квартирную кражу.

Взять на гоп-стоп, взять на прихват, взять за пищик, взять на хомут — совершить вооруженное ограбление, схватить за горло.

Взять на пушку — обмануть.

Взять на анос, на горло, на глотку — подействовать криком или нахальством.

Взять на хапок — вырвать что-либо у всех на глазах и скрыться.

Взять под красный галстук — зарезать.

Взять смехача на характер — вступить в беседу с обворованным лицом.

Взятый от сохи на время — невинно осужденный.

Висяк, висячка — цепочка, висячий замок.

В натуре — правильно.

Вколачивать баки — врать, говорить неправду.
Внутряк — внутренний дверной замок.
Водяра — водка.
Волохат — бить.
Ворон — автозак, автомашина для перевозки арестованных.
Восьмерить — прикидываться, притворяться.
В полусмерть укутаться — все проиграть в карты.
Всю дорогу бегать — постоянно, продолжительное время воровать.
Втыкать — воровать.
Втыкать марафет — нюхать кокаин.
Выдры — отмычки, ключи.
Выпуль — человек, который всегда выигрывает в карты, подписка о выезде.
Вилы — угроза ареста, арест.
Вырвали — освободили из-под стражи.
Выскочил, выскочил на волю — отбыл срок наказания.
Вытирка — письмо, билет.
Вытряхнуть — обобрать при грабеже.

Г

Га — литр вина.
Гад, гад лягавый — сотрудник милиции, оперработник, милиционер, сыщик, доносчик.
Гаман — кошелек.
Гадалки — игральные карты.
Гайнуть — выпустить.
Гали — брюки военного образца (бриджи).
Галье — деньги.
Галюнок, гуманок — кошелек.
Гамузом — оптом.
Гастроль — выезд вора в другой город для совершения преступления.
Гастролер — вор, совершающий кражи в разных городах и на транспорте.
Геморой — неудача, безрезультатность.
Гитара, гитарка — воровской ломик, употребляемый для взломов.
Глаз — документы, паспорт.
Глазок — алмаз для вырезки стекла.
Глатокеша — наркоман, употребл. кодеин и др. порошки.
Глухарь — грабитель пьяных.

Гнать шары — подбирать обвинительный материал на кого-либо.

Голеище — портфель.

Голец — несовершеннолетний преступник.

Голубь — фуражка, шапка.

Голуби — белье, вывешенное для просушки.

Голубятник — чердачный вор.

Гоп-стоп — налет, вооруженный грабеж.

Горбушка — хлеб.

Гореть — попасться, быть пойманным на месте.

Городушник — магазинный вор.

Горчить, гужеваться — пить водку, развлекаться в компании воров.

Грабка, грабки — рука, пальцы.

Грач — человек, не знающий, что имеет дело с ворами.

Гроб — большая хозяйственная сумка.

Гром — сундук, ящик, гардероб.

Гроши — деньги.

Гультик — ремень.

Гульки — брюки.

Гута — перетменные желудочные капли, которые вводятся наркоманами в вену.

Д

Дать в лапу — дать взятку.

Дармовик — не активный соучастник, получающий равную долю.

Дать срок — осудить.

Дать винта — убежать, бежать от конвоя.

Дать плат — убежать, бежать от конвоя.

Дать резинку — подать руку при встрече.

Дать ума, дать пачек — бить.

Два пятнадцать — два работника милиции из УМ.

Двадцать на два, двадцать четыре на четыре — беспрекословно исполняющий приказание воров.

Двинуть — проиграть и не заплатить.

Двуходка — квартира с двумя выходами.

Делать стенку, делать пробку — загораживать от других, толкать, теснить жертву группой воров.

Дело — преступление, кража.

Дело верное — хорошо подготовленное преступление.

Деловой, деляга — общее название воров.

Демон — лицо, не связанное с преступным элементом, но выдающее себя за такового.

Денник — кража днем.
Дербанить — делить наворованное.
Держать бан — воровать на вокзале, на станции.
Держать мазу — ухаживать за девушками, защищать партнера.
Держать проезд — воровать проездом на транспорте.
Держать садку — совершать кражи на станции или пристани при посадке пассажиров.
Держать стойку — не сознаваться в преступлении.
Держать тучу — красть на базаре.
Десантники — воры, связанные с агентами по снабжению, возчиками, шоферами, воры, сбрасывающие с машин и повозок кладь.
Дешевка — проститутка, мелкая воровка, женщина, выдавшая вора, ненадежная, потерявшая доверие.
Дизик, дихик — дезертир.
Динамо крутить — не уплатить проигранную сумму, убеждать в неправдоподобном.
Доктор — защитник.
Долушка — воровской притон, квартира, где собираются преступники.
Домушник — воры, совершающие квартирные кражи.
Домашний шнифер — домашний вор.
Достукаться — дождаться, дойти, дожить.
Дохнуть, дрыхать — спать, отдыхать.
Доходячка, доходяга — истощенный человек.
Дох на хате — ночевал без прописки или скрывался от милиции.
Дошел — обессилел.
Драпать — бежать.
Дрочить — заниматься онанизмом.
Дрейфить — трусить.
Дрожки — деньги.
Дрын — палка, железный прут, ломик.
Дубак — ночной сторож, долото.
Дубаря врезать — быть при смерти.
Дударга — пистолет, револьвер, огнестрельное оружие.
Дуть — доносить на кого-то в милицию.
Дура — пистолет, револьвер.
Дурка — дамская сумочка.
Дурковод — карманный вор, ворующий из хоз. сумок.
Духовой — отчаянный.
Душа, душник — грудь.
Душник разобрать — разбить грудь.

Дыбать — смотреть.

Дыхало, дыхло — рот, ноздри, легкие.

Дышать — говорить.

Дьявол, демон — лицо, не связанное с преступным элементом, но выдающее себя за такового.

Е

Ежик — гвоздь, ножик.

Ельна — общее название воров.

Ерник — хитрый.

Ехать проездом — совершать карманные кражи при проезде в трамвае, поезде.

Ж

Жабры — горло, грудная клетка, ребра.

Жаронуть — скрыть от сообщника похищенное или часть его, обмануть при дележке.

Железки — ордена, медали.

Жестянка — железная дорога.

Жиганить — хорошо одеваться.

Жихтарить — жить.

Жлоб, жмудик — скупой человек, жадный.

Жрать — кушать, есть.

Жучок — изворотливый.

З

Забыть, забухать, загнать шмотки — продать краденые вещи.

Забарабать — арестовать.

Заблатовать — подкупить, уговорить, обмануть.

Забуреть — загородиться.

Завалить — убить.

Завалиться — быть задержанным.

Заводиловка — воровской притон, квартира, где собираются преступники.

Завязал, завязал узелок — перестал воровать, перестал совершать преступления.

Загашник — верхний маленький карман в брюках, карман жилета.

Загибаться — хворать, умирать.

Задок — старая судимость.

Закалечить — ограбить пьяного.

Заковать, залапать — арестовать.
Законный — настоящий, хорошего качества.
Залепить — совершить кражу, преступление.
Залепить хаверу — совершить квартирную кражу.
Залетный — вор, заехавший из другой местности для совершения преступления.
Заливало — лгун, лжец.
Заливать, заправлять, звонить — врать, говорить неправду.
Заложить — выдать соучастника.
Замазаться — проиграть больше, чем иметь.
Замастырить — играть в карты.
Замарьянить — познакомиться.
Заначить, затырить — спрятать что-нибудь, скрыть, передать, перепрятать.
Заскочить — зайти.
Застеклить — разбить стекло, воровать через окно.
Затариться — похитить муку или другие продукты и скрыть их под одеждой.
Затемнить — убить, ударив каким-либо тяжелым предметом по голове.
Зафинтилить — ударить в лицо.
Захарчованный чуван — человек, выдающий себя за знающего воровские обычаи.
Заховать шмотки — спрятать вещи.
Зашухериться — попасться, быть замеченным.
Звонарь — болтун.
Здрючить клифт — снять пиджак.
Зекать — смотреть.
Зекс — осторожно, скрыться.
Зеленый прокурор — побег из лагеря.
Зенки — глаза.
Змейка — тонкая пилка, браслет.
Зола — неудача, безрезультатность.
Зоит — кража через пролом в потолке.
Зухер — преступная сделка.
Зуботыка — прокурор.
Забить гвоздя — обмануть, ввести в заблуждение.

И

Иван — главарь преступной группы, скрывающий свое настоящее имя.
Играть на рояле — дактилоскопироваться.
Индия — штрафная камера в тюрьме.

Инструмент — игральные карты.

Исповедь — допрос.

Исполнитель — опытный аферист, знающий все приемы игры в карты.

Ишачить — работать.

К

Кабел, кобель — дурак.

Кабе, кабеур верхний — взлом через потолок.

Кабе нижний — взлом через пол.

Кабур — кража путем подкопа.

Кабурка — камера для вытрезвителя.

Кабурщик — взломщик.

Кай, каин — конокрад, осведомитель из воров, скупщик или приемщик краденого.

Калякать — говорить.

Кальим — заработок.

Канат — цепочка, висячий замок.

Канать — бежать.

Кандей, кандет — карцер, тюрьма.

Каитоваться — притворяться, не работать.

Капать — доносить на кого-то в милицию.

Капелла — организованная группа мошенников.

Канителить, капать — бить.

Карандаш — воровской ломик, употребляемый для взломов.

Карабчить — воровать.

Караулки — глаза.

Карманник-техник — вор-карманник, совершающий кражи с прорезом одежды.

Катать — играть в карты.

Катать шары — подбирать обвинительный материал на кого-либо.

Кататься — воровать в трамвае.

Катя, катка — пальто с большими карманами у воровок-городушниц.

Качать права — разбирать в присутствии других воров, кто из них прав.

Качаться, качаться в киче — находиться под следствием.

Каша, кешир — жиры, мясо, продукты, передача арестованному.

Кепарь — кепка, фуражка.

Кимарить, кимать — спать, отдыхать.

Кишки — вещи.

Кимарка — кровать, тюрьма, место сна преступников.
Кирюха, кореш — старый приятель, компаньон.
Кич, кичман — тюрьма, место заключения.
Клюквеник — вор, совершающий кражи из церкви.
Клык — вставной золотой зуб или коронка.
Кнайсать, кнацать — смотреть.
Ковырнуть скок — совершить квартирную кражу.
Кодло, котло — сборище, группа воров.
Кожа, кожан, кожанка, кожняк, кожуха — бумажник, пачка денег, портфель, кожаное пальто.
Кожа с бабками — бумажник с деньгами.
Кол — рубль.
Колода — гроб.
Колган, котел, кочан — голова.
Колеса, кони — сапоги.
Колхозом — групповое изнасилование.
Колотушки — игральные карты.
Комель — голова, шапка, фуражка.
Конва, ксивы — документы.
Конверт — узел вещей.
Конь — трамвай.
Конда — сбор.
Контора — место сборища шулеров для обсуждения игры, тюрьма, учреждение милиции.
Копилка — женский половой орган.
Кореш — старый приятель, компаньон.
Коробка — магазин.
Коробочка — способ съемки колоды под определенную карту, трамвай без прицепа, вагон с одним выходом.
Коронки — золотые карманные часы, золотые монеты.
Корочки — ботинки, туфли, деньги.
Косая, кося, кусок — тысяча рублей.
Косой — пьяный.
Костыль — тюремный паек хлеба.
Косяки — карманы женского платья.
Котел — фуражка, часы, голова.
Коцать — бить.
Кошарь — жиры, мясо, продукты, передача арестованному.
Кошка, кожатница — воровка мяса на рынках.
Крантик — смерть за измену своим.
Кранты — крах, конец, безвыходное положение, окончание.
Краснухи — товарные вагоны.
Краснушник — вор, совершающий кражи из товарных вагонов.

Красюк, красючка — человек красивой наружности.
Крабы — часы на металлическом браслете-зажиме.
Крах — окончание.
Кричать — говорить.
Крохобор — староста в камере, хлебопек, жадный.
Крутить сидора — воровать мешки с вещами.
Крутят, крутанули — арестовывают, задержали.
Ксивы — документы, паспорт.
Кукольник — вид мошенника.
Кумекать — говорить.
Куликать по свойски — говорить на воровском жаргоне.
Кумекать по свойски — понимать воровской жаргон.
Курва — проститутка.
Курсать — говорить на воровском жаргоне.
Куруха — лицо, посаженное в камеру к арестованному для получения сведений от него.
Кусошник — мелкий вор.
Куток сучий — камера одиночка.
Куш — хорошая добыча, большая сумма денег.
Кучер — общее название воров.
Кыркать — говорить.

Л

Лапа, лапик — взятка.
Ласкать — воровать.
Лады — хорошо, идет, согласен.
Лайта — автомашина.
Лакшовка — проститутка.
Лакшить — играть в карты.
Лапа гусиная — инструмент для взлома несгораемых касс.
Лалух — неопытный вор.
Лапша — уголовное дело.
Лафа — счастье, удача.
Левый — нечестно добытый, краденый.
Лежка — преступление, кража.
Лепень — носовой плавок.
Лепеха — костюм.
Лепило — врач в лагере.
Лепить, лепить горбатого — врать следователю.
Ливер — наблюдение.
Ливер давить — ухаживать.
Липа — подделка.
Липовать — врать, говорить неправду.

Липы — документы, паспорт.
Локш — неудача, безрезультатность.
Локшевая работа — неудачное дело.
Лопануть — украсть бумажник из кармана.
Ломать — вытаскивать, проверять.
Ломать вытирку — проверять билеты, документы.
Лопатник — бумажник с деньгами.
Лопатник на переломе — момент кражи, когда бумажник вытаскивают из кармана.
Леха — потерпевший, приезжий из сельской местности.
Леща давить — идти на все уступки вора.
Люда, Людка — народ.
Люды — воры.
Люстра — зеркало.
Лягавка — уголовный сыск.
Лягавый, лягаш — сотрудник милиции, оперработник, милиционер, сыщик, доносчик.
Лягавый буду — клятва преступника.
Лягнуть — выдать соучастника.
Ляпаш — сотрудник милиции, оперработник, милиционер, сыщик, доносчик.
Лярва — проститутка.
Лытки — ноги.

М

Маза — заступничество друг за друга.
Мазь — мошенник высшей марки.
Майдан — кусок сукна, расстилаемого на нарах для игры в карты; вагон; чемодан; саквояж; поезд; вокзал.
Майданщик — вокзальный вор.
Малина — воровской притон, квартира, где собираются преступники.
Малохольный — глуповатый.
Мальчики — отмычки, ключи.
Мальшка — несовершеннолетний преступник.
Мастырка, сделать мастырку — причинить себе увечье с целью уклонения от каких-либо обязанностей.
Маша — женщина-главарь преступной шайки.
Машка щекотнулась — женщина поняла, что у нее совершается кража.
Манатки — одежда, вещи.
Мандер — участник игры.
Мандра — хлеб, продукты.

Мантулить — работать.
Мантурить — прорезать бритвой.
Мара — проститутка.
Марка — носовой платок.
Марку держать — воровать в трамвае.
Маркоташки — женские груди.
Марьяна, марушка — проститутка.
Маршрутник — поездной вор.
Маслины — патроны, пули.
Мастер — квалифицированный вор, пользующийся авторитетом среди преступников.
Матуша, маханша — мать.
Мацать — щупать.
Машина — пистолет, револьвер, огнестрельное оружие.
Маяк — фонарь, условный знак, предупреждение, сигнал.
Медвежатники, медведи — воры-взломщики несгораемых шкафов.
Мелодия — отделение милиции.
Меняться наездниками — групповое сожительство.
Мент, метелка, милок, мильтон — милиционер, тюремный надзиратель.
Мессер — финский нож, кинжал, нож.
Метелить — бить.
Мертвец — пьяный.
Микстура — пистолет, револьвер, огнестрельное оружие.
Мирочка — носовой платок.
Митрополит — председательствующий на суде.
Мойка — бритва.
Мойщик — вокзальный вор.
Мокрое дело — убийство.
Мокрушник, мокрятник — убийца.
Мокрый гранд — грабеж с кровопролитием.
Молодчик — сообразительный, опытный вор.
Моргалы — глаза.
Мусер — сотрудник милиции, оперработник, сыщик, доносчик.
Мотать — допрашивать.
Мыло — неудача, безрезультатность.
Мыши — карманные воры, совершающие кражи в метро.

Н

Наблатоваться — научиться разговаривать на воровском жаргоне.
Наблындить — вытаскивать, проверять.

Набухаться — напиться.
Наваливаться — садиться в трамвай.
Навздержку — прием при карманной краже, когда вор захватывает нижележащие купюры и тянет их вверх, так что верхние купюры вываливаются сами.
Наводчик — сообщник, подготавливающий преступление.
Наводчик зрячий — сообщник, действующий по предварительному сговору.
Наводчик темный — случайный сообщник.
Надыбать, наколоть — нащупать.
Наездить — совершать удачную кражу.
Надыбать работенку — наметить объект квартирной кражи.
Накидыш — финский нож, кинжал, нож.
Накнокать — увидеть что-нибудь или кого-нибудь.
Наколка — наводка на преступление.
Наколоть на несколько кусков — украсть на несколько тысяч.
Наколоть — пометить игральные карты.
Намордник — железная надстройка в тюрьмах с наружной стороны, ограничение в паспорте, лишение прав.
Намыливаются — дактилоскопироваться.
Насаживать — воровать в трамвае.
Наседка — лицо, посаженное в камеру к арестованному для получения сведений от него.
Насунул галье — украл деньги.
Насунуть — стянуть, украсть.
Нахалка — случай, когда вора обвиняют по чужому делу.
Нахрапом — насильно, нахально.
На цирлах дыбить — ходить на цыпочках перед главарем.
Начисто сделать — убить.
Несчастье — пистолет, револьвер, огнестрельное оружие.
Не петрить, не кумекать — не понимать.
Не питюкай — молчи.
Не светит — ничего не выходит.
Ништенко — не бойся, не плохо, ничего, свой.
Нищало — корзина с вещами.
Ночник — кража ночью.
Нырять — воровать без намеченного плана.

О

Обвинилровка — обвинительное заключение.
Обжать, оказачить, отначить, отжарить — отнять.

Обзовись — поклянись.
Обломить — осудить.
Оборвись, обрывайся, оторвись, отрывайся — замечен, беги, скрывайся.
Обмыть — обокрасть, обворовать.
Обставить — обыграть.
Обшаманить — обыскать.
Огалец — молодой вор, несовершеннолетний преступник.
Одержаться — стоять, подняв руки, и получать удары от воров за провинность.
Одноходка — квартира с одним выходом.
Окно, очко — задний карман брюк, окно, форточка.
Окрутить — задержать, забрать, поймать.
Окунуть, определить — заключить под стражу, посадить.
Окусываться — оглядываться.
Оперсос — работник милиции, оперработник.
Оправилы — документы, паспорт.
Определить с бутором — задержать с краденным.
Орехи — патроны, пули.
Оритка — письмо, билет.
Оркан — разоблачение.
Осужденный — завербованный.
Осученный — завербованный.
Отвалить — уйти, не окончив кражу.
Отвертеть угол — украсть чемодан.
Отводить — обманывать.
Отдавать концы — хворать, умирать.
Отжать внутреняк — открыть внутренний замок.
Откалякаться, откыркаться — отговориться, откликнуться.
Отколотья — отойти.
Отмазаться — отыграть в карты ранее проигранное.
Отмазывать, откалывать, отсаживать — выгораживать своего соучастника.
Отначить, отжарить, оттырить — скрыть от сообщника похищенное или часть его, обмануть при дележке.
Отонда — опасность, убегай, уходи, опасайся, отойди (общий сигнал предупреждения).
Оторваться — избежать задержания, быть оправданным по суду, выйти из заключения.
Отхарить — изнасиловать.
Отыгратья — оправдаться, отомстить.
Отымалка — кепи с маленьким козырьком.
Охотиться за клопом — ограбить пьяного.

Очко — задний карман брюк.

П

Пад — будь осторожен.

Падла — негодный, ненужный, последний.

Пайка — тюремный паек хлеба.

Палец в рот (действие) — условный знак не разговаривать.

Пальтуган, , пальтуха — пальто, шуба.

Папка — милиционер, тюремный надзиратель.

Парадка, парадуха, парадняк — парадная дверь.

Параша — посудина для испражнений в камере.

Парижанин — приезжий из сельской местности.

Париться, припухать, пыхтеть — содержаться под стражей, сидеть в тюрьме.

Паспартуха — документ, паспорт.

Патриарх — председательствующий на суде.

Паутина, паутинка — короткая часовая цепочка.

Пахан — содержатель квартиры, где находятся преступники или проститутки, муж, начальник уголовного сыска.

Пацан — мальчишка.

Пентух — пять рублей.

Петух — гомосексуалист.

Перепулить — спрятать что-нибудь, скрыть, передать, перепрятать.

Перепустить, перетырить — передать деньги своему сообщнику.

Перетыриться, перековаться — изменить свой наружный вид, переодеться.

Пика — нож.

Перо, перо-финяк — финский нож.

Пес — человек, не знающий, что имеет дело с ворами.

Петрить — сообразить, встревожиться, догадываться, знать, понимать.

Петрить по-свойски — понимать воровской жаргон.

Петуху хвоста вертеть — совершать карманные кражи при проезде в трамвае, поезде.

Петуха красного пустить — поджечь.

Петь — доносить на кого-то в милицию.

Пеха — боковой, внутренний карман в пиджаке.

Пихальщики — футболисты.

Пират — милиционер, оперработник.

Писака — вор-карманник, совершающий кражи с прорезом одежды.

Писалка, писка — бритва.

Писать, писануть, пырнуть — резать, разрезать, нанести ножевое ранение..

Пистон — верхний маленький карман в брюках, карман жилета.

Пищик — грудная клетка, ребра.

Планокиша — наркоман-курильщик.

Плюнуть — застрелить.

Повенчать, припаять — осудить.

Повесить галстук — удавить.

Повязать — арестовать.

Погореть — попасться, быть замеченным.

Погорчить — пить водку, развлекаться в компании воров.

Подвал — метро.

Подкрамзать, подкрутить — задержать, забрать, поймать.

Подлипало, падло — сотрудник милиции, оперработник, доносчик.

Подмастырить — подготовить.

Поднести кулак — донести.

Подсадчик — вор-карманник, обманщик, халтурщик.

Подсказчик, подводчик — наводчик на кражу.

Подтыривать — помогать красть.

Подыбил скок — надумал совершить кражу из квартиры.

Поднять шухер — поднять тревогу.

Поездуха — поезд.

Поездушник — поездной вор.

Пожар — предупреждение об опасности, беда, гибель.

Позвонить в хаверу — разбить окно в квартиру.

Поздравить с добрым утром — совершить кражу утром.

Позорник — не оправдывающий доверия.

Покалечить — совершить кражу, преступление.

По кумполу тряхнуть — ударить по голове.

Полбаян, пол-га — 0,5 литра вина.

Полундра — берегись.

Полька — полевая сумка.

Помарать — убить.

Помочить — наметить объект квартирной кражи.

По музыке ходить — заниматься воровством.

Помыть — взять у спящего, украсть на глазах.

Помыть фары, пописать очки — порезать глаза, лицо лезвием бритвы.

Понт — хитрость, уловка, вымысел, воровской прием, когда воры-карманники отвлекают внимание людей для совершения кражи.

Понтануть — создать давку, толкнуть.

По огоиькам ходить — совершать кражу вечером.
Попутать — задержать, изобличить в преступлении.
Порт пресс — бумажник, пачка денег, портфель, кожаное пальто.
Партач, порчак, порчила — неопытный вор.
Портяночник — мелкий вор.
Посалить — порезать.
Паскуда — ругательство, оскорбление.
Поставить на хор — изнасиловать группой.
Посунул дудку — украл оружие.
Потварить — изнасиловать.
По тихой — кража через открытые двери.
Потолок — нагрудный карман у кителя или гимнастерки.
Потопать — пойти.
Потянуть локш — ничего не получить.
Пофартило — повезло.
По фене курсать — говорить на воровском жаргоне.
Похезать — оправиться.
Пошел на мокрое — пошел на убийство.
Пошли на работу — пошли на кражу.
Пощекотал — прощупал, где лежат ценности, деньги.
Правильный — настоящий, хорошего качества.
Правильная покупка — хорошая добыча, большая сумма денег.
Правило — избиения уличенных в предательстве.
Правилка — жилетка.
Прахоря — сапоги.
Приконать, прикандехать — прийти.
Принимать лопатники — воровать бумажники.
Припухать — содержаться под стражей, сидеть в тюрьме.
Притаранить — принести.
Притырить — спрятать что-нибудь, скрыть, передать, перепрятать.
Прихват — налет, вооруженный грабеж.
Прихватить углы — забрать чемоданы.
Прихватить, прихватывать — брать за горло, придушить, грабить с применением насилия.
Прихериться — притвориться, притвориться пьяным.
Причал — притон воров или приема краденного, разврата.
Причалить — заключить под стражу, посадить.
Причендалы — одежда, вещи.
Пришмотить — убить.
Пробежаться — обокрасть, обворовать.

Продать — доносить на кого-то в милицию.
Проколка — прописка.
Пролакшить — проиграть в карты.
Прополь, пропуль, пропулить — передача краденного при совершении карманной кражи, продать краденные вещи.
Проходняк — мошенничество, обман покупателя, получение задатка или всей суммы денег за какой-либо фальсифицированный товар или денег на приобретение какого-либо товара.
Птюха — буханка хлеба.
Пулеметы — игральные карты.
Пулить — воровать.
Пульнуть — посадить в камеру нового человека.
Пулять — бросать.
Пуляться — прыгать.
Пунем — лицо.
Пустить парашу — пустить ложный слух.
Пуха, пушка — пистолет, револьвер, огнестрельное оружие.
Пчелки — патроны, пули.
Пырнуть — резать, разрезать, нанести ножевое ранение.
Пыхтеть — содержаться под стражей, сидеть в тюрьме.
Пялить — иметь половое сношение.

Р

Работа — преступление, кража.
Работа с росписью — кража с порезом одежды.
Работнички — рука, пальцы.
Работнуть — совершить кражу, преступление.
Разбить — обыграть.
Разбить поит — разойтись в стороны.
Разбить порт — раскрыть портфель.
Разбить лопатник — осмотреть содержимое бумажника.
Разкоцать дурку — раскрыть хоз. сумку, совершить кражу.
Раздербанить — разделить добычу.
Раздрючить — ограбить пьяного.
Размыть, размондорить, раскатить — резать, разрезать, нанести ножевое ранение.
Разначить — раскрыть, растащить.
Разыграть — подшутить.
Рай — притон воров или приема краденного, разврата.
Ракло — босяк.

Расколоться — признаться.
Расписуха — рубашка.
Рвать когти — бежать.
Редик — дамская сумочка.
Режка, решка — решетка в камерах.
Резина — троллейбус.
Резец — наводка на преступление.
Рисанул — подозрительно посмотрел.
Рисовать — пометить игральные карты.
Рогатик — лицо, не связанное с преступным элементом,
но выдающее себя за такового.
Родский — старший вор.
Рубать — кушать, есть.
Рухнуть — понять.
Ругняк — фуражка, часы, голова.
Рыба — девушка, патруль.
Рыжа, рыжье — золото.
Рыжки — золотые карманные часы, золотые монеты.
Рябчик — флотская тельняшка.

С

Садильник, садка — место посадки пассажиров на транспорт.
Садун — сожитель.
Саксон — финский нож, финка, нож.
Сапог — сотрудник милиции.
Сара, Сармак — деньги.
Сбарабать шмотки — забрать вещи.
Сблатоваться — стать своим для преступников.
Сблочить, сдрючить — снять.
Свалехаться — влюбиться.
Свеча — винтовка.
Свисток — собака.
Свистеть — врать, говорить неправду.
Свистульки — патроны, пули.
Свистун — лгун, лжец.
Свой — общее название воров.
Свой в доску — надежный, верный.
Святцы — игральные карты.
Сгореть — попасться, быть замеченным.
Сдать кореша — выдать соучастника.
Сдать шмотки барыге — продать носильные вещи скупщику краденного.
Сделать начисто — убить.

Сдрейфить — испугаться, струсить.
Селедка — шашка, шпага, галстук, шейная цепочка.
Сено — табак.
Сережка, серьга — цепочка, висячий замок.
Сесть на якорь — попасть в тюрьму на большой срок.
Сесть на иглу — стать наркоманом.
Сжечь — выдать соучастника.
Сидеть от звонка до звонка — отбыть полностью срок наказания.
Сидка — арест.
Сидор — дворник, мешок.
Скакунчик, скокарь — воры, совершающие квартирные кражи.
Скакнуть — обокрасть, обворовать.
Скамьевщик, скамеечник — конокрад, осведомитель из воров, скупщик или приемщик краденного.
Скачек — кража без наводки.
Скрип — кошелка.
Скрипуха — корзина с вещами.
Скрутить — арестовать.
Скула — боковой внутренний карман в пиджаке.
Скулить — говорить.
Скурвиться — разлюбить.
Скусить верхушку — совершить карманную кражу из верхнего платья.
Слесарь — квартирный вор.
Слоны — отмычки, ключи.
Смести — арестовать.
Смыться — уйти, не окончив кражу.
Собака, собачка — замок, сторублевый кредитный билет, кольцо, пальто.
Соловей — милиционер, тюремный надзиратель.
Сонники — ворующие у спящих карты.
Сопатка — нос.
Сопля — цепочка, висячий замок.
Сорвать — украсть и скрыться незаметно.
Сорваться — избежать задержания, быть оправданным по суду, выйти из заключения.
Спелись — сговорились.
Списать в расход — убить.
Справи́лы — документы.
Спустить — обыграть шулерским способом, взломать, сломать замок, выбросить вещественные доказательства при задержании.
Спустить шмотки — продать краденые вещи.

Сработать дело — совершить преступление.
Срисовать — узнать кого-нибудь, скрывающего свое имя, запомнить, зафиксировать, осмотреть, оглядеть.
Срисовать с фронта — узнать с первого взгляда.
Срок ломается — угроза быть осужденным.
Ссученный — завербованный.
Ставить пистон — иметь половое сношение.
Ставить фраера — загораживать от других, толкать, теснить жертву группой воров.
Станок — кровать, тюрьма, место сна преступников.
Стеклить — разбить стекло, воровать через окно.
Стирки — игральные карты.
Стойка — защитник.
Стоп с прихватом — налет, вооруженный грабеж.
Стопорить — грабить.
Стоять на шухере — стоять на страже при совершении преступления.
Стоять на стреме — стоять на страже при совершении преступления.
Стукать, стучать — доносить на кого-то в милицию.
Стукач — осведомитель.
Стырить, слизнуть, слямзить, сорвать, спулить — стянуть, украсть.
Сука — сотрудник милиции.
Сука буду — клятва преступника.
Сумка — тюрьма, место заключения.
Сундук — человек, не знающий, что имеет дело с ворами.
Сунуть — ударить.
Сухая — кража без насилия.
Сучья будка, сучий куток — камера-одиночка.
Схлеснуться — сойтись, сговориться.
Съянцы — игральные карты.

Т

Таранить — тащить.
Тарахтеть — говорить без толку.
Тарачки — папиросы.
Тварь — лицо, не пользующееся авторитетом среди воров.
Темнить — бить по голове, скрываться, запутывать, врать.
Темную устроить — избить, накрыв мешком, одеждой.
Темный, тыренный — краденный, беспаспортный, поддельный.

Темщик — скупщик краденного.
Тесак — финский нож, кинжал, нож.
Тики-так — очень хорошо.
Тихарь — сотрудник милиции, оперработник, милиционер.
Тихушник — вор, совершающий кражи из незапертых квартир.
Тихушка — профессиональная воровка, вышедшая замуж, но изредка совершающая кражи.
Тише дыши — все не говори.
Толкнуть шмотки — продать краденые вещи.
Толкач — скупщик краденного.
Толковать — говорить.
Толковище — избивание уличенных в предательстве.
Топать — идти.
Тормознуть — задержать, забрать, поймать.
Тошниловка — пивная, закусовая.
Травить — врать, говорить неправду.
Трам — трамвай.
Трайлить — убеждать в неправдоподобности.
Трахнул — вытащил, украл.
Трезвонить, трепать — врать, говорить неправду.
Трек (х) нуться — сообразить, встревожиться, догадываться, знать, понимать.
Трепач — болтун.
Трухать — заниматься онанизмом.
Трюм — карцер, тюрьма.
Тряпки — одежда, вещи.
Тупик — магазин.
Тумак — ничего не понимающий человек.
Туфта — вид мошенничества, при котором под видом доброкачественных вещей продаются негодные предметы.
Тушануть — толкнуть.
Тушевать — создать давку, толкнуть.
Тюряга — тюрьма, место заключения.
Тына — проститутка.
Тыренное — ворованное.
Тырить — стянуть, украсть.
Тырка — предмет, которым во время кражи вор прикрывает руку.
Тырщик — соучастник вора-карманщика.
Тяжеловес, тяжеляк — убийца.
Тяпнуть — стянуть, украсть.

Тяпнуть проездом — залезть в карман при проезде на транспорте.

Тягло — речь.

У

Угол, угольник — кусок сукна, расстилаемого на нарах для игры в карты, чемодан, саквояж, поезд.

Уголовка, уголок — уголовный сыск.

Удавка — шашка, шпага, галстук, шейная цепочка.

Удочка — приспособление для кражи из окон, передача чего-либо из одного окна камеры в другое.

Уйти с шумом — скрыться с места преступления на глазах у свидетелей.

Уканать, ухрять — убежать.

Укусить — оскорбить товарища.

Урка — общее название воров.

Урковать — воровать.

Утрянка — рассвет.

Умат — беспорядок.

Ф

Фортыцер — предмет для прикрытия при краже.

Фармазон, фармазонщик — мошенник, сбывающий фальшивые бриллианты за настоящие.

Фарт — удача, счастье.

Фарте (о) вьй — хороший, удачный.

Фары — глаза.

Фашист — судимый по ст. 56 УК.

Феня — воровской жаргон.

Фига — сотрудник милиции, оперработник.

Фигура — пистолет, револьвер, огнестрельное оружие.

Фиксы — вставной золотой зуб или коронка.

Фиксатый — человек, имеющий коронки на зубах.

Филин — милиционер, тюремный надзиратель.

Филонить — симулировать, притворяться.

Финяк — финский нож, кинжал, нож.

Фитиль — свеча, больной.

Фомка, фомич — воровской ломик, употребляемый для взломов.

Форс, форцы — деньги.

Фофан — дурак.

Фрайер — хорошо одетый человек, представляющий собой добычу вора.

Фрей — неопытный вор.

Фрей-фея — человек, держащийся гордо, богатый человек.

Флейш — работник милиции .

Х

Ходить на огонек — совершать кражи из квартир, где нет света, нет хозяев.

Холить — иметь половое сношение.

Хомут — шея; болезнь, являющаяся результатом педерастии.

Хорь — мужской половой орган.

Хруст — рубль.

Хрусты — деньги.

Хабара — доля, пай.

Хава — рот, ноздри, легкие.

Хавать — кушать, есть.

Хави(е)ра, хата, хаза, хазовка — воровской притон, квартира, где собираются преступники.

Хавырка — женский половой орган.

Харить — иметь половое сношение.

Хай — заявление в милицию, шум, крик.

Халява — негодный, ненужный, последний.

Хевра — воровская компания, шайка.

Хезать — оправиться.

Хезник — уборная.

Хилять — убегать, бежать.

Хибр — крик.

Хитрый домик — помещение милиции.

Хмелиться — пьянствовать.

Ходить по верхам — совершать карманную кражу из верхнего платья.

Ходить по вторым высячим — хвастаться воровством, но не воровать.

Ходить по ширме — залезать в карман.

Хутар — состояние опьянения у наркоманов.

Ц

Цветной — сотрудник милиции.

Ч

Чалить — смотреть.

Чалиться — содержаться под стражей, сидеть в тюрьме.

Чердак — нагрудный карман у кителя или гимнастерки.

Черный ворон — автозак, черный ворон, автомашина для перевозки арестованных.

Черт — лицо, не связанное с преступным элементом, но выдающее себя за такового.

Ченарик — окурок.

Чиркалки — спички.

Ш

Шайбы — деньги.

Шалман — пивная, закусовая.

Шамать — кушать, есть.

Шворить — половое сношение.

Шейный пластырь — бить по шее.

Шелковье — шелк, шелковые изделия.

Шерехнуться — спохватиться.

Шестерка — мелкий вор, исполняющий приказания воров.

Шестерить — прислуживать.

Ширма — предмет, которым во время кражи вор прикрывает руку.

Ширмач, ширман, ширмушник — вор-карманник, обманщик, халтурщик.

Шармачить — воровать.

Шкары, шкеры — брюки.

Шмальнуть, шлепнуть — убить.

Шмара — проститутка.

Шмотки — одежда, вещи.

Шмоит, шмон, шмонка — обыск, личный обыск.

Шмойка — тюремный паек хлеба.

Шнеерзон — мошенник, сбывающий фальшивые ценности.

Шнифт — стекло.

Шнифты — глаза.

Шпайер, шпалер, шпалка — пистолет, револьвер, огнестрельное оружие.

Шлана — молодой вор, несовершеннолетний преступник.

Шпаргалки — документы.

Шпилер — отвертка.

Штевкать — кушать, есть.

Штемп, штымп — сотрудник милиции, оперработник.
Штифтить — разбить стекло, воровать через окно.
Штопор — налет, вооруженный грабеж.
Штрик (х) — старик.
Шулер — хитрый человек.
Шуряется, щекотится — чувствует, что к нему лезут в карман.
Шухер — осторожно скрыться.
Шухерить — поднимать тревогу.

Щ

Щекотится — чувствует, что к нему лезут в карман.
Щипать — совершать карманную кражу.
Щипач — вор-карманник.
Щипчики — штиблеты.
Щупальцы — пинцет с тупыми краями, применяется ворами-карманщиками.
Щупать ноги — готовиться к побегу.

Э

Экзамен — суд.

Ю

Юрцы, юрсы — кровать, тюрьма, место сна преступников.

Я

Яма — место сбыта или хранения краденного.
Яманщик, ямник — скупщик краденного.
Ящик — гроб.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Словарь воровского жаргона. См. Приложение на стр. 345-374.
2. Сборник законов СССР, т. 1-2, М. 1968.
3. Сборник законов СССР, т. 3. М., 1971.
4. Систематическое собрание законов РСФСР, т. XIV, М. 1967.
5. Вестник Верховного Суда СССР, 1, 1925.
6. Проблемы уголовной политики, книга 1, ОГИЗ, 1935.
7. То же, книга 2.
8. Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем Верховного Суда СССР, 1924 — 1944, М. 1946.
9. Уголовный кодекс РСФСР, 1922 г.
10. Уголовный кодекс РСФСР, 1926 г.
11. М. Исаев. "Основы пенитенциарной политики", М.-Л. 1927.
12. Уголовный кодекс РСФСР, 1970 г.
13. А. Логинов. "Смертная казнь в удельный период русского права", Журнал министерства юстиции, 1916, 7.
14. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР, М. 1971.
15. Сборник действующих разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г., М. 1930.
16. Сборник циркуляров Народного комиссариата юстиции РСФСР, действующих на 1 июня 1931 г.
17. Сборник циркуляров Народного комиссариата юстиции, 1922-25.
18. Сборник циркуляров и разъяснений Народного комиссариата юстиции РСФСР за 1 мая 1934 г.

19. Сборник определений уголовной кассационной коллегии Верховного суда РСФСР, 1925 г., вып. 1.
20. И.И. Карпец "Наказание. Социальные, правовые, и криминологические проблемы", М. 1973.
21. Г.А. Аванесов "Теория и методология криминологического прогнозирования", М. 1972.
22. А.А. Герцензон "Введение в советскую криминологию", М. 1965.
23. "Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства" ред. В.А. Познанский, Саратов. 1961.
24. Курс советского уголовного права, часть общая, т. 1., Л. 1968.
25. Изучение и предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних. Сборник статей под ред. Карева, МГУ, 1970.
26. В.Н. Кудрявцев "Причинность в криминологии", М. 1968.
27. И.Г. Филановский "Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению", Ленинград, 1970.
28. Ф.Н. Фаткуллин "Изменение обвинения", М. 1971.
29. Н.Ф. Кузнецова "Преступление и преступность", М., МГУ, 1969.
30. Применение наказания по советскому праву, М., МГУ, 1958.
31. Гернет М.Н. "Детоубийство". Ученые записки ИМП Московского университета, в. 40, 1912.
32. Уголовное право, часть особенная, М. 1969.
33. Г.С. Саркисов "Предупреждение нарушений общественного порядка", Ереван, 1972.
34. Научный комментарий судебной практики за 1967 год, М. 1968 г.
35. Научный комментарий судебной практики за 1968 год, М. 1969.
36. Научный комментарий судебной практики за 1969 год, М. 1970.

37. Л.Д. Гаухман "Борьба с насильственными посягательствами", М. 1959.
38. Б.А. Куринов "Автотранспортные преступления", М. 1970.
39. Н.И. Загородников "Преступления против жизни", М. 1961.
40. Н.П. Кучерявый "Ответственность за взяточничество", М. 1957.
41. В.Ф. Кириченко "Ответственность за должностные преступления...", М. 1956.
42. Кригер Г.А. "Ответственность за хищение государственного и общественного имущества", М., МГУ. 1957.
43. Г.З. Анашкин "Смертная казнь в капиталистических государствах". М. 1971.
44. А.Е. Наташев, Н.А. Стручков "Основы теории исправительно-трудового права", М. 1967.
45. Ю.М. Ткачевский "Освобождение от отбывания наказания", М. 1970.
46. М.Д. Шаргородский "Наказание, его цели и эффективность", Л, ЛГУ, 1973.
47. Ю.М. Ткачевский "Советское исправительно-трудовое право", М. 1971.
48. В.С. Орлов "Подросток и преступление", М., МГУ, 1969.
49. Вопросы борьбы с преступностью, вып. 15., М. 1972.
50. Вопросы борьбы с преступностью, вып. 9., М. 1969.
51. Вопросы борьбы с преступностью, вып. 14., М. 1971.
52. Вопросы борьбы с преступностью, вып. 10., М. 1969.
53. А.В. Дулов "Введение в судебную психологию", М. 1970.
54. Вопросы борьбы с преступностью, вып. 1., стр. 43, М. 1965.
55. То же, вып. 2.
56. То же, вып. 3.
57. То же, вып. 5.
58. То же, вып. 6.

59. То же, вып. 12.
60. То же, вып. 13.
61. То же, вып. 16.
62. То же, вып. 17.
63. Преступный мир Москвы, М. 1924.
64. Предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних, Минск, 1969.
65. Вопросы борьбы с преступностью несовершеннолетних, Алма-Ата, 1968.
66. Предупреждение преступности несовершеннолетних, М. 1965.
67. Преступления против несовершеннолетних, ред. Я. А. Перель и А.А. Любимов, 1932.
68. Никифоров А.С. "Разграничение спекуляции, занятия запрещенным промыслом и нарушением прав торговли", "Ученые записки Всесоюзного института юридических наук", вып. 2(6), стр. 28, 1957.
69. А.П. Мельников "Колебания преступности в текущем столетии", Журнал министерства юстиции, 5-6, 1917.
70. С. Максимов "Народные преступления и несчастья", "Отечественные записки", т. 183, март-апрель 1869 г.
71. С. Максимов, "Отечественные записки", № 4, 1869.
72. С. Максимов "Отечественные записки", т. 182, 1869.
73. Якушкин. "Обычное право", т. 1, Введение.
74. Кн. Тенишев В.В. "Общие начала уголовного права в понимании русского крестьянина", Журнал министерства юстиции, 1909, 7.
75. Якушкин "Обычное право", т. 2.
76. Левенстим А.А. "Суеверие в его отношении к уголовному праву", часть 1, Журнал министерства юстиции, 1897, 1.
77. То же, часть 2, Журнал министерства юстиции, 1897, 2.
78. "Несчастные", Максимов. Вестник Европы, 1868, кн. 4.
79. "Андрей Твердохлебов – в защиту прав человека", изд. Хроника, Нью-Йорк, 1975.

80. См. 75 № 717.
81. "Московские ведомости" 1883, 70. Цитировано по 75 № 765.
82. "Русские ведомости" 1885, 14. Цитировано по 75 № 786.
83. См. 75 № 733.
84. См. 75 № 746.
85. См. 75 № 646.
86. "Русские ведомости" 1879, 2, стр. 2. Цитировано по 75.
87. См. 75 № 779.
88. См. 75 № 726.
89. См. 75 № 515.
90. См. 75 № 107.
91. Т. Сегалов "Пьяные драки в городе и в деревне", в ст. "Проблемы преступности", вып. 2, М.-Л., 1927.
92. См. 14⁸ стр. 136.
93. П. Б. Аксельрод "Пережитое и передуманное". Цитировано по: Ф.И. Дан "Происхождение большевизма", Нью-Йорк, 1946, стр. 95.
94. А. Авторханов "Зарождение криминального течения в большевизме (экссы)" — в книге "Происхождение партократии", т. 1.
95. История государства и права, часть 11. М. 1966, стр. стр. 67.
96. XVI съезд ВКП (б) — стенографический отчет.
97. Положение о воинских преступлениях — постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 г. — СЗ, 1927 № 50.
98. "О квалификации самосудов" — постановление Пленума Верховного Суда СССР, 23 октября 1933 г. См. 8 стр. 69.
99. "Правительственный вестник" 1878, 162. Цитировано по 75 № 2122.
100. Чалидзе "Права человека и Советский Союз", изд. "Хроника", Н.Й., 1974 г.
101. А. Скилягин и др. "Дела и люди Ленинградской милиции", Лениздат, 1967.

102. "Всегда начеку", очерки, Москва, 1967.
103. А.Ф. Кошко "Очерки уголовного мира царской России", Париж, 1926.
104. "В борьбе и тревоге" (Из истории милиции Кубани), Краснодар, 1971.
105. Я.С. Мотылев, Е.А. Лысенко "Солдаты порядка", Душанбе, 1967.
106. Э. Кузнецов "Дневники", Les Editeurs Reunis, Paris, 1973.
107. П. Якир "Детство в тюрьме", Macmillan, London, 1972.
108. М.Г. Любарский "Как раскрывают тайны", Ленинград, 1968.
109. А. Марченко "Мои показания"
110. А. Амальрик "Нежеланное путешествие в Сибирь", Н.Й., 1970.
111. Крестовский. Собрание сочинений, т. 1, 1899.
112. Ученые записки МГУ, труды юридического факультета, вып. 168, кн. 7, 1954.
113. "О наказуемости родственного укрывательства и недоносительства". "Советское право" 1924, 1, 48.
114. Сапаргалиев "История народных судов Казахстана" (1917 - 1965, Алма-Ата, 1966).
115. Супатаев, Тайгин "Создание и развитие советского суда в Киргизии", Фрунзе, 1971.

117. О возможности применения наказания лишь к лицам, совершившим определенное преступление. Постановление Пленума Верховного Суда СССР, 12 июля 1946 г. (10, стр. 54).
118. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, статья "Артель", т. 2, СПб, 1890.
119. Грюнвальдт "Юридическая сторона артелей", Журнал гражданского и уголовного права, 1876, 2.
120. Ф. Щербина "Очерки южно-русских артелей и общинных артельных форм". Цитировано по ⁷⁵ № 1882.
121. А.С. Пушкин "История Пугачева", Полн. собр. сочинений, М. 1949.

123. Гернет "Право и жизнь", 1923 г.
124. С. Максимов "Вестник Европы", т. 4, 1868 г.
125. В. Кабачник. Устное сообщение.
126. М. Хейвурд. Устное сообщение.
127. В. Шаламов. Очерки преступного мира. Самиздат.
128. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, статья "Воровской язык", т. VII, СПб, 1892.
129. Н. Мендельсон "Материалы для словаря условного языка", "Этнографическое обозрение", 1898 № 4.
130. "Материалы для словаря условного языка" ("Массовский язык одоевских торговцев"), "Этнографическое обозрение" 1897, 2.
131. Шаламов "Женщины преступного мира", "Грани" 1970, № 77.
132. Евреинов "История телесных наказаний в России", книга, изданная в России в начале этого века, цитируемый экземпляр — без выходных данных.
133. Гернет. Очерки тюремной психологии. "Право и жизнь", 1922 № 3.
134. Гернет, цит. соч. "Право и жизнь" № 9-10, 1923.
135. Из дневника заключенной, см. ⁶³, стр. 23.
136. С. Максимов. Вестник Европы, 1868 № 4.
137. Сергиевский. Наказание в русском праве XVI I в. Цитировано по статье Гернета, "Право и жизнь", 1923, № 3.
138. А. Солженицын "В круте первом".
139. Гернет, "Право и жизнь" 1923, № 5-6.
140. Гернет М.Н. "Татуировка в местах заключения г. Москвы", см. ⁶³, стр. 218.
141. М. Авдеева. Татуировка в местах заключения, "Право и жизнь", 1927, 1.
142. В. Шаламов. Сергей Есенин и воровской мир. "Грани", № 77, 1970.
143. Очерк быта нищих Могилевской губернии и их условный язык (любецкий лемент). Е. Романов "Этнографическое обозрение" 1890 № 4.
144. М.К. Анианц. Ответственность за преступления

- против жизни... М. 1964.
145. Э.Ф. Побегайло. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965.
 146. С.В. Бородин. Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах. М. 1964.
 147. С.В. Бородин. Квалификация убийства по действующему законодательству. М. 1964.
 148. П.А. Дубовец. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М. 1964.
 149. "Социалистическая законность", 1937 № 1.
 150. А. Твердохлебов "Заметки о законодательстве в области борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни". В книге "Андрей Твердохлебов — в защиту прав человека", изд. "Хроника", Н. Й., 1975.
 151. Дело К. Определение судебной коллегии ВС РСФСР по делу № 5-Д-71-пр-690, 1971 г., см. 150.
 152. "Советское государство и право", 1939 № 5.
 153. "Новый мир", 1962 г. № 6.
 154. Сборник определений Уголовной кассационной коллегии Верховного суда РСФСР, 1925, 1, стр. 92. Дело № 2892.
 155. См. 154 стр. 90, дело № 210772.
 156. См. 154 стр. 89, дело № 2962; см. также 157 стр. 28.
 157. "Сборник действующих разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г.". М., 1930.
 158. См. 157 стр. 289.
 159. "Рабочий суд" 1928, 18, стр. 1383.
 160. "Советская юстиция" 1937 г., № 1, стр. 29.
 161. "Судебная практика РСФСР", 1927, № 1, стр. 21.
 162. "Социалистическая законность" 1938, № 2, стр. 143.
 163. "Социалистическая законность" 1939, № 3, стр. 95.
 164. Комментарий к Положению о прокурорском надзоре в СССР. М., 1968, стр. 193.
 165. Кондурушкин "Хозяйственно-экономические процессы периода НЭПа, обвинительные речи". М.-Л.,

- 1930.
166. См. ²⁹, стр. 185.
167. Советская юстиция 1937 г., № 14, стр. 9.
168. См. ²⁹, стр. 189.
169. Советская юстиция 1936, № 11, стр. 5.
170. Судебная практика РСФСР, 1927, № 1, стр. 17.
171. Устав КПСС. "XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза", стенографический отчет, М. 1962, т. III.
172. Сергей Матвеев "Жизнь". Изд. Культ.-восп. отд. Дмитлага НКВД, 1936 г. Цитировано по "Социалистическая законность" 1937, № 3.
173. Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, М., 1935.
174. Протоколы Верховного суда РСФСР, № 3 и 4 1930 г., (см. ¹⁷³).
175. Постановление ЦИК и СНК СССР 1 ноября 1930 г. СЗ № 57.
176. Постановления ЦИК и СНК 7 декабря 1931 г., СЗ № 37.
177. Ежегодник советской юстиции, 1929 № 45, стр. 1051.
178. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР 20 апреля 1931 г., СУ № 21.
179. Протокол Верховного суда РСФСР № 46 от 23 августа 1933 г. (см. ¹⁷³).
180. Протокол Верховного суда РСФСР 14 апреля 1934 г. (см. ¹⁷³ стр. 262).
181. Постановление Президиума Верховного суда РСФСР, 26 марта 1934 г. (см. ¹⁷³ стр. 261).
182. Протокол Верховного суда РСФСР № 11 от 6 августа 1931 г. (см. ¹⁷³ стр. 260).
183. Постановление Президиума Верховного суда РСФСР, 16 февраля 1931 г. (см. ¹⁷³ стр. 234).
184. Сводный закон о реквизиции и конфискации имущества. Постановление ВЦИК и СНК 28 марта 1927 г. СУ 1927 № 38.
185. Протокол Верховного суда РСФСР № 6 от 26 апре-

- ля 1930 г. (см. ¹⁷³ стр. 164).
186. "Беломорско-Балтийский канал им. Сталина", ред. М. Горький, ОГИЗ, 1934, стр. 72.
188. См. ¹⁸⁶ стр. 30.
189. См. ¹⁸⁶ стр. 29.
190. См. ¹⁸⁶ стр. 32.
191. "Как мы строили метро", М. 1935.
192. XVI съезд ВКП (б), стенографический отчет.
193. Протокол УКК Верховного суда РСФСР, № 3 от 8 марта 1930 г., см. ¹⁷³ стр. 249.
194. Постановление ЦИК СССР 15 ноября 1923 г.
195. Постановление ЦИК СССР 14 сентября 1937 . СЗ № 61.
196. А. Мельников "Колебания преступности". Журнал Министерства юстиции, 1917 г., № 5-6 стр. 61.
197. Исторический вестник. 1884 т. 4 стр. 623.
198. А. Герцензон "Советское право", 1926 № 6 стр. 41.
199. Soviet prison camp speech, Compiled by Meyer Galler and Harlan E. Marquess.
200. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР 1964-1972. М., 1974.
201. Н. Соколов, И. Чупаленков. "Советский суд". М., 1973 (стр. 34).
202. Н.П. Макарова, С.С. Москвин. "Организация работы народного суда". М., 1974.
203. Громов. "Безмотивное преступление". Журнал Министерства юстиции, 1913, 5.
204. Башилов "О хулиганстве как преступном явлении, не предусмотренном законом". Журнал Министерства юстиции, 1913, 2 стр. 222.
205. А. Маралевич "Обнаружен пробел". "Известия" 13 июня 1973 г. стр. 4.
206. В. Власов "Хулиганство в городе и деревне". "Проблемы преступности" М-Л., вып. 2, 1927.
207. Крыленко "Что такое хулиганство". "Рабочий суд" 1926, № 22 стр. 1399.

208. См.¹⁶. Инструкция № 27 от 5 февраля 1927 г.
209. Собрание узаконений Крымской автономной республики, 1926, № 3.
210. "Советская юстиция" 1936 № 1 стр. 10.
211. См. "Энциклопедия государства и права" под ред. П. Стучка, М. 1930, т. 3 стр. 1089.
212. В.В. Шубин "Судебная практика по делам о хулиганстве". См.³⁴ стр. 180.
213. Бюллетень ВС РСФСР, 1963 № 4.
214. Бюллетень ВС РСФСР, 1962 № 8.
215. Бюллетень ВС РСФСР, 1963 № 7.
216. А.А. Герцензон. Уголовное право и социология. М., 1970.
217. См.²⁶ стр. 42.
218. См.¹⁴⁵ стр. 170.
219. См.¹⁴⁷ стр. 131.
220. Бюллетень ВС РСФСР, 1962 № 6.
221. См.¹⁴⁷ стр. 132.
222. См.¹⁴⁷ стр. 101.
223. См.¹⁴⁵ стр. 128.
224. См. 145 стр. 131.
225. См.¹⁴⁷ стр. 112.
226. См.³⁹ стр. 175.
227. См.¹⁴⁵ стр. 167.
228. См.¹⁴⁵ стр. 135.
229. См.¹⁴⁵ стр. 103.
230. Бюллетень ВС РСФСР, 1962 № 7.
231. См.¹⁴⁷ стр. 57.
232. См.¹⁴⁷ стр. 53.
233. См.¹⁴⁷ стр. 55.
234. См.¹⁴⁷ стр. 60 и³⁹ стр. 132.
235. См.¹⁴⁷ стр. 240.
236. См.¹⁴⁵ стр. 175.
237. См.¹⁴⁵ стр. 75.
238. См.¹⁴⁷ стр. 66.
239. Бюллетень ВС РСФСР, 1963 № 7.
240. См.¹⁴⁵ стр. 177.
241. "Известия" 6 июля 1973 г., стр. 4.

242. "Право и жизнь", 1923 № 7-8.
243. "Право и жизнь", 1925 № 4-5.
244. См.¹⁴⁵ стр. 84.
245. См.¹⁴⁵ стр. 81.
246. См.³⁹ стр. 175.
247. См.¹⁴⁶ стр. 41.
248. "Следственная практика", вып. 50, М. 1961. Цитировано по¹⁴⁵ стр. 86.
249. Василевский "Детская преступность и детский суд", 1923.
250. Журнал Министерства юстиции, 1864 № 2 стр. 707.
251. "Медвежья присяга у остяков". Этнографическое обозрение, 1898, 3.
252. А.Ф. Кони. Собрание сочинений, т. 3, стр. 474, М. 1964.
253. В.Г. Короленко. Собрание сочинений, т. 6. М. 1971, стр. 5.
254. Гордон "Дело мултанских вотяков". Журнал Министерства юстиции, 1896, 8.
255. См.¹⁴⁶ стр. 189.
256. "Дело Дандарона". Самиздат.
257. См.²⁰⁰ стр. 255.
258. СУ РСФСР, 1928 № 141 стр. 927.
259. См.³⁹ стр. 177.
260. Еженедельник советской юстиции, 1923 № 28 стр. 649.
261. См.³⁹ стр. 126.
262. См.¹⁴⁷ стр. 213.
263. См.¹⁴⁷ стр. 122.
264. См.²⁰⁰ стр. 247.
265. Бюллетень ВС РСФСР, 1962, 6.
266. См. ³⁹ стр. 234.
267. См. ⁴⁴ стр. 175.
268. "Пакт о гражданских и политических правах человека", опубл. в книге "Советский Союз и Организация Объединенных наций", М. 1968 стр. 620.
269. См. ¹⁴⁴ стр. 179.
270. См. ⁵⁴ стр. 87.

271. "Советская юстиция" 1936 № 18.
272. "Социалистическая законность" 1936 № 11 стр. 20.
273. См.⁵⁴ стр. 74.
274. См.³⁹ стр. 162-163.
275. См.¹⁴⁵ стр. 12.
276. Н.Н. Белявский "Полицейское право" Петроград, 1915.
277. "Советская юстиция" 1937 № 2 стр. 15.
278. "Энциклопедия государства и права", ред. П. Стучка, т. 3 стр. 122.
279. Разъяснение Верховного суда РСФСР по делу 1923 г. № 645. См.⁶⁷ стр. 18.
280. См.¹⁵⁷ стр. 286.
281. См.¹⁴⁵ стр. 85.
282. См.¹⁴⁷ стр. 232.
283. См.³⁹ стр. 176.
285. См.¹⁵⁷ стр. 280.
286. См.⁷⁴ стр. 141.
287. А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. Т. II, стр. 421. УМКА—PRESS, 1974.
288. См.¹⁴⁷ стр. 150.
289. Большая Советская Энциклопедия, изд. 2, т. 46.
290. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР, изд. 2, ред. проф. Никифоров. М. 1964, стр. 440.
291. См.⁶² стр. 25.
292. См.²⁰⁰ стр. 299-312.
293. См.⁵⁵ стр. 39.
294. См.³⁶ стр. 178.
295. См.¹⁴ стр. 283.
296. Бюллетень ВС РСФСР, 1974, 2.
297. См.¹⁴⁵ стр. 111-113.
298. См.¹⁴⁸ стр. 127.
299. Бюллетень ВС РСФСР, 1964 № 3 стр. 32.
300. Бюллетень ВС РСФСР, 1963 № 5.
301. Б. Змиев "Преступления в области половых отношений" в сборнике "Проблемы преступности",

вып. 2 1927 г.

302. См.¹⁵⁷ стр. 283.

303. "Вестник советской юстиции", 1928, № 17 стр. 505.

304. Сборник определений Уголовной кассационной коллегии ВС РСФСР, ст. 167, 1925 № 1.

305. Курс советского уголовного права, т. 3, Ленинград, 1973, стр. 656.

306. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР, 1957-59. М. 1960 (стр. 189).

307. Декрет СНК 4 мая 1918 г. "О революционных трибуналах". СУ РСФСР, 1918 № 35.

308. "Об усилении ответственности за мелкое хулиганство", Указ Президиума Верховного Суда СССР, Ведомости ВС СССР, 1966 г. № 30.

309. "Советская юстиция", 1937 г. № 2 стр. 3.

310. "Право и жизнь", 1926 № 8-10 стр. 82.

311. "Советская юстиция" 1937, № 23-24, стр. 7.

312. Курс советского уголовного права в шести томах, М., 1971, т. VI, стр. 321.

313. "Об ответственности за незаконное изготовление и использование радиопередающих устройств". Указ Президиума Верховного Совета РСФСР 7 апреля 1960 г. Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960 г. № 13.

314. Постановление Пленума ВС РСФСР 3 июля 1963 г. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1970, М. 1970, стр. 515.

315. Гражданский кодекс РСФСР, 1922 г.

316. С. Крылов "Советское право о радиосвязи и радиовещании". "Социалистическая законность", 1938, № 3, стр. 77.

317. "Радиоправо". См.²⁷⁸ стр. 458.

318. Декрет СНК РСФСР "О взяточничестве". СУ РСФСР 1918 г. № 35 стр. 467.

319. См.²⁷⁸ т. 1 стр. 302.

320. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, гл. 6, в томе 15 Свода законов Российской

- империи 1857 г., СПб, 1857.
321. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 9.
322. См.²⁰⁰ стр. 388.
323. Сборник определений Уголовно-судебной коллегии Верховного суда УССР, 1924 г., вып. V, стр. 122. Цитировано по⁴⁰ стр. 65.
324. "Право и жизнь", 1925, № 7-8, стр. 89.
325. Сборник определений Верховного суда РСФСР 1927 г. стр. 55. Цитировано по⁴⁰ стр. 66.
326. Уголовное право, часть особенная, ред. А.А. Герцензон и А.К. Пионтковский. М., 1939.
327. Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР за 1929 г., стр. 62-63. Цитировано по⁴⁰.
328. Постановление Пленума Верховного Суда СССР 24 июня 1949 г. См.¹⁰ стр. 23.
329. Уголовное право, часть особенная. Отв. ред. Б.С. Утевский. М., 1958. Стр. 238.
330. Бюллетень ВС РСФСР, 1962, № 7.
331. Д.С. Лихачев "Черты первобытного примитивизма воровской речи". В сборнике "Язык и мышление", III-IV, М-Л, 1935.
332. А. Пушкин "Капитанская дочка".
333. Фабричный П. Язык каторги. "Каторга и ссылка", 1923 № 6, стр. 177-188.
334. В. Козловский. Устное сообщение.
335. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, т. XIII^a стр. 607.
336. См.⁹¹.
337. См.²⁷ стр. 83.
338. "Известия" 6 июля 1973 г. стр. 4.
339. См.¹⁴⁵ стр. 177.
340. "Хроника защиты прав в СССР", вып.
341. Khrushchev Remembers. The last Testament. 1974, Boston. стр. 112, 159.
342. New York Times, Oct. 20 1974, p. 6.

344. Крыленко "Судебные речи". М., 1964.
345. Якобий. Об уголовной наказуемости и принадлежности к изуверским сектам. Журнал Министерства юстиции, 1912 № 5.
346. Левенстим "Фанатизм и преступление". Журнал Министерства юстиции, 1898, № 7-8.
347. См.³⁷ стр. 65.
348. Международный Пакт о гражданских и политических правах. См.²⁶⁸.
349. "Инструкция по неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность" (1971); выдержки опубликованы: "Хроника текущих событий", вып. 28, изд. "Хроника", Нью-Йорк.
350. См.¹¹⁰ стр. 205.
351. См.²⁰⁰ стр. 301.
352. Бюллетень ВС РСФСР, 1963 № 3.
353. См.⁷⁷ стр. 86.
354. Доклад Крыленко. "Советская юстиция", 1936 г., № 7.
356. "Рабочий суд", 1926, № 22, стр. 1359.
357. Дело Сарычева. "Хроника текущих событий", вып. 8. Самиздат, 1969г.
358. Дело Земцова. "Хроника текущих событий", вып. 14, Самиздат, 1970.
359. См.³⁷ стр. 68.
360. См.¹¹⁰ стр. 65 и 259.
361. "Советская юстиция", 1963, № 14, стр. 3.
362. Приговор по делу Бицзеля и жалоба Чалидзе по этому делу. "Общественные проблемы", вып. 9, 1971 г., Самиздат.
363. "Рабочий суд", 1924 № 8-10, стр. 93-94.
364. Бюллетень ВС РСФСР, 1963, № 9.
365. "Sakharov speaks". Vintage Books, New York, 1974
366. Правила регистрации некооперативных кустарей и ремесленников, утв. Советом Министров СССР

- 30 июня 1949 г. Извлечения см. в¹² стр. 209.
367. См.²⁰⁰ стр. 348.
368. Основы гражданского законодательства Союза ССР и Союзных республик, ст. 9. Сборник законов, т. II.
369. "Литературная газета" № 10, 1973 г. А. Лихачев "Шабашник".
370. "Литературная газета" № 32, 1973 г. "Анонимное письмо".
371. Комментарий УК РСФСР. М. 1964, стр. 346.
372. Курс советского уголовного права, т. V, стр. 433-443.
373. Курс советского уголовного права, т. V стр. 475 и далее.
374. Об ответственности за мелкую спекуляцию, Указ Президиума Верховного суда РСФСР 12 сентября 1957 г. Ведомости РСФСР, 1957, № 1 стр. 5.
375. См.⁴⁹ стр. 117.
376. См.⁴⁹ стр. 121.
377. С. Давитая "Парадоксы сада и огорода". "Известия" 22 марта 1973 г.
378. "Заря Востока", 1 ноября 1972 г.
379. В. Михайлов "Поиски покупателя", "Известия", 5 октября 1973 г.
380. А. Копцов. "Хождение за окрошкой". "Известия", 15 мая 1973 г.
381. Г. Димов "Особый случай ... с редиской". "Известия", 13 мая 1973 г.
382. "Известия" 16 октября 1973 г. П. Ворошилов "Разносольные проблемы".
383. Г. Щербина "Из рукава в рукав". "Известия" 21 августа 1974 г.
384. "Правда Востока" 17 декабря 1960 г.
385. См.²⁹ стр. 199-200.
386. См.¹⁰⁸ стр. 74.
387. "Заря Востока" 8 сентября 1972 г.
388. В. Швейский "Полезная инициатива или беззаконие". "Литературная газета", 5 сентября 1973 г.
389. Ю. Феофанов. "Красная синька". "Известия", 9 де-

кабря 1973 г.

390. "Литературная газета" № 46, 1973, стр. 11.
391. Запись выступления Э.К. Наумова в народном суде Москворецкого района г. Москвы, 1974 г., Москва, Самиздат.
392. К. Кенни "Основы уголовного права", 1949, стр. 278, сноска.
393. "Борьба с хищениями государственного и общественного имущества", сборник статей, М. 1971, стр. 21.
394. Т. Филатьева "Напрасная обида". "Известия", 24 января 1974 г.
395. "Социалистическая индустрия", 21 августа 1974 г.
396. Г. Комраков "Дорога от проходной", "Известия" 18 января 1974 г.
397. М. Хазин "Ничейная яма", "Известия" 27 июля 1973 г.
398. Министерство торговли СССР. Приказ № 102 от 18 мая 1973 г.; изложение см. "Известия" 2 августа 1973 г., стр. 6.
399. "Криминология", М. "Юридическая литература", 1968, стр. 118-119. Цитировано по^{29,194}.
400. В.В. Братковская "Некоторые вопросы улучшения борьбы..." См.³⁹³ стр. 235.
401. Г.А. Кригер. "Квалификация хищений социалистического имущества". М., 1972, стр. 257 и далее.
402. См.⁴⁰¹ стр. 249.
403. См.³⁹³ стр. 128, 148.
404. См.³⁹³ стр. 39.
405. "Московская правда", 6 января 1960 г.
406. См.²⁷ стр. 113.
407. Бюллетень ВС РСФСР, 1974 г., № 2.
408. "Хроника Литовской Католической церкви" № 10, Самиздат, 1974 г.
409. С.С. Остроумов. Советская судебная статистика. МГУ, 1970, стр. 246-249.
410. Статистический справочник СССР за 1928 г., М. 1929.
411. "Советская криминология" М. 1966, стр. 75.
412. "Криминология", М., 1968, стр. 118-119. Цитирова-

- но по⁴⁰⁹ стр. 248.
413. В. Кудрявцев "Преступление. Почему?" "Литературная газета" 14 августа 1974 г.
414. Реплевский "О состоянии преступности в СССР". "Социалистическая законность", 1937, № 11, стр. 83.
415. Анашкин "О задачах и тенденциях развития социалистического правосудия", Вестник Московского университета, право, 1966, № 4, стр. 9.
416. А. Шляпочников "Преступность и репрессии в СССР (краткий обзор)". См.⁶.
417. См.²⁹ стр. 213.
418. См.²⁹ стр. 192, 193.
419. См.²⁹ стр. 187.
420. См.²² стр. 193.
421. "Правда Востока" 3 декабря 1960 г.
422. См.²⁹, 210.
423. "Sakharov speaks". Vintage books, New York, 1974.
424. См.²⁹ стр. 196.
425. См.²⁰ стр. 118.
426. Аркадий Ваксберг "Затмение". "Литературная газета" 20 февраля 1974 г.
427. Ленин, сочинения, т. 25, стр. 436. Цитировано по¹⁴⁶.
428. См.²⁰ стр. 55 и ²⁹ стр. 204.
429. См.²² стр. 97.
430. См.⁴⁸ стр. 14-30.
431. См.³⁹ стр. 173.
432. Основы законодательства о браке и семье Союза СССР и союзных республик, стр.
433. Программа КПСС.
434. См.⁵⁶ стр. 80.
435. См.¹⁰² стр. 378.
436. См.⁶⁴ стр. 51.
437. См.⁶⁴ стр. 12.
438. См.⁶⁶ 190.
439. См.⁴⁸ стр. 36.
440. См.⁴⁸ стр. 142.
441. См.⁶⁴ стр. 10.

442. Юлиан Семенов "Подопечные лейтенанта Матвеева",
"Литературная газета" 20 июня 1973 г., стр. 12.
444. См.⁷⁵ № 2017.
445. Ядринцев "Русская община в тюрьме и ссылке".
446. Ф. Достоевский "Записки из мертвого дома".
448. См.¹⁴⁷ стр. 61.
449. Бюллетень Верховного суда РСФСР, 1974, № 9.
450. "Литературная газета" 3 апреля 1974 г., стр. 12.
452. А. Галич "Генеральная репетиция".
453. "Известия" 3 марта 1974 г.
454. Абрам Терц "Голос из хора", изд. Стенвалли,
Лондон.
455. М.Н. Гернет "В тюрьме", М. 1925.
456. Brewer's Dictionary of Phrase & Fable, Harper & Row.
457. "Хулиганство и преступление", сборник статей,
М-Л, 1927 г.
458. The Dictionary of SLANG and unconventional Eng-
lish, Partridge, Macmillan.
459. См.³⁴. стр. 189-195.
460. Уложение о наказаниях уголовных и исправитель-
ных 1885 года, издано Н.С. Таганцевым, издание
шестое, СПб, 1912.
461. Энциклопедия государства и права под ред. П.
Стучка, т. 2, стр. 932.
462. "Криминология" М. 1968.
463. Гернет М.Н. Избранные произведения. М. 1974.
464. См.⁶² стр. 27.
465. "О некоторых правилах прописки граждан", Пос-
тановление СМ СССР 28 августа 1974 г., Собрание
постановлений правительства СССР, № 19 1974 г.
466. Рой Медведев "Что нас ждет впереди". 1974 г., Сам-
издат.
467. См.²⁰⁰ стр. 436.

468. Лев Шейнин "Записки следователя", М., 1968 стр. 322.
469. В. Войнович "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина".
470. Кульберг "Преступления против правосудия", М. 1962, стр. 59.
471. Еженедельник советской юстиции 1925 г., 15, стр. 397.
472. А. Солженицын "Раковый корпус".
473. Журнал Министерства юстиции, кн. 2, 1864 г., стр. 571.
474. Литературные дела КГБ. Сборник под ред. В. Чалидзе, изд. "Хроника", 1976.
475. Вестник Академии наук СССР, февр. 1949 г.
476. А. Сахаров "О стране и мире", изд. "Хроника", 1975.
477. "Статистический справочник СССР за 1928", Статистич. изд. ЦСУ СССР, М., 1929.